Ленин. Человек — мыслитель — революционер

Воспоминания и суждения современников

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этот сборник, приуроченный к 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, включены очерки, статьи и отдельные высказывания, раскрывающие многогранное содержание его идейною наследия и написанные в разные годы видными деятелями международного коммунистического и рабочего движения, известными отечественными и зарубежными учеными, писателями, журналистами. Многие материалы или неизвестны нашему читателю, или являются библиографической редкостью. Сборник снабжен справочным аппаратом.

Рассчитан на широкий круг читателей.

-
- Раздел 1
  - Н.И. БУХАРИН
    -
    - КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН
    - ТОВАРИЩ
  - В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
    -
    - ИЗ ВОСПОМИНАНИИ «ТРИ ПОКУШЕНИЯ НА ЛЕНИНА»
  - Г. Е. ЗИНОВЬЕВ
    -
    - ШЕСТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБУДЕТ РОССИЯ
  - А. С. КИСЕЛЕВ
  - К. КРЕЙБИХ
  - Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ
  - Н. К. КРУПСКАЯ
    -
    - ИЗ ОТВЕТОВ НА АНКЕТУ ИНСТИТУТА МОЗГА В 1935 г
  - П. Н. ЛЕПЕШИНСКИИ
  - В. И. ЛИЛИНА
  - А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
  - М. Н. ЛЯДОВ
  - Ф. МИЗИАНО
  - Н. ОСИНСКИЙ
  - Я.Э. РУДЗУТАК
  - Н. А. СЕМАШКО
  - Л. Д. ТРОЦКИЙ
    -

        - ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ
        - ФИЛИСТЕР О РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ
    - К. ЦЕТКИН
        -
        - ИЗ ВОСПОМИНАНИИ О ЛЕНИНЕ
        - ЛЕНИН И МАССЫ
    - Г. В. ЧИЧЕРИН
    - Л. В. КАМЕНЕВ
        -
        - ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА
    - В. В. КУРАЕВ
    - Н. НАРИМАНОВ
    - К. Б. РАДЕК
    - Ф. Т. РОТШТЕЯН
    - А. ТАЛЬГЕИМЕР
    - В. В. АДОРАТСКИЙ
    - В. Д. ВИЛЕНСКИИ-СИБИРЯКОВ
    - А. ГРАМШИ
    - А. М. КОЛЛОНТАЙ
    - В. В. КОСИОР
    - Ю. ЛАРИН
        -
        - КАК УЧИЛ ЛЕНИН
    - М. Н.ПОКРОВСКИЙ
    - Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
    - А. И. РЫКОВ
    - И.В. СТАЛИН
    - Ю. М. СТЕКЛОВ
- Раздел 2
    - М. АДЛЕР
    - Л.И. АКСЕЛЬРОД
    - И. ВАЛЕНТИНОВ
    - В. С. ВОЙТИНСКИЙ
    - Ю. О. МАРТОВ
        -
        - из книги
    - А. С. МАРТЫНОВ
    - П. П.МАСЛОВ
    - Г. В. ПЛЕХАНОВ
        -
        - ИЗ ПИСЬМА В. ЛИБКНЕХТУ
        - РЕЧЬ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
    - Т. ШОУ
    - Э. ЭРРИО

- Н.А.БЕРДЯЕВ
- К. КАУТСКИЙ
- В. М. ЧЕРНОВ
- П. Б. АКСЕЛЬРОД
- Б. БАРКОВ
- О. БАУЭР
- И. М. ГЕЙЦМАН
- П. ЛЕВЕ
- П.ЛЕВИ
- Г.ЛЕДЕБУР
- Г. ЛЕЙНЕРТ
- Ф. ПФЕМФЕРТ
- Н.Н.СУХАНОВ
- Н. В. УСТРЯЛОВ

• Раздел 3
- М. И. АВЕРБАХ
- Н. Л.АРОНСОН
- А. БАРБЮС
- В. БАШ
- Л. БРАЙАНТ
- П. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ
- Б. С. ВЕЙСБРОД
- А. Р. ВИЛЬЯМС
- А. К. ВОРОНСКИЙ
- М. ГАНДИ
- М. ГАРДЕН
- В.ГЕРЦОГ
- А. ГИЛЬБО
- Т. ДРАЙЗЕР
- А. КЕРР
- Д. ЛУКАЧ
  - ■
  - ■ ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»
- Г. МАНН
- Т.МАНН
- М. МАРТИНЭ
- Г. МАССИНГАМ
- Д. НЕРУ
- С.Ф.ОЛЬДЕНБУРГ
- Б. РАССЕЛ
- Р. РОЛЛАН
- Г. УЭЛЛС
  - ■

        - ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК
    - К. ФЕДИН
    - Л. ФЕЙХТВАНГЕР
    - Ф. И. ШАЛЯПИН
    - К. ШЕРИДАН
    - В. ШОУ
        -
        - ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»
    - А. ЭЙНШТЕЙН
    - И. ЭРЕНБУРГ
- УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
    - А
    - Б
    - В
    - Г
    - Д
    - Е
    - Ж
    - З
    - И
    - К
    - Л
    - М
    - Н
    - О
    - П
    - Р
    - С
    - Т
    - У
    - Ф
    - Х
    - Ц
    - Ч
    - Ш
    - Э
    - Ю
    - Я
    - ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ
- notes
    - 1

ЛЕНИН

ЧЕЛОВЕК
МЫСЛИТЕЛЬ
РЕВОЛЮЦИОНЕР

Воспоминания и суждения современников

СОРАТНИКИ
ОППОНЕНТЫ
ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Раздел 1
СОРАТНИКИ

Н.И. БУХАРИН
ЛЕНИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ
(Из доклада на 6-м Всероссийском съезде комсомола)

Против моды, модных словечек

Молодежи всегда свойственно до известной степени кокетничать своим радикализмом (радикализм есть одно из непременных свойств молодежи). Но нужно вспомнить при этом об одном из очень хороших изречений Маркса: «Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне». К сожалению, и в нашей партии и в еще большей степени среди молодежи существует радикализм чисто внешний, когда есть радикальная фраза, а нет радикального содержания. Маркс говорил: «Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне», а очень часто наши молодые товарищи схватывают вопрос не за корень, а за верхушку, да и то за пустоцвет. Если мы желаем следовать марксистской и ленинской традиции, необходимо протестовать самым энергичным образом против этого верхоглядства. Вот почему вопрос о нашем политическом просвещении есть отчасти вопрос об учебе, но не об изолированной учебе, которая не соединяется с жизнью, а, наоборот, о такой учебе, которая соединяется с практикой, практикой двигается, но которая в то же время не перестает быть глубоким усвоением действительных знаний, избегая поверхностного верхоглядства, при котором это знание заменяется некоторым внешним, организационным тренажем, например умением проводить собрания, что, конечно, также необходимо, умением носить портфель под мышкой, умением писать резолюции, тезисы и т. д., но абсолютным легкомыслием к целому ряду существенных вопросов нашей политической жизни.

Я в связи с этим должен отметить еще одну вещь. Владимир Ильич чрезвычайно следил всегда за всем тем новым, что выдвигается жизнью, и он формулировал все необходимые повороты, которые диктуются этим новым.

Но Владимир Ильич в то же время был самым ярым противником внешней моды. Против моды, модных словечек, модных выражений, вообще всего модного, т. е. поверхностно

заразительного, которое по существу дает очень мало, против этого Ленин был настроен со всей силой. Нам нужно избежать в постановке всей нашей политпросветительной работы того, чтобы наши лозунги о ленинизме не превратились в простую моду.

Ленин оставил теоретический железный инвентарь

Изучение заменяется хлесткой фразой. Здесь в особенности нужно отметить одну опасность, против которой должно с самого начала бороться. Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи непосредственного сражения пролетариата с буржуазией, эпохи борьбы против империализма на началах пролетарской диктатуры. В этом мы все с вами согласны, и я не имею здесь возможности долго останавливаться на этом вопросе. Что В. И. внес в общую сокровищницу марксизма колоссальное количество действительно нового и не только практически нового, — об этом уже мы не будем говорить, это ясно всем. В. И. подробно разработал вопрос об империализме, он, как никто, разработал аграрный и крестьянский вопросы и создал в значительной мере и развил учение о блоке между рабочим классом и крестьянством. Он не только возвратил марксистскую мысль к свежим истокам настоящего революционного марксизма в области учения о диктатуре рабочего класса, но он углубил это учение — учением о Советской власти и о советской форме диктатуры рабочего класса в противоположность мелкобуржуазной и крупнобуржуазной демократии. Но это вопросы, на которых останавливался почти каждый, кто говорил о Ленине и ленинизме, и поэтому я не буду освещать их во всей подробности. Эти вопросы громадной важности, громадной сложности составили теперь наш теоретический железный инвентарь на целый ряд десятилетий нашего развития не только в России, но всюду и везде, где есть коммунистические партии.

Ленин был первоклассным марксистом

Почему было возможно это огромное приращение нового? Почему тов. Ленин мог это новое дать? Он смог это новое дать потому, что, с одной стороны, он был величайшим знатоком старого, т. е. того, что дали нам Маркс и Энгельс, а с другой стороны, он на основе этого старого детально изучал новые факты. Теперь очень крайний черносотенец, когда-то бывший наполовину наш соратник, Петр Струве, теперешний экс-министр

барона Врангеля и одна из самых злобствующих фигур в стане наших противников, в 90-х годах, во время борьбы марксистов с народниками, определил тов. Ленина, как замечательнейшего своим ортодоксальным отношением к Марксу и самого выдающегося его знатока. Эта характеристика, которая была дана тогда Ленину со стороны Петра «фон Струве», являлась и является по сие время совершенно правильной. Тов. Ленин был замечательнейшим знатоком марксизма, он настолько хорошо изучил Маркса и Энгельса, настолько проникся марксизмом, что марксизм сделался у В. И., как я говорил в одной из своих статей, своеобразным шестым чувством, вошел в его плоть и в кровь. Именно поэтому мог тов. Ленин с такой верностью, с таким проникновением, с такой глубиной поставить дело изучения явлений новой эпохи, отмечать все то, что складывается теперь, и соответствующим образом давать глубоко практические и глубоко жизненные лозунги.

Без изучения Маркса изучать Ленина нельзя

В связи с этим, позвольте мне сделать одно замечание, которое непосредственно касается нас всех, нашей партии, и в то же самое время особенно, пожалуй, вас, т. е. нашей комсомольской организации. Нельзя представлять себе дело так, что можно читать Ленина, абсолютно не изучая Маркса. Между тем такая тенденция у нас имеется. Эта тенденция есть одна из самых вредных тенденций, против которой мы должны бороться, потому что если мы будем брать дальнейшее приложение марксизма, т. е. развития марксизма, не зная основ этого развития, то тогда мы никогда не поймем ни ленинизма, ни марксизма. Мы не можем быть хорошими ленинцами. Мы не сможем вести научной марксистской и ленинской политики по отношению к целому ряду классов, не сможем правильно строить нашу практику, если мы будем проходить мимо марксизма в иллюзорном заблуждении, что ленинизм может быть понят без марксизма.

Если В. И. был таким замечательным стратегом, то это в значительной мере объяснялось тем, что он был и замечательным теоретиком пролетарского движения. Но — в свою очередь — он внес так много нового, оплодотворил марксистскую теорию, двинул ее дальше вперед только потому, что совершенно прочно опирался на те завоевания, которые были сделаны марксистской мыслью до него. Для нас это должно быть заповедью. Мы должны быть хорошими марксистами, мы должны знать основы

марксизма, быть прекрасными знатоками всего того, что оставил нам тов. Ленин. Наконец, мы должна на основе этого знания, на основе марксизма, на основе его завершенной формы — ленинизма сами изучать новое при помощи тех методов, которые завещал нам наш великий учитель.

Здесь мы наталкиваемся сразу на один очень важный практический вопрос. Что значит, прежде всего, знать все сочинения Маркса? Но этого тоже недостаточно. Нужно их понимать, потому что есть люди, которые знают сочинения Маркса так, что могут сказать — на какой странице какое слово написано, но абсолютно не понимают ни аза, что к чему. Следовательно, нам нужно знать так марксизм, чтобы это нам давало гарантию, что мы понимаем дух этого учения.

Надо добросовестно изучать марксизм

Но, как и все на свете, и это понятие о знании марксизма точно так же относительно. Если вы спросите: что же вы предлагаете? Предлагаете ли вы в своем докладе, чтобы все комсомольцы знали все три тома «Капитала», теорию прибавочной ценности, переписку Маркса и Энгельса и т. п.? Конечно, такого требования нельзя поставить ни по отношению к партии, ни по отношению к комсомолу, и не об этом идеальном знании я хочу здесь говорить, и вовсе не в том была бы беда, если бы половина и даже девять десятых из нашей организации не читали всех сочинений Маркса и Энгельса.

Мы должны понимать, что мы есть единственная партия, единственная организация, которая ведет научную политику, потому что марксизм есть единственно правильная научная политика. Никто из наших противников не в состоянии так учитывать шансы на победу, как мы, потому что у нас есть в руках марксизм. Но для того, чтобы этим инструментом пользоваться, для того, чтобы поворачивать его с такой же блестящей ловкостью, как проделывал это тов. Ленин, нужно все это знать, и не формально, не заучивать, не вызубривать, не знать верхушку, а действительно знать, добросовестно работать над этим и работать над самим собою, как работал тов. Ленин.

Вам нужно политпросветительную работу в значительной степени производить самим: в том числе выпускать соответствующую литературу. Но если вы будете плохо знать Маркса и Ленина, то вы этих вещей не сумеете сделать. Поэтому такое положение вещей, когда ваш актив, руководители вашей организации не разбираются в вопросах сами и когда все

развитие заменяется этим организационно-агитаторским тренажем, натасканностью, известной внешней рутиной, становится опасным, против этого положения нужно вести борьбу.

Лозунги, теоретические положения соединять с опытом масс

В этом вся мудрость соединения теории с практикой. Для чего нам нужна теория? Теория нужна для того, чтобы изучить нам цели, пути, средства и т. д. Когда теория становится силой? У Маркса есть известное положение, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». И это, безусловно, правильно. Каким образом революция дошла, каким образом мы, русские марксисты, большевики, дошли до лозунга союза между рабочим классом и крестьянством? Почему теперь эта идея, которая получила заряд от практики и потом была подработана очень хорошо теоретически, почему сейчас она оказалась силой? Потому что она овладела массами, потому что наши рабочие, наши пионеры, наша молодежь едут в деревню со своим шефством и несут лозунг смычки рабочего класса и крестьянства. Эта идея перешла в кровь и плоть огромнейшего количества людей, эта идея овладела массами и стала практической боевой силой, которая решает события, благодаря которой держится огромное государство. Нужно призадуматься, каким образом делать всякое теоретическое положение силой. Нужно, чтобы массы усвоили его, а когда массы его усвоят? В. И. выдвигает такое положение, что массы прочно усваивают только то, что переживают на собственяом опыте. Поэтому необходимо нашу пропаганду веста таким образом, чтобы получилась смычка между нашими теоретическими положениями, лозунгами и опытом самих масс. В. И. (и в этом одно из величий тактического гения Ильича) всегда придумывал такие лозунги, которые хватали массы за сердце. Эти лозунги были чрезвычайно простыми. Но эта простота — отнюдь не та простота, которая хуже воровства. У нас сейчас тоже. есть много любителей выдумывать лозунги, которые *за*бываются через два-три дня. И у вас, в комсомоле, тоже, если кой-кто из старших скажет, что нужно, чтобы партия насчитывала миллион, то комсомольцы еще надбавят полмиллиона, потом дадут лозунги, еще надбавят, а смотришь, через 2–3 недели яикто об этом лозунге не помнит. Это шаблонное выставление лозунгов, а у Ленина были простые лозунги.

Как Ленин работал над простым лозунгом «Вся власть Советам»

Чтобы показать, как серьезно работал над лозунгами Ленин, я приведу вам несколько примеров. Вот лозунг «Вся власть Советам» — лозунг, который сейчас обходит все части земного шара, который для нас существует как нечто непререкаемое, как любое физическое тело. Тем не менее посмотрите, как большевики дошли до этого лозунга и как он подработан. Если возьмете просто книжную литературу, то есть специальная работа Ленина «Государство и революция» — обоснование этого лозунга. Если бы не было книжки «Государство и революция», разве была бы у нас такая ясность в этом лозунге? Никогда!

Понадобилось снова перепахать полностью Маркса, снова пройти по этой марксистской линии, изучить все, что было сказано у Маркса и Энгельса; затем учесть опыт революций 1905 и 1917 гг. Как он прорабатывался у Ленина? Ведь все наши экономические споры, склока с меньшевиками, споры с тов. Троцким, весь этот опыт революции 1905 и 1917 гг. и определил в значительной степени этот лозунг. Наконец, третье положение — оценка мелкобуржуазных партий и оценка вместе с тем буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Ведь мы противопоставляем лозунг «Вся власть Советам» мелкой буржуазии и буржуазной демократии, а это связано, с одной стороны; с теорией государственной власти, а с другой стороны, с оценкой мелкобуржуазных партий. А посмотрите, какая громаднейшая литература есть у нас по этому вопросу, и не только старая литература, в виде блестящих исключительных работ Маркса и Энгельса по поводу мелкобуржуазных партий (я имею в виду их исторические работы), но какая огромная наша литература специально по полемике с меньшевиками. Эта литература собрала весь наш громаднейший опыт, чтобы правильно оценивать мелкобуржуазные партии. Много лет тому назад в обывательских кругах считали, что эсеры в тысячу раз революционнее большевиков, зарождавшихся тогда, революционнее всех социал-демократов, революционнее всех марксистов, потому что они швыряли бомбами, а мы говорили, что этого не нужно, и выдвигали вместо бомб вооруженное восстание. Тогда, много лет тому назад, на основании тщательнейшего изучения старого опыта в Европе, на основе изучения наших отношений, было сделано предсказание, чем кончат эсеры, и Плеханов, тогда еще революционер, писал, что «социалистов-революционеров можно характеризовать так, что их социализм не революционен, а их революция не имеет ничего

общего с социализмом». И это оправдалось целиком. Мы тогда говорили, что эсеры — это либералы с бомбами и, как только удастся свалить царизм, тогда бомбы отпадут, а если не отпадут, то направятся против рабочего класса. Тогда нас считали сумасшедшими, ибо как же можно людей, которые на каторге сидят, которые борются с самодержавием, рискуют своей жизнью, так называть? А их «так» называли, и название это оправдалось на все 100 %, выражаясь языком людей коммерческих. Вот как обстоит дело.

Этот опыт оценки мелкобуржуазных партий вошел в основу для выработки лозунга «Вся власть Советам».

Я взял один лозунг, разобрал его происхождение и показал, какая громадная работа за этим скрывалась и над самими собой и над другими, какая громадная политико-просветительная работа потребовалась, чтобы сформулировать правильно лозунг, который стал ходовым. Вот как вырабатывались эти лозунги.

Лозунг Ленина перехода к нэпу был основан на учении Маркса

Возьмем поворот к нэпу. Скажите, пожалуйста, можно было бы произвести поворот к нэпу, если бы мы не имели представления об учении Маркса о мелком товаропроизводителе, о рынке и выделении буржуазии из такого простого товаропроизводителя? Нельзя. Должен сказать, что и мне лично не совсем была ясна вся необходимость изучения старого для того, чтобы правильно ориентироваться в новом. Мы вели с тов. Лениным спор на VIII съезде нашей партии по вопросу о формулировке нашей программы. Я говорил, что не нужно в нашей программе описывать простой капитализм, который был десятки лет тому назад, потому что мы шагнули вперед, достаточно, мол, анализа одного империализма, который есть у В. И. Ленина, а мимо остатков старого пройти. Ленин говорил: «Извините, так ставить вопрос нельзя, потому что у нас есть колоссальная база — мелкий производитель. Из него на основе товарной конкуренции (что находит себе объяснение, с нашей точки зрения, в марксистском учении о простом товарном производстве) обязательно будет химически выделяться новый буржуазный слой. Это нужно вставить в программу. Нужно не ограничиваться только новым, но нужно подковать это новое старым». Вот как Ленин ставил вопрос, и он был целиком прав. Мы теперь ясно видим, насколько далеко видел наш старик. Мы находились в страшном революционном энтузиазме и рисовали себе только одни солнечные перспективы. Ильич умел вовремя

взять нас за шиворот и подтянуть: «Смотрите, будет еще то-то и то-то, и будьте готовы. Не плюйте в старый колодезь, еще придется попить из него не один десяток раз». Он ставил вопрос и был целиком прав.

Лозунг перехода к нэпу был основан на учении Маркса о простом товарном производстве, о взгляде на крестьянство и т. д., но, кроме того, на основе изучения конкретной действительности, на основе умения нюхать, что нового происходит, на основе умения ориентироваться в области настроения классов, схватывать их изменяющееся соотношение.

Еще о лозунге и латыни у Ленина

Я возьму еще какой-нибудь лозунг, который смущает горячих и молодых революционеров, например, выставленное В. И. положение, что «коммунизм нельзя строить одними коммунистическими руками». Это звучит на первый взгляд очень парадоксально. Если какому-нибудь горячему, вновь испеченному коммунисту, где-нибудь в Австралии, преподнести этот лозунг, он ощетинится изо всех сил и увидит в этом посягательство на его коммунистическую девственность. Но для того, чтобы до этого лозунга добраться, нужно иметь колоссальный опыт изучения не только старого, но и нового, нужно глубочайшее проникновение в то, что рабочий класс станет у власти, он должен будет всякую веревочку использовать в хозяйстве, хотя бы она и топорщилась против диктатуры пролетариата.

Ильич просто подходил к вопросам и давал простые лозунги. Но многие не понимают, что эта простота потому и была простой, что опиралась на колоссальные знания и опыт. Это была простота такая, которая представляет из себя продукт напряженнейшей работы над самим собой. Это нужно понять и этому нужно учиться в нашей политико-просветительной работе.

Когда В. И. говорил, что теперь нужно бросать латынь, нельзя говорить: «Эксплуатировать эксплуататоров», а нужно говорить: «Грабь награбленное». «Нужно бросить латынь и взяться за простой русский язык», многие понимали это так, что, вообще говоря, так как много хороших книжек, и «Капитал» Маркса в том числе, написаны по способу латыни, читать их не нужно. Совсем не то. Для того чтобы перевести что-нибудь с латыни, нужно знать латынь. Для того чтобы воспользоваться марксистскими методами как следует, нужно овладеть марксизмом. В. И. мог говорить самым простым русским языком потому, что хорошо знал эту латынь. Это нужно совершенно ясно понять и усвоить.

При величайших революционных целях видеть все реальное, действительность, как она есть

Мне хотелось бы подчеркнуть еще несколько моментов, которые являются небезынтересными в данной связи. Одна из величайших особенностей ленинизма заключается в том, что он имеет в виду величайшие революционные цели и обязанности, а в то же самое время видит все реальное, всю действительность, как она есть. В одном месте В. И. говорит, что величайшая опасность для всякого революционера заключается в том, что он иногда видит вот это большое, великое и не видит действительности, не может поэтому повернуть, когда нужно, и приспособиться к обстоятельствам. Ленинизм в этом отношении на целом ряде примеров показал необычайную трезвость и реализм наряду с громаднейшим энтузиазмом. Этому в первую очередь нам нужно учиться.

Ленинизм — это срыв всякой словесной оболочки, фразы, всякого фетишизма, догматизма и заскорузлости и ясное представление реальности, которая есть налицо. Видеть реальность, это одна из особенностей, к которой нужно приучать решительно всех наших сторонников и в первую очередь — нашу молодежь. Позвольте привести несколько таких примеров для того, чтобы сделать мою мысль более ясной. Вот, например, мы всегда заявляем:

мы пролетарская партия, мы бичуем, насколько хватает сил, все мелкобуржуазное, все мещанское, мы гордимся, говоря обычным языком, тем, что мы пролетарская партия.

А в то же время мы были бы ни к черту негодной пролетарской партией, если бы мы не могли вести за собой мелкую буржуазию, если бы мы не сумели вести за собой громаднейшее количество мелкого товаропроизводителя-крестьянина. Тот, кто не видит этого полностью, для того это есть красивая фраза: «Мы — пролетарская партия, прекрасно! Какой черт нам с мелкой буржуазией возиться». Если партия не видит полностью всего, она не годится для того, чтобы осуществить все, что заложено в пролетариате, чтобы осуществить пролетарские цели. Пролетарская партия во что бы то ни стало должна иметь определенные отношения к мелкой буржуазии, к крестьянству и вести их за собой. Тот, кто топорщится против этого, тот, кто может только превозносить пролетарский энтузиазм, тот уподобляется эстету, которому нравится все прекрасное, но который ни к черту не годится для революционной борьбы.

Уметь вовремя крикнуть, что наша партия — великая партия, а затем вовремя сказать, что тут вот трещит по всем швам, —

только таким путем можно быть хорошими ленинцами.

Комсомол должен видеть и большие широты, и темные уголки в своей работе

Это особенно важно для вашей организации. Вы кричите больше всех насчет авангарда, это ваша застарелая болезнь. Но в то же время очень часто вы с недостаточной решимостью указываете на ваши недостатки, а для того чтобы быть хорошими ленинцами и вести политпросвещение внутри вашего союза, нужно уметь не только вовремя крикнуть насчет авангарда, но в то же самое время вовремя ткнуть перстом в ужасные язвы, которые могут быть.

Я говорил и повторяю, что в вашем союзе 75 % политически неграмотных. Это огромнейшая язва в вашем организме, которую надо лечить во что бы то ни стало. И об этом говорить совсем не совестно. Если мы хотим быть ленинцами, мы должны об этом говорить и еще раз, и в третий, и в четвертый раз, пока не получим здесь совершенно определенного сдвига.

В этом-то и есть ленинизм, который видит и большие широты, и темные уголки, который умеет поднимать энтузиазм и вместе с тем с самым спокойным, трезвым, холодным видом указать на все болячки, чтобы вовремя их залечить и тем предотвратить болезнь или вовремя захватить ее, чтобы от этой болезни не умереть.

Мы все говорим, и Ленин неоднократно говорил, что коммунистическая партия такая хорошая, а потом вдруг он выступил на съезде металлистов и сказал, что один спец лучше десяти коммунистов и что наше большее зло, которое есть, — это комчванство и положение зазнавшейся партии. Тогда очень многие из нас лезли на дыбы и говорили, что для нас это, мол, обидно. Ни черта не обидно, в этом состоит действительная революционность, которая имеет мужество смотреть решительно на все просто. Это умение, разжигая громадные революционные страсти, с таким решительным видом указывать на свои собственные пороки и опасности — вот это есть отличительная черта ленинизма, которую всем нам нужно усвоить.

В особенности это необходимо вашей комсомольской организации. Молодежь вообще и по возрастному своему положению стоит на известной грани, и у нее одно может очень легко переходить в другое. Энтузиастическое отношение и экзальтированность, свойственные молодежи, могут легко перейти в болтовню. Давайте говорить по чести и откровенно,

разве не бывает случаев, что в деревню приезжает комсомолец, совершенно молоденький, и подходит к бородатому мужику с таким видом, что он вот-вот возьмет его за бороду, что он, дескать, знает все, а мужик ничего не знает. Это есть неразумное, бестактное комчванское отношение. Оно, может быть, имеет под собою хорошую почву, что мы, мол, все можем, что наши ребята мир перевернут, но нужно знать, когда надо посмеяться, когда поплакать, когда крикнуть и когда помолчать.

В высших учебных заведениях очень часто наши комсомольцы делают все: они назначают профессоров, они вычищают всех, а посмотришь на успешность — 80 % неуспевающих. Ни черта не знают, а вместе с тем определяют все науки. Самодеятельности много, а действительных знаний нет. С этой чертой нам необходимо бороться изо всех сил. Это есть одна из составных частей практического воспитания в духе ленинизма, потому что ленинизму ничего нет более органически противного, как все виды комчванства, в том числе и комсомольского.

Во всем учиться у Ленина

Я хотел еще несколько слов сказать относительно своеобразного приложения ленинизма к политпросвещению. Вообще говоря, ленинизм — не только теоретическое построение, но это и тактика, а когда мы являемся господствующим классом, то у нас, по сути дела, все оказывается тактикой, например: вопросы семьи, быта — тактика это или не тактика? Конечно, до известной степени тактика. Все человеческие отношения до известной степени «тактизируются». Какой вопрос ни тронь, раз он имеет общественное значение, то он приобретает характер политического вопроса. Например, открытие пивных как будто дело личного употребления, а тем не менее по этому поводу проводится политическая кампания, значит, это тоже политический вопрос. Вопросы быта, в том числе и комсомольского, в значительной степени вопросы очень интимные, но тем не менее они приобретают политический характер. Партия должна на быт реагировать. Быт определяет то одно, то другое настроение среди наших комсомольских организаций, а это настроение определяет их крепость.

Совершенно естественно, что целый ряд вопросов, над которыми мы раньше никогда не думали, или думали очень мало и которые выходят из общего политического аспекта, из-под общего угла зрения политики, теперь вдруг становятся для нас актуальными, злободневными, так как мы ответственны за все,

что происходит в нашей стране. Тут много есть чему поучиться у Ленина. В его статьях и речах разработаны, хотя и не во всех деталях, вопросы методов работы и вопросы быта культуры в широком смысле слова.

В области самоорганизации мы опять впадаем в страшные крайности: то никакой организации, все без плана, всякий действует как ему угодно, то вдруг начинают накручивать такой НОТ, что все свободное время уходит на организацию НОТ, который теряет полнейший смысл при этом. То мы живем в состоянии полной распыленности, то строим такую вавилонскую башню организации, что потеем от организационной работы, а вся организационная работа идет на холостом ходу. Нужно учиться у Ленина, как распределять свое время, как нужно не болтать об организации, а делать ее и как нужно делать организацию, не крутящуюся на холостом ходу. Это одна из составных частей ленинизма.

Когда мне пришлось готовить доклад о высших учебных заведениях, о положении вещей в них и почему наши коммунисты там не учатся, то мне сначала товарищи из технического училища притащили список студенческих организаций. Я посмотрел и сказал, что этих организаций у них 100, они мне в ответ: «Вы сказали очень мало, у нас около 200». Как не умереть от истощения сил в таком случае! Многие из этих организаций ведут совершенно параллельную работу. А у нас в партии и в комсомоле разве нет таких вещей? Один иностранец изображает наше учреждение так: «Масса комнат, сидят ответственные работники с секретарями и секретаршами и друг с другом по телефону переговариваются». Это карикатура, но доля правды тут есть.

Беда в том, что в значительной мере это начинает проникать и в комсомол.

В. И. вел беспощадную борьбу против всего лишнего, против всякой непростоты, против всякой фразистости, против всяких излишних реорганизаций и против бумажных реформ. Целый ряд замечаний рассыпан блестящими, сверкающими жемчужинами по всем его сочинениям, их нужно подобрать и поучиться, как следует организовать свою работу.

Повернуть руль в сторону глубокой работы

Нам нужно, чтобы вся наша организационная работа была продумана настолько, чтобы каждый винтик в общем колесе нашего громадного союза выполнял свою долю полезной работы,

нам нужно беспощадно уничтожать все то лишнее, что только тормозит работу, делает ее непродуктивной, нецелесообразной и ослабляет тем самым нашу организацию.

Товарищи, в ваш союз за последнее время влилось большое количество новых членов, которые не получили и той внешней организационной закалки, какую уже имеют старые члены союза. Это положение является определяющим задачи данного момента. Нужно обратить внимание на более углубленную работу, о которой я говорил в своем сегодняшнем докладе. Без этого мы не сделаемся настоящими ленинцами.

Основа нашей политпросветработы заключается в том, чтобы в разных прослойках нашего союза, разными путями, при помощи разных приемов повернуть руль в сторону более глубокой работы. Это не значит, что нужно сокращать рост нашего союза. Это не значит, что сейчас не нужно расти еще вширь. Но нужно все время иметь в виду, что надо вести дело и вглубь; неверно, что у актива нет времени, чтобы заниматься углубленной работой. Для этого нам нужно по-ленински распределять свое время, по-ленински работать, и если мы в этом смысле будем немного более ленинцами, чем были до сих пор, то у нас найдется время, чтобы повести работу вглубь, что совершенно необходимо при теперешнем положении вещей.

Работать вместе и под руководством ленинской партии

Вот те замечания, которые я хотел сделать. Я абсолютно не исчерпал темы. Я поставил несколько, быть может, второстепенных вопросов (не всегда, положим, второстепенных), о которых сравнительно меньше говорилось и о которых сравнительно меньше писалось. Если вы хотели бы иметь полное представление обо всем этом, то я просил бы вас заняться соответствующими вещами, которые уже напечатаны и которые вы можете очень хорошо прочесть, тем более что это соответствует основной линии моего сегодняшнего доклада, который взывает к вам, чтобы вы несколько больше читали.

Заканчивая свой доклад, я выражаю глубочайшую уверенность в том, что, когда вы переименовали свой союз, вы взяли на себя очень большое, но в то же время очень благодарное обязательство. Это не должно быть простым словом, это не должно быть простой парадной формой, это не должно быть фразой, вы обязаны теперь приняться за работу по изучению ленинизма. Наша партия, которая имела и будет иметь в вашем союзе одну из своих крепких и наиболее мощных опор, наша партия, которая сама переживала в истекшем году очень трудные моменты, надеется, что ваш союз пойдет за большинством нашей партии, которое воплощает все лучшие стороны ленинизма.

Я надеюсь, что вы направите всю энергию на то, чтобы оправдать свое новое наименование, чтобы работать вместе с нашей партией, под ее руководством, как молодые, испытанные, твердые, дружно работающие и действительно такие люди, которые в конце концов переделают нашу страну,

Первая годовщина. 1924 —11 января — 1925. Ленин, о Ленине, о ленинизме. М… 1915. С. 2С8—283

КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН
(Из доклада на 6-м Всероссийском съезде комсомола)

Идея смычки с крестьянством проникла во все поры наших партийных, комсомольских и даже пионерских организаций. А между тем если посмотрим, каким образом дошли до этой идеи, которая имеет и будет иметь еще ряд десятилетий колоссальнейшее практическое значение, то мы увидим, что она оказалась такой мощной потому, что была в значительной мере теоретически обработана и подготовлена. Почему? Опять была практическая потребность! Тот же вопрос относительно классов, относительно того, на какой класс нам нужно ориентироваться, а в особенности в России, где крестьянство составляло и составляет еще колоссальнейшее большинство населения, перед всяким революционером выдвигался на первый план. Я хочу обратить ваше внимание на то, какой ценой мы достигли этих громадных результатов. Этот аграрный крестьянский вопрос, который вытекал (это ясно теперь младенцу) и определялся практикой революционной борьбы, с какой тщательностью он обрабатывался первыми марксистами и в том числе и Владимиром Ильичем. Должен заметить в скобках, мне кажется, вообще во всем марксизме не было лучшего теоретика в аграрном вопросе, чем т. Ленин. Полезно было бы посмотреть, как доходили до всего этого русские марксисты и сам т. Ленин. Возьмем несколько его работ, например «Развитие капитализма в России». Посмотрите, какой колоссальный статистический материал там обработан. Посмотрите, как обработаны там данные земской статистики, ибо Ильич в продолжение целых месяцев копался в первоисточниках статистики с линейкой и карандашом в руках, подчас превращаясь в арифмометр, в своеобразную арифметическую машинку подсчета для того, чтобы тщательным образом обработать данные земской статистики, военной и конской переписи, обследования кустарной промышленности и т. д. Это колоссальная работа.

Мне кажется, теперь, после того как мы несколько лет стоим

у власти, у нас в отношении изучения деревни сделан громадный шаг назад по сравнению с тем, что было тогда, потому что лучшие головы будущих партийных вождей работали тогда самым тщательным образом над теоретической разработкой наших аграрных отношений. И именно ценой этой громадной, сложной работы была куплена дальнейшая ясность и отчетливость в постановке аграрных вопросов.

Тов. Ленин для обоснования нашей аграрной программы, для того, чтобы выработать лозунг, который превратился теперь в разменную монету нашей политики, от чего, конечно, эта монета не стала менее полноценной, для того, чтобы анализировать русские отношения, изучал целый ряд других стран. Вот, например, противники марксизма указывают, что есть такая счастливая крестьянская страна Дания, где крестьяне не разлагаются, не превращаются в бедняков, не пролетаризируются, где развитие идет совершенно другим путем, чем тот, который указывал Маркс. Владимир Ильич засел за датскую статистику. Я приведу здесь парочку примеров, чтобы показать, насколько была тонка эта работа и насколько т. Ленин углубился в изучение этого вопроса. Например, в его работе по датскому сельскому хозяйству дело до того доходило, что он брал не просто количество скота, но самым тщательным образом анализировал, каков вес этого скота, чтобы вычислить для разных категорий хозяйства весовое соотношение, потому что оказывается, что если вы подойдете к решению сюрприза без этого, то все развитие иногда как будто противоречит марксистскому положению о преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Скота как будто больше у мелкого хозяина, а если мы примем во внимание величину этого скота, его вес, то окажется, что три коровы в более крупном хозяйстве весят больше, чем пять голов в более мелком.

Тов. Ленин занимался специальным обследованием, насколько больше навоза получается благодаря крупности скота в больших хозяйствах. Как будто смешно на комсомольском съезде говорить о количестве навоза, о весе крупного или мелкого скота, но я привожу это в качестве примера того, до какой точности доходили русские марксисты, будущие большевики, во главе со своим лучшим теоретиком, т. Лениным. Ленин хорошо знал о своеобразном развитии сельского хозяйства в Америке, для этого он изучал специальные отчеты и американскую статистику, тщательно высчитывал точно так же с линейкой и карандашом и в результате написал превосходное исследование о сельскохозяйственных отношениях в Америке. Раз возникла потребность изучить аграрный вопрос, то всю свою энергию, весь

свой темперамент, все свои знания Ленин вкладывал сюда, чтобы не просто, бегая с портфельчиком под мышкой, болтать о союзе рабочего класса с крестьянством и, по сути дела, ни хрена не понимать в этом вопросе, но изучить этот вопрос до самых корней. И только потому, что именно так серьезно ставился вопрос, можно дойти и до политического лозунга такого свойства, что этот политический лозунг определяет политическое развитие и политику Коминтерна на целый ряд десятилетий.

Вот третий пример, как определялась практическая потребность. В 1905 г. мы были здорово разбиты. Наша социалистическая армия отступила. Началось страшное ренегатство, всеобщее равное, прямое, тайное и явное хныканье. Масса людей стала бежать из революционных партий. Интеллигенция почти вся нас покинула. Большевистские ряды насчитывали пару-другую интеллигентов, а из этой пары полтора человека стали заниматься всевозможными поисками высоких материй, богостроительством и богоискательством, которые отводили мысль ра**бочего** класса в сторону от революционной марксистской идеологии под соусом всевозможных новых исканий в области философии. Владимир Ильич терпел, терпел, потом увидел, насколько важна эта практическая потребность, какая надвигается политическая слабость, какая расслабляющая волна полупоповской психологии грозит захлестнуть все. Он уезжает в Лондон, несколько месяцев проводит в бешеной работе над философскими вопросами и выпускает зубодробильную книжку (Имеется в виду книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 7—384). *Ред.)* об этих вопросах, которая определяет философское развитие русского марксизма на целый ряд лет. Теперь эта книжка, которая была написана после поражения первой русской революции, кажется, в 1908 г., впервые переводится на немецкий язык, и один из очень крупных знатоков марксизма, т. Тальгеймер, говорит, что для теперешней Германии это есть блестящая работа, которая попадает в самую точку. Он удивляется, как можно было написать такую книжку, где бы абстрактно-философские вопросы были так подведены к практическим выводам, так что ясна связь между самыми высокими материями, с одной стороны, и практикой рабочего класса — с другой. Вот, товарищи, еще пример, характерный для Ленина и, следовательно, ленинизма. Есть очень любопытная характеристика одного нашего бывшего товарища по партии, который так определял теоретические писания Владимира Ильича: «У Владимира Ильича каждая статистическая цифра дышит ненавистью к господствующему классу». Когда вышла

философская книжка Владимира Ильича, то, кажется, в «Русском слове» или в «Русских ведомостях» был отзыв об этой книжке. В отзыве говорилось, что она написана совершенно простым и совершенно ясным языком в отличие от туманной болтовни всяких «истов» и дальше в той же рецензии. «Нам не приходилось никогда видеть соединения в одной работе абстрактно-философских понятий с политически-тактической руготней». Страшно не нравилось, что Владимир Ильич стащил абстрактную философию за волосы до земных корней, заставил увидеть ее земное происхождение и философскую борьбу, поставил параллельно той тактической борьбе и тем тактически-политическим настроениям, которые ворочались в самых глубинах земли. Он показал совершенно ясно, как эти различные тактические настроения, тактически-политические связи, формулы, лозунги, как они сопровождаются параллельно движениями философской мысли, показал наглядно реакционность всех тех высокопарных настроений, которые были характерны для того движения философской мысли. Теперь удивляются, какую колоссальную литературу Ильич тогда политически использовал.

Эта гигантская работа, которая была проделана Владимиром Ильичем, составляет один из величайших примеров для всех нас, как нужно воспитывать самих себя и как нужно воспитывать других. Нужно соединять теорию с практикой, сюда нужно смотреть и здесь искать себе образцов.

Первая годовщина. IS24 — 31 января — 1925 Ленин, о Ленине, о ленинизме. ***М.,****192S С. 183–287*

ТОВАРИЩ

Умер Ленин. Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия, этих живых. пронизывающих, внимательных глаз, этих твердых, властных рук, всей этой крепкой, литой фигуры, которая стояла на рубеже двух эпох в развитии человечества. Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, где бьются сердца рабочих, где куется сознание великого класса, где точится оружие его освободительной борьбы.

Милый! Незабываемый! Великий!

Товарищ Ленин был и останется в веках единственным и неповторяемым.

Природа и история завязали в нем замечательный узел

громадного ума, нечеловеческой воли, личного мужества и той редкой человечности, которая свойственна только избранникам. И эти комбинированные силы дали нам гений Владимира Ильича.

Тов. Ленин был прежде всего *вождем,* таким вождем, какими история дарит человечество раз в сотни лет, по именам которых потом отсчитывают эпохи. Он был величайшим *организатором масс.* Точно великан шел он впереди людского потока, направляя его движение, из бесчисленных человеческих единиц строя дисциплинированную армию труда, бросая ее в бой, круша противника, обуздывая стихию, освещал прожектором своего мощного ума и прямые пути, и темные обходные закоулки, по которым приходится звучать мерной поступи черных рабочих рядов с мятежными красными знаменами.

Что делало Ленина таким гениальным выразителем миллионов?

Это прежде всего его необычайная чуткость к запросам масс. Точно было у Ленина какое-то неведомое шестое чувство, которое позволяло ему чутким ухом прислушиваться, как растет под землею трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли бродят в головах бесчисленных тружеников земли. Он, как никто, умел *слушать.* Он терпеливо и внимательно слушал солдата старой армии, крестьянина из далекой окраины, рабочего-металлиста. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянстве. По записке рабочего на митинге он, мудрец нашей партии, видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса. Из каждого человека он каким-то, только ему свойственным, способом точно вытягивал тысячи нитей, весь клубок социальных связей, сложных сплетений и узлов, — и перед его глазами была картина жизни миллионов, картина классовых отношений во всей необъятной стране. Ленин имел особый дар говорить с людьми, подходить к людям настолько близко, настолько интимно, что они шли к нему навстречу со всеми своими сомнениями, нуждами, запросами. С каждым Ленин находил общий язык. Ненавидя всеми силами своей могучей души противников рабочего класса, порывая с ними резко, решительно, бесповоротно, Ленин умел убеждать, терпеливо разъяснять сомнения «своих» людей борющегося труда. Оттого Ленин пользовался таким исключительным обаянием. Он очаровывал людей. Они шли к нему не как к начальнику, хотя бы и пролетарской армии, а как к лучшему другу, товарищу, вернейшему, мудрейшему, опытнейшему советчику. И он сплачивал людей вокруг себя таким цементом, которого размыть не была в состоянии никакая сила.

Вряд ли можно найти в истории такого другого вождя, который был бы так любим своими ближайшими соратниками. У всех у них было к Ленину какое-то особое чувство. Они его именно любили. Не просто ценили его мощный головной аппарат и его железную руку. Нет. Он привязывал людей пучками интимных ниточек, он был свой, близкий, родной. Он был в полном смысле *товарищ,* — великое слово, которому принадлежит будущее. Такими будут когда-нибудь отношения между всеми людьми…

Эта величайшая *простота была* у Ленина основной чертой его политики.

Это не простота наивных людей. Это именно простота гения. Он находил простые слова, простые лозунги, простые решения самых сложных задач. Ничто не было так чуждо Ленину, как «выкрутасы», поза, умничанье. Он ненавидел все это, издевался над этим проклятым наследством старого, которое еще тяготеет над нами. Он знал цену *делу* и был бешеным противником всякой пустопорожней шумихи.

И вместе с тем Ленин властно вел всю партию, а через нее всех трудящихся. Он был диктатором в лучшем смысле этого слова. Впитывая в себя точно губка все токи жизни, перерабатывая в своей изумительной умственной лаборатории опыт сотен и тысяч людей, он в тоже время мужественной рукой вел за собой как власть имеющий, как авторитет, как могучий вождь. Он никогда не подлаживался к отсталости, он никогда пассивно не «регистрировал» событий. Он мог идти против течения со всей силой своего бешеного темперамента. Таким и должен быть настоящий массовый вождь.

Товарищ Ленин ушел от нас навсегда. Ушел навеки. Перенесем же всю свою любовь к нему на его родное дитя, на его наследника — на нашу партию. Пусть будет она жива его духом, его умом, его волей, его беззаветным мужеством, его преданностью рабочему классу. Будем все вместе так же внимательно прислушиваться к массам, как это умел делать Ленин — наш общий вождь, наш мудрый учитель, наш милый, наш бесценный *товарищ.*

У великой могилы. М, 1924 С. 25–28

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА

Встреча В. И. Ленина с П. А. Кропоткиным

После Февральской революции, 12 июня 1917 г., П. А. Кропоткин вернулся из Англии в Россию, в Петроград, где хотел поселиться. Однако вскоре он отказался от этой мысли и переехал на жительство в Москву.

Однажды — это было в 1918 г. — ко мне на прием в Управление делами Совета Народных Комиссаров пришел кто-то из семьи Петра Алексеевича Кропоткина— кажется, его дочь со своим мужем — и рассказал о тех мытарствах, которым он подвергается в связи с его устройством в Москве. Было ясно, что это сплошное недоразумение и что, конечно, Петр Алексеевич как ветеран революции имел полное право и в это бурное революционное время на получение постоянной жилплощади. Вот тут-то и возобновилось мое старое знакомство с П. А. Кропоткиным.

Я сейчас же сообщил обо всем Владимиру Ильичу, и он распорядился немедленно выдать на имя Петра Алексеевича охранную грамоту на квартиру, что я немедленно и сделал. В скором времени я съездил к нему, чтобы узнать о его жизни, и наша встреча была очень радушной и хорошей. Петр Алексеевич жил в высшей степени скромно; в его комнате было много книг, и вся обстановка говорила о том, что он усиленно занимается литературными трудами.

В первое же свидание он высказал мне свое отношение к Октябрьской революции. Большевистская революция застала его уже в весьма преклонном возрасте, а, по его мнению, деятельное участие в революции могут принимать люди до 40 лет. Когда я возразил ему, что вся подпольная, опытная в революционных делах часть нашей партии, была старше по возрасту, то он сказал: «Для России — это так. Тут у нас в пятьдесят и более лет сохранились прекрасные революционеры. Вот мой возраст— другое дело…» Однако события нашей сложной жизни он принимал близко к сердцу и искренне болел душой за судьбу великого пролетарского движения, когда Советскую Россию окружили белогвардейские и антисоветские враги. Он говорил мне: «Во всей деятельности современных революционных

политических партий надо помнить, что октябрьское движение пролетариата, закончившееся революцией, доказало всем, что социальная революция возможна. И это мировое завоевание надо изо всех сил беречь, поступаясь во многом другом. Партия большевиков хорошо сделала, что взяла старое истинно пролетарское название: коммунистической партии. Если она и не добьется всего, что хотела бы, то она осветит путь цивилизованным странам по крайней мере на столетие. Ее идеи будут постепенно восприниматься народами так же, как воспринимались миром идеи Великой французской революции в XIX в. И в этом колоссальная заслуга Октябрьской революции». Необходимо отметить, что летом 1920 г., как сообщает Н. К. Лебедев (*Лебедев Н. К.* Музей П. А. Кропоткина. М.; Л., 1928.), Петра Алексеевича посетила английская рабочая делегация. Кропоткин послал с делегатами большое письмо, адресованное «западноевропейским рабочим». В этом письме он писал, что «трудящиеся европейских стран и их друзья из других классов должны прежде всего заставить свои правительства отказаться от мысли о вооруженном вмешательстве в дела России, как открытом, так и замаскированном, в форме ли вооруженной помощи, или в виде субсидии разным державам, а затем и возобновить сношения с Россией» (Там же. С.47.).

Конечно, как убежденный анархист Петр Алексеевич не признавал формы нашего Советского государства. Он вообще был против партий и против государства. Но когда с ним приходилось говорить не о теориях, а о практике, то он понимал, что без государственной власти нельзя было бы закрепить достижения революции. При первом же нашем свидании Петр Алексеевич спросил меня:

«Мне сказали, что Владимир Ильич написал прекрасную книгу о государстве, которую я еще не видел и не читал и в которой он ставит прогноз, что государство и государственная власть в конце концов отомрут. Владимир Ильич одним этим смелым раскрытием учения Маркса заслуживает самого глубокого уважения и внимания, и всемирный пролетариат никогда этого не забудет. Я рассматриваю Октябрьскую революцию как попытку довести до своего логического завершения предыдущую Февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму».

В Москве в 1918 г. жить было трудно. Петр Алексеевич согласился на предложение своего знакомого Олсуфьева переехать в его дом, в г. Дмитров, и поселиться там. Весной 1918 г. Петр Алексеевич переехал вместе с семьей к Олсуфьеву в четыре комнаты и там расположился. Из Дмитрова он иногда

наезжал в Москву, и в эти его приезды я всегда с ним видался; кроме того, он присылал Владимиру Ильичу и мне письма по различным вопросам. Постоянно прихварывая и недомогая, Петр Алексеевич старался все-таки принимать участие в местной общественной жизни. Он выступал на учительском съезде, участвовал на съезде кооператоров и горячо поддерживал идею устройства краевого музея.

Я постоянно знакомил Владимира Ильича как с условиями жизни Кропоткина, так и с моими разговорами с ним. Владимир Ильич относился к Петру Алексеевичу с большим уважением. Он особенно ценил его как автора труда о Великой французской революции, подробно говорил о достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая всюду роль и значение во французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящегося населения. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал его читать и широко распространять. Он говорил, что совершенно необходимо эту книгу переиздать большим тиражом и бесплатно распространять по всем библиотекам нашей страны. В одном из разговоров со мной Владимир Ильич выразил желание повидаться с Петром Алексеевичем и побеседовать с ним. В конце апреля 1919 г. я написал ему письмо, подлинник которого хранился в Музее имени Кропоткина в Москве.

«Дорогой Петр Алексеевич, я слышал от Миллера (Миллер отличался полуанархическим образом мыслей, часто бывал у П. А. Кропоткина, также частенько захаживал в Управление делами Совнаркома по делам Комиссариата внешней торговли.), что Вы собираетесь приехать в Москву. Как бы это было хорошо! Вл[адимир] Ил[ьич], который шлет Вам привет, говорил мне, что он очень был бы рад с Вами повидаться. Если соберетесь в Москву, телеграфируйте, чтобы знать, когда Вы приедете — мне тоже так хотелось бы с Вами повидаться.

С товарищеским приветом Ваш Влад. Бонч-Бруевич». Вскоре Петр Алексеевич приехал в Москву, о чем он меня сейчас же уведомил. Я навестил его, и он сказал, что мое письмо получил и, конечно, очень хотел бы повидаться с Владимиром Ильичем. «Мне нужно с ним о многом переговорить», — прибавил он.

Мы условились, что я извещу его по телефону о дне и часе встречи, которую я предложил устроить у меня на квартире в Кремле. Этот разговор происходил в начале мая 1919 г., так что свидание Владимира Ильича с Петром Алексеевичем я почти безошибочно могу отнести на 8—10 мая. Владимир Ильич

назначил время после служебных часов в Совнаркоме и сообщил, что к 5 часам дня он будет у меня. Я по телефону дал знать об этом Петру Алексеевичу и послал за ним автомобиль. Владимир Ильич пришел ко мне раньше Петра Алексеевича. Мы говорили с ним о работах революционеров прошедших эпох. Владимир Ильич высказался в том смысле, что, несомненно, наступит у нас время, когда мы издадим труды русских революционеров, живших за рубежом. Владимир Ильич брал из моей библиотеки то одну, то другую книжку Кропоткина, Бакунина, сохранившиеся у меня еще с 1905 г., и быстро просматривал их страницу за страницей. В это время дали знать, что приехал Кропоткин. Я пошел его встречать. Он медленно поднимался по нашей довольно крутой лестнице. Владимир Ильич быстрыми шагами пошел по коридору навстречу и радостной улыбкой приветствовал Петра Алексеевича. Владимир Ильич взял его под руку и очень внимательно и очень учтиво как бы ввел его в кабинет, усадил в кресло, а сам занял место с противоположной стороны стола.

Петр Алексеевич весь озарился и тут же сказал:

— Как я рад видеть вас, Владимир Ильич! Мы с вами стоим на разных точках зрения. По целому ряду вопросов и способы действия и организацию мы признаем разные, но цели наши одинаковые, и то, что делаете вы и ваши товарищи во имя коммунизма, очень близко и радостно для моего стареющего сердца. Но вот вы ущемляете кооперацию, а я за кооперацию!

— И мы — за! — громко воскликнул Владимир Ильич. — Но мы против той кооперации, в которой скрываются кулаки, помещики, купцы и вообще частный капитал. Мы хотим только снять маску с лжекооперации и дать возможность широчайшим массам населения вступить в действительную кооперацию.

— Я против этого не спорю, — ответил Кропоткин, — и, конечно, там, где это есть, нужно бороться изо всех сил, как со всякой ложью и мистификацией. Нам не нужно никаких прикрытий, мы должны беспощадно разоблачать всякую ложь, но вот в Дмитрове я вижу, что преследуют нередко кооператоров, ничего общего не имеющих с теми, о которых вы сейчас говорили, и это потому, что местные власти, может быть, даже вчерашние революционеры, как и всякие другие власти, обюрократились, превратились в чиновников, которые желают вить веревки из подчиненных, а они думают, что все население подчинено им.

— Мы против чиновников всегда и везде, — сказал Владимир Ильич, — мы против бюрократов и бюрократизма, и это старье мы должны вырвать с корнями, если оно гнездится в нашем новом строе, но ведь вы же прекрасно понимаете, Петр Алексеевич, что

людей переделывать очень трудно, что ведь, как говорил Маркс, самая неприступная крепость — это человеческий череп! Мы принимаем все и всяческие меры для успеха в этой борьбе, да и сама жизнь заставляет, конечно, многому учиться. Наша некультурность, наша безграмотность, наша отсталость, конечно, дают о себе знать, но никто не может приписывать нам как партии, как государственной власти то, что делается неправильного в аппаратах этой власти, тем более там, в глубине страны, в отдалении от центров.

— Но от этого, конечно, не легче всем тем, кто подвергается влиянию этой непросвещенной власти, — воскликнул П. А. Кропоткин, — которая сама по себе уже является той огромнейшей отравой для каждого из тех, кто эту власть берет на себя.

— Но ничего не поделаешь, — прибавил Владимир Ильич, — в белых перчатках не сделаешь революцию. Мы прекрасно знаем, что мы сделали и сделаем немало ошибок; все, что можно исправить, — исправляем, сознаемся в своих ошибках, часто — в прямой глупости. Вопреки всем ошибкам доведем нашу социалистическую революцию до победного конца. А вот вы помогите нам, сообщайте о всех неправильностях, которые вы замечаете, и будьте уверены, что каждый из нас отнесется к ним самым внимательным образом.

— Ни я, ни кто другой, — сказал Кропоткин, — не откажется помогать вам и вашим товарищам всем, чем только возможно… Мы будем сообщать вам о неправильностях, которые происходят и от которых во многих местах стоит стон…

— Не стон, а вой сопротивляющихся контрреволюционеров, к которым мы были и будем беспощадны…

— Но вот вы говорите, что без власти нельзя, — стал вновь теоретизировать Петр Алексеевич, — а я говорю, что можно… Вы посмотрите, как разгорается безвластное начало. Вот в Англии, — я только что получил сведения, — в одном из портов докеры организовали прекрасный, совершенно вольный кооператив, в который идут и идут рабочие всяких других производств. Кооперативное движение огромно и в высшей степени важно по своей сущности…

Я посмотрел на Владимира Ильича. Владимир Ильич несколько насмешливо блеснул глазами: слушая с полным вниманием Петра Алексеевича, он, видимо, недоумевал, что при таком огромном взлете революции, который был в Октябре, возможно говорить только о кооперации и кооперации. А Петр Алексеевич продолжал и продолжал говорить о том, как еще в другом месте, в Англии, тоже организовался кооператив, как где-

то в третьем месте, в Испании, организовалась какая-то маленькая (кооперативная) федерация, как разгорается синдикалистское движение во Франции…

— Весьма вредное, — не утерпел вставить Владимир Ильич, — не обращающее никакого внимания на политическую сторону жизни и явно разлагающее рабочие массы, отвлекая их от непосредственной борьбы…

— Но профессиональное движение объединяет миллионы — это сам по себе огромный фактор, — взволнованно говорил Петр Алексеевич. — Вместе с кооперативным движением это огромный шаг вперед…

— Это все прекрасно, — перебил его Владимир Ильич, — конечно, кооперативное движение важно, но только как синдикалистское — вредно; но разве в нем суть? Разве только оно может привести к чему-либо новому? Неужели вы думаете, что капиталистический мир уступит дорогу кооперативному движению? Он постарается всеми мерами и всеми способами забрать его в свои руки. Эта «безвластная» кооперативная группа английских рабочих будет самым беспощадным образом задавлена и превращена в слуг капитала, станет зависима от него через тысячи нитей, которыми он сумеет оплести, как паутиной, новое зарождающееся направление, столь вам симпатичное в кооперативном движении. Простите меня, но это все пустяки! Это все мелочи! Нужны прямые действия масс, а пока там этих действий нет, — нечего говорить ни о федерализме, ни о коммунизме, ни о социальной революции. Это все детские игрушки, болтовня, не имеющие под собой ни реальной почвы, ни сил, ни средств, почти не приближающие нас ни к каким нашим социалистическим целям.

Владимир Ильич встал из-за стола и говорил все это отчетливо и ясно, с подъемом. Петр Алексеевич откинулся на спинку кресла и с большим вниманием слушал пламенные слова Владимира Ильича, и после этого перестал говорить о кооперации.

— Конечно, вы правы, — сказал он, — без борьбы дело не обойдется ни в одной стране, без борьбы самой отчаянной…

— Но только массовой, — воскликнул Владимир Ильич, — нам не нужна борьба и атентаты (Атентата — покушение (франц. attentat). *Ред.)* отдельных лиц, и это давно пора понять анархистам. Только в массы, только через массы и с массами… Все остальные способы, и в том числе анархические, сданы историей в архив, и они никому не нужны, они никуда не годятся, никого не привлекают и только разлагают тех, кто так или иначе завлекается на этот старый избитый путь…

Владимир Ильич вдруг остановился, очень добро улыбнулся и сказал:

— Простите, я, кажется, увлекся и утомил вас, но вот мы все такие — большевики: это — наш вопрос, наш конек, и он так нам близок, что мы не можем о нем говорить спокойно.

— Нет, нет, — ответил Кропоткин. — Если вы и ваши товарищи все так думают, если они не опьяняются властью и чувствуют себя застрахованными от порабощения государственностью, то они сделают много. Революция тогда действительно находится в надежных руках.

— Будем стараться, — добродушно ответил Владимир Ильич.

— Нам нужны просвещенные массы, — сказал Владимир Ильич, — и как бы хотелось, чтобы, например, ваша книжка «Великая французская революция» была бы издана в самом большом количестве экземпляров. Ведь она так полезна для всех.

— Но где издавать? В Государственном издательстве я не могу…

— Нет, нет, — лукаво улыбаясь, перебил Петра Алексеевича Владимир Ильич, — зачем? Конечно, не в Госиздате, а в кооперативном издательстве…

Петр Алексеевич одобрительно покачал головой.

— Ну, что ж, — сказал он, видимо обрадованный и этим одобрением, и этим предложением, — если вы находите книжку интересной и нужной, я согласен ее издать в дешевом издании. Может быть, найдется такое кооперативное издательство, которое захочет принять ее…

— Найдется, найдется, — подтвердил Владимир Ильич, — я уверен в этом…

На этом разговор между Петром Алексеевичем и Владимиром Ильичом стал иссякать. Владимир Ильич посмотрел на часы, встал и сказал, что он должен идти готовиться к заседанию Совнаркома. Он самым любезным образом распрощался с Петром Алексеевичем и сказал ему, что будет всегда рад получать от него письма. И Петр Алексеевич, распрощавшись с нами, направился к выходу. Мы вместе с Владимиром Ильичом провожали его.

— Как устарел, — сказал мне Владимир Ильич. — Вот живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении. Вот — бедность идей анархистов и всех других мелкобуржуазных реформаторов и теоретиков, которые в момент массового творчества, в момент революции, никогда не могут дать ни правильного плана, ни правильных указаний, что делать и как быть. Ведь если только послушать его на одну минуту — у нас завтра же будет самодержавие и все мы,

и он между нами, будем болтаться на фонарях, а он только за то, что называет себя анархистом. А как писал, какие прекрасные книги, как свежо и молодо чувствовал и думал, и все это — в прошлом, и ничего теперь… Правда, он очень стар и о нем нужно заботиться, помогать ему всем, чем только возможно, и делать это особенно деликатно и осторожно. Он все-таки для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые он сделал. Вы, пожалуйста, не оставляйте его, смотрите за ним и его семьей и обо всем, что только для него нужно, — сейчас же сообщайте мне, и мы вместе обсудим все и поможем ему.

Продолжая говорить о Петре Алексеевиче и его сверстниках, мы пошли с Владимиром Ильичом по Кремлю, к зданию Совнаркома, где через пятнадцать минут должно было открыться очередное заседание нашего правительства.

*Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения М. 1963. Т. 3. С. 399—*406

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ «ТРИ ПОКУШЕНИЯ НА ЛЕНИНА»

Интересно и необходимо отметить здесь, что несколько после, когда Владимир Ильич уже более регулярно принялся за работу в Совнаркоме, он, внимательно читая множество газет, особенно вышедших во время его болезни, был воистину огорчен тем безмерным восхвалением и возвеличением его личности, которое глубоко, искренне, непроизвольно выливалось как во всех органах нашей печати, так и в бесконечном количестве телеграмм, адресов и писем, сыпавшихся, как из рога изобилия, со всех концов нашей страны.

— Зачем это? — сказал он мне, показывая многочисленные заголовки в газетах, где всюду пестрело его имя со всевозможными украшающими эпитетами.

— Мне тяжело читать газеты… — продолжал он. — Куда ни глянешь, везде пишут обо мне. Я считаю крайне вредным это совершенно немарксистское выпячивание личности… Это нехорошо — это совершенно недопустимо и ни к чему не нужно. А эти портреты? Смотрите, везде и всюду… Да от них деваться некуда!.. Зачем все это?..

Я понимаю, — продолжал он, — что все это товарищи делают от доброго чувства ко мне, но не надо этим злоупотреблять и отвлекать внимание масс к событиям, касающимся одной личности. Пожалуйста, сделайте для меня это, — деликатно, никого не обижая, переговорите с кем нужно, чтобы все это

прекратилось…

Владимир Ильич говорил мне волнуясь, и я чувствовал всю искреннюю глубину его скромности. Действительно, он считал это лишним, ненужным и даже вредным. Я тотчас же переговорил с московскими и петроградскими редакциями, которые в сущности и давали тон всей печати нашей страны, а также вызвал на собеседование всех представителей нашей провинциальной прессы, бывших в то время в Москве, и рассказал им о несомненном желании Владимира Ильича по поводу статей о нем и его ранении. И с тех пор волна газетного экстаза стала ослабевать. Точно так же отнесся Владимир Ильич к большому числу художников, скульпторов и фотографов, желавших его рисовать, лепить, снимать.

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М, 19S3. Т. 3. С. 294

[В рукописи, подготовленной В. Д. Бонч-Бруевичем в 1955 г. «Владимир Ильич в Кремле», этот эпизод изложен более подробно в следующей редакции:]

На другой день в кабинете Владимира Ильича произошло событие, крайне характерное для Владимира Ильича. Часов в десять он пришел в кабинет и сейчас же принялся за просмотр газет. Не более как через полчаса ко мне раздался тревожный его звонок, повторенный несколько раз. Предполагая, что что-нибудь случилось дурное, я со всех ног бросился в кабинет.

Вхожу, вижу: Владимир Ильич сильно побледнел, встречает меня взволнованным взглядом и с упреком говорит мне:

— Это что такое? Как же Вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, всё преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика… Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров… Так чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье… Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится. Я такой же, как и все… Лечат меня прекрасные доктора. Чего же больше!.. Массы не пользуются таким вниманием, таким уходом, леченьем, мы еще не успели дать им все… А тут стали меня так выделять… Ведь это же ужасно.

Я не мог вставить ни одного слова в эту взволнованную речь, и, боясь, что Владимир Ильич сильно повредит себе таким волнением, я тихонько, как только он остановился, стал говорить ему о том, что любовь масс именно к нему беспредельна… что

Управление делами и я лично осаждены бесконечными телефонными запросами, письмами, телеграммами, депутациями от фабрик, заводов, союзов: все хотят знать о его здоровье, и вот это всеобщее, всесоюзное желание рабочих, крестьян, красноармейцев, матросов, постановивших выслать с боевых кораблей воинские наряды для личной его охраны, — все это и отражается, как на фотографической пластинке, в газетах, в статьях, письмах, постановлениях, решениях фабрично-заводских коллективов.

— Все это в высшей степени трогательно… Я не знал, что я причинил столько волнений и беспокойства повсюду… Но надо это сейчас же прекратить, никого не обижая. Это не нужно, это вредно… Это против наших убеждений и взглядов на отдельную личность… Знаете что: вызовите Ольминского, Лепешинского и сами приходите все ко мне. Я буду просить вас втроем объездить сейчас же все редакции всех больших и маленьких газет и журналов. И передать то, что я вам скажу: чтобы они умненько, с завтрашнего дня, прекратили бы все это и заняли страницы газет более нужными и более интересными материалами… Пожалуйста, сделайте это поскорее.

И Владимир Ильич опять взялся за газеты.

Я тотчас же пошел выполнять желание Владимира Ильича, вызвал автомобиль, зная, что ехать надо немедленно.

Через десять минут и Ольминский, и Лепешинский были у меня в Управлении делами. Я вкратце рассказал им, в чем дело, и, главное, остановил их внимание на том, что все это Владимир Ильич принимает близко к сердцу, очень волнуется, а это ему крайне вредно.

Мы условились во всем, конечно, согласиться с Владимиром Ильичом и немедленно выполнить все его желания.

Я пошел к Владимиру Ильичу и сообщил ему, что товарищи прибыли.

— Давайте их сюда, — заторопился Владимир Ильич. Он встал при их входе и радостно здоровался с ними, его давнишними и близкими друзьями.

— Вот он вам все расскажет, пожалуйста, поезжайте поскорее и прекратите сейчас же это безобразие… В какие-то герои меня произвели, гением называют, просто черт знает что такое!

Ольминский, как всегда отменно вежливый и воспитанный, сказал Владимиру Ильичу, что субъективно он рад всему случившемуся…

— Почему?

— Благодаря всему этому я могу видеть Вас здоровым, жизнерадостным, возмущающимся. А объективно это

действительно никуда не годится… Газеты взывают к какому-то коллективному чуду… Как у Горького в «Исповеди».

Мы знали, что Ильич не одобрял этот неожиданны» припадок Алексея Максимовича…

— А патриарх Тихон, — шутил Лепешинский, — пожалуй, чего доброго, причислит Вас к лику святых. Вот уж доходный будет святой. Мне так и хочется вспомнить Женеву и нарисовать все это…

— Вот это правильно, — воскликнул Владимир Ильич… — Пантелеймон Николаевич, разутешьте… Нарисуйте как всегда хорошую карикатуру на тему «ерой» и толпа, — к тому же и народников вспомните с Михайловским во главе…

И Владимир Ильич повеселел, смеялся и тут же приговаривал: «Поезжайте, поезжайте!.. Шутки в сторону:

вопрос-то серьезный; надо сейчас же прекратить это возвеличивание личности…»

И мы отправились по всем редакциям, начиная с «Правды» и «Известий», передавая всем отрицательное, негодующее мнение Владимира Ильича по этому вопросу, и предложили редакциям все спустить на тормозах. На все письма немедленно отвечать, что Владимир Ильич здоров, занимается в Совнарком";, а в газетах давать краткие информации об этом.

Несколько часов потратили мы на это дело и вернулись в Совнарком. Владимир Ильич был у себя дома. Тотчас же принял нас и очень серьезно выслушал о решениях редакций.

— А за газетами все-таки посматривайте и давайте всем, особенно фабрично-заводским, нужные указания…

На другой же день газеты были все в другом тоне, и Владимир Ильич более не поднимал этого вопроса…

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 296–298

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНА
(Речь в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину 16 апреля 1924 г.)

Ленин — гениальный вождь российского пролетариата

Товарищи, семь лет тому назад на этой площади впервые раздалось в революционной России слово того человека, имя которого теперь на устах у трудящихся всего мира. Семь лет тяжкой борьбы лежат позади нас. Многие из деятелей нашей великой революции испытывают чувство такое, как бы 70 лет взяты ими на свои плечи. Многие из деятелей революции, вышедшие на широкую дорогу революционной борьбы вместе с покойным Владимиром Ильичем, так же как и он, уснули навеки. Но страна наша за эти семь лет не состарилась, она помолодела, она скинула с плеч своих царское иго, давившее нашу страну в течение трех столетий, она скинула с плеч своих иго буржуазного владычества, угнетавшего нашу страну не одно десятилетие. И когда Владимир Ильич произносил свою первую речь поздним вечером 3 апреля по старому стилю в 1917 году на этой площади, его имя было известно только передовикам рабочего класса, наиболее сознательным рабочим наиболее передового города революции, тогдашнего Петрограда. Десятки тысяч рабочих с восторгом и с беспредельной верой увидели во Владимире Ильиче своего вождя и учителя. Но это признание было тогда далеко не всеобщим. В том же Петрограде в первую же минуту, когда Владимир Ильич вступил на его почву, началась кампания неслыханной клеветы против него. Признание было не всеобщим даже среди рабочих. Большинство петроградских рабочих, большинство тогдашнего Петроградского Совета шло не за Лениным, а за теми, кто тащил русских рабочих поддерживать буржуазию, поддерживать империалистскую войну. Но эта группа передовиков, насчитывавшая тогда только десятки тысяч, была мозгом рабочего класса нашей страны; это были наиболее передовые рабочие наиболее передового города. Когда к этим десяткам тысяч передовиков рабочего класса прибавился гений лучшего из вождей международного пролетариата, все мы почувствовали сразу за одну ночь, за те часы, в течение которых

прибыл сюда Владимир Ильич, что сила рабочего класса удесятерилась. И чем больше было гонений против партии большевиков, чем больше клевет распространялось специально о нашем вожде и учителе, тем глубже проникали мы в сердца и мысли рабочего класса нашей страны. И когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки, после семи лет тяжкой борьбы, перевернувшей всю Россию, всколыхнувшей до дна миллионы и десятки миллионов людей, — не только друзья, но и многие из бывших врагов с величайшим уважением обнажили головы перед могилой Владимира Ильича. Мы все услышали признание не только со стороны всего рабочего класса, не только со стороны всех крестьян нашей страны, но и со стороны народов всего мира.

Памятник, воздвигаемый Владимиру Ильичу, внешним образом скромен. Насколько я знаю, сегодня делается первая попытка создать такой памятник у нас. Я недавно читал в газетах сообщение о том, как американская буржуазная демократия собирается воздвигнуть памятник одному из своих генералов, некоему генералу Ли. Имя его немного, вероятно, говорит вам и даже тем, кто систематически следит за жизнью Америки. Этот генерал имеет некоторую заслугу в деле освобождения одного из штатов Америки. Памятник предполагается необъятной величины. Говорят, что египетская пирамида только чуточку больше величины копыта коня, на котором будет сидеть этот пресловутый генерал Ли. По сравнению с шапкой, надетой на него, человек, рядом поставленный, кажется маленькой игрушкой.

Мировому вождю рабочего класса мы не воздвигаем и не собираемся воздвигать таких памятников. Да он и не нуждается в них. Имя тов. Ленина, за это можно ручаться смело, известно каждому человеку в Америке. Вы не найдете там ни одного человека, не только белой, но и черной кожи (в Америке живет около 15 миллионов негров), который не знал бы, кто такой тов. Ленин. А памятники, воздвигаемые ему, внешним образом гораздо более скромны.

Тов. Ленин провел рабочий класс России через три революции. Он был признанным вождем передовой части рабочего класса нашей страны уже в 1905 году. Он был признанным вождем более широких слоев трудящихся в начале Февральской революции 1917 года. Едучи из далекого изгнания, Владимир Ильич, как и все мы, был убежден в том, что правительство князя Львова, авантюриста Керенского и помещика Гучкова посадит его в тюрьму, как только он появится на Финляндском вокзале. Он был приятно разочарован, как и все мы, убедившись в том, что князь Львов, Керенский и Гучков не

могут арестовать его, ибо десятки тысяч рабочих уже тогда чтили в нем своего величайшего вождя и учителя. Тов. Ленин уже тогда был признанным вождем рабочего класса и крестьянства нашей страны. Когда пробил великий час Октябрьской революции, поставившей себе задачей покончить не только с властью царей, но и с властью капиталистов, трудящиеся массы, все, что было честного и сознательного в рабочем классе и крестьянстве, целиком шли за тов. Лениным. В июльские дни 1917 года Владимир Ильич вновь был загнан в подполье меньшевистско-эсеровскими министрами-социалистами», которые тогда гремели на всю Россию, объявляя тов. Ленина немецким шпионом.

Они загнали его в подполье. В «свободной» России, в России, которую они называли свободной, где свободно распоряжался черносотенный генерал Корнилов, где свободно расстреливали на улицах столицы кронштадтских моряков и выборгских пролетариев, в свободной, по-ихнему, России, где попы и архиереи с величайшим торжеством хоронили несколько убитых в июльские дни белых офицеров, в то время когда мы должны были тайком хоронить своих мертвецов — замученных и расстрелянных моряков и рабочих, в этой так называемой свободной России не нашлось места для Владимира Ильича, его загнали в подполье, он должен был в течение трех недель жить в скирде сена, скитаться около Сестрорецка, должен был спасаться в Финляндии, причем через границу он перебрался, переодевшись кондуктором, на локомотиве.

Ленин в предвидении Октябрьской революции

Он должен был во время владычества меньшевиков и эсеров нелегально подготовлять великое октябрьское восстание, поднимая на него прежде всего ленинградских рабочих. Из далекого изгнания (из далекого изгнания не географически, ибо Финляндия находится близко) Владимир Ильич писал накануне Октябрьской революции следующие великие слова. В статье, до сих пор не видевшей света и теперь найденной, от 22 сентября 1917 г. Владимир Ильич писал:

«В стране явно нарастает новая революция, революция *иных* классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма.

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии,

против ее союзника, англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским».

Товарищи, теперь эти слова кажутся чем-то само собою разумеющимся. Теперь нам всем ясно: Февральская революция — это была революция, сделанная руками рабочих и солдат, но плоды которой пожала буржуазия, действовавшая в союзе с английскими капиталистами, в частности с английским послом Бьюкененом, который находился здесь в Ленинграде и руководил Милюковым. Так всегда бывало во многих и многих революциях до Октябрьской. Повсюду и везде на фронтах дрались с полицейскими рабочие, ремесленники, трудящийся люд, но плоды побед пожинала буржуазия. Наша Октябрьская революция, которую вдохновил Владимир Ильич своим гением, тем и отличается от всех остальных, что рабочие не только дрались с буржуазией, не только освобождали своих пленников из тюрем, не только брали на себя черную тяжелую работу физического боя с угнетателями, величие Октябрьской революции заключается в том, что результаты ее достались не чужому классу, не буржуазии, а тем, кто эту революцию делал, кто своим горбом проделал всю борьбу, кто вышел первый на дорогу, кто пролил свою кровь, кто взял на себя решимость поднять знамя великого восстания. И, товарищи, если был человек, могучим прожектором освещавший дорогу рабочему классу надолго и надолго вперед;

если был человек, умело предвидевший трудности борьбы и вовремя предвосхищавший коварство врага, сумевший в своем замечательном мозгу переработать весь опыт многочисленных предыдущих революций во всем мире; если был человек, взвесивший на своей ладони все шансы за и против; если был человек, поднявший до дна весь рабочий класс и двинувший его на тяжелую, невиданную еще в истории борьбу, — то этим человеком был тов. Ленин. Под его руководством наша партия, включающая в себе все, что есть лучшего в рабочем классе и крестьянстве, подбиравшая зернышко за зернышком все, что есть наиболее сознательного, грамотного, наиболее мужественного в рабочем классе, под его руководством наша партия от ударов врагов становилась только более сплоченной, стальной, только более закаленной и только более организованно подготовлялась к предстоящим боям. Если в двух словах захотеть выразить значение Владимира Ильича, надо сказать, что *его величие заключалось в том, что он умел точно предвидеть переход от буржуазной революции к пролетарской.* Он сумел ускорить этот момент, стать знаменосцем великой пролетарской революции. Он сумел помочь своему классу — рабочему классу — сделать то, что

плоды побед достались ему, а не какому-либо другому классу. Владимир Ильич стал светочем для рабочих всего мира. Нет такого уголка во всем мире, где бы не оплакивалась смерть Владимира Ильича. Я слышал на днях рассказ одного старого вождя английского рабочего класса, Тома Мэна. Он рассказывал, как десятки тысяч беспартийных рабочих и рабочих-меньшевиков Англии (там их еще много), с каким душевным трепетом ловят они каждое слово о Владимире Ильиче. Каждое собрание английских рабочих теперь встает и в течение нескольких минут стоит безмолвно в честь и память тов. Ленина. И, товарищи, если подумать о том, что переживает рядовой рабочий-меньшевик Англии в течение этих нескольких минут, когда он безмолвно в глубоком раздумье стоит, чтя память тов. Ленина, то мы не ошибемся, если скажем, что он продумывает именно переход от буржуазных взглядов к пролетарским. Он, быть может, ощупью, быть может, не вполне ясно, инстинктивно продумывает именно этот переход от Февраля к Октябрю — тот путь, который, в силу счастливого стечения обстоятельств, рабочие нашей страны прошли в течение нескольких месяцев, тот путь, который рабочие других стран теперь проходят в течение многих лет кровавой, жестокой, беспощадной войны. Русский рабочий класс вправе гордиться, что из его рядов вышел такой гений, что наша страна, наша партия, наш класс, наш народ выдвинули человека, который стал знаменосцем для трудящихся всего мира.

Ленин и ленинградские рабочие

Товарищи, я бы хотел сказать два слова специально о том, чем был Владимир Ильич для нас, для Ленинграда, для ленинградских рабочих. Ленинград только маленький уголок мира, но немаловажный. Случилось так, что наш город стал передовым форпостом международной пролетарской революции. Вы знаете все, что свою деятельность В. И. начинал в нашем городе. Вы знаете, он заявлял об этом не раз нам, что многие из его мыслей вдохновлены лучшими рабочими Питера, которых он учил, но у которых он учился, которым он много рассказывал, но которых он умел и слушать. Вы все знаете, что величайшее историческое дело, выполненное В. И., более всего связано с ленинградскими рабочими, встречавшими семь лет тому назад 3 апреля его в числе десятков тысяч и через несколько месяцев, в октябре 1917 г., следовавшими за ним в числе нескольких сот тысяч. В. И. верил в ленинградских рабочих как в самую могучую революционную силу нашей страны. Я вам прочитаю один

отрывок на этот счет. 12 июля 1918 г., когда трудности революции были особенно тяжелы, когда нас окружали со всех сторон, В. И. обращался с письмом к петроградским рабочим, которое тогда ходило по рабочим кружкам и опять-таки только на днях напечатано. Он в этом письме говорил:

«…Кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и *свергнут ее неминуемо,* если рабочие не напрягут *тотчас же* все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы *разбить наголову* кулаков прежде, чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие *могут* в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, *если передовые отряды* рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют *массовый поход в деревню.*

Сделать это *некому,* кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это—*глупо и преступно.* Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где *должно* помочь организации бедноты, где *необходим* питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь».

Вдумайтесь в эти слова. При первых же трудностях революции В. И. прежде всего обращает свой взор к ленинградским рабочим. Он обращается к ним как к пролетарской вольнице, как к пролетарскому вольному казачеству. Он говорит им: вы самые воспитанные, самые революционные, самые дальновидные рабочие, нечего вам сидеть и смотреть, как медленно умирает ваша промышленность; десятками тысяч поднимайтесь и идите на Юг, на Урал, бейте белых, стройте Советскую власть, берите на себя роль коллективных организаторов, учителей русского народа. Вы помните, я думаю, многие из вас помнят эти тяжелые годы, когда решались судьбы революции. Они решались не только в октябре 1917 г., но и после, когда начались главные трудности. Голос В. И. был услышан пролетарской вольницей. Ленинград поднялся. Лучшее, что было в рабочем классе нашего города, простилось с семьями, с насиженным местом и бросилось туда, куда звал указующий перст великого учителя. Многие и многие десятки тысяч наших рабочих пошли в первые отряды Красной Армии, в организаторы волостных и уездных советских органов, создали

основы аппарату пролетарского государства. Многие и многие тысячи из этих наших товарищей погибли на фронтах. И всюду, где дожди моют косточки павших в борьбе за Октябрьскую революцию, всюду там найдется не один и не два, а многие десятки погибших за наше дело ленинградских рабочих. Как только стало чуточку полегче, как только стало ясно, что мы основную борьбу выиграли, В. И. сейчас же бросает лозунг поднятия ленинградской промышленности, сейчас же ставит в порядок дня вопрос о Волховстрое, о той могучей электростанции, которую мы сейчас воздвигаем и которая должна помочь нашей оскудевшей промышленности встать вновь на ноги. Сейчас наша пролетарская ленинградская вольница понемногу оттягивается назад, постепенно собирается со всех концов республики, и часть ее, поскольку можно судить, возвратилась теперь на наши фабрики и заводы. По инициативе В. И. республика, несмотря на всю нашу бедность, дала 10 миллионов рублей золотом, чтобы создать мощную электростанцию, долженствующую послужить рычагом для поднятия нашей промышленности. Можно достаточно убедительно и выразительно словами тов. Ленина дать ответ всем тем, кто говорит нам, что ленинградскую промышленность поднять нельзя, что ее нужно переносить куда-то в другие места, что Ленинград плохо расположен в силу его близости к границам и т. д.: таких дураков мы будем гнать в шею. Было время, когда десятки тысяч пролетарской вольницы Ленинграда отдавали кровь сердца своего и все, что было у них, для того, чтобы отстоять завоевания пролетарской революции в тех местах, где тогда решалось дело. Да, в 1918, 1919, 1920 гг. дело решалось на полях битв против Колчака, Деникина и т. д., дело решалось в борьбе против деревенского кулака, не давшего хлеба и мечтавшего взять революцию голодом. Теперь другое время. Теперь судьбы революции решаются чем?

Сейчас дело в том, поднимем ли мы наше хозяйство, удержим ли мы могучий очаг пролетарской революции? А таких очагов не так много в нашей стране. И Ленинград является одним из первых таких очагов. Недаром тов. Ленин говорил: нет больше нигде таких рабочих, как в Ленинграде. Наступило время, когда с таким же геройством, как ленинградские рабочие в 1918–1919 гг. бились против белых, с таким же геройством, настойчивостью, упорством они будут работать над поднятием ленинградской промышленности. Ленинградских рабочих любил тов. Ленин как своих братьев. Я думаю, товарищи, что у нас нет лучшего способа воздать настоящую дань уважения и любви нашему учителю и вождю, Владимиру Ильичу, как работать теперь над поднятием

промышленности нашего города, над упрочением мощи рабочего класса нашей страны. Это поняли широкие беспартийные рабочие массы. Это поняли те сотни тысяч рабочих, вливающихся в ленинский призыв в наши ряды. И, разумеется, цвет ленинградского пролетариата эту основную задачу никогда не забудет. Проходит год за годом, героическая полоса непосредственных боев за победу рабочей власти отодвигается.

Наш памятник Ильичу

Но это не значит еще, что перед нами не стоят по-прежнему великие задачи социалистической революции. Нет, они впервые встали теперь перед нами во весь свой рост, во всю свою величину. Они встанут перед нами еще в международном масштабе. Вы помните, что программа Владимира Ильича заключается не только в том, чтобы помочь тюбедить рабочему классу в нашей страж. Его программа заключается в том, чтобы помочь победить рабочему классу во всем мире. Его программа — деятельность Коммунистического интернационала. Его программа — международная пролетарская революция. И многим и многим из нас *еще* доведется поработать над этой большой программой Владимира Ильича после того, как первоначальная малая программа вчерне выполнена. Тут, товарищи, каждый должен работать на своем месте, на своем посту, над тем великим делом, которое завещал нам В. И. Его идеи велики и просты, так же как велик и прост был он сам. Его идея — союз рабочих и крестьян — стала теперь настолько ясна и популярна, что ее знает каждый пионер, каждый из детей рабочего класса. Но эта идея еще не облеклась достаточно плотью и кровью. Давайте работать прежде всего над тем, чтобы союз рабочего класса и крестьянства прошел в глубины глубин деревни России, чтобы каждый красноармеец, каждый беспартийный рабочий, каждая крестьянка, каждая кухарка, как любил говорить В. И., поняли величайшую и замечательную идею, послужившую 'рычагом в руках Владимира Ильича и руководимого им рабочего класса. Давайте каждый на своем посту работать над тем, чтобы дело, за которое лег костьми В. И., победило не только в нашей стране, но и во всем мире. Пусть Ленинград — и ленинградские рабочие, ленинградская пролетарская великая вольница, которая сыграла такую колоссальную роль в великом деле, начатом В. И., пусть эта вольница готовит свое подрастающее поколение к тем временам, когда ленинградская вольница бросится на борьбу не только против Колчаков русских, но и всемирных. Будьте уверены, когда придет время, ваша вольница пойдет на работу за всемирную пролетарскую революцию. Будемте воспитывать детей русского рабочего класса *бороться за заветы Ильича.* Будемте внушать им,

какое великое дело сделал тот человек, которого чтим мы, и вместе с нами чтут трудящиеся всего мира. Наши партийные, советские организации и, рабочие всего Ленинграда вместе с профсоюзами сделают все возможное для того, чтобы на этой площади воздвигнуть первый; скромный памятник В. И. Но, товарищи, *самое важное — это работать в духе* В. И., воспитать подрастающее поколение в духе заветов В. И. Самое важное — это *понять глубину мысли,* величие: дела величайшего из людей, величайшего из революционеров, из друзей; народа, каких до сих пор знал мир. Давайте работать так, *как.* учил нас В. И. Ленин Давайте из поколения, в поколение внушать лениигр адским рабочим, а через них рабочим остальной России, что нет звания более высокого, как звание рабочего-пролетария, который помог Ленину выполнить его дело и был его современникам. Вы знаете а похвальных отзывах, даваемых т. Лениным ленинградским рабочим. Вообще т. Ленин был скуп на похвальные слова даже по отношению к лучшим его друзьям. Но я не знаю, кого он хвалил еще так, как ленинградских рабочих. Это возлагает на нас величайшую ответственность. Это величайший почет для ленинградских рабочих. Они шли туда, куда звал пламень мысли и революционный гений В. И. Они пойдут за ним и тогда, когда Ленин уснул навеки. Они пойдут по дороге В. И. и тогда, когда он сам, великий строитель, великий друг народа и великий революционер, когда он сам, отдав все, что имел, до последней капли за дело рабочего класса и крестьянства, почил.

У *великой: могилы.. **М.,** 1924. С.* Я7-5/9

ШЕСТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБУДЕТ РОССИЯ

Давно ли Надежда Константиновна говорила: «У нас все идет хорошо. Ездил на; охоту. Меня не взял, — хочет без нянюшки. Занятия (чтение) идут хорошо. Хорошее настроение — шутит, хохочет. Врачи все теперь того мнения, что к лету будет говорить»…

И врачи все это подтверждали.

А сейчас позвонили: Ильич умер…

…Через час мы едем в Горки уже к мертвому Ильичу. Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я. (Рыков лежит больной.) В автосанях.

Как бывало мчишься в Горки на вызов Ильича, когда он был здоров, — как на крыльях! А теперь…

Смотрим на звезды. Пытаемся говорить о другом. Ильич умер, — что будет, что будет? А путь так долог — целых два часа. Дорога занесена снежными сугробами. Гудит телефонная

проволока. Воздух так ясен. Ночь светла, п

Горки. Уже у ворот столпилась кучка людей — это товарищи из охраны Ильича. Они усыпают сосновыми ветками снежную дорогу к дому, где лежит Ильич. Помню, совсем недавно, несколько недель тому назад через щелку окна мы с Каменевым и Бухариным смотрели в парк, когда Владимира Ильича вывозили на прогулку. Приветливо, с доброй ильичевской улыбкой он снимал здоровой рукой с головы своей кепку, здороваясь с этими же товарищами из охраны. Как просияли все они! С какой любовью смотрят на своего Ильича эти рабочие, любившие его, как дети. А сегодня все они поникли головой, жмутся друг к другу, говорят шепотом, вытирают слезу.

Вошли в дом. Ильич лежит на столе. Уже успели переодеть в новую тужурку. Цветы. Сосновые ветки. Лежит в большой комнате. Тут же открыт ход на балкон. Мороз. На этом балконе летом 1920 года мы пили чай и решали вопрос о наступлении на Варшаву.

Светлая зимняя снежная ночь. В комнате, где лежит Ильич, холодно. Много света. Яркая луна. Много звезд. Крестьянские дома кажутся совсем близкими через открытый на балкон ход. Ильич — на фоне крестьянской России. Незабываемая картина.

Ильич как живой. Прилег отдохнуть. Да он же дышит. Вот-вот приподымется грудь. Лицо спокойно-спокойно. Оно стало еще добрее. Разгладились морщины. Замшевые складки в нижней части лица, ближе к шее, остались. Недавно подстригся. Выглядит совсем молодым. Лицо доброе-доброе, нежное. Кажется, только Старик недоволен, зачем мы так долго смотрим на него, зачем набегает слеза. Где же видано, чтобы большевики плакали… Поцелуй в лоб — в прекрасный ильичевский несравненный лоб. Лоб этот холоден сейчас, как мрамор. Сердце пронзилось мыслью: так это действительно *навеки, навсегда!*..

В два часа ночи назначено в Кремле заседание пленума Центрального Комитета. Едем поездом назад. Опоздали только на час. Вошли. Никогда не забыть и этой минуты. Сидят все 50 человек и… молчат. Гробовое молчание. По-видимому, они молчат уже довольно долгое время — с тех пор, как пришли сюда. Все они, бесстрашные ленинцы, отобранные всей партией бойцы, не раз смотревшие в лицо смерти, сидят с плотно сжатыми зубами. Слова не идут с языка. Потом заговорили. Просидели до утра. Осиротевшие. За эти часы ближе стали друг к другу, чем за всю прежнюю жизнь, за долгие годы совместной борьбы.

Во вторник *весь* Центральный Комитет и *вся* ЦКК едут в Горки. В двух вагонах третьего класса — весь генеральный штаб ленинской партии. Вагоны тускло освещаются кусочками

стеариновой свечи. Забились отдельными кучками в различные углы. Молчат. Кое-где делятся почему-то тюремными воспоминаниями. Товарищ, который только что «шутил», рассказывая совершенно незлобиво, как его терзали на царской каторге в Орловском централе, через минуту, улучив момент, в углу вытирает слезу, чтобы никто не заметил.

Приехали к полустанку. Отсюда часть едет на крестьянских лошадях, часть — пешком, длинной лентой, по узенькой дорожке, гуськом тянутся в Горки члены ЦК.

Прибывают все новые и новые товарищи и друзья. Первые почетные караулы у тела Ильича. Переложили его в красный гроб, в головах — небольшая красная подушка. Еще нежнее, еще добрее его лицо. Рука как живая. Она до последней минуты осталась наиболее живой.

* * *

В среду рано утром вынос тела из Горок. Снесли с лестницы. Вынесли на улицу. Здесь лицо сразу больше помертвело. Несколько мягких пушинок ложится на тужурку Ильича. Скорее сдунуть их… Четыре версты пешком. Несут, разумеется, на руках. По всей дороге толпы крестьян. 13-летние крестьянские мальчуганы в плохих тулупчиках кулаками вытирают слезы. Никто не крестится. Первые венки — простые, из сосновых ветвей.

Колонный зал Дома Союзов. Кто сделал этот зал столь прекрасным? Чья любящая и умелая рука так чудесно убрала этот зал, которому суждено стать историческим? И как хорошо, что мы вовремя отказались от первоначального плана положить тело Ильича в одном из дверцовых зал Кремля! Как хорошо, что прощание народа с Ильичей будет происходить именно в Доме Союзов. Прекрасный зал в Доме Союзов стал сказкой. Один этот зал — замечательная, чудесная, великая траурная симфония.

И тут началось главное — великое, незабываемое: на улицах появился народ, рабочий класс, его дети. Что это была за прекрасная народная толпа! Бесконечный живой прибой людской волны. День и ночь, круглые сутки, в короткие зимние дни, в длинную ночную стужу на улицах Москвы стояли сотни тысяч рабочих, их матерей, жен и сестер, стояли крестьяне, красноармейцы, учащиеся, дети, весь-весь народ в ожидании своей очереди: войти в Колонный зал и пройти около тела вождя и учителя, 700 тысяч людей прошли через этот зал за четыре дня. И эта волна катилась бы дальше, если бы в субботу перед

похоронами она не была приостановлена. Величавее этой картины не видел мир. Толпа сорганизовалась сама. Пять милиционеров легко справились с задачей охраны порядка там, где было 50 тысяч людей. Дело просто; эти 50 тысяч *сами* соблюдали порядок. Молча, охваченная одной мыслью, спаянная одним чувством, эта безбрежная масса сама сорганизовала себя. Можно было почти физически слышать, как гений Ильича шевелил крыльями над этой изумительной народной массой. Все были как-то чрезвычайно мягки, вежливы и добры друг к другу в глаза, ища утешения и понимания. Лица стали выразительнее. Каждый переживал исторический момент, и это запечатлелось на каждом лице.

Бесконечным могучим потоком волна эта вливалась в Колонный зал и оттуда через ряд других дверей столь же организованно выливалась назад. Как море ласкает утес, так эта могучая людская волна ласкала глазами мертвое тело любимого, родного, друга народа.

Уйти из этого зала было невозможно. Часами простаивал каждый из нас, наблюдая эту прекрасную толпу, вбирая в себя ее чувства. Нельзя было оторваться от этой картины. И днем, и в пять часов утра вы находили здесь сотни самых занятых товарищей. А толпа все шла и шла — все более прекрасная, все более спаянная. Рабочая масса второй раз переживала свою революцию…

Да, только так мы и должны были хоронить нашего Ильича. Простой народ, одухотворенный идеями Ленина, сымпровизировал эти похороны вместе с нами.

* * *

…Рыдающие звуки траурного марша. Марш этот всегда трудно слушать без волнения. А теперь его исполняют над гробом — кого же? — Ленина!..

Вся партия побывала тут, у гроба любимейшего из любимых.

Рабочие и работницы подымали на руки детей, показывая им Ильича и шепча что-то на ухо.

В почетном карауле — в головах и в ногах у почившего Ильича — перестояли все излюбленные люди рабочего класса. Чуть ли не с каждого завода приходили люди от станка. Из каждой казармы — простые красноармейцы. Только избранникам рабочих, тем, кого любит и кому доверяет вся *масса,* удалось постоять в этом карауле. Крестьянки и работницы, моряки и красноармейцы, партийные ветераны и восходящая молодежь,

русские и немцы, коминтертаовцы и «националы»! Постояли в карауле даже юные пионеры — славные, чудные дети рабочих. С какой лаской погладил бы их по головке *живой* Старик».

У стоявших в почетном карауле лица сразу менялись. Вот стоит на часах финский революционер. Кремень. После июльского поражения ему наша партия поручила охранять Ильича. В минуту величайших опасностей ни один мускул ни разу не дрогнул у него на лице. Сейчас он бледен как смерть. И — тщетно прячет слезу.

А Ильич лежит по-прежнему спокойный, добрый, какой-то еще более мудрый, все понимающий. И правильно говорит Бухарин: отдает свой последний приказ— пролетарии всех стран, соединяйтесь! Большевики всего мира, сплачивайтесь!

Суббота вечером. Второй съезд Советов Союзных Социалистических Республик. Речь Надежды Константиновны. Кто забудет этот момент? Тишина. Слышно, как муха пролетит в этой громадной аудитории. Буквально в десяти словах сказала все существенное о Ленине и ленинизме.

— Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам… Он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорил ему рабочий… Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить… Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся. Он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных. Русский рабочий одной стороной — рабочий, а другой стороной — крестьянин.

Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое для Ленина знамя, знамя коммунизма. Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма…

Да, эта речь была вполне на высоте исторической минуты. Да, она достойна была Владимира Ильича. Да, теперь мы еще и еще раз увидели настоящее мужество нашей Надежды Константиновны. Чем труднее был момент, тем Надежда Константиновна всегда была тверже и мужественнее. Например, в июльские дни 1917 г. Но— *теперь!* Только она могла в такую минуту сказать речь и притом — *такую* речь.

Пройдут года и десятилетия. А эта прекрасная речь будет читаться, проникая в сердца новых и новых поколений коммунистов.

Все мы, остальные ораторы, выступавшие на этом заседании съезда, боялись разрыдаться на первом же слове. Мы старались поэтому «напустить на себя холоду». И вышло не то, что мы хотели. Слова не шли с языка. Не до речей… Смоленский крестьянин, путиловский рабочий, краснопресненская работница, ораторы восточных народов скрасили вечер…

Поздно ночью перед гробом Ильича прошел еще раз весь второй съезд. Вся Советская Россия.

Утром так же организованно прошла делегация от Петрограда (Ленинграда), более 1200 человек: рабочие, работницы, красноармейцы, молодежь. Все плакали. Уж где-где, а в Питере рабочие умели любить своего Ильича особенно нежной любовью. Они, первые пошедшие за Лениным в огонь, теперь пришли отдать ему последний привет. Бледные лица, придушенные слезы, благоговейное молчание. Два прибывших с питерцами «свои» оркестра рыдают в течение всего того времени, пока проходит делегация… Привезли прекрасное знамя — лучшего мы не видели. Пристраивают это знамя поближе к гробу. Спокойно спи, Ильич…

* * *

Воскресенье. Утро 27 января. Последние почетные караулы. Звучит «Интернационал» — громко, стройно, победно. Выносим тело Ильича. Как хорошо, что это происходит ранним, ранненьким утром! Какое-то особое чувство облегчения.

В зимнюю стужу — как нарочно, грянул жестокий мороз в 26 градусов—*миллион людей* пришли на Красную площадь поклониться праху Ильича. И опять — величавее этой толпы не видел мир.

Как хорошо, что решили хоронить Ильича в склепе. Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать. Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уже непереносимо…

На склепе короткая, но и вполне достаточная надпись:

Ленин. Сюда уж поистине не зарастет народная тропа. Здесь вырастет поблизости музей Ленина. Постепенно вся площадь превратится в Ленинский городок. Пройдут десятилетия и века — эта могила будет становиться все более близкой и дорогой десяткам и сотням миллионов людей, всему человечеству. Сюда начнется паломничество, и не только со всех концов нашего Союза Республик, обнимающего шестую часть всей суши, но и из Китая, Индии, Америки, со всего мира.

В 4 часа дня опускается гроб в склеп при салютах. Салютует

вся Советская Россия. В Петрограде на траурной демонстрации в этот день участвует 750 тысяч человек — больше, чем на какой-либо другой питерской демонстрации за все эти годы.

В Москве народ шел на Красную площадь поклониться останкам Ильича. Здесь, на виду у всего народа, высился гроб с телом Ленина. А в Питере народ шел на Марсово поле (поле Жертв Революции), где мог видеть только 53 пылающих костра — по числу лет Владимира Ильича. И все-таки пришел весь Ленинград.

В Харькове весь город демонстрирует в честь Ильича. В Ростове, в Костроме, в Киеве, в Архангельске — повсюду то же самое. Миллионы сердец бьются в унисон. В Париже, в Христианин (Осло), в Пекине, в Берлине, в Праге, в Лондоне— во всем мире у миллионов людей на устах одно имя: *Ленин.*

В склепе мы прикрываем гроб с останками Ильича двумя знаменами — двумя из 10000 знамен, участвовавших в траурной демонстрации. Это знамена Коминтерна и Центрального Комитета РКП. Но в последнюю минуту в склеп, вопреки караулу, пробирается пожилой крестьянин. Выждав удобную минуту, он передает нам маленькое траурное полотно при грамоте от крестьян Саранского уезда. Рядом со знаменами двух могучих организаций, заставляющих трепетать всю мировую буржуазию, пристроилось также знамя крестьян Саранского уезда.

Никогда не забыть минуты, когда вся Красная площадь, обнажив головы, пела на 25-градусном морозе «Вы жертвою пали». Никогда не забыть застывшей многотысячной толпы, когда гроб Ильича несли в склеп. Никогда не забыть биения сердец всех близких и родных. Никогда, никогда не забыть этих минут…

Почему-то вспоминается тот вечер, когда Ленин прибыл из-за границы в Петроград: ночь на Финляндском вокзале, встреча, десятки тысяч рабочих и солдат. Теперь — теперь миллионы. То — канун великих боев. Теперь — теперь завершенные битвы и отдых после решающих побед. Теперь признание всего народа, всех народов.

Умер Ленин. Камнем, глыбой ложится эта смерть на сердце каждого из нас. Нечеловечески тяжело. Никто никогда не переживал таких жутких минут. И все-таки, и все-таки нам почему-то кажется, что ленинизм не только жив, но что расцвет его только еще начинается. Да, это несомненно так: настоящие победы идей Ленина в Европе, в Америке, на Востоке, во всем мире только еще впереди.

Кто из нас забудет эти шесть дней — бессонных, тревожных, свинцовых, но и жутко-прекрасных? Пусть назовут нам другое имя в новейшей истории человечества, которое заставляло бы так

учащенно биться сердца миллионов и десятки миллионов людей во всем мире.

Эти шесть дней положили какую-то черту, некую грань между Россией до смерти Ильича и Россией *после* его смерти. Россия по-новому ощутила себя. До сих пор во все время болезни Ленина она считала, что Ильич

…и сейчас ведет Россию парализованной рукой.

Теперь она почувствовала, что все мы отныне предоставлены самим себе, что мы переходим через какую-то новую грань. Россия оглянулась на себя и увидела, что она *новая,* что она стала новой потому, что Ленин отдал ей лучшее, что было у него. Сосредоточенно, глубоко страна задумалась над собственной судьбой. И, смахнув слезу после похорон своего гениального вождя, твердой поступью, с высоко поднятой головой пойдет дальше по той дороге, по которой вел ее Ленин.

Тем более в жизни нашей партии со смертью Ильича начинается новая глава. Партия наша особенно глубоко и сосредоточенно задумается над своими дальнейшими судьбами. Неимоверно тяжела, совершенно невознаградима потеря. Руководить жизнью великой страны, борьбой Коминтерна, работой партии *без Ильича — какая* это гигантская всемирно-историческая ответственность! Каждый из 400 тысяч членов нашей партии теперь, со смертью Ильича должен стать лучше, глубже, чище, более мужественным, более осторожным, более стойким.

Каждый, кто хоть раз видел живого Ильича, до конца своих дней удержит этот образ в сердце своем.

…Портретов Ленина не видно, Похожих не было и нет. Века уж дорисуют, видно, Недорисованный портрет…

Что бы там ни было, что бы ни ожидало нас, образ Ленина всегда будет светить трудящимся и эксплуатируемым всего мира.

Дружнее, ряды ленинской рати! Мир не видал еще армии, более готовой к борьбе и более достойной победы, чем наша.

— Прощай, Ильич! Прощай, Ленин! — По всей стране, по всей земле перекатывается, как эхо, это прощальное приветствие вождю и учителю.

За работу, за работу, за работу! — как учил нас Ильич.

Ленин умер — ленинизм живет. Живет в нашей великой партии, в Коминтерне, в революционном движении всего мира. Когда пролетарская революция победит во всем мире, то будет прежде всего победа ленинизма…

Первая годовщина. 1924 — 21 января — 1925. Ленин, о Ленине, о *ленинизме.* At., *1925. С. 195–203*

А. С. КИСЕЛЕВ
ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

В 1914 году волна рабочего движения в Петрограде поднималась все выше и выше. Профсоюзы, культурно-просветительные общества оказались на 90 % под влиянием нашей партии. Мы выбили меньшевиков из всех позиций, занимаемых ими в культурно-просветительных обществах, профсоюзах и т. д. В то время в воздухе уже пахло войной. С.-д. партии Запада пытались делать попытку оказать некоторое воздействие на эту войну, для чего II Интернационал предполагал созвать всемирный международный конгресс. К международному конгрессу рабочие Петрограда усиленно готовились и выбирали своих делегатов; организованные металлисты выдвинули меня в качестве делегата на этот конгресс. Воспользовавшись приездом делегатов, наша партия предполагала устроить партийную конференцию. Для выполнения этой задачи мне было дано поручение от социал-демократической фракции поехать в ЦК, возглавляемый Владимиром Ильичом. Моя задача заключалась в том, чтобы поехать в ЦК нелегально, установить связь и явки по проезду и проверить — можно ли пройти туда и обратно через границу, имеются ли соответствующие безопасные места, через которые можно провести товарищей, которые поедут нелегально, и не «посадить» их. О тех, которые поедут с паспортами, заботиться было нечего. Мне пришлось благополучно пробраться через Российскую границу в Австрию, где жил в то время Владимир Ильич. Владимир Ильич жил в то время недалеко от Кракова, верстах в 150. Жил он в одной из деревень, которая называлась Поронино. Нам дали явку, в которой было указано, что Владимир Ильич живет в одной вилле. Наше представление о вилле такое, что это — роскошный, громадный дворец, в котором свойственно жить только буржуазии. В то время много говорилось о вилле Горького в Италии на о. Капри. Поэтому, когда мы услышали слово «вилла», мы иронически улыбались и острили — вот, мол, как живут наши вожди… в виллах. Когда мы приехали на ст. Поронино, спросили, где вилла Тереско, нам показали, что нужно идти прямо; прошли сажень 150–200 — никакой виллы, к нашему удивлению, не было видно. Дальше, повернувши направо, увидели обыкновенный крестьянский дом в две комнаты с кухней — такой оказалась «вилла», в которой жил Владимир Ильич.

К квартире Владимира Ильича мы пришли рано утром, когда все еще спали, постучались в дверь квартиры, и к нам вышла

старушка, которая, как мы узнали позднее, была матерью Надежды Константиновны Крупской-Ульяновой.

Старушка сообщила о приезжих из России Надежде Константиновне, которая через несколько минут вышла к нам. Узнав, что мы приехали из Питера, спрашивала, как мы доехали, со свойственной ей чрезвычайной деликатностью, мягкостью и простотой. Начала засыпать нас различными вопросами из жизни рабочего движения в Питере. Мы в свою очередь начали задавать различные вопросы о рабочем движении в Западной Европе, и наша беседа затянулась на довольно продолжительное время. Услышав наши разговоры, из квартиры вышел мужчина, одетый в дешевенький пиджачок, обутый в грубоватые поношенные ботинки, среднего роста, довольно крепкого телосложения, с приветливой улыбкой на лице и немного прищуренными глазами. Пытливо окинув нас глазами с ног до головы, вышедший мужчина сказал: «Здравствуйте» — это был В. И., которому Н. К. сообщила, что мы только что приехали из Питера. После этих слов на нас градом посыпались вопросы о рабочем движении в Питере, и мы едва-едва поспевали отвечать на задаваемые В. И. вопросы.

В. И. очень много расспрашивал о работе среди металлистов, интересовался тем ростом влияния, какое имели мы — большевики — в Питерском союзе, интересовался нашей практической борьбой с ликвидаторами. Все вопросы, удивительно простые и ясные, отчетливо показывали, какое значение придавал в то время металлистам В. И. По прошествии нескольких минут был приготовлен чай, и мы продолжали дальнейшую нашу беседу, сидя за завтраком. Тут же мы узнали, что через короткое время должны приехать некоторые депутаты Госдумы и что, когда они приедут, откроется совещание, а пока, до их приезда, придется нам здесь обождать.

Предложили нам с дороги отдохнуть, а тем временем обещали подыскать помещение, где мы можем ночевать, об обеде же, ужине и чаях беспокоиться нечего, так как все это мы можем получать у В. И. Так как депутаты приехали не так скоро, то нам пришлось прожить в Поронине свыше двух недель. За это время нам пришлось видеть, как работал в то время В. И. Вставал он очень рано и готовил к отправке в Россию почту, которая уходила, помнится, каждое утро. Ежедневно можно было видеть, как В. И., надевши на плечи дорожную сумку, садился на довольно потрепанный велосипед и ехал на почту, где сдавал приготовленную корреспонденцию и получал почти всю пришедшую на имя ЦК корреспонденцию, которая всегда была очень увесистая. Эта почта состояла из книг, газет, журналов,

писем на всевозможных языках и ежедневно прочитывалась В. И. лично, который к вечеру уже подготовлял ответы на письма, писал статьи для газет и журналов и сам возил их на почту. Тогда В. И. был всем: и организатором, и теоретиком, и писателем, и читателем, и почтальоном. Наблюдая его огромную работу, приходилось только удивляться той необычайной работоспособности, усидчивости, терпению и упорству в достижении намеченных целей. Часто мы ходили в окрестности, в горы; помню, как раз мы поднялись вначале вчетвером вместе с Н. К. на одну гору и Н. К. задыхалась и часто останавливалась. Когда мы поднялись в гору, Владимир Ильич только что вышел из квартиры; он шел очень быстро, видно было, что здоровье его крепко. Помню, мы еще на это обратили внимание Надежды Константиновны, которая тогда сказала: «Да, он еще ничего, здоров, его еще лет на 10 хватит партии». Действительно, с лета 1914 года по 1924 год не хватило полгода до 10 лет, о которых нам говорила Н. К. Ее слова оказались пророческими. Мы на этой горе долго беседовали о тех предстоящих задачах, которые тогда возлагались на нас партией, причем во время беседы мы возлагали большие надежды на предстоящий международный конгресс и думали, что он сумеет принять решительные меры в связи с предстоящей войной, в целях ее предотвращения. В. И. расхолаживал нас и говорил, что это могло бы быть лишь в том случае, ежели бы мы имели большинство во Втором Интернационале, а так как в нем сидят оппортунисты, то же, что российские меньшевики, то особых надежд возлагать на них нельзя, — его прозорливость полностью оправдалась впоследствии.

Помню еще наши беседы за столом. Они носили простой, задушевный характер, и тогда мы могли уяснять всю привлекательность В. И. Стол у В. И. был очень скромным. Обед был из двух блюд; первое — простой суп и потом что-нибудь на второе. Сначала мы ночевали у него, потом нас поместили рядом в дом одного крестьянина. Мы, рабочие, собравшись вместе, часто шутили над тем, как мы ошиблись, думая, что В. И. живет в вилле;

затем нас очень поразило то, что В. И. ведет очень скромную жизнь. Мы говорили, что петроградские рабочие живут значительно лучше его, их обеды значительно сытнее и обильнее. Он, несомненно, имел возможность жить лучше, так как он в то время литературно много работал, писал статьи в «Правду», «Просвещение», «Металлист» и другие журналы. На тот гонорар, который высылался ему редакцией «Правды», он мог бы жить лучше, но так как партийная касса была чрезвычайно слаба, то В.

И. все свои средства отдавал для партии.

После окончания всех дел, которые были на нас возложены ЦК, мы возвратились в Россию.

Впоследствии все мысли и предположения В. И. о металлистах, высказанные им как устно, так и письменно, оказались правильными и оправдали себя полностью.

Гигантскую, неоценимую роль сыграли металлисты в развитии нашей партии, профсоюзов и в развитии революционного движения рабочего класса, приведшего Россию к победоносной Октябрьской революции, и не одна еще славная страница в истории будет посвящена этому передовому авангарду рабочего класса, на который огромные надежды возлагал Владимир Ильич.

Ленин и металлисты (Статьи, воспоминания. фотографии). М., 1924. С. 30–35

К. КРЕЙБИХ
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Напряженное и приподнятое настроение царило в рядах делегатов, съехавшихся в конце мая и начале июня 1921 года из всех стран мира в Москву на III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Атмосфера была как бы заряжена электричеством. Вмешательство Исполкома Коминтерна в итальянский партийный конфликт, и в особенности выступление его против Серрати, вызвало в январе этого года серьезный кризис в молодой «Объединенной германской коммунистической партии». Мартовское выступление и дело Леви превратили этот кризис в кризис всего Интернационала. Серьезные конфликты вспыхнули и во французской партии. А мы, делегаты чехословацкой Коммунистической партии, приехали в Москву расколовшимися на два враждебных лагеря. Уже в понимании мирового положения и перспектив его дальнейшего развития были разногласия, но главным предметом борьбы должны были явиться тезисы о тактике. Повсюду шли разговоры о том, что намечается «сдвиг вправо».

Наступил день пленарного заседания, на котором должны были огласить доклад о тактике русской партии *. Уже по чисто объективным соображениям, этого доклада ожидали с большим нетерпением, так как это было как раз время введения натурального налога и начала новой экономической политики. Докладчиком был Ленин, главный творец и инициатор этой политики. Если на предшествующие заседания Ленин являлся незаметно и не привлекая к себе внимания, как и все другие делегаты, то в этот день его ожидали с особенным нетерпением. Впервые всеобщее внимание сосредоточилось на самой личности Ленина.

Все делегаты уже собрались в роскошной, величественной и пышной зале Кремля, не хватает только Ленина. Впрочем, он не заставляет нас долго ждать. Как и все прочие делегаты, он предъявляет красноармейцу у входа в зал свой пропуск. Часовые вообще ни одним движением не реагируют на то, что мимо них проходит глава государства. Без всякой рисовки Ленин быстро входит в зал. На первый взгляд в нем нет ничего, что привлекало бы к себе внимание. Один наблюдательный депутат, стоящий возле меня, замечает, что его брюки в одном месте заплатаны, а его шляпа слегка потерта и облысела. Вместе с ним входит пожилая, скромного вида женщина, одетая так, как у нас

одеваются скромные работницы или, скорее, крестьянки в праздничный день. Многие из женщин, входящих в нашу партию, постеснялись бы в таком платье выйти на Рейхенбергский рынок. Я спрашиваю одного товарища: кто эта женщина? Это— Крупская, жена Ленина, спутница его жизни. Со времени его ссылки в Сибирь, еще до первой русской революции, она ни на шаг не отходит от него. Ныне она стоит во главе огромного аппарата народных школ и народного просвещения Советской России.

При оглушительных аплодисментах и возгласах всего конгресса Ленин всходит на ораторскую трибуну. Столь бурные приветствия и овации на больших собраниях всегда вызывают некоторое чувство неловкости и смущения у тех, кто является их виновником: они не знают, куда смотреть, и начинают опасаться, как бы не разочаровать своей речью аудиторию. Для Ленина же ничего этого как будто не существует. Спокойно, дельно, без всякого пафоса и искусственного подъема, без красивых фраз и так называемых «импровизаций» он произносит свою речь. Его лицо, вся его фигура, его жесты, его холодный, синий, как сталь, пронизывающий насквозь взгляд — все это отнюдь нельзя назвать симпатичным, в обычном смысле этого слова. В особенности когда он улыбается своей саркастической насмешливой улыбкой, выражение его лица производит почти несимпатичное впечатление: в нем есть что-то демоническое, дьявольское. Когда люди, одаренные богатой фантазией, говорят о почти монгольском типе лица Ленина, то в этом есть доля правды. Внешность Ленина совершенно не подходит для мира добропорядочной демократии и благовоспитанного «рабочего движения», в котором мы выросли, для мира симпатичных бород и солидных усов, добродушных голубых или мрачных черных глаз наших вождей. Мы тщетно воскрешаем в памяти образы Виктора Адлера, Бебеля, Жореса и других представителей II Интернационала — все наши попытки подыскать аналогию не приводят ни к чему. Ленин — это другой мир, совершенно так же как и вся Советская Россия и Коммунистический Интернационал вообще.

Едва ли был когда-либо оратор, который без всякой помощи риторических приемов и средств умел достигать таких колоссальных результатов, как Ленин. В его словах всегда было только дело, ничего другого, кроме дела. Достаточно прочесть его доклад на III Всемирном конгрессе, в особенности безыскусственное начало этого доклада и его удивительно простой, лишенный всякой риторики конец. Однако это безыскусственное начало мгновенно вызвало в зале жуткую тишину, а лишенное риторических прикрас заключение вызвало

бурные овации конгресса, с затаенным дыханием выслушавшего всю речь с начала до конца.

На следующий день после этого доклада начались совещания комиссии, которая должна была окончательно редактировать тезисы о тактике. Тут нам опять пришлось выдержать тяжелый бой с Лениным. И в этой борьбе за — истину, за отыскание правильного пути я впервые научился правильно ценить и уважать Ленина. С точки зрения тех порядков, которые существовали во II Интернационале в международной социал-демократии, мое выступление было неслыханною дерзостью. Легко представить себе, что было бы, если бы на подобном совещании II Интернационала против Виктора Адлера или Бебеля выступил человек, который всего лишь каких-нибудь три месяца тому назад вошел в Интернационал, а теперь с такой бесцеремонностью вступает в полемику, как это позволил себе я спустя три месяца после нашего вступления и лишь две недели после нашего принятия в III Интернационал! И так как в это время мне не было еще даже 40 лет, то очень легко можно было бы применить ко мне ходячее выражение о «молодом человеке», который, «едва пробравшись в общество», позволяет себе все, что угодно. Однако мое выступление ничего подобного не вызвало. Ни одного слова, ни одного самого легкого намека на подобные аргументы. Резко, едко, метко, безжалостно разбивал Ленин все наши аргументы, но ни малейшего следа личной полемики не было внесено им в спор. Ни малейшего следа той отвратительной, оскорбительной отеческой снисходительности, которая столь обычна у многих старых партийных «бонз» по отношению к более молодым деятелям. При этом Ленин был по отношению к нам, младшему и менее опытному поколению, гораздо более приветлив и обходителен, чем к своим старшим товарищам и соратникам. В полемике Ленина, которая за зеленым столом, в тесном кругу комиссии носила столь интимный и искренний характер, что в ней как бы открывалась вся душа этого великого человека, — в этой полемике сочетался тонкий, обезоруживающий всякую возможную бестактность со стороны противника такт благородной великой души с тщательным и серьезным анализом каждого аргумента оппонента. В Ленине можно было даже подметить некоторую тайную радость, когда он видел, что тот или другой выступает против него без смущения и страха, если только он чувствовал, что у противника есть налицо честное желание служить общему делу и что за аргументацией скрывается твердое убеждение. Если же он чувствовал неискренность, безыдейность, тщеславие и т. п. — словом, что-нибудь недостойное революционера, то он

умел метать молнии, холодные, но тем более смертельные, и гнев его в эти минуты был страшен. Тогда невольно вспоминалась его уничтожающая, безжалостная, грубая и не отступающая перед самыми резкими словами экзекуция, которую он совершил над врагами революции — Каутским и К°. Враг пролетарской революции, человек по ту сторону баррикады был для Ленина вне закона: по отношению к нему возможна была только борьба не на жизнь, а на смерть. Вне революции и ее рядов человек не имеет права на существование, не может иметь притязании на честь…

Само собою разумеется, что мы потерпели решительное поражение. Весь ход работ III Всемирного конгресса является доказательством этого. Однако когда мы вышли из комиссии по тактике «побежденные и разбитые» — правда, побежденные и разбитые *Лениным!* — тогда вся горечь, все разочарование уже успели испариться, по крайней мере, из моей души. Ленин не только разбил нас в примитивном смысле этого слова, т. е. в том смысле, что большинство комиссии стало на его сторону. Нет, он переубедил и нас самих. Правда, мы не отказались от своих сомнений и голосовали в комиссии «против Ленина». Один делегат, голосовавший за внесенную Лениным резолюцию, заявил, при общем смехе, в котором участвовал и сам «Старик», что он голосует «за Ленина», после чего я, при новом взрыве смеха, подал голос «против Ленина», но мы уже знали, что найден путь, который приведет нас к концу всех наших сомнений.

Вот при каких обстоятельствах я познакомился с Лениным. Это произошло не так, как я мечтал: не в атмосфере чистого энтузиазма, когда как зачарованный слушаешь слова оратора. Путь к Ленину, так же как и путь к Коммунистическому Интернационалу, я не сумел проложить себе сразу, я лишь медленно и постепенно подошел к нему. Это стоило мне вначале многих терзаний, многих бессонных ночей, внутренней борьбы и разногласий с друзьями. Но, когда мне удалось наконец понять Ленина, несмотря на все недоразумения и препятствия, вызывавшиеся различием настроения и тактической позиции, понять его во всей глубине, во всем его исполинском величии, тогда я был рад, что я именно этим путем пришел к Ленину. Не только потому, что благодаря этому он мне стал особенно дорог, но эти во всех отношениях жаркие летние дни 1921 года стали для меня особенно незабвенными еще и потому, что в эти дни я научился большему, чем мог бы научиться в течение многих лет.

Лишь один раз после этого мне пришлось видеть и слышать Ленина. Это было 25 марта 1922 года при открытии съезда РКП в Свердловском зале в Кремле. Тогда возглавляемая Шляпниковым и Коллонтай «рабочая оппозиция» играла еще известную роль.

Незадолго до того мы судили ее в расширенном пленуме Исполкома. Вступительная речь Ленина полностью ликвидировала эту «оппозицию». В этой речи Ленин, несмотря на то что он незадолго до того перенес тяжелую болезнь, оказался вполне на высоте положения. Ведь здесь он говорил на своем родном языке и в своей стихии: в кругу своей партии. Настоящим наслаждением было слушать его, хотя я лишь очень немногое мог понять из его речи. И было радостно также видеть, как слушает его съезд, видеть, как все эти рабочие, крестьяне и красноармейцы из всех даже самых отдаленных уголков исполинского государства, все эти испытанные борцы, представители авангарда мировой революции ловят каждое слово своего вождя.

Теперь его уста сомкнулись навеки. И, когда мы в следующий раз приедем в Москву, мы сможем посетить нашего Ленина лишь у высокой стены Кремля на огромной Красной площади, на этом священнейшем на все будущие времена месте погребения во всем мире. На свете есть много святых мест, к которым в течение столетий стекаются пилигримы, но на этом священном месте, где покоятся борцы величайшей революции всех времен, будут проливаться слезы даже в ту эпоху, когда все другие места будут вызывать лишь светлые воспоминания о давно минувшем детстве человечества.

Мы же все, на долю которых выпало счастье знать величайшего человека нашего столетия, мы все приложим все наши усилия, чтобы показать себя достойными этого счастья вплоть до конца нашей жизни.

Первая годовщина. 1924 — 21 января — 1925. Ленин, о Ленине, о ленинизме. М., 1925. С. 238–243

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

Личность Владимира Ильича так велика и многогранна, что еще долгие годы будут изучать ее с разных сторон, а изучая, делать новые открытия и черпать вдохновения для творчества.

Уже при жизни его там, в народных глубинах, творилась о нем легенда, в которой ему приписывались дела и мысли, в действительности не имевшие места. И характерно, что по общему правилу в этой легенде В. И. приписывалось всегда что-нибудь выражающее его заботливость об интересах миллионов тружеников, его непрестанные думы об их деле и об их нужде.

Все мы, имевшие счастье непосредственного общения с В. И., обязаны широко огласить свои воспоминания о нем и приложить все усилия для характеристики его облика.

Но как трудно это сделать в эти дни; как мешает этому боль утраты, та мучительная боль, вызываемая мыслью о его смерти, при которой все хочется думать, что этого на самом деле нет, что он еще жив, что смерть его — лишь тяжелый, кошмарный сон…

Он еще так близок к нам, он еще так среди нас, что почти нет никакой возможности отойти мысленно на такое расстояние, чтобы окинуть глазом все то основное, существенное, что исходило из хрупкого человеческого материала и вопреки ему будет жить века.

Несомненно, что с этой задачей возможно будет справиться лишь с течением времени и коллективно, потому что личностью В. И., как это я уже сказал выше, нам дана не одна, а многие и многие темы для такой работы. Он глубок и как мыслитель, превосходно овладевший богатым наследством, оставшимся после Маркса и Энгельса, и сделавший свои собственные вклады в этой области научного творчества, и как апостол-пропагандист и вернейший страж интересов пролетариата, и как искусный организатор-практик, и как пламенный, стремительный и неустрашимый революционер, и как писатель, и как своеобразный оратор-трибун, увлекавший за собой народные массы, и как хладнокровный и искусный стратег и вождь мирового пролетариата.

Не сомневаюсь, что на эти темы будут написаны многие томы, и не только на нашем, но и на самых различных языках. В этих немногих строках, которые я пишу здесь, я хотел бы отметить лишь то, что делало для нас Владимира Ильича самым дорогим, незаменимым товарищем-другом.

Кто-то правильно сказал, что самое большое счастье для человека — это встреча и возможность общения с человеком, который и выше и лучше других. Счастье такой встречи с особой яркостью ощущалось всеми нами именно при общения с В. И.

Все мы, шедшие разными жизненными путями, имеющие за своими плечами разнообразный жизненный опыт, все мы будем свидетельствовать по-разному, но об одном и том же: встреча и работа с В. И., вто могучее и теплое ильичевское крыло, которое было распростерто над нами, вот это и было наше самое дорогое счастье. Мы все знали, что, пока он жив, "есть такой центр, такой опорный пункт, в котором не только мудро, но и с глубокой человеческой проникновенностью подумают и позаботятся о нас, чтобы приподнять час и помочь нам быть лучше и полезнее для других. Приближаясь к нему и смотря на него, мы не только все глядели вверх, но, порой даже незаметным для себя образом, подтягивались, чтобы быть лучше и достойнее.

Сколько раз мы замечали, что, подходя к дверям его кабинета, напряженно размышляя над каким-нибудь вопросом или запросом к нему, вслед за тетя после самого краткого обмена мыслей с ним, мы с удивлением чувствовали, что вопрос так прост, а решение так ясно, что никаких сомнений и колебаний быть не может. Это происходило потому, что чувство уважения, которое внушал нам самым распорядком своего рабочего дня этот неутомимый труженик, заставляло особенно напряженно работать нашу мысль, а также и потому, что В. И. обладал особым даром с полуслова подхватывать мысль собеседника и направлять ее в надлежащее русло.

Чтобы в наибольшей мере завоевать личность приближавшегося к нему человека, В. И. не нуждался ни в каких искусственных средствах: для этой цели ему достаточно было только оставаться самим собой. А таким он был во всю свою жизнь и при всевозможных обстоятельствах, потому что в самом его существе сочетались такие черты, которые бесповоротно исключали всякое притворство, всякую фразу, всякую ходульность.

Говорят, что истинное мастерство в любой области характеризуется в последнем и конечном счете именно легкостью своего выявления: человек затрачивает как будто бы немного, а дает очень много. В этом смысле Владимиру Ильичу в совершенстве дано было быть человеком — таким простым, ясным и доступным и вместе с тем таким необыкновенно чутким, всесторонним и сильным.

Однако каждый из нас знает, что мастерство в любой области не падает на человека с неба, а дается большой работой и

большой тренировкой. Именно только в последнем счете, после громадной предшествовавшей работы это мастерство так просто и легко выявляется.

С того детского портрета В. И., который в настоящее время широко известен, на нас смотрит необыкновенно привлекательное детское личико. Но чтобы этот ребенок мог превратиться в знакомый всем нам облик зрелого В. И. с таким характерным куполом лба и с таким благородным очертанием губ, чтобы такой простотой и ясностью гения веяло от слов и дел его, для всего этого потребовались годы углубленной и напряженной работы над самим собой, но не для самого себя.

Долгими годами упорной работы над собой сковал он в себе железную волю и был вправе более чем кто-либо другой отдавать приказания и требовать многого, потому что наиболее требовательно, наиболее беспощадно относился он к самому себе.

Никогда еще в истории человеческая личность не была поднята на законнейшем основании так высоко. Но ни на минуту не закружилась у В. И. голова от этой власти, и не пало на него от практики этой власти ни одного малейшего пятнышка.

Отойдет он в историю, как самый грозный враг всякой власти человека над человеком, как самый беззаветный друг мозолистых рук, бесстрашной мысли и последовательной непреклонности в борьбе за коммунизм.

Этот пламенный и стремительный борец сжег себя в неустанной борьбе, ни на минуту не покидая своего сторожевого поста, судорожно набрасывая своей парализованной рукой последние мысли, по-прежнему ярким светом озаряющие пути пролетарской революции.

До конца, до последнего вздоха…

У великой могилы. М., 1924. С. 192–193

Н. К. КРУПСКАЯ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя.

Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить? Владимир Ильич умел брать от жизни ее радости. Любил он очень природу. Я не говорю уже о Сибири, но и в эмиграции мы уходили постоянно куда-нибудь за город подышать полной грудью, забирались далеко-далеко и возвращались домой опьяневшие от воздуха, движения, впечатлений. Образ жизни, который мы вели, значительно отличался от образа жизни других эмигрантов. Публика любила бесконечные разговоры, перебалтыванье за стаканом чая, в клубах дыма. Владимир Ильич от такого перебалтыванья ужасно уставал и всегда ладил уйти на прогулку. Помню, в первый год нашей эмигрантской жизни в Мюнхене мы взяли однажды на прогулку Мартова и Анну Ильиничну, чтобы показать им наше любимое место — дикий берег Изара, куда нужно было продираться через какие-то кусты. Они через полчаса у нас так изу-стали и разворчались, что мы поторопились переправить их на лодке в культурную часть города и уж без них пошли на «наше» место. Даже в Лондоне мы ухитрялись выбираться на лоно природы, а из этого прокопченного дымом, обволоченного туманом чудища это не так-то легко, особенно когда не хочешь истратить больше полутора пенсов на омнибус.

Потом, когда у нас в Швейцарии завелись велосипеды, круг наших прогулок значительно расширился. Помню, как однажды в Лондоне Вера Ивановна Засулич возмущенно сказала какому-то товарищу, который предполагал, что Ильич только и делает, что сидит в Британском музее, и очень удивился, что тот собирается на прогулку: «Ведь он же страстно любит природу!» Помню, я тогда подумала: «А ведь это правда».

Любил Ильич еще наблюдать быт. Куда-куда мы ни забирались с ним в Мюнхене, Лондоне и Париже. Он любил вычитывать объявления о разных собраниях социалистов в пригородах, в маленьких кафе, в английских церквах. Он хотел видеть жизнь немецкого, английского, французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет. На каких только предвыборных собраниях в Париже мы не бывали! Мы знали быт рабочих той страны, в которой жили, лучше, чем его знали обычно эмигранты. Помню, в Париже была у нас полоса увлечения французской революционной шансонеткой. Познакомился Владимир Ильич с Монтегюсом, чрезвычайно талантливым автором и исполнителем революционных песенок. Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих кварталов. Ильич одно время очень любил напевать его песню: «Salut a vous, soldats de 17» («Привет вам, солдаты 17-го полка» — это было обращение к французским солдатам, отказавшимся стрелять в стачечников). Нравилась Ильичу и песня Монтегюса, высмеивавшая социалистических депутатов, выбранных малосознательными крестьянами и за 15 тысяч франков депутатского жалованья продающих в парламенте народную свободу… У нас началась полоса посещения театров. Ильич выискивал объявления о театральных представлениях в предместьях Парижа, где объявлено было, что будет выступать Монтегюс. Вооружившись планом Парижа, мы добирались до отдаленного предместья. Там смотрели вместе с толпой пьесу, большей частью сентиментально-скабрезный вздор, которым так охотно кормит французская буржуазия рабочих, а потом выступал Монтегюс. Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делают французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности. Толпа парижских предместий, рабочая толпа — она живо реагирует на все: на даму в высокой модной шляпке, которую начинает дразнить весь театр, на содержание пьесы. «Ах ты, подлец!» — кричит рабочий актеру, изображающему домовладельца, требующего от молоденькой квартирантки, чтобы она отдалась ему. Ильичу нравилось растворяться в этой рабочей массе. Монтегюс выступал раз на одной из наших русских вечеринок, и долго, до глубокой ночи, он сидел с Владимиром Ильичом и говорил о грядущей мировой революции. Сын коммунара и русский большевик — каждый мечтал об этой революции по-своему. Во время войны Монтегюс стал писать патриотические песни.

Другая полоса была — это посещение предвыборных собраний, куда рабочие приходили с ребятами, которых не на кого оставить дома. Слушали ораторов, смотрели, что задевает, электризует толпу, любовались на могучую фигуру рабочего кузнеца, с восторгом глядевшего на оратора, и на прильнувшую к нему полудетскую фигуру сына-подростка, впившегося в оратора, как и отец, всем своим существом. Мы слушали социалистического депутата, как он говорит перед рабочей аудиторией, а потом шли слушать его на собрание интеллигенции, чиновников и видели, как большие и зажигательные идеи, от которых трепетала рабочая аудитория, тускнели, рядились оратором в приемлемый для мелкой буржуазии цвет. Ведь надо же отвоевать побольше голосов! И, возвращаясь с собрания, Ильич мурлыкал монтегюсовскую песенку о социалистическом депутате: «T'as bien dit, mon gal» («Верно, парень, говоришь!» *Н. К..)*

В Лондоне мы ходили в Гайд-парк слушать уличных ораторов — один говорил о боге, другой о том, как плохо живут приказчики, третий о городах-садах. Ходили в Уайтчепль, еврейский квартал Лондона, и знакомились там с русскими матросами, еврейской беднотой, слушали ее полные тоски и отчаяния песни. Шли в кружок, где юный английский социалист делал доклад о муниципальном социализме, а старый член партии, фигурировавший накануне в качестве социалистического попа на своеобразном богослужении в социалистической церкви «Семи сестер», объяснявший, что исход евреев из Египта надо понимать как прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма, крыл юного докладчика за оппортунизм…

Уметь наблюдать жизнь, людскую жизнь, в ее многогранности, в ее своеобразных проявлениях, находить в ней созвучные своим переживаниям ноты — разве это не значит наслаждаться жизнью, разве это может уметь аскет?

Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортунистом». Даже в 1914 г., когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в

Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймет?»— говорил Владимир Ильич. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды Владимир Ильич сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П. Н. не уловил. Никогда Владимир Ильич не противопоставлял себя Плеханову.

Молодые товарищи, изучая историю партии, вероятно, не отдают себе отчета, что такое был раскол с меньшевиками.

Не только Плеханова любил Владимир Ильич, но и Засулич, и Аксельрода. «Вот ты увидишь Веру Ивановну, это кристально чистый человек», — сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен. Ореолом окружал он долгое время и Аксельрода.

Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил «что»), просил спросить по телефону про него Каменева и внимательно выслушал рассказ. Когда я рассказала ему про А. М. Калмыкову и после этого он спросил «что», я уже знала, что он спрашивал про Потресова. Я ему рассказала и спросила: «Узнать подробнее?» Он отрицательно покачал головой. «Вот, говорят, и Мартов тоже умирает», — говорил мне Владимир Ильич незадолго до того момента, как у него пропала речь. И что-то мягкое звучало в его словах.

Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова и Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.

Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и другими неизбежен, как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность — в настоящем, глубоком смысле этого *слова,* — честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко.

У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке

какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека. Помню двухнедельный «роман» с Натансоном, который поразил его своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне. Особенно вцеплялся Владимир Ильич в приезжих из России. И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, ее постановке, во всем их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей ее сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают.

Меньше всего был Ильич, с его пониманием жизни и людей, с его страстным отношением ко всему, тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают: образцовый семьянин — жена, деточки, карточки семейных на столе, книга, ваточный халат, мурлыкающий котенок на коленях, а кругом барская «обстановочка», в которой Ильич «отдыхает» от общественной жизни. Каждый шаг Владимира Ильича пропускают через призму какой-то филистерской сентиментальности. Лучше бы поменьше на эти темы писать.

Владимир Ильич ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым.

Когда мы жили в ссылке, Владимир Ильич не раз говорил об этом. Он говорил о необходимости тщательно отгораживаться от всяких ссыльных историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтения в чужих сердцах, праздного любопытства. Это — засасывающее мещанство, обывательщина.

В Лондоне в 1902 г. у Владимира Ильича был очень резкий конфликт с частью редакции «Искры», которая хотела судить одного товарища за его якобы неблаговидный поступок в ссылке. Разбирательство, естественно, было связано с грубым вмешательством в его личную жизнь. Владимир Ильич резко протестовал против этого, наотрез отказался от участия в этом безобразии, как он выражался. Его потом обвиняли в отсутствии чуткости…

Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением именно настоящей чуткости.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 458–463

ИЗ ОТВЕТОВ НА АНКЕТУ ИНСТИТУТА МОЗГА В 1935 г

Слабым не был, но не был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню — починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижный. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках «из угла в' угол». Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Думаю, что отчасти, чтобы не беспокоить, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоить и хозяев квартиры. Но это только отчасти.

Кроме того, наверное, еще и потому, что такой быстрой бесшумной ходьбой на цыпочках создавалась еще большая сосредоточенность.

Лежать определенно не любил.

Скованности в движениях не было. Движения не мягкие, но они не были и резкими, угловатыми.

Ходил быстро. При ходьбе не покачивался и руками особенно не размахивал.

Неуклюжим не был, скорее ловкий.

Беспорядочности и суетливости в движениях не было.

На ногах был очень тверд.

Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде. В ссылке катался на коньках по реке, вдоль берега. На Волге места не грибные, где он жил. Когда я приехала к нему в ссылку, мы часто ходили в лес по грибы. Глаза у него были хорошие, и когда он (быстро) научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще.

Мастерством и ремеслом никаким не занимался, если не считать письма «химией».

Одевался и раздевался быстро. Во время болезни он старался не отступать от одной и той же процедуры, именно для того, чтобы проделать все быстро.

Излюбленные жесты и привычные движения — движения правой рукой во время речи вперед и вправо. Недавно видела изображение Ильича с правой рукой (во время речи): предплечьем вперед, но плечо прижато к туловищу — это неверно, так он не делал, — рука шла вперед, вытягивалась или закругленным движением и отходила от туловища.

Таких жестов, как битье кулаком по столу или грожение пальцем, никогда не было.

Манерности, вычурности, странностей, театральности,

рисовки в движениях не было.

Мимика и жестикуляция всегда были выразительны. Стали определенно живее во время болезни. Улыбался очень часто. Улыбка хорошая, ехидной и «вежливой» она не была.

Ух, как умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте.

Ни так называемой вежливой улыбки или смеха, натянутости. Они были всегда очень естественны.

Голос был громкий, но не крикливый, грудной. Баритон. Пел. Репертуар: «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно», «Замучен в тяжелой неволе», «Варшавянка», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «День настал веселый мая», «Беснуйтесь, тираны», «Vous avez pris Elsass et Lorraine», «Soldats dix-septieme».

Говорил быстро. Стенографисты плохо записывали. Может быть, впрочем, и не потому, что быстро, или не столько потому, а потому, что 1) стенографисты у нас были тогда плохие и 2) конструкция фраз у него трудная.

В сборнике «Леф» есть статья, в которой авторы, разбирая структуру речи Ильича, приходят к выводу, что конструкция речи (фраз) латинская.

Ильич мне как-то говорил, что он в свое время очень увлекался латинским языком.

Голос выразительный, не монотонный. Особенно выразительны и в отношении модуляции были его «zwischenrufe» (возгласы с места, реплики. *Ред.)*. Я их как сейчас слышу.

Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни «естественной искусственности», «певучая» типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской — русская речь посредине между этими крайностями. И она была у Ильича такая — посредине — типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна. Модулирования не были штампованно однообразны и стереотипны.

Плавная и свободная. Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений. Правда, он всегда очень тщательно готовился к выступлениям, но, готовясь, он готовил не фразы, а план речи, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа. Бывало часто — он очень эмоционален был, — готовясь к выступлению, ходит по комнате и шепотком говорит — статью, например, которую готовится написать. На прогулке, бывало, идет молча, сосредоточенно. Тогда я тоже не говорю, даю ему

уйти в себя. Затем начинал говорить подробно, обстоятельно и очень не любил вставных вопросов. После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен. Я никогда не расспрашивала — он сам всегда потом рассказывал, без вопросов.

На прогулках часто бывали случаи, когда какая-нибудь неожиданная реплика показывала, что, гуляя, он сосредоточенно и напряженно думал, обдумывал и т. д.

«Лезет на живописную гору, а думает совсем не о горе, а о меньшевиках» (см. Воспоминания Эссен (Зверь)).

В этом же и беда во время начала болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

Потребность высказаться, выяснить у него была всегда очень выражена.

Случаев выпадения из памяти слов, фраз и оборотов или непонимания смысла и значения слов собеседника не было. Наоборот, необычайно быстро улавливал смысл и значение. Его записи — часто одним словом, одной фразой.

Дома, если какой-либо вопрос его сильно волновал, всегда говорил шепотком.

Очень бодрый, настойчивый и выдержанный человек был. Оптимист.

В тюрьме был — сама выдержка и бодрость. Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что Вы говорите, Надежда Константиновна?»

Ильич понял — после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках.

Любил напевать и насвистывать.

Писал ужасно быстро, с сокращениями. Писал с необыкновенной быстротой, много и охотно. К докладам всегда записывал мысль и план речи. Записывал на докладах мысли и речи докладчика и ораторов. В этих записях всегда все основное было схвачено, никогда не пропущено.

Почерк становился более четким, когда писал что-либо (в письмах, например), что его особенно интересовало и волновало.

Письмо было связанно и логически последовательно.

Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма.

Рукописи писал всегда сразу набело. Помарок очень мало.

Преобладания устной или письменной речи не было. По-моему, и та, и другая были сильно развиты. Легко и свободно и писал, и говорил.

Статистические таблицы, цифры, выписки писал всегда необычайно четко, с особой старательностью, — это «образцы каллиграфии». Выписывал их охотно, всегда и цифрами, и кривыми, и диаграммами, но никогда не диаграммами изобразительными (в виде рисунков).

Статистическую графику использовал широко, чертил сам и очень четко.

Никак и никогда ничего не рисовал.

Читал чрезвычайно быстро. Читал про себя. Вслух ни я ему, ни он мне никогда ничего не читали, в заводе этого у нас не было: это же сильно замедляет.

Шепотом при чтении иногда говорил, что думал в связи с чтением.

Вдаль видел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле.

Глазомер у него был хороший — стрелял хорошо и в городки играл недурно.

Цвета и оттенки различал очень хорошо и правильно.

Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строчки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго виденное и подробности виденного.

Ужасно любил природу. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетания красок. На свою одежду обращал внимания мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал шепотную речь. Ориентировался в незнакомой местности хорошо. Расстояния и направление по слуху тоже определял хорошо.

Очень хорошо запоминал и очень хорошо удерживал в памяти слышанное. Передавал всегда точно, уверенно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.

Во время подготовки к выступлениям и вообще занимаясь, любил подчеркивания, пометки, выписки и конспекты и прибегал к ним часто и много. Они часто были коротки и выразительны. Но во время чтения шепотком говорил лишь по поводу читаемого. Шепотком говорил свою статью. Слушать, как другой читает, — этого у нас не было в заводе.

Очень любил слушать рассказ. Слушал серьезно, внимательно, охотно. Есть воспоминание группы рабочих,

посетивших его после болезни. Они пишут, что Ильич говорил с ними. В действительности он только слушал.

Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как больной.

Шум вообще не любил (я говорю не о шуме людной улицы, толпы, большого города). Но вот в квартире не любил шуму.

Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино. Абсолютный слух? Не знаю. Насчет аккорда тоже не знаю. Ритм? Ноты? Мог ли читать их? Не знаю.

Оперу любил больше балета.

Любил сонату «Патетическую» и «Аппассионату».

Любил песню тореадора. Охотно ходил в Париже в концерты. Но всего этого было мало в нашей жизни. Театр очень любил — всегда это производило на него сильное впечатление.

В Швейцарии мы ходили с ним на «Живой труп».

Высоты не боялся — в горах ходил «по самому краю». Быструю езду любил.

Под разговор писать не мог (не любил), нужна была тишина абсолютная.

Довольно покорно ел все, что дадут. Некоторое время ели каждый день конину. Они с Иннокентием находили, что очень вкусно.

В молодости и в тюрьме страдал катаром желудка и кишок. Часто потом спрашивал, перейдя на домашний стол, исправивший эти катары: «А мне можно это есть?» Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия).

С наслаждением ел простоквашу. Вкус и обоняние вообще были слабо развиты. Запахи он различал, конечно, но никакой склонности и к ним вообще, и к особым не было.

В комнате не выносил садовых цветов. Но любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал.

Помню, я его заставала за таким занятием — подливал в 1922 г. теплую воду в кувшин, в который мы поставили ветки с набухшими почками (весной дело было).

Оптимист. В Сибири и во Франции он был вообще гораздо нервнее. Страдал страшными бессонницами. Утра у него всегда были плохие, поздно засыпал и плохо спал. В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а во Франции мы жили шиворот-навыворот. Поздние разговоры и споры до ночи (в Сибири и заграницей). В Сибири одно время перед концом ссылки страшно волновался, что могут продлить, — был тогда особенно

нервный и раздражительный. Даже исхудал.

Меланхолии, апатии не было. Смены настроения всегда вообще имели явную причину и были адекватны. Очень нервировала его склока заграничная, ссоры и споры с Плехановым и с впередовцами.

Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны.

Обычное, преобладающее настроение — напряженная сосредоточенность.

Веселый и шутливый.

Частой смены настроения не было. Вообще все смены всегда были обоснованны.

Очень хорошо владел собой.

Когда говорил, если по тем или иным причинам не надо было сдерживаться, всегда остро ставил вопросы, заострял их, «не взирая на лица».

В беседах с людьми, которых растил, был очень тактичен.

Впечатлителен. Реагировал очень сильно.

В Брюсселе после столкновения с Плехановым немедленно сел писать ядовитые замечания на ядовитые замечания Плеханова, несмотря на уговоры пойти гулять:

«Пойдем собор смотреть».

Бледнел, когда волновался.

Страстность захватывающая речи, она чувствовалась даже, когда говорил внешне спокойно.

Перед всяким выступлением очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает. Обязательно писал план речи.

Очень сильно было выражено стремление углубленно, по-исследовательски подходить к вопросам.

В Шуше, например, крестьянин 2 часа рассказывал ему, как он поссорился со своими за то, что те не угостили его на свадьбе. Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью.

Всегда органическая какая-то связь с жизнью.

Колоссальная сосредоточенность.

Самокритичен, очень строго относился к себе. Но копанье и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел.

Когда очень волновался, брал словарь (например, Макарова) и мог часами его читать.

Был боевой человек.

Адоратскому до деталей рассказывал, как будет выглядеть социалистическая революция.

Азарт на охоте — ползанье за утками на четвереньках. Зряшнего риска — ради риска — нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости.

Смел и отважен.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 464–470

П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

В ночь с 8 на 9 декабря *(по* ст. ст.) 1895 г. Вл. Ильич подвергается аресту. Перед ним гостеприимно раскрылись двери камеры в доме предварительного заключения («предварилке»), и он на долгие и долгие месяцы стал хозяином полутемной камеры, имеющей шесть аршин в длину и три в ширину. Окно на высоте свыше сажени, с двойными рамами и крепкою решеткою, выходит на тюремный двор, окруженный с четырех сторон высокими стенами шестиэтажного тюремного здания и имеющий вид огромного колодца. Но Вл. Ильич не видит дна этого колодца и может лишь наблюдать через глубокую амбразуру оконного отверстия кусочек серого петербургского неба.

Обстановка камеры простая. В углу той стены, где находится окно, стыдливо притаилась в тени клозетная раковина, прикрытая жестяной проржавленной крышкой. Недалеко от этого места к стене привинчена водопроводная раковина с краном. Еще ближе к двери— кровать, в форме привинченной к стене железной откидной рамы с ножками; на раме тюфячок; подушка (отнюдь не из пуха), казенное одеяло из серого сукна и грубое постельное белье, нестерпимо пахнущее пота-шем или какими-то специями, составляющими секрет казенного прачечного искусства. По другую сторону к стене привинчена железная доска, играющая роль столика (приблизительно 9 кв. четвертей) и другая железная доска для сиденья за этим столом. Хотя и не очень просторно, но писать все-таки можно. Еще ближе к двери — с той же стороны, где и столик, — на высоте человеческого роста две маленьких полочки, одна над другой. Там помещается посуда узника — жестяная миска для супа, из того же материала тарелка — для каши, деревянная ложка, кружка. Ножей не полагается (ибо нож может быть орудием самоубийства), а вилку можно иметь свою, но только деревянную.

Владимир Ильич быстро ориентируется в условиях и обстановке своеобразной тюремной жизни. Он не унывает и даже готов юмористически реагировать на постигшее его «несчастье». Его трезвый ум подсказывает ему самое простое отношение к случившемуся. Все, дескать, в порядке вещей. Царское правительство изловило своего политического противника и сделало своим пленником. В свою очередь пленник, если только он не хлюпкий, расслабленный интеллигент, а серьезный политический деятель, должен как можно меньше расходовать

свои силы на нервные реакции и никчемные протесты против «жестоких палачей» и насильников» (если бы в социальной борьбе классовый враг поступал по христосовским рецептам, то это был бы круглый идиот), должен стараться перехитрить своего победителя и извлечь максимум пользы для своего дела даже из условий своего тюремного бытия.

А в милейшей предварилке совсем даже недурно можно устроиться. Во-первых, нет ничего проще, как завязать сношения с внешним миром. Можно зашивать записочки на клочках тонкой бумаги в белье, которое сдается «на волю» в стирку, можно с воли в «приношениях» (напр., в ягодах вишневого варенья) получать крошечные комочки бумаги с драгоценными информациями, можно переписываться с помощью чуть заметно отмеченных точками букв в книгах и т. д. и т. д.

И Владимир Ильич, со свойственной ему подвижностью вечно творческой мысли, довольно быстро одолел «технику» этого дела. Одиночное заключение в строго охраняемой тюрьме не является по отношению к нему надежным средством прервать его связь с революционной средой. Из занимаемой им камеры время от времени вылетают его мысли — ласточки, которые в форме призывных прокламаций то там, то сям будят сознание и волнуют сердца пролетариев. Даже целые брошюры («О стачках» *(Брошюра погибла при аресте Лахтинской типографии народовольцев. Ред.)* и «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» умудряется Ильич выпустить на волю… Что же касается сношений с товарищами по работе, одновременно вместе с ним (или немного позже — в 1896 г.) водворенными в предварилку (Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец, Цедербаум), то это для него не представляло никаких трудностей, ибо для него ничего не стоило овладеть искусством выстукивания через гулкую стену камеры или через паровую печку-трубу — вправо, влево, вверх и вниз — с помощью традиционной тюремной азбуки.

Но не только в этих актах постоянного преодоления тюремных препятствий к сношению его с теми людьми, с которыми он хотел продолжать общение, выявлялась его кипучая энергия, айв гораздо большей степени в его литературно-творческой работе. Все политические, попадавшие в предварилку, не упускали случая использовать свой вынужденный досуг в интересах своего интеллектуального развития. В предварилке имелась недурная библиотека в несколько десятков тысяч томов. В ней, напр., можно было найти старые периодические журналы «Современник», «Отечественные записки» и т. д., книжки по политической экономии, по естествознанию и пр. и пр., —

словом, в целях самообразования не только рабочий с очень скромным умственным багажом, но и гордый своей «сознательностью» студент кое-что подходящее мог всегда отыскать там для себя. Принимая же во внимание, что заключенные имели право получать и с воли книжки (конечно, проходящие через жандармскую цензуру), легко себе представить, какую энергию мог бы развить каждый политический узник по части насыщения своих мозгов книжной премудростью. Но в огромном большинстве заключенные не спасали этой работой своей психики от разлагающего влияния тюремной обстановки, очень часто впадали в состояние умственной и нравственной прострации, в особенности после той или иной полосы напряженного чтения запоем, хандрили, нервничали, вздорили с надзирателями и не находили в себе достаточной силы сопротивляемости против своей, столь обычной для всякого политического пленника, склонности к проявлениям тюремного бунтарства.

Что же касается Владимира Ильича, то его и в тюрьме никогда не покидала жизнерадостность. Окруженный в своей клетке грудою нужных ему источников, главным образом земско-статистических сборников, он с упоением отдавался процессу научно-литературного творчества, подготовляя материалы * для своего большого труда — «Развитие капитализма в России». Быстро бегает перо по бумаге. Из-под пера выползают на свет божий ряды бисерных букв: это мысль Ильича — крепкая, могучая, как сумочка Микулы Селяниновича, в то же время подвижная, как ртуть, яркая, самосветящаяся, многогранная, «играющая» — стремительно прокладывает себе дорогу к тысячам и десяткам тысяч других, неизмеримо более скромных познавательных аппаратов, заимствующих свой свет от центральных солнц в царстве науки. На сосредоточенном лице Ильича все время вспыхивают светлые блики, отображающие внутренний огонь его творческих эмоций.

Щелкает ключ в дверной форточке. Высовывается голова надзирателя с бледным засушенным лицом, с глазами мертвеца и с рыжей редкой растительностью на облыселой голове. Он молча просовывает через форточку полотерную щетку и кусок воску.

«Гм… черт побери…» — мысленно реагирует недовольный узник на этот молчаливый акт приглашения поработать ногами. Не то чтобы он считал ниже своего достоинства обращаться из человека науки в потеющего полотера, а уж больно некстати подоспел этот перерыв… В самом ведь интересном месте прервали, когда подытоженная таблица безлошадных, однолошадных и многолошадных должна была развернуть перед

восхищенным взором автора великолепную картину расслоения деревни… Еще бы с четверть часа, и все было бы готово… А тут вот эта щетка с воском. Досадно, очень досадно.

Ильич мог бы отказаться от этого полотерного удовольствия. Натирание полов в камере рекомендуется заключенным в интересах санитарии и их физического самочувствия, не представляя очень уж обязательной повинности. Но было бы совершенно непохоже на Ильича уклониться от этого дела. Во-первых, его крепкий организм требует моциона. А во-вторых, он вовсе не хотел бы приобрести репутацию барчука, страдающего боязнью физического труда. Да в конце-то концов таблица с безлошадными не убежит. Итак — за дело.

И вот Ильич, со всей свойственной ему энергией, начинает танцевать по камере, наблюдая за тем, как из-под его ноги со щеткой тусклая, матовая поверхность давно не подвергавшегося натиранию асфальта превращается мало-помалу в зеркальную гладь. Он тяжело уже дышит от непривычных для его организма трудовых состояний, сердце бьется учащенным темпом, обильный пот покрывает крупными каплями лоб, но ему ни на одну секунду не приходит в голову соблазнительная идея — «сплутовать», оставить неотполированным какой-нибудь уголок, недоделать работы. Опять щелкает ключ в двери.

— Прогулка… — коротко объявляет надзиратель. Это тоже не из последних наслаждений в мире. Интересно прогуляться по ажурным лестницам тюрьмы, спускаясь вниз и питая некоторую надежду на один миг увидеть поворачивающую за угол фигуру товарища. Приятно хватить жадными легкими свежего воздуха на дворе. Очень хорошо бывает на душе и тогда, когда из своей прогулочной клетки (сектора круга с двумя высокими стенами по бокам и деревянной оградой по периферии) в течении 15 минут наблюдаешь кусочек трудовой жизни на тюремном дворе, — видишь, как дворники колют дрова, а уголовные распиливают поленья, или же вскидываешь глаза к небу, где в голубой дали тают от весеннего солнца кусочки белой кисеи.

А если сегодня четверг или воскресенье, то:

— Пожалуйте на свидание.

Милое, дорогое лицо, с глазами, которые спрашивают: «ну что, как… здоров, не падаешь духом».

И другая пара глаз, смеющихся и искрящихся, отвечает без слов:

— Очень хорошо, очень хорошо…

А затем опять, по возвращении в камеру, процент безлошадных… денежная аренда… система отработков… роль внутреннего рынка…

14 месяцев заключения в предварилке проходят как один миг. Ильич выходит из тюремных ворот такой же радостный, быстрый, с таким же всепожирающим аппетитом к революционной творческой работе, как и в то время, когда он подымал вокруг себя свежую новь пролетарской классовой борьбы «на берегах Невы».

Кстати сказать, и впоследствии, когда Ильичу приходилось снова попадать под замок (это было два раза:

на три недели его арестовали в 1900 г. в Петербурге, ввиду «незаконного» приезда в этот запретный для него город, и около двух недель ему пришлось отсидеть в качестве подозреваемого агента русского правительства в австрийской тюрьме в начале войны — в 1914 г.), он никогда не терял бодрости. Правда, это были очень досадные эпизоды, сбивавшие его в самые ответственные моменты с его революционного пути, но Ильич и в этих случаях оставался верен самому себе. В австрийской, напр., тюрьме он сейчас же принял близко к сердцу интересы окружающих жертв буржуазного правосудия, стал помогать попавшим в поле его зрения «отверженцам» советами, утешениями, писанием заявлений и прошений и т. д. О себе же и о своем собственном несчастии предаваться горьким размышлениям у него не оставалось достаточно много времени.

Не принадлежал Ильич к числу унывающих россиян и в своей шушинской ссылке (он был сослан в село Шу-шинское Минусинского уезда). И здесь для его творческой эмоциональной натуры не было недостатка в объектах для деятельной реакции со стороны его ума и нервов. Начиная с шушинского микрокосма (с его крестьянскими интересами глухого сибирского захолустья) и кончая эпопеей мировой борьбы труда с капиталом, за которой он внимательно следил из своего сибирского далека, — все его занимало и вызывало на какие-нибудь действенные акты.

Правда, с шушинскими богатеями, с деревенской аристократией Ильич старался не иметь контакта. Но к крестьянской бедноте он чувствовал больше симпатии, приходил к ней на помощь своими советами, заводил с некоторыми из ее представителей (например, с крестьянином Ермолаевым) приятельские отношения, хаживал к ним в гости, солидаризировался с ними на почве общих интересов к рыбной ловле и т. д. Слишком близко подходить к жизни крестьян для политического изгнанника было невозможно, если он не хотел рисковать осложнениями своей ссыльной жизни — вроде прибавки лишних лет к сроку своей ссылки или этапной прогулки в места более пустынные и более отдаленные. А Ильич слишком дорожил основным делом, чтобы ради соблазна дать простор

своему чувству действенной симпатии к окружающим «мирным детям труда» в шушинском масштабе рисковать своей будущей свободой, на которую он возлагал большие надежды в связи со своими замыслами по части партийной работы во всероссийском масштабе. Поэтому он был крайне осторожен и старался не давать поводов для местной жандармерии придраться к случаю и затянуть его надолго в ссыльное болото.

Кроме того, за вычетом тех моментов, когда ему удавалось отдохнуть на охоте или провести несколько дней в кругу близких товарищей, он свое время посвящал литературной работе, которая отличалась большой продуктивностью за этот период его жизни. Это был краткий миг расцвета так называемого легального марксизма, и Ильич использовал удобный случай для пропаганды своих марксистских идей со свойственной ему работоспособностью. Он заканчивает в ссылке и окончательно обрабатывает для печати свою книгу «Развитие капитализма в России», пишет ряд статей в марксистских журналах (в «Новом слове», «Научном обозрении», «Начале», «Жизни») и издает целый сборник: «Экономические этюды». Но и это еще не все: он продолжает следить за новинками в марксистской литературе на русском и иностранных языках (в 1899 г., напр., только что вышла книга Каутского «Agrarfrage» и приковала к себе на время все внимание Ильича), бьет тревогу по поводу все более и более разъедающего социал-демократию оппортунизма (бернштейнианства у немцев, «экономизма» в России и т. д.), собирает вокруг себя всю свою ссыльную по уезду социал-демократическую публику, чтобы заставить резонировать авторитетный голос «старого» марксистского поколения и в Женеве и в местных центрах работы, — одним словом, в меру своих сил и возможностей старается не отстать от живой революционной борьбы, не оторваться от действующих кадров партийных работников и быть в курсе вопросов, волнующих партию. Никто другой так не радовался известию о 1-м партийном съезде, как Владимир Ильич. Это был для него в ссылке огромный праздник. И никакие тысячеверстные пространства, никакие тюремные стены не могли оторвать его от революционной стихии, по отношению к которой он и сам был, до самой своей смерти, ее органической частицей.

У *великой могилы. М., 1924. С. 418–479*

В. И. ЛИЛИНА
ЛЕНИН КАК ЧЕЛОВЕК

Мое знакомство с Лениным

С Лениным я впервые познакомилась весною 1903 года, когда он приехал в Берн (Швейцарию) прочитать три лекции по аграрному вопросу. Ленина я знала по его статьям в «Искре» и по полемическим статьям против него в эсеровской «Революционной России», в «Рабочей мысли» и в журнале «Рабочее дело» экономистов. Но лично я его не знала. Мартов в одной из статей в «Искре», не помню по какому поводу, назвал Ленина «змеем-искусителем». И мне горячо захотелось познакомиться с Лениным — «змеем-искусителем», о котором все говорят и пишут, с Лениным, который занимает умы всех, и друзей, и врагов. Представляла я его себе почему-то крупным мужчиной, вроде Плеханова. Настал день его приезда. Доклад Ленина был назначен в одном из кафе Берна. Публика собралась заблаговременно. Когда я пришла, зал был уже полон. Помню, на вопрос кого-то из товарищей, почему вы так поздно, я в шутливом тоне ответила: «Змей-искуситель без меня не начнет». «А вы в этом уверены?» — спросил меня вдруг небольшой широкоплечий человечек, со сверлящими глазами и с улыбкой во все лицо. «Уверена», — задорно ответила я. «Тогда прикажете начинать? Я докладчик». Я обмерла. Это, значит, был Ленин. А я с ним говорила в таком тоне. Тов. Ленин долго в минуты шутливого настроения напоминал мне о нашей первой встрече. Думаю, что эта первая встреча дала мне возможность впоследствии видеть в тов. Ленине не только великого учителя, но и Ленина-человека.

Вторично я с тов. Лениным встретилась уже после 2-го съезда партии, после раскола партии. Тов. Ленин приехал в Берн с докладом. Не помню точно, к концу 1903 или в начале 1904 года (19–25 ноября (2–8 декабря) 1904 г. *Ред.)*, он объезжал тогда Швейцарию с докладами по вопросу о наших разногласиях с меньшевиками. На деньги, собранные с докладов, решено было начать издавать большевистскую газету «Вперед». На следующий день после доклада тов. Ленин собрал нас — небольшую бернскую группу большевиков— для беседы в тесном кругу о делах партии. Надо было видеть, с каким вниманием тов. Ленин прислушивался к каждому нашему вопросу, к каждому замечанию, с какой обстоятельностью он разъяснял все наши

недоумения. При этом мне припоминается такая же беседа с тов. Плехановым. И тов. Плеханов, приехавший в Берн после 2-го съезда партии с докладом, собрал нас для интимной дискуссии. Помню, один из членов нашей большевистской группы, тов. Андреев, спросил тов. Плеханова: «Не можете ли объяснить нам, чем руководствовались вы, когда вы на съезде пошли с большевиками, а после съезда перешли к меньшевикам?» Плеханов вспылил и ответил буквально следующее: «Вы еще слишком молоды, чтобы задавать мне такие вопросы. Знаете ли вы, что когда ваш папенька ухаживал за вашей маменькой, я уже был социалистом». Этой репликой отделался Плеханов от ответа на вопросы, столь нас всех волновавшие. Тов. Ленин никогда не упрекал нас в том, что мы молоды. Его радовала наша молодость, ибо он с нами и мы с ним всегда были молоды.

В связи с началом издания газеты «Вперед» тов. Ленин меня очень детально расспрашивал весною 1904 года *(Собрание большевиков, принявшее окончательное решение об издании газеты «Вперед», состоялось в Женеве 29 ноября (12 декабря) 1904 г. Ред.)*, на съезде большевистских групп в Женеве, знаю ли я еврейский жаргон, могу ли я читать и писать на жаргоне, умею ли я переводить с русского на жаргон и т. д. «К чему это все?» — спросила я В. И. «А вы знаете наши разногласия с Бундом?» — спросил он меня. «Знаю». — «А как вы относитесь к их требованию монопольного права в руководстве еврейским пролетариатом?» — «Я не согласна с ними. Не создавать же бундовскую организацию в Петрограде для евреев-рабочих, прекрасно говорящих по-русски. Почему бы им не быть членами Российской с.-д. партии?» — «Правильно. А в других местах России нужно строить бундовские организации?» — спросил В. И. «Это смотря по обстоятельствам», — ответила я. «Ну, то-то. Теперь вам ясно, для чего нужно знать жаргон?» Я поняла Владимира Ильича.

Его всегда было легко понять, он своими наводящими вопросами всегда помогал разобраться в самых сложных делах.

Обстановка, в которой работал тов. Ленин

Я до 1908 года никогда не была на квартире у тов. Ленина, не считая посещений в 1905 году его квартиры в Куоккала (Финляндия). Но там всегда бывало много народу, и туда мы приезжали на час, на два по делу.

Впервые я попала на квартиру тов. Ленина осенью 1908 года в Женеве (Швейцария). Я приехала в сентябре из России. На

вокзале встретила меня Надежда Константиновна и повела к себе домой. Меня ввели в маленькую швейцарскую квартирку из двух комнаток и кухни. Одну комнату, побольше, занимали Владимир Ильич и Надежда Константиновна, во второй комнате жила мать Надежды Константиновны. Надежда Константиновна и мать ее хозяйничали, сами стряпали. Обедали все вместе *в кухне*. Владимир Ильич проводил большую часть дня в библиотеке и в редакции большевистской газеты «Пролетарий». Впоследствии, когда мы — Зиновьев и я — обзавелись квартиркой, тов. Ленин проводил у нас вечера за чтением газет.

В декабре 1908 года переехали мы в Париж. И здесь «Ильичи», как мы их сокращенно называли, поселились в столь же скромной и столь же миниатюрной квартирке на улице Мари-Роз. Владимир Ильич проводил большую часть дня в библиотеке. Дома работал он по вечерам. Отвлекался Владимир Ильич от обычных занятий редко и то только для дела: доклада, собрания или беседы с товарищами о делах. В театр В. И. почти никогда не ходил. Если удавалась свободная минутка, он гулял, главным образом, за городом. В. И. очень любил собирать грибы.

Лето 1911 года провели мы все вместе в деревушке под Парижем, в Лонжюмо, где была устроена большевистская партийная школа. В. И. работал 6 дней в неделю, не давая себе ни минуты отдыха. Но зато один день в неделю, но никогда не в воскресенье, когда, по его словам, проходу не было от гуляющих, отдыхал полностью. Мы тогда садились все четверо: Влад. Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев и я — на велосипеды и уезжали с 6 часов утра до 10–11 вечера за город. Условие, которое В. И. при этом ставил, — ни слова о политике. В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным, о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике. Оказалось, что с В. И. можно говорить обо многом, не касаясь политики. В. И. был прекрасным велосипедистом. В дороге он внимательно следил за Над. Конст. и мною и частенько брал нас на буксир за своим велосипедом.

В Краков мы переехали весною 1912 года, когда в Петрограде начала выходить ежедневная большевистская «Правда». Мы вначале поселились в одной квартирке с тов. Лениным. Они и мы занимали по 2 комнаты, и все мы вместе столовались в кухне. Впоследствии мы жили в двух домах рядом. В. И. вставал обыкновенно часов в 9 утра и занимался до получения почты. Почта приходила в 12 часов. К чтению почты собирались мы все вместе. Здесь обсуждались все дела, связанные с известиями из России, распределялись статьи для очередного номера «Правды» и затем мы обедали (обед *неизменно* состоял из супа и рубленых

котлет и на обед и на ужин) и расходились по комнатам. В. И. отдыхал и занимался, не выходя из своей комнаты, до 9 часов вечера. В 9 часов В. И. самолично собирал для отсылки в Россию статьи. Он всегда бывал готов первым и сам относил почту на вокзал. В. И. просматривал все статьи, отправлявшиеся из Кракова в «Правду». Он никогда не упускал случая похвалить за удачную работу. В. И. успевал, живя в Кракове, на границе России, занятый непосредственно делами России, раза 2–3 в неделю ходить зимою на каток.

Летом, два лета подряд, жили мы под Краковом, в деревне Поронино. Туда выезжали мы в мае и возвращались оттуда в сентябре. И там у Лениных — неизмен-' ных 2 комнатки и кухня в крестьянской избе. И там неутомимая, усидчивая работа в течение семи дней в неделю. Прогулкою служило хождение на почту и к нам — мы жили около почты. Иногда — более продолжительная прогулка в лес, по грибы, очень редко — всего раза два в лето — в горы.

Владимир Ильич был неутомим. Он мог просиживать часы и дни, не отрываясь от работы. В. И. придавал колоссальное значение цифрам и статистике. Помню, как В. И. сам занялся выявлением состава партии на основе *копеечных* взносов, которые рабочие делали в «железный фонд» «Правды». Цифры оживали в обработке В. И. Они превращались в членов партии, в сочувствующих, в читателей газеты, они группировались в кружки, они представляли собою сознательную часть рабочего класса, его авангард. В. И. доводил каждое дело до конца. Он не разбрасывался, а всегда концентрировал все свои мысли на изучаемом им вопросе. Чего В. И. не выносил — это шума. Когда В. И. работал, кругом царила абсолютная тишина. Мы все знали эту особенность Ильича и всячески оберегали его покой. Это знал и маленький Степа — любимец В. И. И он бывало притихнет, когда знал, что «Володя» пишет. Но зато, когда «Володя» кончал писать, Степа и В. И. давали о себе знать. В доме тогда стоял дым коромыслом.

В Берне, а затем в Цюрихе, где жил тов. Ленин в 1914–1917 годах, после смерти матери Н. К., Ленины жили уже не в двух, а только в одной комнате и без кухни. В этой одной комнате жили и работали они оба в часы, когда бывала закрыта публичная библиотека.

Ленин как человек

Буржуазия в своих писаниях изображает Ленина человеком

жестким, черствым, беспощадным. Как мало знали буржуазные писаки тов. Ленина. В. И. был беспощаден, неумолим по отношению к буржуазии и социал-предателям всех стран. Но какою горячею любовью любил В. И. рабочий класс и каждого рабочего в отдельности. Как раскрывался он весь, как шёл навстречу нарастающей партийной молодежи. Он никогда не уставал разъяснять и растолковывать каждому отдельному товарищу все, в чем тому бывало трудно разобраться самому. Стоило только заявить В. И. — я не понимаю, помогите разобраться. И В. И. толковал, разъяснял до тех пор, пока все неясное становилось ясным и понятным.

Молодежь знала, ценила эту черту характера В. И. и порою ею даже злоупотребляла. Сходить к В. И. за вопросом или советом было проще простого. Мне при этом припоминается следующее событие. Товарищи Зиновьев, Владимиров и Ставский отправились из Берна в Женеву знакомиться с Плехановым и Лениным. Они потом все трое описывали эти два свидания: у Плеханова их приняли в гостиной и угостили кофе из чашечек с наперсток величиной. Помню, тов. Ставский мне говорил: и страшно же было мне — рабочему — сидеть на хрупком стульчике и прикасаться к крошечной чашечке. А тов. Плеханов, говорили они, нас все поучал и поучал. А к тов. Ленину пришли мы, нас провели к нему в комнату. Он с нами долго беседовал, а затем пригласил чай пить. Он привел нас в кухню. Там на столе стоял чайник с кипятком, чашки, хлеб, масло. Чай разливала Надежда Константиновна. Между нами завязалась оживленная беседа о положении дел в России, о делах в партии. Не хотелось уходить от Ильича, заявили мне все трое.

В. И. был всегда необычайно внимателен к «бабушке» — матери Н. К. и в особенности к Н. К.; когда Н. К. заболела, Владимир Ильич сам топил печку, помогал бабушке по хозяйству и старался, насколько возможно, избавить Над. Конст. от забот и хлопот по дому.

В. И., куда бы он ни приходил, вносил оживление и радость. Я никогда не видала В. И. унылым, в угнетенном состоянии. В. И. притихал, уходил в себя — тогда мы знали, он разрешал новые, сложные проблемы. Но решение найдено, путь намечен, и снова В. И. кипит и бурлит, и снова все полно звуков вокруг него. В. И. любил подразнить, пошутить над нами, молодежью. Но это всегда делалось таким тоном, что не только не обижались, а вместе с ним со смеху покатывались.

С В. И. было легко, радостно работать. В Кракове в период 1912–1914 годов мне поручено было заведовать транспортом нелегальной литературы для России. В такой работе бывают часто

неудачи, провалы. После каждого провала ходишь, бывало, как убитая.

— Ну, что, опять вы всеми соседями недовольны? (поговорка Ильича) — спрашивает бывало Ильич.

— Да, плохо. Опять провал. Не знаю, что и делать.

— Да вы начните сначала, на этот раз, наверное, все пойдет хорошо, — обычно бодро отвечал тов. Ленин.

И мы начинали сначала и снова работали, ибо знали, что В. И. интересуется работой, интересуется каждой доставленной в Россию газетой или брошюрой.

Частенько сиживали мы в Кракове без денег. Приходит В. И., видит, что-то у меня не ладится.

— В чем дело?

— Да вот, В. И., денег нет, нечем работать.

— А вы и голову повесили. Вы разве не знаете, что нет денег — перед деньгами. Будут деньги.

— Откуда?

— Не все ли равно. А вы пока работайте.

И мы пока работали, ибо Ильич внушил нам бодрость.

А как горячо любил В. И. свою мать! Каким нежным, внимательным сыном был он! Каким горячо любящим братом был он! Владимир Ильич частенько говорил о своей младшей сестре Манюше (Марии Ильиничне, редакторе «Московской правды»). Говорил он о ней всегда нежно, с такою лаской, что я, не зная ее, думала, Манюша — это маленькая девочка.

Только тот, кто не знал Ильича, только те, кого Ильич от всей души ненавидел, — буржуазия могли говорить об Ильиче как о черством, жестком человеке. В. И. умел так же горячо любить рабочий класс и его друзей, как он умел ненавидеть врагов его.

Ленин и дети

Тов. Ленин, у которого никогда не было своих детей, горячо любил детей. Мне Надежда Константиновна рассказывала, как Ильич привязался в ссылке к Мише— мальчику одного из товарищей и как тяжело ему было, когда отец отказался отдать мальчика Лениным, когда они должны были уехать из ссылки. Мне пришлось наблюдать любовь В. И. к моему сынишке — Степе. Когда Степа родился, В. И. к нему долго присматривался и все спрашивал, почему он плачет. Когда Степа начал подрастать, ходить и говорить, между ним и В. И. установилась горячая привязанность. В. И. бурно, весело, с увлечением играл со Степой. Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом

Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все повеления Степы. Иногда В. И. и Степа переворачивали все вверх дном в комнате. Когда становилось особенно уж шумно, я пыталась их остановить, но Ильич неизменно заявлял: «Не мешайте, мы играем».

Однажды мы шли с В. И. по дороге к ним домой. Степа бежал впереди нас. Вдруг В. И. произнес: «Эх, жаль, что у нас нет такого Степы».

В. И. любил не только Степу, но и детей вообще. В этом я убедилась в 1921 году — в год голода в России. Петрограду сильно сократили количество детских пайков. Я ездила в Москву, хлопотала, обивала пороги, но добавочных пайков не получила. Я, зная любовь тов. Ленина к детям, отправилась к нему. Он меня принял и попросил сделать обстоятельный доклад о нашей питерской работе среди детей. Прослушал он меня с обычным для Ильича глубоким вниманием, задал мне ряд вопросов и тут же при мне начал вызывать к телефону Нар-компрод и отдал распоряжение дать детям Петрограда из запасных хлебных фондов добавочных 5000 пайков.

В. И. очень интересовался петроградскою работой в области народного образования. В каждый мой приезд в Москву я обыкновенно бывала у Надежды Константиновны и там, встречаясь со мною, Владимир Ильич обыкновенно расспрашивал о работе. В последний раз я беседовала с В. И. зимою 22-го года. Н. К. рассказала ему за обедом о нашей питерской работе. Он внимательно выслушал, похвалил нас, питерцев, а потом: «А все-таки вы, питерцы, сепаратисты», — заявил он шутя. «А работою нашею вы, В. И., все же довольны?» Ильич в ответ только улыбнулся своею лукавою улыбкою.

С тех пор я В. И. не видела. И больше я его не увижу! Но забыть… я его не забуду никогда! Нельзя забыть В. И. Забыть его значит перестать существовать.

Единственный неповторяемый. Екатеринбург. 1924. С. 29–36

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
Из книги «Великий переворот»

В первый раз я услышал о Ленине после выхода книжки «Тулина» (Имеется в виду статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», опубликованная под псевдонимом "К. Тулин» в 1895 г.) от Аксельрода. Книжки я еще не читал, но Аксельрод мне сказал: «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители». «Как, — спросил я, — а Струве, а Туган-Ба-рановский?» Аксельрод несколько загадочно улыбнулся (дело в том, что раньше он очень высоко отзывался о Струве) и сказал мне: «Да, но Струве и Туган-Баранов-ский — все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а Тулин — это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции».

Само собой разумеется, книга Тулина была прочитана за границей, где я в то время был (в Цюрихе), с величайшей жадностью и подверглась всяческим комментариям.

Ленин (в Женеве. *Ред.)* решил прочесть большой реферат на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства (В мае — июне 1903 г. *Ред.)*.

На этом реферате я в первый раз услышал его как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня и на мою жену произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперенные в толпу слушателей, становящиеся почти мрачными и впивающиеся, как бурава, глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора то вперед, то назад, эта плавно текущая и вся насквозь зараженная волей речь.

Я понял, что этот человек должен производить как трибун сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист — своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

Я только позднее, гораздо позднее узнал, что не трибун, и не публицист, и даже не мыслитель — самые сильные стороны в Ленине, но уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей

чертой его характера, тем, что составляло половину его облика, была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходившая за круг, начертанный сильным умом, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в огромной мировой политической цепи.

Кажется, на другой день после реферата мы, не помню по какому случаю, попали к скульптору Аронсону, с которым я был в то время в довольно хороших отношениях. Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить, по крайней мере, хотя модель с него.

Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена.

В то время карьеровский портрет Верлена в гравюре вышел только что, и тогда же был выставлен известный бюст Верлена, купленный потом в Женевский музей.

Впрочем, было отмечено, что Верлен был необыкновенно похож на Сократа. Главное сходство заключалось в великолепной форме головы.

Строение черепа Владимира Ильича действительно восхитительно. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы вместо первого впечатления простой большой лысой головы оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить, я бы сказал опять-таки, физическое излучение света от его поверхности.

Скульптор, конечно, отметил это сразу.

Рядом с этим более сближающие с Верленом, чем с Сократом, глубоко впавшие, небольшие и страшно внимательные глаза. Но у великого поэта глаза эти мрачные, какие-то потухшие (судя по портрету Карьера) — у Ленина они насмешливые, полные иронии, блещущие умом и каким-то задорным весельем. Только когда он говорит, они становятся действительно мрачными и словно гипнотизирующими. У Ленина очень маленькие глаза, но они так выразительны, так одухотворены, что я потом часто любовался их бессознательной игрой.

У Сократа, судя по бюстам, глаза были скорей выпуклые.

В нижней части опять значительное сходство, особенно когда Ленин носит более или менее большую бороду. У Сократа, Верлена и Ленина борода росла одинаково, несколько запущенно и беспорядочно. И у всех трех нижняя часть лица несколько бесформенна, сделана грубо, как бы кое-как.

Большой нос и толстые губы придают несколько татарский облик Ленину, что в России, конечно, легко объяснимо. Но

совершенно, или почти совершенно, такой же нос и такие же губы и у Сократа, что особенно бросалось в глаза в Греции, где подобный тип придавали разве только фантастическим сатирам. Равным образом и у Верлена. Один из близких к Верлену друзей прозвал его калмыком. На лице великого мыслителя, судя по бюстам, лежит именно прежде всего печать глубокой мысли. Я думаю, однако, что если в передаче Ксенофонта и Платона есть доля истины, то Сократ должен был быть веселым и ироническим и сходство в живой игре физиономии было, пожалуй, с Лениным большее, чем дает бюст. Равным образом в обоих знаменитых изображениях Верлена преобладает то тоскливое настроение, тот декадентский минор, который, конечно, доминировал и в его поэзии, но всем известно, что Верлен, особенно в начале своих опьянений, был весел и ироничен, и я думаю опять-таки, что сходство здесь было большее, чем кажется.

Чему может научить эта странная параллель великого греческого философа, великого французского поэта и великого русского революционера?

Конечно, ничему. Она разве только отмечает, как одна и та же наружность может принадлежать, правда, быть может, приблизительно, равным гениям, но с совершенно разным направлением духа, а во-вторых, дала мне возможность описать наружность Ленина более или менее наглядным образом.

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки, Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и также наклонен к веселому смеху.

Его гнев также необыкновенно мил. Несмотря на то что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он всегда господствует над своим негодованием и оно имеет почти шутливую форму. Этот гром, «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии, и рядом был тот же смешок в глазах и способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто сама разыгрывается Лениным, потому что так нужно. Внутри же он остается не только спокойным, но и веселым.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит то же благотворное обаяние жизни. Я никогда не скажу, чтобы Ленин был трудолюбив, мне никогда как-то не приходилось видеть его углубленным в книгу или согнувшимся над письменным столом. Пишет он страшно быстро, крупным размашистым почерком; без единой помарки набрасывает он свои статьи, которые не стоят ему никакого усилия. Сделать это он может в любой момент, обыкновенно утром, встав с постели, но и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно. Читал он все последнее время, за исключением, может быть, короткого промежутка за границей, во время реакции, больше отрывками, чем усидчиво, но из всякой книги, из всякой страницы он вынесет что-то новое, выкопает ту или другую нужную для него идею, которая служит ему потом оружием.

Особенно зажигается он не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жив ярый полемист.

Но если Ленина как-то смешно назвать трудолюбивым, то трудоспособен он в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутомимым; если я не могу этого сказать, то потому, что знаю, что в последнее время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу каждой недели несколько надламывают его силы и заставляют его отдыхать.

Но ведь зато Ленин умеет отдыхать. Он берет этот отдых как какую-то ванну, во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей и какой-то наивной жизненности составляет рядом с прочной шириной ума и напряженной волей, о которой я говорил выше, — очарование Ленина. Очарование это колоссально: люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных строений — от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губ., от первоклассных политических умов, вроде Зиновьева, до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, готовых во всякое время сложить свои буйные головы за «вождя мировой революции — Ильича».

Это фамильярное название «Ильич» привилось так широко, что его повторяют и люди, никогда не видевшие Ленина.

Когда Ленин лежал раненный, как мы опасались, смертельно, никто не выразил наших чувств по отношению к нему лучше, чем Троцкий. В страшных бурях мировых событий Троцкий, другой вождь русской революции, вовсе не склонный сентиментальничать, сказал:

«Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить».

Вернусь к линии моих воспоминаний о Ленине до великой революции.

В Женеве мы работали вместе с Лениным в редакции журнала «Вперед», потом «Пролетарий». Ленин был очень хорошим товарищем по редакции. Писал он много и легко, как я уже говорил, и относился очень добросовестно к работам своих коллег: часто поправлял их, давая указания, и очень радовался всякой талантливой и убедительной статье.

Отношения у нас были самые добрые. Ленин очень скоро оценил меня как оратора: он чрезвычайно не любит делать какие бы то ни было комплименты, но раза два отзывался с большим одобрением о моей силе слова и, опираясь на это одобрение, требовал от меня возможно частых выступлений. Некоторые наиболее ответственные выступления он обдумывал со мной заранее.

В первой части нашей жизни в Женеве до января 1905 года мы отдавались, главным образом, внутренней партийной борьбе.

Здесь меня поражало в Ленине глубокое равнодушие ко всяким полемическим стычкам, он не придавал большого значения борьбе за заграничную аудиторию, которая в большинстве своем была на стороне меньшевиков. На разные торжественные дискуссии он не являлся и мне не особенно это советовал. Предпочитал, чтобы я выступал с большими цельными рефератами.

В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником, пользовался каждым их промахом, раздувал всякие намеки на оппортунизм, в чем была, впрочем, доля правды, потому что позднее меньшевики и сами раздули все тогдашние свои искры в достаточно оппортунистическое пламя. На интриги он не пускался, но в политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного. Надо сказать, что подобным же образом вели себя и меньшевики. Отношения наши были довольно-таки испорчены, и мало кому из политических противников удалось в то же время сохранить сколько нибудь человеческие личные

отношения. Особенно отравил отношения меньшевиков к нам Дан. Дана Ленин всегда очень не любил, Мартова же любил и любит, но считал и считает его политически несколько безвольным и теряющим за тонкою политическою мыслью общие ее контуры.

С наступлением революционных событий дело сильно изменилось. Во-первых, мы стали получать как бы моральное преимущество перед меньшевиками. Меньшевики к этому времени уже определенно повернули к лозунгу:

толкать вперед буржуазию и стремиться к конституции или, в крайнем случае, демократической республике. Наша, как утверждали меньшевики, революционно-техническая точка зрения увлекала даже значительную часть эмигрантской публики, в особенности молодежь.

Мы почувствовали живую почву под ногами. Ленин в то время был великолепен. С величайшим увлечением развертывал он перспективы дальнейшей беспощадной революционной борьбы и страстно стремился в Россию.

Единственный неповторяемый. Екатеринбург, 1914. С. 23–28

М. Н. ЛЯДОВ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Как-то не вяжется с именем Ленина слово «великий», так часто употребляемое в последнее время. Не вяжется, если мы представим себе всех тех «великих» Петров, Екатерин, Фридрихов и прочих кукольных делишек героев. Не вяжется особенно для тех, кто лично знал Ильича, работал с ним. Для них Ильич, такой простой, такой всем понятный, такой любимый, прежде всего человек, человек в лучшем смысле этого слова. Кто бы ни говорил с Ильичем, простой рабочий, крестьянин, рядовой или ответственный партийный работник, он каждого заставлял забывать ту колоссальную разницу, которая существует между ним и этим простым смертным, с которым он беседовал. С ним каждый мог говорить просто, не чувствуя давления «большого человека». Он умел выслушать каждого и совершенно незаметно заставить думать так, как он хотел, чтобы ты думал.

Я помню первый серьезный разговор с ним. Рядовым работником я приехал в первый раз за границу ко II съезду нашей партии в 1903 году. Я привез с собой наказ саратовской организации, от которой я был делегирован. Организация эта стала уже целиком на искровскую позицию, но поручила мне заявить редакции «Искры», чтобы она избегала впредь того резкого полемического тона, которым переполнены ее статьи. Месяца за два до съезда я увидал Ильича. Пред тем я говорил с Мартовым, Засулич и Плехановым по этому вопросу. Им не удалось переубедить меня. Мартов и Засулич, с которыми мне пришлось долго беседовать, говорили много и неубедительно. Плеханов принял меня во всем своем генеральском величии, и у меня пропала всякая охота говорить с ним по душам. Ильич внимательно выслушал меня, затем подробно расспросил о положении организации, о саратовской работе, о настроении рабочих и крестьян, о работе начинавшей тогда складываться в Саратове эсеровской организации. С первых же его слов, с первых вопросов хотелось ему все рассказать. Он так внимательно слушал, так умело ставил вопросы, сначала совершенно не касался спорного вопроса о полемическом тоне «Искры». А затем сам начал рассказывать про эмигрантские дела, про отношения в составе редакции «Искры». Когда мы уже кончали беседу, для меня было ясно, что «полемический тон» «Искры» — ее главное орудие, ее главная сила, что, протестуя против него, мы там на месте совершенно не понимали настоящей позиции

революционного марксизма, выражаемого в «Искре», не понимали всей ее тактики. Этот вывод сделал не Ильич, а сделал я сам после разговора с ним, он именно заставил меня этот вывод сделать. Уходя от него, я уходил с твердым убеждением, что у нашей возрождающейся партии есть вождь, на которого можно вполне положиться, которому можно вполне верить, за которым можно смело идти.

И этот вывод делал каждый рабочий, каждый партийный работник, которому удавалось беседовать с Ильичом. Он не давил своим величием. Он каждого незаметно заставлял самому доходить до желаемых им выводов.

Ильич был замечательно тактичен ко всякому, кого он считал нужным переубедить, он был жесток и беспощаден ко всякому, кого он считал врагом партии, врагом революции, он был беспощаден и к тем товарищам по партии, которые упорствовали в своих заблуждениях, когда эти заблуждения грозили нанести вред делу.

Мне хочется говорить об Ильиче, как о человеке, но трудно, совершенно невозможно выделить из Ильича его частную жизнь. Ее у него не было. Он жил весь целиком как общественный человек. Как-то странно, например, было бы искать каких то «чисто личных» отношений между Ильичем, и его женой Надеждой Константиновной, и его сестрой Марией Ильиничной. Несомненно, где-то там в глубине они существовали. Ильич был очень нежный человек. Но даже для всех тех, кто был близок с Ильичем, Надежда Константиновна никогда не выступала в качестве «жены», она всегда всем казалась ближайшей помощницей Владимира Ильича во всех его делах. Кто был наиболее близок Ильичу? Только те, кто именно теперь более всего нужны для партии, для дела. Может быть, того или другого товарища Ильич более любил, чем другого, это возможно, но этого никто не чувствовал. Ильич любил всякого, кто был нужен партии. Назавтра, если соответствующий товарищ окажется окончательно не на месте или окажется вредным, у Ильича исчезали всякие с ним отношения и он был беспощаден по отношению к нему. Ленин, например, был очень близок с А. А. Богдановым. В период 1904–1907 годов ставил его очень высоко и относился к нему по-человечески хорошо. Но как только тактика Богданова показалась Ильичу вредной, он обрушился на него со всей своей последовательностью и непримиримостью, для него Богданов как близкий человек перестал существовать. Ильич несомненно любил Плеханова, мне казалось иногда, что он преклоняется пред Плехановым, он долго колебался, когда надо было решить вопрос об окончательном разрыве с Плехановым в

1904 году. Он долго колебался, сможет ли он один, имея Плеханова против себя в лагере меньшевиков, повести большевистскую фракцию. Но как только он решился, как только, тщательно взвесив собравшиеся вокруг него силы, он перешел в атаку, для него Плеханов как близкий человек перестал существовать. Ильич был непреклонен при проведении своего решения. Для всех, не знавших его близко, он казался человеком без сердца, без жалости, лишенным какой бы то ни было сентиментальности. А между тем я помню Ильича на спектакле Сары Бернар в Женеве (В конце 1904 г. *Ред.)*. Мы сидели рядом в ложе, и я был очень удивлен, увидав вдруг, что Ильич украдкой утирает слезы. Жестокий, без сердца Ильич плакал над «Дамой с камелиями».

Кто хотя раз наблюдал Ленина, играющего с детьми, тот, конечно, никогда уж не поверит в бессердечие, в жестокость его. Немногим, только очень добрым людям удавалось так быстро завоевывать симпатию детей, заставлять даже детей забывать, что они имеют дело с большим серьезным человеком. Как часто в Женеве, глядя на него, жалели, что у него нет своих детей, как много он передал бы им своего ленинского, ведь он так хорошо, так просто говорит с ними. Я видел в Нижегородской губернии крестьянина, с которым Ленин беседовал около часа, беседовал о будничных мужицких делах. Крестьянин этот плачет каждый раз, когда вспоминает эту беседу. Его больше всего поразило то, что вот он, серый, темный, косноязычный, сумел так много рассказать Ильичу и что Ленин его понял.

Простой со всеми, чуткий, бесконечно добрый и в то же время непреклонный, нетерпимый, беспощадный к себе и к людям, раз дело касается партии, революции, — таковым Ильич останется в памяти у всякого, кто его знал. Помню, Ильич выступал на собрании в Женеве, вскоре после раскола *. Собрание это было в память Коммуны. Рядом со мной стояла и слушала его Вера Засулич. Она его ненавидела за раскол, но она слушала как очарованная и говорила: «Это настоящий вождь, он может повести за собой толпу». Я помню его на митинге в доме Паниной в Петербурге в 1906 году**. Он был неизвестен широкой массе собравшихся на митинг рабочих. Он выступал под никому не известным именем Карпова. Первыми же словами, сказанными им, он овладел всей аудиторией, Я после его речи говорил со многими рабочими, и все в один голос твердили: «Вот за кем можно и нужно пойти. Он говорил то, что мы думали, но не могли сказать». И это чувствовалось во всем Ильиче. Его сила, его величие именно в том, что он впитал в себя классовый инстинкт рабочего класса, все чаяния, все помыслы всех угнетенных и он

сумел все это превратить в стройное, продуманное до конца революционное учение. Во всей работе, во всем творчестве Ильича, прежде всего, сквозит не книжная ученость, а это гениальное понимание жизни во всей ее сложной диалектике. Сколько есть ученых-марксистов, куда глубже и основательнее его знающих марксизм, но нет ни одного, кто умел так, как он, претворить марксизм в жизнь, т. е. фактически понять революционную сущность марксизма, фактически слить марксистскую теорию с революционной практикой рабочего класса.

И теперь, пытаясь восстановить всю фигуру Ильича, как-то невольно крепнет мысль, что умереть он не мог, умерло его тело, мы его похороним, но ведь он не человек, как каждый из нас. Он олицетворяет весь рабочий класс, всю мировую пролетарскую революцию, а она, конечно, умереть не может. Ведь Ленин именно велик тем, что он создал ленинизм и весь этот ленинизм без остатка сделал достоянием всего рабочего класса. Вся его 30-летняя деятельность была претворенным в жизнь всего рабочего класса революционным марксизмом. Это дело уже никогда умереть не может.

У *великой могилы. М., 1924. С. 164–165*

Ф. МИЗИАНО
ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Писать о Ленине — трудная и ответственная задача. Тысячи людей, десятки, сотни тысяч посвятили ему бесчисленное множество строк. В России, Англии, Италии, Франции, Америке, Уругвае, Конго — во всех углах мира миллионы людей думают о нем, изучают его мысли, его жизнь, живут великой надеждой, зажженной его словом, учением.

Что можно прибавить к тому, что уже написано и сказано о Ленине? Никого так не хвалят и не ругают, как Ленина, ни о ком не говорят так много хорошего и так много плохого, как о Ленине. В отношении Ленина не знают середины, он — либо воплощение всех добродетелей, либо — всех пороков. В определении одних — он безгранично добр, а в определении других — до крайности жесток.

В этих определениях отразилась та четкая, резкая, отрубленная, непримиримая классовая грань, которую устанавливал Ленин. Не знали середины в отношении к нему потому, что и он сам не знал ее. Никаких соглашений, компромиссов, открытая, ожесточенная, неумолимая классовая борьба с наступлениями, натисками, траншейными боями, обходами, отступлениями, но не сдачей. Ленин не знал внеклассовых чувств, про него нельзя сказать, что он был просто добр или зол. По отношению к нему нельзя обобщать этих и других понятий. Добр, когда интересы его класса это разрешали, зол, когда они этого требовали. И так во всем остальном.

Помню Ленина еще по Цюриху. Я тогда часто захаживал в ресторан Народного дома. Там подавались обеды трех категорий: за 1 фр. 25 сант. — «аристократический», за 75 сант. — «буржуазный» и за 50 сант. — «пролетарский». Последний состоял из двух блюд: супа, куска хлеба и картошки. Ленин неизменно пользовался обедом третьей категории, тратил на обед 50 сант., то есть 1/2 франка (по тогдашнему курсу около 18 коп.).

Товарищи обратили мое внимание на этого странного человека с видом мыслителя и конспиратора. Он всегда садился в угол залы, читал, думал, делал заметки на папке, лежавшей у него на коленях и служившей ему в этих случаях столом.

Бросал всегда быстрый взгляд на вновь пришедших. Узнав товарища, весь оживал и звал к себе указательным пальцем правой руки. В это время окружающие еще обращали мало внимания на него. Скромный и замкнутый, он точно накоплял в

себе энергию. Высиживал, если можно так выразиться, свою великую мечту. Проходили мимо него, не замечая скрытого в нем бесценного клада социальной и революционной мудрости. Ленин тогда еще не был в глазах окружающих Лениным в сегодняшнем смысле этого слова.

Вновь встретился я с ним на III конгрессе Коминтерна (*В конце июня 1921 г. Ред.)*. Я приехал из Италии, когда конгресс был уже в полном разгаре. Вхожу в Андреевский зал и сейчас же осведомляюсь о Ленине. «Он скоро будет», — отвечают мне. Усаживаюсь за столом, отведенным нашей делегации, принимаю участие в работах конгресса. Вдруг весь зал поднимается — Ленин. Он появляется в задней двери, поднимается на 5 ступенек к трибуне, занимает место в президиуме. Не спускаю с него глаз. Тот же скромный цюрихский Ленин, потребитель 18-копеечного пролетарского обеда. Ни одной черты, навязанной новым положением…

Перерыв. Подхожу к Ленину. Принимает меня с улыбкой и сразу засыпает вопросами:

— Что происходит в Италии? Каковы последние вести? Что делают товарищи? Как протекает работа?

Разговариваем стоя у стола президиума. Стою спиной к залу и опираюсь о стол. Ленин дает мне ряд указаний относительно работы в Италии; смотрю ему прямо в глаза. Их нельзя назвать маленькими, отдают бархатным блеском, полны ума, жизни и движения. Какой контраст с крупной, малоподвижной головой, суровой линией рта. Ленин говорит с всевозрастающей быстротой:

— Передайте итальянским товарищам, что революция не везде так легко делается, как в России. В России мы имели половину армии с нами и слабую буржуазию. Скажите им, чтобы они не строили воздушных замков и считались бы с действительностью. Передайте Бордиге и другим, чтобы они хранили себя. Необходимо сделать все возможное, чтобы не дать вождям попасть в руки к нашим врагам. Посмотрите, что случилось в Германии. Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие лучшие пали. Германская партия, оставшись без вождей, не способна к действию. Сохраняйте вождей, — повторил он. — Не обращайте внимания на мнение врагов. Часто нужно иметь больше мужества, чтобы прослыть трусом в глазах врага и даже товарищей, чем бесцельно жертвовать собой.

Разговаривая, Ленин все больше и больше приближал ко мне свое лицо. Подаюсь чуточку назад, стол мешает мне. Увлеченный разговором, он продолжает все больше и больше наклоняться ко мне. 20–15 сантиметров, отделяющие меня от него, сокращаются

до 10, 9, 8. Его глаза на таком расстоянии приняли более тусклый оттенок. Мой взор тонет в его расширенных зрачках. В них уже нет больше ни блеска, ни лукавства — напряженная мысль застыла в них. Он спешит ее мне передать, и чем ближе к развязке, тем более сужается у него взгляд, напряжение падает, появляется блеск, улыбка, опускаются медленно веки, заостряются скулы, и вновь лукаво и умно смотрит на меня этот исполин мысли и воли, любимый вождь, учитель и товарищ, смотрит ласково, ободряюще и протягивает мне руку…

Воспоминания о В. И. Ленине. В В т, М„1985. Т. 5. С. 397–399

Н. ОСИНСКИЙ
РИСУНОК ПЕРОМ

До 1917 года я знал и чувствовал Ленина только на расстоянии: в эмиграции или в высылке, за границей не был и всю дофевральскую партийную жизнь провел в России, и притом не в Питере, где живал нелегально Ленин.

Признаюсь, в естественной, по молодости лет и по исконной глупости человеческой, иллюзии, представление о его внешности было у меня окрашено в романтический и героический тон. Ленин представлялся мне человеком высокого роста, «отлично сложенным», с быстрыми движениями, с ясными глазами, «пронзающими насквозь», — словом, с «сильной и блестящей внешностью», такое впечатление внушали тогда в первую очередь его статьи и стенограммы его речей.

Когда я в первый раз увидел Ленина в 1917 году, летом в Питере, не на собрании, не в «ходе действия» его внешней личности, то, хотя уже имел более точные сведения об его наружном виде, все же, по старой памяти, испытал некоторое разочарование. Поразила меня только его манера, что-нибудь читая, как будто всовывать голову в вороха бумаг, точно нюхая поверхность бумажного моря, и одновременно прямо-таки рассыпать искры из блестящих глаз по бумаге, он точно парил низко над этим материалом, сразу видя все его концы и готовый сразу, ястребом, низвергнуться в замеченную точку.

Тут уже я заметил в его внешнем облике нечто соответствующее внутреннему представлению о нем, и притом существенным, а не поверхностным чертам этого представления. Впоследствии я убедился, что внешняя оболочка Ленина в высшей степени характерным образом отражает его духовную сущность.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы видите перед собой невысокого человека, который производит впечатление замечательного крепыша (каковым он в действительности и является и благодаря чему только он смог, неся в своем теле пули Фанни Каплан и истекая кровью, сам дойти до автомобиля, доехать домой и подняться по лестнице на третий этаж). Голова его гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в темный, непритязательный гладкий костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блещущие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному, и невольно навертывается сравнение — отполированный, блестящий стальной снаряд,

начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы. С одной стороны, человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, что почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд-Джорджем и мирно потолковать об устроении дел Европы. А с другой стороны, как бы в результате не взлетели в воздух и Ллойд-Джордж, и вся Генуэзская конференция. Ибо он, с одной стороны, Ульянов, с другой стороны, он — Ленин.

Ленин изгнал из обихода коммунистической партии всякий элемент фразы и позы. Вот почему мне несколько совестно рисовать этот его портрет; быть может, все-таки я что-нибудь делаю слишком «картинным» и «красочным». Но, изгнав из себя и из других этот элемент, Ленин не изгнал из себя (не собирался и не мог изгнать из других) элемента беззаветной, сжатой и прямо-таки яростной революционной энергии. Пусть только она не расходуется на красивые романтические слова, направляющие по ложному пути. Пусть она выражается только в действиях и в словах, точно определяющих задачи и объем действия, и притом словах самых простых.

Читатели помнят, вероятно, статью «О значении золота, при социализме и теперь» (Имеется в виду статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма»), помещенную года полтора назад в «Правде». Она характерна как сравнительно редкий образчик случая, когда эта «яростная» революционная энергия Ленина проступает на поверхность в словах. Этих случаев больше было до 1917 года. В частности, мне вспоминается превосходная статья «Памяти графа Гейдена» (видного октябриста), написанная весной 1907 года. Тогда еще так можно и должно было писать. Но когда рабочие взяли власть в свои руки — направляйте всю вашу энергию в дело, и только в дело.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы получаете иногда другое странное впечатление. Ничего «особенного», «замечательного», «глубокого» он вам не скажет. Скажет не только вещи простые, но, пожалуй, и слишком обыкновенные. Но вы скоро можете заметить, что дело тут в двух обстоятельствах: во-первых, он, так сказать, бережет свой порох для разговора, предназначающегося «всем, всем, всем», а, во-вторых, простота в массе случаев определяется тем, что мысль рассчитана на очень большой масштаб распространения и приложения. Ведь не один раз Ленин подчеркивал, что в настоящее время только такие мысли и предложения могут иметь вес, которые двинут в ход миллионы людей и будут проверены опытом этих миллионов.

Из этого ясно, что во весь рост вы увидите Ленина только на большом собрании. Здесь (особенно если Ленин в ударе и особенно так было до ранения, когда жест Ленина был

совершенно свободным) вы увидите и услышите вещи, глубоко западающие в память.

На трибуну быстро выходит небольшой крепкий человек, и, в то же время как по залу несется ураган аплодисментов и криков, стихающий только для того, чтобы разразиться снова, он обеими руками приглаживает свой череп, точно до сих пор не снял парика, который носил в сентябре 1917 года, разбирает листки записей, всовывает в них голову, поворачивая ее туда и сюда, — словом, старается как-нибудь укрыться от неизбежного, но отнимающего время звукового дождя, который на него сыплется. Вот наконец он стих, и Ленин начинает голосом отчетливым и размеренным, хотя с некоторым ударением в нос и как будто пришептыванием, особенном в тех местах, где речь доставляет удовольствие ему самому: этот последний оттенок берется, вероятно, от обильного чтения и частых разговоров на самых различных языках.

Пока Ленин находится в начале речи, обе руки его бездействуют и иногда спрятаны в карманах. Но вот появляется на поверхность правая рука, и ее энергичный жест начинает ставить точки, запятые, тире в речи, начинает подчеркивать слова и фразы. Дальше уже и левая рука не может утерпеть, и обе вместе начинают иллюстрировать усложняющийся ход мысли. Они находятся в быстром движении, и вся речь развивается быстро, и все быстрее яснеет в умах слушателей, и все больше растет в них наслаждение от того, что сознание проясняется в основном вопросе, что «решающий пункт» всплывает с полной отчетливостью, что «основное звено цепи ухвачено», что теперь и они, и миллионы людей за стенами сумеют «вытащить всю цепь». Тут уже и для Ленина речь достигает апогея. Уже сделали руки свое дело. Откинувшись назад туловищем, он закладывает обе руки большими пальцами в прорезы жилета, распахнув пиджак, точно при этом руки и захватили как раз те главные звенья, которые надо тащить. И почти неподвижный, незаметно, с невероятной энергией жестикулируя уже только одним корпусом, Ленин ведет людей к выводам простым и точным, бросая те слова, точно определяющие задачи и объем действия, о которых мы говорили раньше.

Конечно, внешнее действие речи Ленина — только аккомпанемент, сопровождение к действию логическому. Огромная сила этого последнего состоит в том прояснении сознания по решающему пункту, о котором сказано раньше. Слушатели испытывают великое наслаждение, великую радость от того, что этот человек ухватывает *жизнь так, как она есть, в той ее простоте,* которую однако, так *трудно раскрыть* и,

раскрыв, обнажив до конца ее простые движущие силы, указывать простые — как сама жизнь — решения, именно те, которые могут и должны двинуть миллионы. Оценки Ленина и его практические предложения так же гениально просты, как, скажем, описания Толстого, а литературный стиль Ленина целиком можно сопоставить со стилем Толстого, хотя, конечно, эти два человека во всех остальных отношениях представляют громаднейшие различия.

Каковы же эти простые движущие силы и почему раскрытие их производит такой колоссальный подъем и такое огромное организующее действие. Это — классовые интересы масс и это те ближайшие классовые задачи, которые сама масса уже искала инстинктивно, даже уже нашла, но которые надо суметь выделить в самом ядре, отбросив в сторону всякую шелуху, и сделать совершенной очевидностью. Если в чем может сказываться деятельность гениального общественного мыслителя и вождя, то именно в этом. И в этом — огромная сила Ленина.

Характернейшая черта Ленина: за время с начала революции он безвыездно пребывает сперва в Питере, затем в Москве. Он никогда не выезжал на места. Все прочие политические и советские работники большевизма, поскольку они год просидят безвыездно в Москве, теряют «связь с местами» и «контакт с жизнью». Не терял этого лишь один Ленин, непрерывно пребывая в центре и отсюда гораздо лучше и дальше видя кругом, чем люди, которым для этого надо поближе подходить к наблюдаемым предметам.

Да ведь если бы Ленину начать «объезжать места», ему надо было бы объехать весь мир. Ибо его слова и действия рассчитаны всегда не только на миллионы рабочих и крестьян, живущих и борющихся в России, но и на большее число таких миллионов, рассыпанных по всем частям света. И вот две характернейшие черты Ленина: первая — способность каким-то чутьем по письменным знакам и устным сообщениям понимать, что делается на огромном пространстве в массовом масштабе, в целом, и вторая — в таком же массовом масштабе и на такое же пространство давать действенный отклик — «всем, всем, всем».

Ленин, бесспорно, грандиозная фигура в мировом рабочем и революционном движении- И Поэтому почти невозможно нарисовать его личный портрет или нужно рисовать его какими-то новыми способами. Но то, что могла сложиться и развиться такая фигура, обладающая как раз двумя последними, только что отмеченными чертами, что это означает? Это означает, что размеры рабочего революционного движения приняли мировую величину и что вождь такого движения должен быть как бы

командиром мощной радиостанции, принимающей волны со всех концов света и всюду посылающей ответные волны.

Есть ли отдаленное подобие такого вождя в стане наших врагов? А ведь в их руках все еще не только самые мощные радиостанции в материальном смысле слова, в их руках все орудия современной техники и все сокровища умственной культуры. Нет таких вождей у них. И это в эпоху самого тяжкого кризиса капитализма, когда только тесной классовой спайкой и решительным классовым действием можно было бы вернуть жизнь к старому равновесию и закрепить рычаги в своих руках. И если таких вождей у них нет, значит, их уже не в состоянии породить та среда, из которой они могли бы выйти. Значит, после тяжелых новых боев — их будет еще так много — конечная победа все же будет нашей и «на нашей улице будет праздник».

Единственный неповторяемый. Екатеринбург, 1924 С. 1–8—22

Я.Э. РУДЗУТАК
ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

Я хочу здесь поделиться некоторыми отрывками из воспоминаний о встречах с Ильичем в редкие для него часы отдыха.

Ни тени суровости и требовательности, проявляемых Ильичем, когда речь шла о работе; необыкновенная простота и товарищеская забота, полное пренебрежение к своим личным удобствам.

Иногда, в субботу вечером, сговаривались с ним поехать в праздник на охоту. Часа в четыре утра Ильич будил уже по телефону. В валенках, в черной жеребковой куртке, с охотничьим снаряжением, с неизменным свертком с парой бутербродов, жестяной коробочкой с мелко наколотыми кусочками сахару и щепоткой чаю, Ильич всегда поспевал к моему подъезду, пока я вставал.

Как-то зимой 1920 года после неудачной охоты возвращались уже в темноте домой. Верстах в 60 от Москвы у нас испортились автосани. Решили отправиться пешком до находящейся в двух верстах железнодорожной станции Подсолнечное, а оттуда поездом в Москву. Взвалили на плечи свою амуницию и поплелись по сугробам. Зашли в освещенное здание местного Совета в надежде переговорить с Москвой по телефону. В Совете, видимо, узнали Ильича, но, желая подтвердить свои догадки, потребовали от нас документы. Я предъявил свое удостоверение члена ВЦИК и заявил, что остальные товарищи едут со мной и за благонадежность их ручаюсь. Все же после нашего выхода на улице кто-то из Совета нас нагнал и обратился к Ильичу уже с прямым вопросом: не Ленин ли он? После утвердительного ответа товарищ отрекомендовался бывшим красноармейцем и взялся проводить нас до железнодорожной станции. На станции Ильич сам взялся за переговоры о способах нашего дальнейшего путешествия. В НКПС предложили прислать немедленно паровоз с вагоном. Ильич от такой «роскоши» категорически отказался и, узнав, что минут через 40 должен прибыть товарный поезд, просил устроить нам место там.

Поместили нас в теплушке для сопровождающих маршрут с медикаментами. Кстати, сопровождающие маршрут сейчас же обратились к Ильичу за заступничеством: из двадцати с лишним вагонов осталось всего около десяти — остальные по дороге были в разных местах отцеплены из-за горения букс или по разным

другим причинам.

Не успели отогреться у стоящей посредине теплушки жестяной печки, как на следующей остановке теплушка наполнилась рабочими-железнодорожниками, которые, несмотря на поздний час (было около 12 часов ночи), пришли посмотреть «своего Ильича». Застенчиво улыбаясь, Ильич пожимает измазанные маслом и копотью руки. После приветствий начинается разговор на тему, зачем нужны продотряды и что запрещение провоза продовольствия ухудшает положение железнодорожников. Ильич обстоятельно объясняет, что, если будет разрешено провозить продовольствие железнодорожникам, этим воспользуются спекулянты, и положение всех рабочих станет еще хуже. Некоторые рабочие до того увлеклись беседой, что упустили отход поезда и поехали вместе с Ильичем до следующей остановки.

* * *

Раз, после утомительной ходьбы по глубокому снегу, уселись на пнях отдохнуть. Начались шутки и «охотничьи рассказы». Один из охотников, явно увлекшись, заявил, что убил в Крыму орла весом в два пуда. Я, придравшись к случаю позубоскалить, начал расспрашивать: не чугунный ли это был орел с ворот какой-нибудь княжеской виллы. Видно было, что Ильич так сконфузился за товарища, как будто его самого уличили в чем-либо неблаговидном, и немедленно перевел разговор на другую тему.

* * *

Выскочил из загона заяц, которого Ильич уложил метким выстрелом. Ильич, не дождавшись окончания загона, заторопился к убитому зайцу. В это время совсем рядом выскочил другой заяц и благополучно скрылся в кустах. Я не выдержал; «Эх, вы, за убитым погнались, а живого упустили». Ильич сконфузился:

— Да, действительно, нехорошо я сделал. И прибавил примирительно:

— В следующий раз не буду.

* * *

Зимний вечер. Привал в крестьянской избе. Ильич упорно отказывается от стакана чаю, пока все присутствующие еще не получили своей порций. Его жестяная коробочка с сахаром переходит из рук в руки. Заботливо осведомляется, не озяб ли кто, не промочил ли ноги. Заведет беседу с хозяином избы об их житье-бытье, чем плохо, чем обижают органы и отдельные агенты власти, что нужно, по мнению крестьян, делать, чтобы устранить недостатки. Он умел не только учить, но и учиться. И часто, несмотря на зимнюю стужу, слушая беседы этого великого и в то же время такого простого и близкого человека, казалось, что сквозь бревенчатые стены избы, сквозь вековую тьму иробился сноп весеннего солнца и от человека к человеку потекли журчащие, бодрящие, весенние ручейки.

Воспоминания о В. И. Ленине В 5 т., *М, 1984. Т. 4 С. 176–278*

Н. А. СЕМАШКО
ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕНИНА

Владимир Ильич — такая великая историческая фигура, что нас, его современников, должен неотступно преследовать вопрос: все ли мы сделали, чтобы дать потомству все имеющиеся у нас сведения об этом великом человеке? Каждый из нас должен ясно осознать свою ответственность перед историей.

Задача изучения Владимира Ильича как революционера и вождя — наиболее важная, но в то же время и наиболее ясная задача. Владимир Ильич оставил громадное литературное наследство, в котором взгляды его отчеканены с не оставляющей желать ничего лучшего ясностью. Наша задача сводится: 1) к популяризированию идей ленинизма и 2) к уменью проводить их в новых условиях. Задача ясная, но беспредельно важная, которой хватит не на одно поколение.

Значительно сложнее и ответственнее для нас, современников, другая задача — дать образ В. И. как человека, вождя и товарища. Личность В. И. настолько сложна и многогранна, что эту обязанность перед историей мы можем выполнить лишь коллективными усилиями.

Мы сделали, кажется, все, чтобы произвести посмертное обследование тела В. И. Антропологическое изучение его сделал проф. Бунак, ближайший помощник умершего недавно известного антрополога проф. Анучина. Мозг Владимира Ильича изучен антропометрически и патологоанатомически. в настоящее время изучается микроскопически. Патологические изменения мозга уже описаны в газетах. С антропометрической точки зрения микроскопически мозг характеризуется средним абсолютным весом (1340 граммов или, если внести поправку на сморщивание пораженных частей, то около 1500 граммов); вес мозга, однако, делается значительнее, если взять его в отношении к весу тела и росту В. И.; но антропологическая ценность мозга определяется не столько его весом (мозг гиганта Тургенева весил около 2000 граммов), сколько его строением и прежде всего извилинами серого вещества мозга. Антрополог проф. Бунак характеризует с этой стороны мозг В. И. как удивительно красиво развитой, с резкими, глубокими разветвленными рельефными извилинами. Мощь интеллекта В. И. указывает и его умственная работа за последнее время жизни, несмотря на глубокое и распространенное анатомическое поражение мозга.

Проф. Бунак, как антрополог, отмечает еще одну интересную

антропометрическую особенность В. И.: «Мимические особенности характеризуются низким положением внутренних концов бровей (мускул размышления), средней величины поперечными складками на лбу (мускул внимания) и на переносье, при отсутствии вертикальных складок в этой области. Концы губ приподняты, придавая лицу выражение иронической улыбки; губы сжаты плотно, носогубная складка развита средне, подбородочная также. Все это характеризует преобладание активных мыслительных и волевых процессов в психике В. И., при сравнительной меньшей интенсивности различных эмотивных движений».

Разве это наблюдение ученого-антрополога не совпадает с нашим представлением о В. И., вся политическая деятельность которого подтверждает, что «размышление» вместе с «вниманием» и «волей» у него действительно управляли «эмотивными движениями»!

Вот эти-то факты, характеризующие личность В. И., нам надо тщательно собрать. С В. И. сталкивались все:

рабочие и крестьяне, партийные товарищи и обыватели, ученые и литераторы. Не фальшиво-официальными фразами обменивался с посетителями глава советского правительства. У каждого он умел находить, «что у него болит», и каждый уходил от него, получив нечто от В. И.

Он полежал всего несколько часов, после операции извлечения пули, в Московской Солдатенковской больнице; и он уже сумел выведать от окружавших его больничных служащих их нужды и уже принимает меры к их удовлетворению. У него сидит посетитель-крестьянин и говорит о своих агрономических опытах; В. И., между делом, узнает его личные нужды и опять спешит удовлетворить их. Услыхав стороной, мельком, что у такого-то случилось несчастье — сейчас же его бисерный почерк запечатлел его распоряжение, и т. д. и т. д. без конца.

Это был на редкость отзывчивый человек ко всем нуждам и страданиям своих товарищей и отдельных граждан. Эту черту В. И. должны осветить мы, современники, для потомства и истории.

Но в то же время это был твердый, неутомимый борец с врагами. Мне выпало на счастье работать с В. И. и в такие моменты, когда он оставался почти один, когда даже в большевистских рядах его линию находили «слишком жесткой» и непримиримой. Он не боялся остаться один, раз был убежден в правоте своей точки зрения. И история постоянно доказывала, что за «почти одним» Ильичом всегда понемногу стягивалось все, что было революционного в рабочем движении.

И эти моменты должны описать мы, его современники. И

пусть не думают, что это надо делать лишь тем, кто долгое время был ближайшим соратником В. И. У него личной жизни не было. И описание каждого соприкосновения с ним непременно прольет свет не только на него как человека, но и на него как вождя, ибо личную жизнь и личные симпатии он никогда не отделял от политической работы.

Каждый рабочий, каждый крестьянин, который обращался к нему и получал от него указания, прольет свет на руководителя всей нашей работы.

Пусть все эти сообщения будут отдельными, иногда очень маленькими лоскутками характеристик. Только из таких лоскутков мы и можем создать целостный облик этого гиганта.

Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1914. № 3

Л. Д. ТРОЦКИЙ
ЛЕНИН [1]

Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924) — теоретик и политик марксизма, вождь партии большевиков, организатор Октябрьской революции в России, основатель и руководитель Советских Республик и Коммунистического Интернационала — родился 10/22 апреля 1870 г. в городе Симбирске (ныне переименованном в Ульяновск).

Отец Л. (Илья Николаевич) — педагог. Мать, Мария Александровна, по рождению Берг (Бланк. *Ред.)*, — дочь врача. Старший брат Л. (род. в 1866 г.) примкнул к движению народовольцев, принимал участие в неудавшемся покушении на жизнь Александра III, был казнен на 22-м году жизни.

Л., третий из шести детей семьи, окончил симбирскую гимназию в 1887 г. с золотой медалью. Казнь брата навсегда вошла в его сознание и содействовала определению его дальнейшей судьбы.

Летом 1887 г. Л. поступает на юридический факультет Казанского университета, но в декабре того же года исключен за участие в студенческой сходке и выслан в деревню. Его повторные ходатайства (1888–1889 гг.) о приеме вновь в Казанский университет, как и о выезде за границу для продолжения образования, встречают отказ. Осенью Л. разрешено вернуться в Казань, где он и начинает систематическое изучение Маркса и завязывает первые связи с членами местного марксистского кружка.

В течение 1891 г. Л. успешно сдает экзамены при юридическом факультете Петербургского университета.

В 1892 г. зачисляется в Самаре помощником присяжного поверенного. К этому и следующему году относится несколько судебных выступлений Л. в качестве защитника. Однако главное содержание его жизни уже составляет изучение марксизма и применение его к исследованию путей хозяйственного и политического развития России, а затем и всего мира.

Переехав в 1894 г. в Петербург (В августе 1893 г. *Ред.)*, Л. завязывает связи среди рабочих и начинает пропагандистскую работу. К этому периоду относятся первые боевые теоретические работы Л., направленные против народников, учивших, что Россия не будет знать ни капитализма, ни пролетариата. Статьи переходили из рук в руки в рукописном виде. Вскоре Л. открывает теоретическую борьбу против фальсификаторов

марксизма в легальной печати. В апреле 1895 г. Л. выезжает впервые за границу, имея главной целью установить связь с эмигрантской марксистской группой «Освобождение труда» (Плеханов, Засулич, Аксельрод). По возвращении в Петербург он организует нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который быстро превращается в значительную организацию, развивает пропагандистскую и агитационную работу среди рабочих и завязывает связи с провинцией. В декабре 1895 г. Л. и его ближайшие сотрудники подвергаются аресту. 1896 г. Л. проводит в тюрьме, где работает над изучением путей экономического развития России. В феврале 1897 г. его отправляют в трехлетнюю ссылку в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию. К этому времени (1898 г.) относится брак Л. с Н. К. Крупской, его товарищем по работе в СПБ «Союзе» и верной его сподвижницей в течение дальнейших 26 лет жизни и революционной борьбы. За время ссылки Л. заканчивает свой важнейший экономический труд «Развитие капитализма в России», основанный на широком охвате и методической проработке огромного статистического материала (Петербург, 1899 г.).

В 1900 г. Л. выезжает в Швейцарию с целью организовать за границей, совместно с группой «Освобождение труда», издание революционной газеты, предназначенной для России. К концу года в Мюнхене уже выходит № 1 газеты «Искра» с эпиграфом: «Из искры возгорится пламя». Целью газеты является марксистское освещение задач революции, выдвижение политических лозунгов борьбы и организация на этой основе централизованной подпольной революционной партии социал-демократов, которая во главе пролетариата открыла бы борьбу с царизмом, вовлекая в нее угнетенные народные массы и, прежде всего, многомиллионное крестьянство. Идея централизованного *партийного руководства* борьбой пролетариата во всех ее формах и проявлениях — одна из центральных идей *ленинизма* — тесно связывается с идеей *гегемонии* рабочего класса в демократическом движении страны. Становясь стержнем ленинской политической концепции и практической борьбы, идея гегемонии непосредственно переходит в программу диктатуры пролетариата, когда развитие революционного движения подготовляет условия для Октябрьского переворота.

Созванный в июле — августе 1903 г. 2-й съезд РСДРП (Брюссель — Лондон) принимает выработанную Плехановым и Лениным программу, но заканчивается историческим расколом партии на большевиков и меньшевиков. Отныне Л. начинает свой самостоятельный путь как вождь фракции, а затем партии

большевиков. Начавшись с вопросов организации партии, разногласия постепенно захватывают основные вопросы тактики, а затем и программы. Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Л. видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве. Эпизодические сближения с меньшевиками не приостанавливают все большего и большего расхождения двух линий: революционной и оппортунистической, пролетарской и мелкобуржуазной. В борьбе с меньшевизмом выковывается политика, приведшая впоследствии к разрыву со Вторым Интернационалом (1914), к Октябрьской революции (1917) и к замене скомпрометированного *социал-демократического* имени партии *коммунистическим* (1918).

Поражение армии и флота в русско-японской войне, расстрел рабочих 9 (22) января 1905 г., аграрные волнения и политические забастовки создают революционную ситуацию в стране. Программа Л.: подготовка вооруженного восстания масс против царизма, создание временного революционного правительства, которое должно организовать революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян для радикальной очистки страны от царизма, крепостничества и всякого вообще средневекового хлама. В соответствии с этим на 3-м съезде партии, состоявшем из одних большевиков (май 1905 г.), принимается новая аграрная программа конфискации помещичьих и царских земель.

В октябре 1905 г. начинается всероссийская забастовка. 17 октября царь издает «конституционный» манифест. В начале ноября Л. возвращается из Женевы в Россию и в первой же статье призывает большевиков, в связи с новой обстановкой, расширить организацию, привлекая в партию широкие круги рабочих, но сохраняя нелегальный аппарат, в предвидении неизбежного удара контрреволюции. В декабре царизм переходит в контрнаступление. Восстание в Москве в конце декабря, без поддержки армии, без одновременного восстания в других городах и без достаточного отклика деревни, вскоре подавляется.

В событиях 1905 г. Л. выдвигает три момента: 1) временный захват народом действительной, т. е. не ограниченной классовыми врагами, политической свободы, помимо и вопреки всех наличных законов и учреждений; 2) создание новых, пока еще потенциальных органов революционной власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 3) применение народом насилия по отношению к насильникам над народом *. Эти выводы 1905 г. станут руководящими принципами политики Л. в 1917 г. и приведут к диктатуре пролетариата в форме Советского государства.

Разгром Декабрьского восстания в Москве отодвигает массы на второй план. Авансцену занимает либеральная буржуазия. Начинается эпоха первых двух дум. Л. формулирует в этот период принципы революционного использования парламентаризма в непосредственной связи с борьбой масс и в целях подготовки их к новому периоду наступления.

В декабре 1907 г. Л. выезжает из пределов России, чтобы вернуться в нее лишь в 1917 г. Открывается эпоха победоносной контрреволюции, преследований, ссылок, казней, эмиграции. Л. ведет политическую и организационную борьбу против всех течений упадочничества в революционной среде: против меньшевиков, проповедовавших ликвидацию (отсюда «ликвидаторы») подпольной партии и переход к чисто легальной деятельности в рамках псевдоконституционного строя; против «примиренцев», не понимавших противоположности большевизма и меньшевизма и пытавшихся занять среднюю позицию; против авантюризма социалистов-революционеров, пытавшихся личным террором заменить недостаточную активность масс; наконец, против сектантства части большевиков, так называемых «отзовистов», требовавших отозвания с.-д. депутатов из Думы во имя непосредственно революционных действий, для которых обстановка не открывала возможностей. В эту глухую эпоху Л. ярче всего обнаружил сочетание двух основных своих качеств: непримиримой революционности основной линии и безошибочного реализма в выборе методов и средств.

Одновременно Л. ведет развернутым фронтом борьбу против попыток ревизии теоретических основ марксизма, на которые опирается вся его политика. В 1908 г. он пишет капитальное исследование, посвященное основным вопросам познания и направленное против идеалистической, по существу, философии Маха и Авенариуса и их русских последователей, пытавшихся соединить эмпириокритицизм с марксизмом. Опираясь на огромную проделанную им научную работу, Л. доказывает, что методы диалектического материализма, как они формулированы Марксом и Энгельсом, полностью подтверждаются развитием научной мысли вообще, естествознания в особенности. Так, революционная борьба, не упускавшая из виду самых мелких практических вопросов, шла у Л. всегда рука об руку с теоретической борьбой, поднимавшейся до самых высоких достижений обобщающей мысли.

1912–1914 гг. характеризуются новым подъемом рабочего движения в России. В режиме контрреволюции обнаруживаются трещины. В начале 1912 г. Л. созывает в Праге тайную конференцию русских организаций большевиков. «Ликвидаторы»

объявляются вне партии. Разрыв с меньшевизмом принимает окончательный и бесповоротный характер. Избирается новый ЦК. Л. организует из-за границы издание в Петербурге легальной газеты «Правда», которая в постоянной борьбе с цензурой и полицией оказывает руководящее влияние на передовых рабочих.

В июле 1912 г. (*В июне. Ред.)* Л. с ближайшими своими сотрудниками переезжает из Парижа в Краков с целью облегчить свои сношения с Россией. Революционный подъем в России нарастает, обеспечивая тем самым перевес большевизма. Л. в оживленных сношениях с Россией почти ежедневно посылает статьи под различными псевдонимами для легальных большевистских газет, досказывая необходимые выводы в нелегальной печати. В этот период, как и раньше, как и позже, Н. К. Крупская, как ближайшая помощница Л., стоит в центре всей организационной работы, принимает приезжающих из России товарищей, дает инструкции отъезжающим, устанавливает нелегальные связи, пишет конспиративные письма, зашифровывает и расшифровывает. В местечке Поронин под Краковом настигает его объявление войны. Австрийская полиция, заподозрив в Л. русского шпиона, подвергает его аресту, но через две недели освобождает и высылает в Швейцарию.

Начинается новая широкая полоса в работе Л., сразу получающая интернациональный размах. Манифест, опубликованный Л. 1 ноября от имени партии, определяет империалистический характер войны и виновность в ней всех великих держав, издавна подготовлявших кровавую борьбу за расширение рынков и за разорение конкурентов. Патриотическая агитация буржуазии обоих лагерей, со сваливанием вины друг на друга, объявляется маневром для одурачения рабочих масс. Манифест констатирует переход большинства европейских с.-д. вождей на позицию защиты отечественной буржуазии, срыв ими решений международных социалистических конгрессов и крах Второго Интернационала. С точки зрения русских с.-д., заявляет манифест, поражение царизма было бы наиболее выгодным из исходов войны. Поражение «своих» правительств должно быть лозунгом с.-д. всех стран. Л. подвергает беспощадной критике не только социал-патриотизм, но и разных оттенков пацифизм, который, мечтая о мире, капитулирует перед войной и, занимаясь платоническими протестами, отказывается от революционной борьбы с империализмом. Борьба с пацифизмом развертывается в широкую борьбу с центристами, т. е. с теми элементами рабочего движения, которые занимают промежуточную позицию между социал-демократами и коммунистами, фактически поддерживая первых (например,I.L.P. в Великобритании).

Теоретики и политики Второго Интернационала усугубили с начала войны старые обвинения Л. в анархизме. На самом деле через всю теоретическую и практическую работу Л., и до и после 1914 г., проходит борьба не только с реформизмом, который с началом войны превратился в опору империалистской политики имущих классов, но и с анархизмом, и со всеми вообще разновидностями революционного авантюризма.

1 ноября 1914 г. Л. выдвигает программу создания нового Интернационала, которому «предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

В сентябре 1915 г. (5–8) в Циммервальде (Швейцария) собирается первая конференция европейских социалистов, стоящих в оппозиции к империалистской войне (всего 31 человек). Левое крыло Циммервальдской, а затем Кинтальской конференций, воспринявшее лозунг Л. о превращении империалистской войны в гражданскую, явилось основным ядром будущего Коммунистического Интернационала, программа, тактика и организация которого вырабатывались под руководством Л. Им непосредственно вдохновлялись решения первых четырех конгрессов Коминтерна.

К своей борьбе в международном масштабе Л. был подготовлен не только своим общим глубоким образованием на марксистской основе, не только опытом революционной борьбы и партийного строительства в России, но и детальным знакомством с мировым рабочим движением. Он непосредственно следил в течение долгого ряда лет за внутренней жизнью важнейших капиталистических государств. Хорошо владея английским, немецким и французским языками, Л. читал также по-итальянски, шведски, по-польски. Реалистическое воображение и политическая интуиция позволяли ему нередко по отдельным явлениям восстанавливать картину целого. Всегда и неизменно Л. был против механического перенесения методов одной страны на другую, рассматривая и разрешая вопросы революционного движения не только в их международной взаимозависимости, но и в их национальной особенности.

Февральская революция 1917 г. застает Л. в Швейцарии. Его попытки проехать в Россию наталкиваются на решительное сопротивление британского правительства. Л. решает использовать антагонизм воюющих стран и проехать в Россию через Германию. Удача этого плана дает врагам повод для неистовой кампании клеветы, которая, однако, уже бессильна помешать Л. встать во главе партии, а вскоре и во главе

революции.

В ночь на 4 апреля, тотчас по выходе из вагона, Л. выступает на Финляндском вокзале с речью, основные мысли которой он повторяет и развивает в ближайшие дни. Низвержение царизма, говорит Л., явилось лишь первым этапом революции. Буржуазная революция уже не может удовлетворить массы. Задача пролетариата— вооружаться, усиливать значение Советов, пробуждать деревню и готовиться к завоеванию власти во имя социалистического переустройства общества.

Далеко идущая программа Л. не только оказывается неприемлемой для деятелей патриотического социализма, но и вызывает возражения в среде самих большевиков. Плеханов называет программу Л. «бредовой». Но Л. строит свою политику не на настроениях временных вождей революции, а на взаимоотношениях классов и логике движения масс. Он предвидит, что рост недоверия к буржуазии и к Временному правительству будет с каждым днем увеличиваться, что партия большевиков достигнет большинства в Советах и что к ним должна будет перейти власть. Маленькая ежедневная газета «Правда» становится отныне в его руках могущественным орудием низвержения буржуазного общества.

Политика коалиции с буржуазией, проводившаяся социалистами-патриотами, и вынужденное союзниками безнадежное наступление русской армии на фронте возбуждают массы и приводят в Петрограде к вооруженным демонстрациям в первые дни июля. Борьба против большевизма достигает крайней остроты. 5 июля опубликованы грубо сфабрикованные контрразведкой «документы», долженствующие свидетельствовать, что Л. действует по поручению германского генерального штаба. К вечеру прибыли вызванные Керенским с фронта «надежные» части и юнкера из окрестностей Петрограда, которые заняли город. Движение было подавлено. Травля против Л. достигла апогея. Он перешел на нелегальное положение, скрываясь сперва под Петроградом, в семье рабочего, затем в Финляндии и сохраняя постоянную связь с руководящими элементами партии.

Июльские дни и последовавшая расправа вызывают резкий подъем в массах. Предвидение Л. оправдывается по всей линии. Большевики получают большинство в Советах Петрограда и Москвы. Л. требует решительных действий для захвата власти, открывая, с своей стороны, непримиримую борьбу против колебаний на верхах партии. Он пишет статьи, брошюры, официальные и частные письма, подвергая вопрос о захвате власти освещению со всех сторон, опровергая возражения,

рассеивая опасения. Он рисует неизбежное превращение России в иностранную колонию при продолжении политики Милюкова — Керенского и предсказывает сознательную сдачу ими Петрограда немцам с целью разгрома пролетариата. «Теперь или никогда!» — повторяет он в страстных статьях, письмах и беседах.

Восстание против временного правительства совпало с моментом открытия II съезда Советов 25 октября. В этот день (*Вечером 24 октября (6 ноября). Ред.)* Л. впервые после 3 1/2-месячного пребывания в подполье появляется в Смольном, откуда непосредственно руководит борьбой. В ночь на 27-е (26 октября (8 ноября). *Ред.)* он выступает на заседании съезда Советов с проектом Декрета о мире (принят единогласно) и Декрета о земле (принят всеми против одного при восьми воздержавшихся). Большевистским большинством съезда, при поддержке группы левых эсеров, объявляется переход власти к Советам. Назначается Совет Народных Комиссаров во главе с Л. Из лесного шалаша, где Л. скрывался от преследований, он непосредственно переходит на вершину власти.

Пролетарский переворот быстро распространяется по стране. Завладевая помещичьей землей, крестьяне порывают с эсерами и поддерживают большевиков. Советы становятся господами положения в городе и деревне. При этих обстоятельствах Учредительное собрание, выбранное в ноябре и собравшееся 5 января, оказывается явным анахронизмом. Конфликт между двумя этапами революции налицо. Л. не колеблется ни на минуту. В ночь на 7 января ВЦИК, по докладу Л, принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Диктатура пролетариата, учит Л., обозначает максимум действительного, а не формального демократизма для трудящегося большинства, ибо обеспечивает ему реальную возможность воспользоваться свободами, передавая в руки трудящихся все те материальные блага (здания для собраний, типографии и пр.), без которых «свобода» остается пустым звуком и иллюзией. Диктатура пролетариата, по Л., есть необходимая ступень к уничтожению классового общества.

Вопрос о войне и мире вызвал новый кризис партии и власти. Значительная часть партии звала к «революционной войне» против Гогенцоллерна, не считаясь ни с хозяйственным положением страны, ни с настроением крестьянства. Л., считавший необходимым затягивать переговоры с немцами в агитационных целях как можно дольше, требовал, однако, чтобы в случае ультиматума с их стороны был подписан мир хотя бы ценой территориальных уступок и контрибуции: уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени, — развивающаяся на

Западе революция раньше или позже аннулирует тяжелые условия мира. Политический реализм Л. обнаружился в этом вопросе во всей своей силе. Большинство Центрального Комитета — против Ленина — делает еще попытку, объявив состояние войны прекращенным, отказаться в то же время от подписания империалистского мира. Это приводит к возобновлению немецкого наступления. После ожесточенных прений в ЦК на заседании 18 февраля Л. завоевывает большинство за свое предложение немедленно возобновить переговоры и подписать немецкие условия, еще более отягченные.

Советское правительство по инициативе Л. переселяется в Москву. Добившись мира, Л. выдвигает перед партией и страной вопросы хозяйственного и культурного строительства во весь рост.

Но тягчайшие испытания еще впереди. Контрреволюционное движение надвигается с окраин. К концу лета 1918 г. Центральная Россия оказывается окруженной огненным кольцом. Рука об руку с отечественной контрреволюцией идет на Волге восстание чехословаков, на севере и юге — интервенция англичан (2/VIII — Архангельск, 14/VIII — Баку). Прекращается подвоз продовольствия. В этих беспримерных по трудности условиях, когда казалось, что выхода нет, Л. не отходит от руля партии и государства ни на час. Он дает оценку каждой новой опасности, указывает пути спасения, агитирует на собраниях и в печати, извлекает из рабочей массы все новые и новые силы, организует поход рабочих в деревню за хлебом, руководит созданием первых военных отрядов, следит по карте за движениями врага, сносится по прямому проводу с молодыми отрядами Красной Армии, заботится в центре об их вооружении и снабжении, следит за международным положением, ориентируясь на противоречия в лагере империалистов, и в то же время находит время для внимательных бесед и с первыми иностранными революционерами, прибывающими на советскую почву, и с советскими инженерами по поводу планов электрификации, новых методов использования торфа, развития сети радиостанций и пр. и пр.

30 августа эсерка Каплан подстерегает Л. у входа в помещение рабочего митинга и производит в него два выстрела. Это покушение ожесточает гражданскую войну. Крепкий организм Л. быстро справляется с ранениями. В дни выздоровления он пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский», направленную против виднейшего теоретика Второго Интернационала. 22 октября он уже выступает с речью.

Война на внутренних фронтах остается по-прежнему главным

содержанием его работы. Хозяйственные и административные проблемы занимают по необходимости служебное место. Питаемая извне гражданская война в полном разгаре. Только благодаря титанической энергии Л., его зоркости и неколебимой воле борьба заканчивается (в начале 1921 г.) полным подавлением контрреволюции. Государственная организация крепнет. Основным орудием борьбы, как и дальнейшего строительства, была и остается созданная Лениным и испытанная в подполье *партия.* Суровая школа гражданской войны закалила основные кадры организаторов.

Октябрьская революция рассматривалась Л. всегда в перспективе европейской и мировой революции. То обстоятельство, что война не привела непосредственно к пролетарскому перевороту в Европе, чрезвычайно усугубило трудности социалистического строительства, коренящиеся во взаимоотношениях города и деревни, и побудило Л. в начале 1921 г. по-новому поставить вопросы внутреннего хозяйственного режима. Социалистическое строительство невозможно без соглашения между пролетариатом и крестьянством. Необходимо радикально перестроить вызванный гражданской войной режим «военного коммунизма», заменить изъятие «излишков» у крестьянина правильно поставленным налогом и допустить частный товарообмен. Эти мероприятия, проведенные Л. при полном сочувствии всей партии, открыли собой новую полосу в развитии Октябрьской революции под именем «новой экономической политики». Л. разъяснил в дальнейшем, что такая политика — со всеми необходимыми изменениями — явится неизбежной фазой в социалистическом строительстве каждой страны.

В своей политике внутри Советского Союза Л. с величайшим вниманием относится к положению национальностей, угнетавшихся царизмом, и всеми мерами стремится создать для них условия свободного национального развития. Л. ведет беспощадную борьбу против всякого проявления великодержавных тенденций в государственном аппарате, тем более внутри партии, идейную чистоту которой он охранял непримиримо; обвинения в национальном гнете, выдвигавшиеся против Л. и его партии со ссылками на Грузию и пр., порождались на самом деле не национальной борьбой, а острым столкновением классов внутри наций.

Принцип национального самоопределения, который в западноевропейском рабочем движении распространялся исключительно на национальные меньшинства так называемых культурных стран, да и то половинчато, Л. распространяет со

всей решительностью на колониальные народы, выступая в защиту их права на полное отделение от метрополий. Западноевропейский пролетариат должен, по учению Л., отказаться от декларативных выражений сочувствия угнетенным нациям и перейти к совместной с ним борьбе против империализма.

На VIII съезде Советов (1920 г.) Л. докладывает о произведенной по его инициативе работе по составлению плана электрификации страны. Постепенный подъем на высшую ступень техники есть залог успешного перехода от мелкого крестьянского товарного хозяйства с его разобщенностью к крупному социалистическому производству, охваченному единым планом. *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.».*

Переутомление, вызванное непомерной напряженностью работы в течение многих лет, подорвало здоровье Л. Склероз поражает кровеносные сосуды головного мозга. В начале 1922 г. врачи запрещают ему повседневную работу. В июне — августе болезнь Л. резко развивается;

впервые обнаруживается, хотя и мимолетно, утеря речи (*Первый приступ болезни произошел 25–27 мая. Ред.)*. В начале октября здоровье улучшается настолько, что Л. вновь возвращается к работе, но уже ненадолго. Последнее свое публичное выступление Л. заканчивает выражением уверенности в том, что «из России нэповской будет Россия социалистическая»…

16 декабря наступает паралич правой руки и ноги. Однако в январе — феврале Л. диктует еще ряд статей, имеющих большую важность для политики партии: о борьбе с бюрократизмом в советском и партийном аппарате, о значении кооперации для постепенного вовлечения крестьян в социалистическое хозяйство, о борьбе с безграмотностью и, наконец, о политике в отношении национальностей, которые угнетались царизмом.

Болезнь прогрессировала. Наступила полная потеря речи. Работа для партии прекратилась, а вскоре прекратилась и жизнь. Л. скончался 21 января 1924 г. в 6 ч. 30 м. вечера (В 18 часов 50 минут. *Ред)* в Горках, близ Москвы. Похороны его явились беспримерной манифестацией любви и скорби миллионов.

Центральным делом жизни Ленина явилось создание партии, способной осуществить Октябрьскую революцию и руководить социалистическим строительством. Теория пролетарской революции, ее методов и путей составляет ядро ленинизма как международной системы, представляющей собой завершение марксизма.

Единство цели Л. пронес через всю свою жизнь, начиная со школьной скамьи. Он не знал колебаний в борьбе с теми, кого считал врагами рабочего класса. В его страстной борьбе никогда не было ничего личного. Он выполнял осознанные им требования неотвратимого исторического процесса. Материалистическую диалектику, как метод научной ориентировки в общественном развитии, Л. сочетал с величайшей интуицией вождя.

Внешность Л. отличалась простотой и крепостью при среднем росте или слегка ниже среднего, при плебейских чертах славянского лица, которое освещалось насквозь видящими глазами и которому могучий лоб, переходивший в купол еще более могучего черепа, придавал из ряда вон выходящую значительность. Неутомимость Л. в работе была беспримерна. Его мысль была одинаково напряжена в сибирской ссылке, в Британском музее или на заседании Совета Народных Комиссаров. С предельной добросовестностью он читал лекции в маленьком рабочем кружке в Цюрихе и строил первое в мире социалистическое государство. Науку, искусство, культуру он ценил и любил во всем их объеме, но никогда не забывал, что они пока еще составляют достояние небольшого меньшинства. В простоте его литературного и ораторского стиля выражалась величайшая сосредоточенность духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Л. был ровен, приветлив, внимателен, особенно к угнетенным, к слабым, к детям. Его образ жизни в Кремле мало отличался от его образа жизни в эмиграции. Простота обихода, воздержанность в отношении пищи, питья, одежды и всех вообще «благ» жизни вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того, что умственная работа и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов наслаждения. Его мысль работала над делом освобождения трудящихся до того мига, как окончательно потухла.

Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. IS27. № 4

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

После Октября фотографы снимали Ленина не раз, точно так же и кинематографщики. Голос его запечатлен на пластинках фонографа. Речи застенографированы и напечатаны. Таким образом, все элементы Владимира Ильича налицо. Но только элементы. А живая личность — в их неповторном и всегда динамическом сочетании.

Когда я мысленно пытаюсь свежим глазом и свежим ухом, как бы в первый раз, увидеть и услышать Ленина на трибуне, я вижу крепкую и внутренне эластическую фигуру невысокого роста и слышу ровный, плавный, очень быстрый, чуть картавый, непрерывный, почти без пауз и на первых порах без особой интонации голос.

Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла еще своего равновесия, жест неоформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада — мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше, смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки. Голова сама по себе не кажется большой на этом невысоком, но крепком, ладно сколоченном, ритмическом теле. Но огромными кажутся на голове лоб и голые выпуклины черепа. Руки очень подвижны, однако без суетливости или нервозности. Кисть широкая, короткопалая, «плебейская», крепкая. В ней, в этой кисти, есть те же черты надежности и мужественного добродушия, что и во всей фигуре. Чтоб разглядеть это, нужно, однако, оратору осветиться изнутри, разгадав хитрость противника или самому с успехом заманив его в ловушку. Тогда из-под могучего лобно-черепного навеса выступают ленинские глаза, которые чуть-чуть переданы на одной счастливой фотографии 1919 г. Даже безразличный слушатель, поймав впервые этот взор, настораживался и ждал, что будет дальше. Угловатые скулы освещались и смягчались в такие моменты крепко-умной снисходительностью, за которой чувствовалось большое знание людей, отношений, обстановки — до самой что ни на есть глубокой подоплеки. Нижняя часть лица, с рыжевато-сероватой растительностью, как бы оставалась в тени. Голос смягчался, получал большую гибкость и моментами лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и — то иронически, то с видом отчаяния — пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение

противника, осмеяние или опозорение его — смотря по противнику и по случаю — всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательств ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова за жилетный вырез, либо, чаще, в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главнейшего пункта всей речи.

Если в аудитории есть противники, навстречу оратору поднимаются время от времени критические или враждебные восклицания. В 9 случаях из 10 они остаются без ответа. Оратор скажет то, что ему нужно, для кого нужно, и так, как он считает нужным. Отклоняться в сторону для случайных возражений он не любит. Беглая находчивость несвойственна его сосредоточенности. Только голос его, после враждебных восклицаний, становится жестче, речь компактнее и напористее, мысль острее, жесты резче. Он подхватывает враждебный возглас с места только в том случае, если это отвечает общему ходу его мысли и может помочь ему скорее добраться до нужного вывода. Тут его ответы бывают совершенно неожиданны — своей убийственной простотой. Он начисто обнажает ситуацию там, где, согласно ожиданиям, он должен был бы маскировать ее. Это испытывали на себе не раз меньшевики в первый период революции, когда обвинения в нарушениях демократии сохраняли еще всю свою свежесть. «Наши газеты закрыты!» — Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все. (Бурные аплодисмены.) Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума. (Бурные аплодисменты.) Оратор выпрямился. Обе руки в карманах. Тут нет и намека на позу, и в голосе нет ораторских модуляций, зато есть во всей фигуре, и в посадке головы, и в сжатых губах, и в скулах, и в чуть-чуть сиплом тембре несокрушимая уверенность в своей правоте и в своей правде. «Если хотите драться, то давайте драться, как следует быть».

Когда оратор бьет не по врагу, а по своим, то это чувствуется и в жесте и в тоне. Самая неистовая атака сохраняет в таком случае характер «урезонивания». Иногда голос оратора срывается на высокой ноте: это когда он стремительно обличает кого-нибудь из своих, устыжает, доказывает, что оппонент ровнешенько ничего в вопросе не смыслит и в обоснование своих

возражений ничего, ну так-таки ничегошеньки не привел. Вот на этих «ровнешенько» и «ничегошеньки» голос иногда доходит до фальцета и срыва, и от этого сердитейшая тирада принимает неожиданно оттенок добродушия.

Оратор продумал заранее свою мысль до конца, до последнего практического вывода, — мысль, но не изложение, не форму, за исключением разве наиболее сжатых, метких, сочных выражений и словечек, которые входят затем в политическую жизнь партии и страны звонко;"! монетой обращения. Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его. Для стенографов такая конструкция — тяжкое испытание, а вслед за ними — и для редакторов. Но через эти громоздкие фразы напряженная и властная мысль прокладывает себе крепкую, надежную дорогу.

Верно ли, однако, что это говорит глубочайше образованный марксист, теоретик-экономист, человек с огромной эрудицией? Ведь вот кажется, по крайней мере моментами, что выступает какой-то необыкновенный самоучка, который дошел до всего этого своим умом, как следует быть все это обмозговал, по-своему, без научного аппарата, без научной терминологии, и по-своему же все это излагает. Откуда это? Оттуда, что оратор продумал вопрос не только за себя, но и за массу, провел свою мысль через ее опыт, начисто освобождая изложение от теоретических лесов, которыми сам пользовался при первом подходе к вопросу.

Иногда, впрочем, оратор слишком стремительно взбегает по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу: это когда вывод ему слишком ясен и практически слишком неотложен и нужно как можно скорее подвести к нему слушателей. Но вот он почувствовал, что аудитория не поспевает за ним, что связь со слушателями разомкнулась. Тогда он сразу берет себя в руки, спускается одним прыжком вниз и начинает свое восхождение заново, но уже более спокойным и соразмерным шагом. Самый голос его становится иным, освобождается от излишней напряженности, получает обволакивающую убедительность. Конструкция речи от этого возврата вспять, конечно, страдает. Но разве речь существует для конструкции? Разве в речи ценна какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?

И когда оратор вторично добирается до вывода, приведя на этот раз к нему своих слушателей, не растеряв в пути никого, в зале физически ощущается та благодарная радость, в которую разрешается удовлетворенное напряжение коллективной мысли.

Теперь остается пристукнуть еще раза два-три по выводу, для крепости дать ему простое, яркое и образное выражение, для памяти, а затем можно позволить и себе и другим передышку, пошутить и посмеяться, чтобы коллективная мысль получше всосала в себя тем временем новое завоевание.

Ораторский юмор Ленина так же прост, как и все прочие его приемы, если здесь можно говорить о приемах. Ни самодовлеющего остроумия, ни тем более острословия в речах Ленина нет, а есть шутка, сочная, доступная массе, в подлинном смысле народная. Если в политической обстановке нет ничего слишком тревожного, если аудитория в большинстве своем «своя», то оратор не прочь мимоходом «побалагурить». Аудитория благодарно воспринимает лукаво-простецкую прибаутку, добродушно-безжалостную характеристику, чувствуя, что и это не так себе, не для одного лишь красного словца, а все для той же цели.

Когда оратор прибегает к шутке, тогда больше выступает нижняя часть лица, особенно рот, умеющий заразительно смеяться. Черты лба и черепа как бы смягчаются, глаз, переставая сверлить, весело светится, усиливается картавость, напряженность мужественной мысли смягчается жизнерадостностью и человечностью.

В речах Ленина, как и во всей его работе, главной чертой остается целеустремленность. Оратор не речь строит, а ведет к определенному действенному выводу. Он подходит к своим слушателям по-разному: и разъясняет, и убеждает, и срамит, и шутит, и снова убеждает, и снова разъясняет. То, что объединяет его речь, это не формальный план, а ясная, строго для сегодняшнего дня намеченная практическая цель, которая должна занозой войти в сознание аудитории. Ей подчинен и его юмор. Шутка его утилитарна. Яркое словечко имеет свое практическое назначение: подстегнуть одних, попридержать других. Тут и «хвостизм», и «передышка», и «смычка», и «дрячка», и «комчванство», и десятки других не столь увековеченных. Прежде чем добраться до такого словечка, оратор описывает несколько кругов, как бы отыскивая нужную точку. Найдя, наставляет гвоздь и, примерив, как следует быть, глазом, наносит с размаху удар молотком по шляпке, и раз, и другой, и третий, и десятый, — пока гвоздь не войдет как следует быть, так что его очень трудно бывает выдернуть, когда уже минует в нем надобность. Тогда Ленину же придется, с прибауткой, постукать по этому гвоздю справа и слева, чтобы расшатать его, и выдернув, бросить в архивную ломь, — к великому огорчению тех, которые к гвоздю привыкли.

Но вот речь клонится к концу. Итоги подведены, выводы закреплены. Оратор имеет вид работника, который умаялся, но дело свое выполнил. По голому черепу, на котором выступили крупинки пота, он проводит время от времени рукой. Голос звучит без напряжения, как догорает костер. Можно кончать. Но не надо ждать того венчающего речь подъемного финала, без которого, казалось бы, нельзя сойти с трибуны. Другим нельзя, а Ленину можно. У него нет ораторского завершения речи: он кончает работу и ставит точку. «Если поймем, если сделаем, тогда победим наверняка» — такова нередкая заключительная фраза. Или: «Вот к чему нужно стремиться — не на словах, а на деле». А иногда и того проще: «Вот все, что я хотел вам сказать», — и только. И такой конец, полностью отвечающий природе ленинского красноречия и природе самого Ленина, нисколько не расхолаживает аудиторию. Наоборот, как раз после такого «неэффектного», «серого» заключения она как бы заново, одной вспышкой сознания, охватывает все, что Ленин дал ей в своей речи, и разражается бурными, благодарными, восторженными аплодисментами.

Но уже, подхватив кое-как свои бумажки, быстро покидает кафедру Ленин, чтобы избегнуть неизбежного. Голова его слегка втянута в плечи, подбородком вниз, глаза скрылись под брови, усы топорщатся почти сердито на недовольно приподнятой верхней губе. Рокот рукоплесканий растет, кидая волну на волну. Да здра… Ленин… вождь… Ильич… Вот мелькает в свете электрических ламп неповторимое человеческое темя, со всех сторон захлестываемое необузданными волнами. И когда, казалось, вихрь восторга достиг уже высшего неистовства — вдруг через рев, и гул, и плеск чей-то молодой, напряженный, счастливый и страстный голос, как сирена, прорезывающий бурю: *Да здравствует Ильич!* И откуда-то из самых глубоких и трепетных глубин солидарности, любви, энтузиазма поднимается в ответ уже грозным циклоном общий, безраздельный, потрясающий своды вопль-клич: Да здравствует Ленин!

У *великой могилы. М., 1924. С. 480–481*

ФИЛИСТЕР О РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ

В одном из многих сборников, посвященных Ленину, я наткнулся на статью английского писателя Уэллса под заглавием «Кремлевский мечтатель». Редакция сборника отмечает в примечании, что «даже такие передовые люди, как Уэллс, не поняли смысла происходящей в России пролетарской революции». Казалось бы, это еще недостаточная причина для

помещения статьи Уэллса в сборнике, посвященном вождю этой революции. Но не стоит, пожалуй, к этому так уж придираться: по крайней мере, я лично прочитал несколько страничек Уэллса не без интереса, в чем, однако, автор их, как видно будет из дальнейшего, совершенно неповинен.

Живо представляется тот момент, когда Уэллс посетил Москву. Это была голодная и холодная зима 1920/21 г. В атмосфере — тревожное предчувствие весенних осложнений. Голодная Москва в сугробах. Хозяйственная политика накануне крутого перелома. Помню очень хорошо то впечатление, которое вынес Владимир Ильич из беседы с Уэллсом *. «Ну и мещанин! Ну и филистер!» — повторял он, приподымая над столом обе руки, смеясь и вздыхая тем смехом и тем вздохом, какие у него характеризовали некоторый внутренний стыд за другого человека. «Ах, какой филистер», — повторял он, заново переживая свою беседу. Этот наш разговор происходил пред открытием заседания Политбюро и ограничился, в сущности, повторением только что приведенной краткой характеристики Уэллса. Но и этого было за глаза достаточно. Я, правда, мало читал Уэллса и совсем не встречал его. Но английский салонный социалист, фабианец, беллетрист на фантастические и утопические темы, приехавший взглянуть на коммунистические эксперименты, — этот образ я себе достаточно ясно представлял. А восклицания Ленина и особенно тон этого восклицания без труда доделали остальное. И вот теперь статья Уэллса, неисповедимыми путями попавшая в ленинский сборник, не только оживила в моей памяти ленинское восклицание, но и наполнила его живым содержанием. Ибо если Ленина в статье Уэллса о Ленине нет почти и следа, зато сам Уэллс в ней — как на ладони.

Начнем хотя бы со вступительной жалобы Уэллса: ему пришлось, видите ли, долго хлопотать, чтобы добиться свидания с Лениным, что его (Уэллса) «чрезвычайно раздражало». Почему, собственно? Разве Ленин вызывал Уэллса? Обязывался принять его? Или разве у Ленина был такой избыток времени? Наоборот, в те архитяжелые дни каждая минута его времени была заполнена; ему очень нелегко было выкроить час на прием Уэллса. Понять это нетрудно было бы и иностранцу. Но вся беда в том, что г-н Уэллс, в качестве знатного иностранца и при всем своем «социализме» консервативнейшего англичанина империалистской складки, насквозь проникнут убеждением, что оказывает, в сущности, своим посещением великую честь этой варварской стране и ее вождю. Вся статья Уэллса, от первой строки до последней, воняет этим немотивированным

самомнением.

Характеристика Ленина начинается, как и следовало ждать, с откровения. Ленин, видите ли, «вовсе не писатель». Кому же, в самом деле, решить этот вопрос, как не профессиональному писателю Уэллсу? «Короткие резкие памфлеты, выходящие в Москве за его (Ленина) подписью (!), полные неправильных представлений о психологии западных рабочих, очень мало выражают истинную сущность мышления Ленина». Почтенному джентльмену, конечно, неведомо, что у Ленина есть ряд капитальнейших работ по аграрному вопросу, теоретической экономии, социологии, философии. Уэллс знает одни «короткие, резкие памфлеты», да и то отмечает, что они лишь выходят «за подписью Ленина», т. е. намекает на то, что пишут их другие. Истинная же «сущность мышления Ленина» раскрывается не в десятках написанных им томов, а в той часовой беседе, к которой так великодушно снизошел просвещеннейший гость из Великобритании.

От Уэллса можно бы ждать, по крайней мере, интересной зарисовки внешнего облика Ленина, и ради одной хорошо подмеченной черточки мы готовы были бы простить ему все его фабианские пошлости. Но в статье нет и этого. «У Ленина приятное смуглое (!) лицо с постоянно меняющимся выражением и живая улыбка…» «Ленин очень мало похож на свои фотографии…» «Он немного жестикулировал во время разговора…» Дальше этих банальностей набившего руку зауряд-репортера капиталистической газеты г-н Уэллс не пошел. Впрочем, он еще открыл, что лоб Ленина напоминает удлиненный и слегка несимметричный череп г-на Артура Бальфура и что Ленин в целом «маленький человечек: когда он. сидит на краю стула, его ноги едва касаются пола». Что касается черепа г-на Артура Бальфура, то мы ничего об этом почтенном предмете сказать не можем и охотно верим, что он удлинен. Но во всем остальном — какая неприличная неряшливость! Ленин был рыжеватым блондином, — назвать его смуглым никак нельзя. Роста он был среднего, может быть, даже слегка ниже среднего; но что он производил впечатление «маленького человечка» и что он еле достигал ногами пола — это могло показаться только г-ну Уэллсу, который приехал с самочувствием цивилизованного Гулливера в страну северных коммунистических лилипутов. Еще г-н Уэллс заметил, что Ленин при паузах в разговоре имеет привычку приподымать пальцем веко. «Может быть, эта привычка, — догадывается проницательный писатель, — происходит от какого-нибудь дефекта зрения». Мы знаем этот жест. Он наблюдался тогда, когда Ленин имел перед собою

чужого и чуждого ему человека и быстро вскидывал на него взор промежду пальцев руки, прислоненной козырьком ко лбу. «Дефект» ленинского зрения состоял в том, что он видел при этом собеседника насквозь, видел его напыщенное самодовольство, его ограниченность, его цивилизованное чванство и его цивилизованное невежество и, вобрав в свое сознание этот образ, долго затем покачивал головой и приговаривал: «Какой филистер! Какой чудовищный мещанин!»

При беседе присутствовал тов. Ротштейн, и Уэллс делает мимоходом открытие, что «присутствие его характерно для современного положения дел в России»: Ротштейн, видите ли, контролирует Ленина от лица Наркоминдела, ввиду чрезвычайной искренности Ленина и его мечтательской неосторожности. Что сказать по поводу этого неоценимого наблюдения? Входя в Кремль, Уэллс принес в своем сознании весь мусор международной буржуазной информации и своим проницательным глазом— о, разумеется, без всякого «дефекта»! — открыл в кабинете Ленина то, что выудил заранее из «Times» или из другого резервуара благочестивых и прилизанных сплетен.

Но в чем же все-таки состоял разговор? На этот счет мы узнаем от г-на Уэллса довольно-таки безнадежные общие места, которые показывают, как бедно и жалко ленинская мысль преломляется через иные черепа, в симметричности которых мы не видим, впрочем, основания сомневаться.

Уэллс пришел с мыслью, что «ему придется спорить с убежденным доктринером-марксистом, но ничего подобного на самом деле не оказалось». Это нас удивить не может. Мы уже знаем, что «сущность мышления Ленина» раскрылась не в его более чем тридцатилетней политической и писательской деятельности, а в его беседе с английским обывателем. «Мне говорили, — продолжает Уэллс, — что Ленин любит поучать, но со мною он этого не делал». Где же, в самом деле, поучать джентльмена, столь преисполненного высокой самооценки? Что Ленин любил поучать — вообще неверно. Верно то, что Ленин умел говорить очень поучительно. Но он это делал только тогда, когда считал, что его собеседник способен чему-либо научиться. В таких случаях он поистине не щадил ни времени, ни усилий. Но насчет великолепного Гулливера, попавшего милостью судьбы в кабинет «маленького человечка», у Ленина должно было уже после 2–3 минут беседы сложиться несокрушимое убеждение примерно в духе надписи над входом в дантовский ад: «Оставь надежду навсегда».

Разговор зашел о больших городах. Уэллсу в России впервые,

как он заявляет, пришла в голову мысль, что внешность города определяется торговлею в магазинах и на рынках. Он поделился этим открытием со своим собеседником. Ленин «признал», что города при коммунизме значительно уменьшатся в своих размерах. Уэллс «указал» Ленину, что обновление городов потребует гигантской работы и что многие огромные здания Петербурга сохранят лишь значение исторических памятников. Ленин согласился и с этим несравненным общим местом г-на Уэллса. «Мне кажется, — прибавляет последний, — ему приятно было говорить с человеком, понимающим те неизбежные последствия коллективизма, которые ускользают от понимания многих из его собственных последователей». Вот вам готовый масштаб для измерения уровня г-на Уэллса! Он считает плодом величайшей своей проницательности то открытие, что при коммунизме нынешние концентрированные городские нагромождения исчезнут и что многие из нынешних капиталистических архитектурных чудовищ сохранят лишь значение исторических памятников (если не заслужат чести быть разрушенными). Где же, конечно, бедным коммунистам («утомительным фанатикам классовой борьбы», как их именует Уэллс) додуматься до таких открытий, давно, впрочем, разъясненных в популярном комментарии к старой программе германской социал-демократии. Мы уж не говорим, что обо всем этом знали утописты-классики.

Теперь вам, надеюсь, понятно, почему г-н Уэллс «вовсе не заметил» во время разговора того ленинского смеха, о котором ему так много говорили: Ленину было не до смеха. Я опасаюсь даже, что челюсти его сводило рефлексом, прямо противоположным смеху. Но здесь Ильичу сослужила необходимую службу его подвижная и умная рука, которая всегда умела вовремя скрыть от слишком занятого собою собеседника рефлекс неучтивой зевоты.

Как мы уже слышали, Ленин Уэллса не поучал — по причинам, которые мы считаем вполне уважительными. Зато Уэллс тем настойчивее поучал Ленина. Он внушал ему ту совершенно новую мысль, что для успеха социализма «нужно перестраивать не одну только материальную сторону жизни, а и психологию всего народа». Он указал Ленину, что «русские по природе своей индивидуалисты и торговцы». Он разъяснял ему, что коммунизм «чересчур спешит» и разрушает прежде, чем может что-либо выстроить, и прочее в том же духе. «Это привело нас, — рассказывает Уэллс, — к основному пункту расхождения между нами, к различию между эволюционным коллективизмом и марксизмом». Под эволюционным коллективизмом надо

понимать фабианское варево из либерализма, филантропии, экономного социального законодательства и воскресных размышлений о лучшем будущем. Сам Уэллс существо своего эволюционного коллективизма формулирует так: «Я верю в то, что путем планомерной системы воспитания общества существующий капиталистический строй может цивилизоваться и превратиться в коллективистический». Сам Уэллс, не поясняет, кто, собственно, и над кем будет проводить «планомерную систему воспитания»: лорды ли с удлиненными черепами над английским пролетариатом, или же, наоборот, пролетариат пройдется по черепам лордов? О нет, все что угодно, только не это последнее. Для чего же существуют на свете просвещенные фабианцы, люди мысли, бескорыстного воображения, джентльмены и леди, мистер Уэллс и мистрисс Сноуден, как не для того, чтобы путем планомерного и длительного извержения того, что скрывается под их собственными черепами, цивилизовать капиталистическое общество и превратить его в коллективистическое с такой разумной и счастливой постепенностью, что даже великобританская королевская династия совершенно не заметит этого перехода?

Все это Уэллс излагал Ленину, и все это Ленин выслушивал. «Для меня, — милостиво замечает Уэллс, — было прямо отдыхом (!) поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком». А для Ленина? О многотерпеливый Ильич! Про себя он, вероятно, произносил некоторые очень выразительные и сочные русские слова. Он не переводил их вслух на английский язык не только потому, что столь далеко не простирался, вероятно, его английский словарь, но и по соображениям вежливости. Ильич был очень вежлив. Но он не мог ограничиться и вежливым молчанием. «Он был принужден, — рассказывает Уэллс, — возражать мне, говоря, что современный капитализм неизлечимо жаден и расточителен и что научить его ничему нельзя». Ленин сослался на ряд фактов, заключающихся, между прочим, в новой книге Моней: капитализм разрушил английские национальные верфи, не позволил разумно эксплуатировать угольные копи и пр. Ильич знал язык фактов и цифр.

«Признаюсь, — неожиданно заключает г. Уэллс, — мне было очень трудно с ним спорить». Что это значит? Не начало ли капитуляции эволюционного коллективизма перед логикой марксизма? Нет, нет, «оставь надежду навсегда». Эта неожиданная на первый взгляд фраза отнюдь не случайна, она входит в систему, она имеет строго выдержанный фабианский, эволюционный, педагогический характер. Она рассчитана на английских капиталистов, банкиров, лордов и их министров.

Уэллс говорит им: «Видите, вы поступаете так дурно, так разрушительно, так своекорыстно, что мне в спорах с кремлевским мечтателем трудно бывает защитить принципы моего эволюционного коллективизма. Образумьтесь, совершайте еженедельные фабианские омовения, цивилизуйтесь, шествуйте по пути прогресса». Таким образом, унылое признание Уэллса не есть начало самокритики, а лишь продолжение воспитательной работы над тем самым капиталистическим обществом, которое столь усовершенствованным, морализированным и фабианизированным вышло из империалистической войны и версальского мира.

Не без покровительственного сочувствия Уэллс замечает о Ленине: «Его вера в свое дело неограниченна». Против этого спорить не приходится. Запас веры в свое дело у Ленина был достаточен. Что верно, то верно. Этот запас веры давал ему, между прочим, терпение беседовать в те глухие месяцы блокады с каждым иностранцем, который способен был служить хотя бы и кривой связью России с Западом. Такова беседа Ленина с Уэллсом. Совсем, совсем иначе говорил он с английскими рабочими, приходившими к нему. С ними у него было живое общение. Он и учился и учил. А с Уэллсом беседа, по существу, имела полувынужденный дипломатический характер. «Наш разговор кончился неопределенно», — заключает автор. Другими словами, партия между эволюционным коллективизмом и марксизмом закончилась на этот раз вничью. Уэллс уехал в Великобританию, а Ленин остался в Кремле. Уэллс написал для буржуазной публики фатоватую корреспонденцию, а Ленин, покачивая головой, повторял: «Вот мещанин! Ай-я-яй, какой филистер!»

Пожалуй, могут спросить, почему и зачем, собственно, я остановился теперь, почти четыре года спустя, на столь незначительной статье Уэллса. То обстоятельство, что статья его воспроизведена в одном из сборников, посвященных смерти Ленина, конечно, не основание. Недостаточным оправданием служит и то, что эти строки писались мною в Сухуми, во время лечения. Но у меня есть более серьезные причины. Сейчас ведь в Англии у власти стоит партия Уэллса, руководимая просвещенными представителями эволюционного коллективизма. И мне показалось — думаю, не вполне безосновательно, — что посвященные Ленину строки Уэллса, может быть, лучше, чем многое другое, раскрывают нам душу руководящего слоя английской рабочей партии: в конце концов Уэллс не худший среди них. Как эти люди убийственно отстали, нагруженные тяжелым свинцом буржуазных предрассудков! Их высокомерие —

запоздалый рефлекс великой исторической роли английской буржуазии — не позволяет им вдуматься как следует быть в жизнь других народов, в новые идейные явления, в исторический процесс, который перекатывается через их головы. Ограниченные рутинеры эмпирики в шорах буржуазного общественного мнения, эти господа развозят по всему миру себя и свои предрассудки и умудряются вокруг себя ничего не замечать, кроме самих себя. Ленин жил во всех странах Европы, овладевал чужими языками, читал, изучал, выслушивал, вникал, сравнивал, обобщал. Став во главе великой революционной страны, он не упускал случая добросовестно и внимательно поучиться, расспросить, узнать. Он не уставал следить за жизнью всего мира. Он свободно читал и говорил по-немецки, французски, английски, читал по-итальянски. В последние годы своей жизни, заваленный работой, он на заседаниях Политбюро потихоньку штудировал чешскую грамматику, чтобы получить непосредственный доступ к рабочему движению Чехословакии; мы его на этом иногда «ловили», и он не без смущения смеялся и оправдывался… А лицом к лицу с ним — г-н Уэллс, воплощающий ту породу мнимообразованных ограниченных мещан, которые смотрят, чтобы не видеть, и считают, что им нечему учиться, ибо они обеспечены своим наследственным запасом предрассудков. А г-н Макдональд, представляющий более солидную и мрачную пуританскую разновидность того же типа, успокаивает буржуазное общественное мнение: мы боролись с Москвой, и мы победили Москву. Они победили Москву? Вот уж поистине бедные «маленькие человечки», хотя бы и высокого роста! Они и сейчас, после всего, что было, ничего не знают о своем собственном завтрашнем дне. Либеральные и консервативные дельцы без труда помыкают «эволюционными» социалистическими педантами, находящимися у власти, компрометируют их и сознательно подготовляют их падение, не только министерское, но и политическое. Вместе с тем, однако, они подготовляют, но уже гораздо менее сознательно, приход к власти английских марксистов. Да, да, марксистов, «утомительных фанатиков классовой борьбы». Ибо и английская социальная революция совершится по законам, установленным Марксом.

Г. Уэллс со свойственным ему тяжеловатым, как пудинг, остроумием грозил некогда взять ножницы и остричь Марксу его «доктринерскую» шевелюру и бороду, энглизировать Маркса, респектабилизировать и фабианизировать его. Но из этой затеи ничего не вышло и не выйдет. Маркс так и останется Марксом, как Ленин остался Лениным после того, как Уэллс подвергал его

в течение часа мучительному воздействию тупой бритвы. И мы берем на себя смелость предсказать, что не в столь уж отдаленном будущем в Лондоне, например на Трафальгар-сквере, воздвигнуты будут рядом две фигуры:

Карла Маркса и Владимира Ленина. Английские пролетарии будут говорить своим детям: «Как хорошо, что маленьким человечкам из лаборпарти не удалось ни постричь, ни побрить этих двух гигантов!»

В ожидании этого дня, до которого я постараюсь, дожить, я закрываю на мгновенье глаза и отчетливо вижу фигуру Ленина на кресле, на том самом, на котором его видел Уэллс, и слышу — на другой день после свидания с Уэллсом, а может быть, и в тот же день — слова, произносимые с задушевным кряхтением: «Ну и мещанин! Ну и филистер!»

У *великой могилы. М., 1924. С. 525— 55О*

К. ЦЕТКИН
ГЕНИАЛЬНЕЙШИЙ РЕАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

В ту пору, когда навеки склонил свою могучую голову Карл Маркс, Энгельс писал: «Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало». Эти слова вспоминаются теперь, при кончине Ленина, в лице которого мировой революционный пролетариат понес незаменимую утрату. Воистину человечество стало ниже на целую голову, на голову самую крупную. И в дополнение к этому надо сказать: человечество оскудело на одно великое сердце. *Ленин был не только руководящим умом, но и пламенным сердцем революционной России, загорающейся мировой революции.*

Сочетание ума и сердца было коренной чертой, существенной составной частью его выдающегося величия. Наряду с ярким, могучим умом, в нем билось горячее сердце, которому не было чуждо ни одно человеческое страдание. Это чувствовали самые широкие массы народа, все те наивные и непросвещенные, что так тонко умеют угадать и отличить притворное от искреннего. Если Ленин пользовался среди них прямо-таки божеским поклонением и любовью, то это служило лишь отражением той глубокой любви, которую сам он питал к этой массе. Люди образованные — в том числе и враги — почтительно преклоняются перед гениальностью его ума, богатством его знаний, железной силой его воли. Народ боготворит в нем великое, доброе сердце. Он безгранично любил Ленина, пото-,му что чувствовал на себе его безграничную любовь. Эта-то любовь и породила в миллионной массе Советской России и всего мира непоколебимое доверие к самому преданному и гениальному из вождей.

Дело жизни Ленина, как вождя русской пролетарской революции, как вождя революции мировой, не имеет себе равного в истории. Оно цельно, как монолит, и завершилось на высочайшей вершине. Завершилось, как железное «да будет» истории. Ленин был гениальнейшим учеником Маркса, отнюдь не в смысле идолопоклоннического служения марксовым формулам, но в лучшем смысле — прогрессивного и творческого развития марксова духа.

Ленин был величайшим марксистом дела. Продиктованная могучим талантом и глубоким, тщательным изучением идея претворялась у него в волю, а регулируемая быстро

ориентирующимся здравым смыслом воля вела людей, отливала в определенные формы события, «делала историю». Вождь великой русской революции, Ленин был в то же время ее дитя; он рос и мужал вместе с ней в устремлении к «великим целям», ею указуемым; так в твердой непоколебимой вере в революционную силу рабоче-крестьянской массы он впереди всех шел к завоеванию государственной власти. Так удалось ему завершить трудное дело отстаивания российского государства, под яростным натиском врагов, и перехода к самым трудным и обильным жертвами шагам по перестройке хозяйства и общества. Больше чем кто бы то ни было чувствовал и понимал он чудовищный исторический трагизм русской пролетарской революции, упершейся в противоречие между страстной революционной волей к коммунизму и отсталостью объективных условий. Суровую и беспощадную действительность он видел столь же ясно, как и никогда не упускаемый им из виду великий идеал коммунизма.

Он был величайшим, гениальнейшим реальным политиком-революционером всех стран и времен.

Ленин был глубоко убежден, что пролетарская революция в России является провозвестником коммунизма, по что ее колоссальная задача — перекроить мир — может, однако, быть разрешена не в национальных рамках, а лишь в рамках мировой революции. Ему в первую голову обязаны мы основанием Коминтерна; он столь же твердой, сколь и разумной рукой повел этот корабль через опасный переходный период, когда отпрянул первый мощный вал революции и едва обозначался последующий. Все ответвления и виды рабочего движения, все области коммунистической работы он расценивал в меру их значения, как результат пробивавшейся вперед исторической жизни пролетариата, как элементы, способствующие ослаблению буржуазии, усилению боевой силы пролетариата. В кооперативах, профсоюзах, организациях молодежи и женщин и особенно в просветительной и образовательной работе чуял он дыхание новой жизни, это горячо и бурно сказывавшееся томление миллионов: к свету — собственными силами!

Историки и биографы напишут о Ленине и его деле много толстых, ученых и прекрасных книг, но, сколь бы ни прославляли они этого человека и это дело, все еще будет мало. Разве можем мы, знавшие и любившие его, в этот первый горький час разлуки с ним хотя бы бегло наметить, не говоря уже о том, чтобы исчерпать все то, чем он был и что дал нам всем, пролетариату, эксплуатируемым и порабощенным всего мира! Нас гнетет сознание незаменимой утраты. Правда, мучительный период

длительной болезни дорогого учителя вынудил и научил нас идти без него намеченным им путем, действуя в духе его былых указаний. Но он еще жил, еще теплилась в нас надежда на его выздоровление. Он должен был вернуться, этот самый надежный и самый гениальный вождь, на целую голову выше прочих, столь нужный нам, столь незаменимый.

Но разве может угомониться такое сердце, разве может прекратить лучеиспускание столь лучезарный ум, разве может угаснуть жившая в нем железная воля?! Ленин не может для нас умереть. И мертвый он для нас жив, всегда останется живым, всегда, всегда, бессмертный вождь и учитель, великий прообраз нашего бытия и деяния.

Солнце как будто затмилось для нас одновременно с гибелью того, что было бренным в нашем великом вожде. Это солнце воссияет победоносно, когда восторжествует в мировой революции то бессмертное, что было в Ленине. Скорбеть по Ленину не значит сетовать и медлить. Памяти его подобает одно: энергичнейшая, решительнейшая борьба за победу мировой революции. Идея Ленина должна претвориться в сознание массы, его воля — в массовую волю, его революционная борьба против всех сковывающих сил — в революционную массовую борьбу. Единственно достойной Ленина данью почета будет мировая революция.

У *великой могилы. М… 1924.**С. 35***

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ О ЛЕНИНЕ

Ленин вел себя, как ведет себя равный в среде равных, с которыми он связан всеми фибрами своей души. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймет и в свою очередь хочет быть понятым. Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт в качестве «господина президента Германской республики» старался копировать буржуазию «во всех ее повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть еще более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне, — храпеть, пока наконец и здесь

революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогремит этому обществу: «Берегись!»

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т, М, 1985. Т. S. С. 9–10

ЛЕНИН И МАССЫ

Когда я вспоминаю наши беседы с Лениным — его слова живы во мне, словно я их слышала сегодня, — во всех них выступает одна характерная черта великого революционного вождя. Это — глубина его отношения к широчайшим массам трудящихся, в особенности к рабочим и крестьянам.

Ленин был проникнут сердечным, искренним сочувствием к этим широким массам. Их нужда, их страдания, от болезненного булавочного укола до жестоких ударов дубиной, в их повседневной жизни — все это болью отзывалось в его душе. Каждый отдельный случай, о котором он узнавал, свидетелем которого он был, являлся для него отражением участи многих, бесчисленных. С каким волнением рассказывал он мне в начале ноября 1920 года о крестьянских ходоках, незадолго перед тем побывавших у него:

— Они были в лохмотьях, с тряпками на ногах и в лаптях. При теперешнем ненастье! Ноги их совсем промокли, посинели, замерзли. Разумеется, я распорядился, чтобы им принесли обувь из военного склада. Но разве этим поможешь? Тысячи, десятки тысяч крестьян и рабочих ходят теперь с израненными ногами, невозможно всех их обуть за счет государства. Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ! Дорога к его освобождению значительно труднее, чем дорога вашего германского пролетариата. Но я верю в его героизм, он выбьется!

Ленин говорил сначала тихо, почти шепотом. Последнюю фразу он произнес громко, сжав губы, с выражением твердой решимости.

После нескольких дней пребывания в Иваново-Вознесенске, приблизительно в тот же период, я должна была ему сообщить о полученных мною незабываемых впечатлениях: о происходившей там окружной конференции, о собрании в переполненном театре и царившем там настроении, о посещении детских домов и большой текстильной фабрики, где работают преимущественно женщины.

Ленин в особенности интересовался тем, что я видела и переживала среди маленьких детей и подростков, подробно расспрашивал. Я рассказала ему, как обступили меня работницы и засыпали вопросами о положении их сестер в Германии и как

они в заключение сказали:

— Взгляни на наши голые, израненные ноги. У нас только лапти. Холодно, и нужно ходить на работу. Передай Ленину, что мы будем очень рады, если удастся получить на зиму хорошую обувь. И хлеба побольше бы нам дали! Но передай ему, что мы и без этого продержимся, даже если еще в чем будет нужда.

Ленин слушал меня с большим вниманием. На лице его отражалось сострадание.

— Я знаю, как терпят и переносят лишения эти бедняки! — воскликнул он. — Страшно, что Советская власть не может сразу помочь. Наше новое государство должно сначала отстоять свое существование, выдержать борьбу. Это требует огромных жертв. Но я также знаю, что наши пролетарки выдержат. Это героини, великие героини. Их освобождение не падает им как подарок с неба. Они его заслуживают, они покупают его своими жертвами, расплачиваются своей кровью даже тогда, когда они не стоят перед винтовками белых.

Ленин был проникнут глубоким, сокровенным пониманием душевных страданий подневольного человечества, изнывающего в тисках отживших общественных и бытовых форм. Но как ни сильно было сострадание Ленина к тяжелой участи масс, этим одним никоим образом не исчерпывалось его отношение к массам. Это отношение не было основано, как у многих, на слезливом сочувствии, — оно имело твердые корни в его оценке масс как исторической революционной силы. В эксплуатируемых и подневольных Ленин видел и ценил борцов против эксплуатации и порабощения, а во всех борющихся он видел и ценил строителей нового общественного строя, несущего конец всякой эксплуатации и порабощения человека человеком. Разрушение старых устоев гнета и эксплуатации, как дело масс, стояло для него в тесной связи с созданием строя без гнета и эксплуатации, являющегося также делом масс.

Для Ленина, как он однажды мне сказал, уже недостаточно было одного «количества массы» для освободительного дела пролетарской революции, пересоздающей мир; он считал необходимым «качество в количествен. Революционная масса, победоносно разрушающая старое и долженствующая создать новое, не была для Ленина чем-то серым и безличным, не была рыхлой глыбой, которую может лепить по своему желанию маленькая группа вожаков. Он оценивал массу как сплочение лучшего, борющегося, стремящегося ввысь человечества, состоящего из бесчисленных отдельных личностей. Нужно будить чувство и сознание этого человечества, развивать и поднимать пролетарское классовое самосознание на высшую ступень

организованной активности.

Ленин, воспринимавший массу в духе Маркса, придавал, разумеется, огромное значение ее всестороннему культурному развитию. Он считал его величайшим завоеванием революции и верным залогом осуществления коммунизма.

— Красный Октябрь, — сказал он мне однажды, — открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба, которая осуществляется на основе начавшейся экономической революции, в постоянном взаимодействии с ней. Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, — все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Кроме советских органов и учреждений действуют для культурного прогресса многочисленные организации и объединения ученых, художников и учителей. Громаднейшая культурная работа проводится нашими профсоюзами на предприятиях, нашей кооперацией в деревне. Активность нашей партии живет и проникает повсюду. Делается очень многое, наши успехи велики в сравнении с тем, что было, но они кажутся маленькими в сравнении с тем, что предстоит сделать. Наша культурная революция только началась.

Случайно Ленин коснулся обсуждения одной блестящей балетной постановки в Большом театре.

— Да, — с улыбкой заметил он, — балет, театр, опера, выставки новой и новейшей живописи и скульптуры — все это служит для многих за границей доказательством того, что мы, большевики, вовсе не такие ужасные варвары, как там думали. Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры, — я их вовсе не недооцениваю. Но, признаюсь, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники. Стремление создавать культуру, распространять ее у нас необычайно сильно. Нужно признать, что при этом у нас делается много экспериментов, наряду с серьезным у нас много ребяческого, незрелого, отнимающего силы и средства. Но по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе, как и в природе. Самое важное для культурной революции со времени завоевания власти пролетариатом уже имеется: это пробуждение, стремление масс к культуре. Растут

новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй.

Прошло пять лет с того времени (Воспоминания написаны в 1929 г. *Ред.)*, как великий друг, пробудитель и воспитатель масс закрыл глаза, которые с такой большой любовью и верой смотрели на маленьких и незаметных людей. Но дело Ленина не угасло, несмотря на его смерть.

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. М., 1985. Т. 5. С. 62–65

Г. В. ЧИЧЕРИН
МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА

Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности.

Несколько разрозненных черт его личности я хотел бы в немногих словах зафиксировать, чтобы обратить на них внимание молодых читателей. Они не имели счастья учиться непосредственно у Ленина, но, может быть, эти разрозненные указания помогут им понять, чему следует учиться у Владимира Ильича.

Прежде всего, Владимир Ильич отличался абсолютной точностью во всякой своей работе и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно было быть точно обосновано, и всякое обоснование должно было быть точно изложено. Работавший с Владимиром Ильичем сейчас же чувствовал, что обыкновенное разговорное утверждение, обоснование которого не разработано со всей точностью, ничего не стоит. Для точного утверждения требуются имена, перечисления, цифры, цитаты, вообще строго проверенные конкретные данные. Лучше сработать меньше, но сработать со всей необходимой отчетливостью и обоснованностью, лучше ничего не говорить, чем приводить необоснованные утверждения. Особенно характерны были те вопросы, которые Владимир Ильич по поводу каких-либо возникавших тем посылал в своих записочках. Эти вопросы содержали, в сущности, точный анализ затронутой темы и определяли рамки, в пределах которых тема должна была быть разработана.

Пусть всякий, кто хочет учиться у Ленина, запомнит: никаких поспешных заключений! Никаких непроверенных утверждений! Никаких скороспелых фраз, не являющихся точным выводом из строго проверенных данных!

Этому соответствовала и точность самой мысли Владимира Ильича. Не только каждое утверждение должно было быть точным выводом из проверенных данных, но самая мысль должна была быть настолько продумана, проработана и отшлифована, чтобы в ней не осталось ничего расплывчатого и неясного и чтобы вся она от начала до конца отличалась полной ясностью и определенностью. Дорабатывать до конца свою собственную

мысль— вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичем. В. И. Ленин постоянно вышучивал со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть всякий учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доведена до конца.

Третье, чему научался у Владимира Ильича тот, кто с ним работал, — это необходимости прежде всего ясно видеть реальные факты. Когда собеседник Владимира Ильича пускался в теоретические рассуждения или проявлял склонность к дедуктивному мышлению, столь у нас распространенному, Владимир Ильич всегда ставил перед его глазами точные, определенные реальные факты живой действительности. Это именно свойство его так ярко проявилось во время обсуждения вопроса о подписании Брестского мира. Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противополагал голые факты во всей их безжалостности. Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии. Всякий пусть учится у Владимира Ильича этому основному правилу: наблюдай реальные факты живой жизни, не заменяй их вычитанными теориями или приятными иллюзиями.

В-четвертых, работа с Владимиром Ильичем означала точное выполнение полученных директив, основанных на реальных фактах и представляющих из себя отчетливые и доработанные до конца мысли. Не только умей точно мыслить, не только умей видеть факты, как они есть. Умей также с абсолютной точностью делать то, что выработано как ясная мысль и как точная директива. Владимир Ильич больше всего ценил тех исполнителей, которые умели видеть обстановку во всей ее реальности, умели понять, что в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умели это сделать. Я помню, например, его разговор по прямому проводу с товарищем, который после отъезда

антантовских послов из Вологды, бывшей настоящим убежищем и гнездом белогвардейщины, проводил в Вологде необходимые меры по ликвидации этого притона. Его сообщения указывали, что он ясно и точно видит, что кругом делается, ясно и точно об этом сообщает. И когда ему давались директивы, он со всей необходимой энергией, ни пред чем не останавливаясь, сразу делал нужное. Я помню, как по прямому проводу Владимир Ильич его благодарил. Эта точность выполнения, соответствующая точности в наблюдении реальных фактов и точности в мышлении, должна была проявляться не только в крупных делах, но и в самых мелких. Надо учиться и этому у Владимира Ильича: относись с полной серьезностью к самому мелкому делу, выполняй его со всей добросовестностью и со всей аккуратностью.

Чему трудно было научиться у Владимира Ильича— настолько он в этом превосходил всех своих собеседников, — это его умению во всем, до последних мелочей, проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные де4эекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела.

Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдумано, не должно быть распущенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом — вот чему учились у него те, кто с ним работал.

Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела

— этим принципом Владимир Ильич был настолько весь проникнут, что в разговорах с ним просто неловко было ссылаться на какие-либо личные соображения, когда речь шла об интересах дела; собеседник Владимира Ильича невольно чувствовал, что, когда говоришь о деле, стыдно думать о каких-либо личных соображениях. Я никогда не видел Владимира Ильича более раздраженным, чем в те моменты, когда личная склока привносилась в деловую работу, когда деловые аргументы заменялись личными нападками и склокой, когда вместо того, чтобы говорить о деле, говорили о личных обидах или о личных качествах тех или других участников дела. В такие моменты у Владимира Ильича вырывались наиболее резкие реплики или наиболее резко составленные записки. Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами — вот чему учились у него работавшие с ним. Вместе с тем он отличался самой тонкой деликатностью по отношению к своим сотрудникам, он умел даже неприятное облечь в такую мягкую и тактичную форму, которая совершенно обезоруживала собеседника. И от тех, кто с ним работал, он требовал такой же деликатности и тактичного отношения к окружающим. Государственные меры должны были проводиться безжалостно, всякое сопротивление, противодействие, саботаж, халатность, леность должны были караться безжалостно, но, поскольку люди работали друг с другом и удовлетворительно выполняли свою работу, он требовал деликатного отношения к сотрудникам и не допускал выражений нетерпения и резкостей.

Высшим же его качеством в его деловой работе надо признать его сознательное подчинение коллективу даже в тех случаях, когда коллектив, по его мнению, ошибался. При своем колоссальном авторитете он в большинстве случаев убеждал своих товарищей по организациям, советским или партийным. Бывали, однако, случаи, когда его мнение не проходило и он оказывался в меньшинстве. Его подчинение организации было полным и безоговорочным. Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолевать сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному больному личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред

всяким партийным собранием я докажу, что вы неправы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящим, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, — одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией.

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. М., 1984. Т. 4. С. 410–414

Л. В. КАМЕНЕВ
ВЕЛИКИЙ МЯТЕЖНИК

Ленин создан был для того, чтобы в самую катастрофическую, самую мятежную, самую революционную эпоху мировой истории стать во главе миллионов и вести их в бой.

Он родился на берегах Волги, на стыке между Европой и Азией. Как бы в предвидении эпохи величайших потрясений, десятилетий войн и революций история создала вождя, воплотившего в себе всю бурную революционную страстность и всю не оглядывающуюся назад решимость класса, которому „нечего терять, кроме своих цепей" и которому суждено „завоевать весь мир".

История вооружила его высшим достижением мировой культуры, оружием, которое столетиями вырабатывалось и ковалось величайшими умами человечества, — оружием научного социализма, марксизмом.

И она же напитала его великим чувством мятежа, бунта, восстания. Страстное чувство возмущения и негодования, веками накопленное в „низах" человечества, в фабричных пригородах, в задавленных деревнях, среди колониальных рабов, жило в его груди и направляло его железную волю.

Из глубин истории идут эти волны мятежей и восстаний, потрясающих мир. Ими давала знать о себе своим господам задавленная масса рабов, тех, для которых до сих пор история была лишь сменой форм рабства.

Длинная цепь этих вулканических извержений, как красное зарево, освещает пути человечества, это—*красная нить* его развития. Для Ленина она никогда не была лишь предметом исторического изучения — как для Каутского или Плеханова. Нет! После Парижской коммуны именно Ленин и только он — как бы по молчаливому доверию миллионов угнетенных — поднял и продолжил — в теории и на практике — эту *красную нить* всемирной истории.

Не пренебрегая никакой деталью, не отстраняясь ни от какой будничной работы, умея выжидать, когда это целесообразно, и рисковать, когда этого требует дело, Ленин систематически, упорно, неустанно готовил восстание миллионов против мира насилия и гнета.

Но он не только продолжал дело великих мятежников.

Вместе с пролетариатом Ленин готовил восстание для того,

чтобы восставший пролетариат *взял власть.*

Восстать, чтобы победить; победить, чтобы взять власть; взять власть, чтобы властной, железной, пролетарской рукой в союзе со всеми угнетенными начать перестройку мира. Так рассуждает каждый рабочий. Так рассуждал, для этого жил, для этого работал, над этой работой умер Ленин.

Диктатура должна закрепить восстание; не закрепленное *диктатурой самой массы* восстание, даже успешное, — это еще не победа, это, в лучшем случае, только шаг к победе — эту мысль выковала в Ленине вся предшествующая история бесплодных попыток трудящегося человечества освободиться от своих господ.

Против диктатуры меньшинства — диктатура большинства; против диктатуры „господ" — диктатура „низов"; все остальное обман народа, предательство, слабость мысли или слабость воли, „поповство" и „толстовство" — так учил Ленин, и это учение было только формулировкой тяжкого, неслыханно дорогой ценой купленного исторического опыта миллионов и миллионов людей.

Не случайно великого вождя борющемуся человечеству дала Россия.

Именно в России, на великом историческом стыке между Западом и Востоком, в бурлящем котле глубочайших противоречий, на почве мучительных и героических усилий сотен миллионов рабочих и крестьян освободиться и от азиатского царизма, и от европейского капитализма, мог вырасти и закалиться вождь, под руководством которого рабочий класс перешагнул через порог новой эпохи.

Здесь выковалась и получила впервые политическое воплощение идея пролетариата, собирающего вокруг себя крестьянство для окончательного удара капиталу, идея союза рабочих и крестьян. Ленин сделал эту формулу формулой мирового освобождения, превратив ее в динамитный патрон, подрывающий все здание мирового империализма.

Она — эта идея — сливает в единый, могучий, непреоборимый поток классовое пролетарское движение городов-спрутов Запада с революционным движением индусских деревень и китайских крестьян; она превращает коммунизм в небывалую по своей глубине и захвату силу, которой обеспечена мировая победа.

С факелом ленинизма в руках трудящиеся всего мира из эпохи стихийных, разрозненных попыток освобождения входят в эпоху победоносных восстаний, закрепленных диктаторской властью рабочего класса.

У *великой могилы. М., 1924. С. 25*

ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА
(Из доклада на собрании ответственных партработников в МК РКП (б) 10 января 1925 г.)

I. Учение Ленина

Товарищи, мы приближаемся к годовщине того дня, когда мировой пролетариат и наша партия потеряли своего вождя. В эти дни мне трудно было бы говорить только о том, как мы жили без Ильича, что мы делали без него. И у меня и у вас, вероятно, одинаковая потребность вспомнить то, чему учил Владимир Ильич, вспомнить, что он заповедал нам в те дни, когда он уходил от нас, и проверить нашу работу, сверяя ее и с общим учением Владимира Ильича, и с последними его указаниями. Поэтому позвольте мне начать с изложения самых важных пунктов того, что мы зовем ленинизмом.

Владимир Ильич на грани новой всемирно-исторической эпохи возглавил трудящееся человечество в его борьбе за лучшее будущее. Это лучшее будущее человечества представлялось Владимиру Ильичу как коммунизм. Что это такое, что собственно имел в виду Владимир Ильич, когда звал нас вести мировой пролетариат и все угнетенное человечество к борьбе за коммунизм? Если вы развернете сочинения Владимира Ильича и будете искать в них детальное описание того общества, того строя, за который он боролся, — вы этой детальной картины там не найдете. Так же как и все подлинные революционеры, Владимир Ильич не любил рисовать картин будущего строя; он знал, что этот будущий строй сложится в результате усилий десятков и сотен миллионов людей и что предугадать детали этого общества невозможно. В одной из основных своих работ «Государство и революция» Владимир Ильич сказал прямо, что нет еще фактов для того, чтобы точно представить себе детали общественного устройства коммунистического общества.

Но основные черты этого будущего, единственного будущего, которое может освободить человечество от ярма всяческого рабства, были ясны Владимиру Ильичу и они ясны нам — и это именно те черты, которые способны вдохновить миллионы на борьбу и ради которых миллионы действительно борются. Это общество, в котором должны быть уничтожены классы, это общество, в котором благодаря уничтожению классов будет уничтожено всякое насилие человека над человеком, это, наконец, общество, которое целиком овладеет всеми богатствами, создаваемыми трудом человека, всеми достижениями техники и

науки и поставит все эти материальные богатства, все эти достижения на службу всего человечества. Это значит, что это будет такое общество, в котором впервые будет осуществлено подлинное равенство, действительная свобода и истинное сотрудничество людей. Вот те основные черты коммунистического общества, которые могут и должны сделать из него такую общину, в которой осуществится лозунг великих социалистов: каждый дает по способностям и получает по потребностям! Это высшая фаза коммунистического общества.

Мы знаем, что мечта об обществе, в котором было бы осуществлено подлинное равенство, действительная свобода, истинное сотрудничество людей, что эта мечта не раз возникала в истории человечества. Чем глубже было угнетение, чем сильнее было неравенство, чем меньше было свободы, чем больше было насилия, — тем выше вздымались мечты об этом обществе. История показывает нам, как исходившие из глубины подавленных, угнетенных человеческих масс мечтания об этом обществе затвердевали в религиозных системах и затем, благодаря диалектике истории, превращались сами в своем затвердевшем религиозном виде в орудие порабощения. Ильич не был мечтателем. Он хотел этой действительной свободы, этого истинного равенства не для бесплотных духов, а для материальных, живых, подлинных людей. Он был материалист.

На вопрос: возможно ли это общество, не есть ли это неосуществимая мечта, сказка, фантазия, призрак, за которым гонится угнетенное и порабощенное человечество? — на этот вопрос он отвечал как материалист: «Да, возможно, если мы в борьбе за это будущее будем опираться на самые реальные вещи — на развитие производительных сил, то есть на наличные силы природы и умение человечества ими коллективно овладеть».

Но этого мало. Ильич не только был материалистом в понимании развития современного общества, он знал сам и нас учил понимать, что только тогда это будущее будет осуществлено, если порабощенные массы познают и овладеют основным законом всей человеческой истории — законом классовой борьбы, если, познав этот закон, овладев им, научившись руководствоваться этим законом, угнетенное сейчас человечество во главе с пролетариатом сделает закон классовой борьбы орудием достижения коммунистического общества.

Ильич был не только провозвестником будущего коммунистического общества, не только материалистом в понимании этого общества, не только марксистом, сторонником классовой борьбы в понимании путей к этому обществу, — он был подлинным революционером в понимании тех методов борьбы,

которые должен применить пролетариат для того, чтобы осуществить это общество.

Здесь необходимо отметить то новое, что внес в учение коммунизма Ленин сравнительно с Марксом. Маркс создал учение о неизбежности, о непреложности прихода коммунистического общества, и он же доказал, исходя из анализа капиталистического общества, что коммунистическое общество придет через классовую борьбу пролетариата и его победу, т. е. через неизбежную пролетарскую революцию. Маркс поэтому является величайшим учителем пролетариата. Но мало того, Маркс в первых массовых выступлениях рабочих сумел выделить, подчеркнуть, выдвинуть то, что делало эти выступления провозвестниками будущей борьбы пролетариата за социалистический и коммунистический строй. Он изучил и вывел все необходимые уроки из анализа первых проблесков дела социалистической борьбы пролетариата, из борьбы пролетариата в революциях 48 года и революции 71 года. Но дальше, дальше, в деле изучения самого *механизма пролетарской революции,* Маркс пойти не мог по той простой причине, что эра пролетарских революций, эпоха, центром характеристики которой являются пролетарские революции, в его дни еще не наступила.

Ленин пришел и начал свою работу как раз в тот момент, когда человечество, весь мир, переходил из периода мирного, на внешний взгляд, органического развития капитализма к новой всемирно-исторической эпохе, к эре пролетарских революций. Именно поэтому Ильичу выпало на долю пойти дальше Маркса; не только подтвердить учение Маркса о неизбежности пролетарской революции, не только двинуть вперед изучение первых шагов пролетарской революции, но и *создать учение о механизме пролетарской революции в действии.*

Ленин руководил первой в мире пролетарской революцией, он изучал на живых исторических фактах, на движениях масс (например, массовые политические стачки и их сочетание со стачками экономическими), на анализе тех новых форм организации, которые созданы подлинным массовым движением (например, Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), такие явления *пролетарской революции в действии,* которые неведомы были Марксу, не могли быть Марксу ведомы.

Для этого должны были сойтись специальные условия. Первое и основное условие заключалось в том, что человечество вместе с Лениным вступило в новую империалистическую эпоху, т. е. в эпоху назревания и перезревания капитализма, а вместе с тем и в эпоху острейших столкновений противоречивых сил, развившихся внутри капитализма, т. е. буржуазии и

пролетариата. Это первое основное условие, которое позволило Ленину двинуться дальше Маркса и прибавить к учению Маркса о неизбежности пролетарской революции учение о самом ходе и внутренних законов пролетарской революции.

Второе условие — это то, что Ленин, как политик, вырос среди пролетариата России, который, благодаря специальным условиям, благодаря задержке буржуазной революции и страшному, застарелому, задержавшемуся гнету царизма и феодализма, отличался особенной революционностью. Пролетариат России не мог быть и не был еще захвачен тем мещанским благополучием, которое в известные моменты развития капитализма давало возможность буржуазии обманывать или запутывать верхушки пролетариата в те или иные иллюзии. А вместе с тем Ленин мог наблюдать и должен был изучать подлинное массовое революционное движение крестьянства, которое именно в России «дополнило» революционное движение пролетариата. Маркс только гениально наметил этот тип революций, где революция пролетариата «дополняется» крестьянским восстанием. Ленин жил в период именно подобной революции, и это не могло не дать ему материал для сильнейшего обогащения учения Маркса о революции.

Революционная ситуация и революционное настроение в России на рубеже XIX и XX столетий, подлинный революционный инстинкт пролетарских масс, сочетание рабочей и крестьянской революций — вот второе условие, которое создало возможность для Ильича двинуться вперед и не только применить марксизм к новым условиям, но дополнить марксизм теми новыми чертами, которые превращают марксизм из учения о неизбежности пролетарской революции в подлинное руководство пролетарской боевой организации в самом ходе пролетарской революции. А это и делает из марксизма ленинизм.

Если вы с этой точки зрения посмотрите на работы Ильича о самом Марксе, то вы увидите, как внимательно изучал Ленин у Маркса именно те черты, не очень многочисленные, нужно сказать, по условиям, о которых я выше говорил, те черты, в которых Маркс сам приближался к вопросам механики пролетарской революции. Никто больше, чем Ильич, из всех марксистов не изучал так подробно, так внимательно и, так сказать, актуально, не с целью академических исследований, а с целью непосредственного применения к жизни тех сторон работ Маркса, которые связаны с революционной непосредственной массовой борьбой пролетариата в революциях 1848 года. Вопросы о восстании, которые Маркс изучал на основе первых европейских

революций 1789 и 1848 годов и которые среди европейских социал-демократов считались чем-то более или менее случайным в общей системе марксизма, — эти черточки Ильич особенно внимательно выбирал у Маркса, понимая, что именно в настоящую эпоху пролетарских революций эти гениальные зародыши мысли Маркса о механизме пролетарской революции будут особенно ценны. Поэтому же у Маркса Ленин изучал с особенным вниманием то, что Маркс сказал о Парижской коммуне. Больше опять-таки, чем какой-либо из учеников Маркса, Ленин подверг особому изучению эту гениальную попытку Маркса проанализировать первый опыт пролетарской Коммуны, пролетарского государства, опыт, продолжавшийся только 3 месяца, кончившийся неудачей, но который предвосхищал весь дальнейший путь пролетариата в борьбе за власть. Наконец, с особенным вниманием, которое опять-таки напрасно было бы искать у какого-либо другого ученика Маркса и можно найти только у Ленина, изучал Ленин у Маркса все малейшие намеки, мысли, указания на диктатуру пролетариата и на характер той государственной власти, которая должна быть создана победившим пролетариатом.

Особое и давнее внимание Ленина к этим сторонам учения марксизма сразу выделяет его из всех прочих учеников Маркса, которые больше всего занимались опошлением марксизма, больше всего занимались притуплением именно революционных боевых сторон марксизма, как учения о пролетарской революции. Это внимание Владимира Ильича к этим сторонам марксизма— это первый из показателей того, что центр тяжести своего учения Владимир Ильич видел — и видел справедливо — в учении о механике пролетарской революции в действии.

Другой, и важнейший, показатель — это то, что, первый после Маркса и гораздо более широко и действенно, чем Маркс, Ильич в своем учении поставил проблему власти и государства. Эта проблема государственной власти была совершенно снята с порядка дня европейских марксистов и европейской социал-демократии в последние десятилетия XIX века. После франко-прусской войны и неудачи Коммуны, после 71-го года, мы видели, как я уже выразился, эпоху, которую можно было бы характеризовать, как эпоху мирного, органического развития. (Слова «мирного» и «органического» надо, конечно, взять в кавычки потому, что «мирное» развитие капитализма зиждилось само по себе на крови миллионов рабочих, на насилии над миллионами колониальных рабов, но по внешности оно носило именно характер мирного, органического развития, не прерываемого каким-нибудь вулканическим, революционным

извержением снизу.) В этот период марксисты, европейская социал-демократия сняли совершенно с порядка дня вопрос о государственной власти. Речь шла о том, чтобы улучшить положение рабочего класса в данных условиях на почве данных капиталистических отношений. Ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации вопросы не ставились таким образом, что дело идет о подготовке к переходу власти из рук одного класса в руки другого класса.

Первое событие, которое прервало эту полосу и которое выдвинуло вперед вопрос о власти, — это была революция 1905 года, а первый революционный мыслитель, который оформил этот вопрос, который поставил его вновь в упор и перед идеологами рабочего класса, и перед самой рабочей массой, — это был Владимир Ильич, и эта острая постановка основного вопроса всякой революции — вопроса о власти — и есть одна из самых характерных, из самых важных черт учения Владимира Ильича. Перед Владимиром Ильичем стояла новая задача определить, что такое власть в руках нового класса. Будет ли государственная власть в руках пролетариата тем же самым, что государственная власть в руках буржуазии? Каковы условия перехода власти от буржуазии к пролетариату — те же самые, это условия, которые были налицо при переходе власти от помещиков к буржуазии, или переход власти от буржуазии к пролетариату представляет нечто принципиально новое, что изменяет самый облик власти и, следовательно, самое содержание государства? Наконец, какова форма государственной власти в руках пролетариата? Это все вопросы пролетарской революции в действии, которые не были поставлены, не могли быть практически поставлены учителями Ленина — Марксом и Энгельсом, из которых он исходил, на которых он целиком опирался, учение которых он целиком принял, но которое он двинул вперед сообразно новым условиям эпохи пролетарской революции.

Надо понять, что все эти вопросы, намеченные мною, не могли ставиться Ильичем в каких-либо национально ограниченных рамках. Горький как-то сказал, что учение Владимира Ильича и самое явление Владимира Ильича есть явление планетарное, т. е. такое, которое охватывает всю нашу планету. Слово это, может быть, звучит слишком торжественно, — Ильич не любил торжественности ни в чем, но по существу оно правильно, ибо те вопросы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он возглавлял, носят характер полной международности, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и

решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии или Англии или Америки, — они ставят вопросы в общем, интернациональном масштабе.

То, чему учил Владимир Ильич, отнюдь не сводится к учению о том, как в той или другой стране может победить социализм. Правда, Владимир Ильич часто говорил о том, что коммунисты каждой данной страны обязаны *начинать* пролетарскую революцию именно со своей страны. Он часто указывал на то, что всякая попытка отговориться от того, чтобы начать революцию в той или другой стране, отговориться тем, что данная страна отсталая, страна с недостаточно развитым капитализмом, что это есть лицемерная попытка оттянуть пролетарскую революцию или снять с себя ответственность, свалив на пролетариат другой страны честь почина. Особенно во время империалистской войны он беспощадно бичевал подобные попытки отговориться отсталостью данной страны, он настаивал на том, что социалисты, коммунисты, революционный пролетариат каждой данной страны должны стремиться начать революцию сами у себя, не дожидаясь, покуда начнет пролетариат другой страны. Но начало и победа пролетарской революции в данной стране были для Ленина способом вызвать дальнейшее движение мировой революции. Особенно это относится к победе пролетарской революции в отсталой стране. Мы должны начать, говорил Ленин, но продолжать и закончить можем только мы все вместе или, по крайней мере, несколько передовых промышленных стран совместно. Мы должны начать, но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических и промышленных стран. Поэтому верно, когда говорят о том, что учение Ильича не есть учение, не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что, где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран.

Таким образом, не только революционная постановка всех вопросов марксизма, но и интернационализация пролетарского движения, интернационализация вопросов и подготовки пролетарской революции являются основными чертами Владимира Ильича и делают его вождем международного пролетариата. Ленин стал интернациональным вождем не только потому, что международный пролетариат увидел в движении, возглавленном Лениным, у нас, в России, первое осуществление своей мечты, цели своей борьбы, а потому, что по самому характеру учения Ленина оно интернационально.

Первая годовщина. 1924 — 21 января — 1925 Ленин, о Ленине,

о ленинизме. М., 1925. С. III–XI

В. В. КУРАЕВ
ЛЕНИН И КРЕСТЬЯНСТВО

Тов. Ленин был признанным вождем не только пролетариата, но и многих сотен миллионов крестьян.

Благодаря колоссальным познаниям в аграрном вопросе тов. Ленин сумел безошибочно наметить общий исторический путь пролетариата и крестьянства, путь беспощадной борьбы с капиталом и общего строительства социализма. Его аграрные программы и крестьянская политика были всегда глубоко реальны. Он умел сочетать социалистическое рабочее движение с классовыми интересами крестьянства, подчиняя последние первому и поднимая классовое сознание крестьянства до понимания им пользы социализма. Он не раз делал уступки крестьянству, но никогда эти уступки не шли вразрез с основными требованиями социализма и никогда компромиссы с крестьянством не искажали у него ясной классовой рабочей политики. Принимая в 1917 году крестьянскую программу социализации, тов. Ленин говорил: необходимо удовлетворить крестьянина — жажду земли; неправильно доктринерски упорствовать в проведении более рациональной с точки зрения социализма программы *. «Земельная социализация» является не более как простым разделом крестьянами национализированной помещичьей земли. Приняв «социализацию», мы обеспечиваем наибольшее сплочение рабочих и крестьянских рядов.

Коммунистическая партия под руководством тов. Ленина направила революционное крестьянское движение не только против помещиков, но и против капитала. В борьбе за мир и за землю в Октябрьские дни и в дальнейшей гражданской войне классовое сознание и политика крестьянства были подняты до борьбы не на жизнь, а на смерть с обоими угнетательскими классами: дворянством и буржуазией. Эта его тактика на арене мирового рабочего движения была встречена с чрезвычайной враждебностью социал-демократией. Принятая на III конгрессе Коминтерна резолюция по аграрному вопросу, одним из важнейших пунктов которой было предоставление из помещичьих латифундий земель беднейшему крестьянству, была объявлена социал-демократами как «измена» марксизму. Так предающие на каждом шагу Маркса и рабочее движение социал-предатели оценили тот путь, которым российский пролетариат пришел к власти. Союз рабочих и крестьян в борьбе за социализм, эта основная идея ленинизма, для усвоения которой понадобились

кровавые жертвы Парижской коммуны и 1905 год, эта идея была выношена гениальной головой тов. Ленина, освящена героической борьбой пролетариата, жизнью и смертью тов. Ленина.

Идея рабоче-крестьянской смычки стала достоянием всех трудящихся. Она оправдала себя в боях с капиталистами и помещиками. Она входит теперь в плоть и кровь тружеников молота и плуга, когда мы копейка за копейкой накапливаем капиталы социалистической промышленности и ценой ситца и гвоздей определяем наши ошибки и достижения в хозяйственной работе.

Перед Коммунистической партией в СССР, а затем при завоевании власти пролетариатом и в других странах стоит задача всемерного укрепления в условиях нэпа смычки с крестьянством и привлечение его к активной экономической борьбе с буржуазией. В тактике нашей партии за истекший период нэпа, в огромном литературном наследстве, которое оставил после себя тов. Ленин, мы найдем богатейшие источники, из которых мы будем десятилетиями черпать указания, как сомкнуть крестьянскую экономику с крупной государственной промышленностью, как направить прогресс крестьянского хозяйства в русло социалистического строительства и против частного капитала. Утрата тов. Ленина особенно сильно будет чувствоваться именно в области отношений к крестьянству.

Тов. Ленин был гениальным стратегом классовой борьбы. Империалистическая война и революции двинули на активные выступления сотни миллионов трудящихся. Политика тов. Ленина была такова, что революционные массы всего мира всегда ясно видели перед собой конечную цель движения. Он так ставил борьбу за ближайшие цели, что в ней рождалась новая энергия для борьбы за конечные идеалы.

Социализм теперь не только руководящая идея рабочего движения, но живое, конкретное дело. Массовым непоколебимым движением к этой цели мы попутно завоюем для пролетариата много таких вражеских позиций, которые приковывают теперь наше внимание, как ближайшие. Так говорил тов. Ленин на Апрельской (1917 г.) конференции нашей партии, когда русский пролетариат готовился к захвату власти. Таков *верный путь* пролетариата. Вождь должен считать миллионами, при выборе политической линии он должен исходить из оценки классовых сил и партий — так учил Ленин. Насколько же верны и обязательны для коммунистических партий эти правила революционной стратегии в странах, где в движение входят сотни

миллионов крестьян.

Гениальная Коммунистическая партия и ее гигант-вождь подняли разрозненные, не осознавшие своих классовых интересов, не понимавшие необходимости теснейшего союза с пролетариатом, не видевшие революционных перспектив, не умевшие бороться, косные, отсталые крестьянские массы до борьбы за социализм. Теперь при нэпе в нашем Союзе совершенно очевидно, что крестьянство уже вовлечено в борьбу за социализм. В капиталистических передовых странах революционное движение крестьянства в настоящий период с первых же шагов выступает как борьба за социалистическую власть с перспективой постепенного перехода к социализму.

Эпоха совместной борьбы пролетариата с крестьянством и трудовыми слоями городской мелкой буржуазии против капитала и за переход к социализму, эпоха пролетарской диктатуры будет полна колебаний, уклонов, измен со стороны мелкой буржуазии. В ближайшие десятилетия много раз мелкобуржуазные союзники пролетариата с точностью «химического закона», как говорил тов. Ленин, проявят тенденции своей экономической природы. И практика тов. Ленина в оценке этих настроений представляет для коммунистов всех стран поистине бесценный клад.

Тов. Ленин вскрывал своим острым анализом характер и причины эсеровских или меньшевистских течений, сейчас же разоблачал их и открывал против них беспощадную борьбу. Когда весной и летом 1918 года лево-эсеровщина охватила значительные слои крестьянства, тов. Ленин не смутился размерами этого поветрия, быстро выяснил его причины и, констатировав его поверхностность и несоответствие интересам и положению крестьянства, в дни убийства Мирбаха сказал: «Левоэсеровская партия убита». И через несколько месяцев крестьянство уже и забыло о левых эсерах. И наоборот. Иногда тов. Ленин уделял страшно много внимания и долго беспокоился по поводу какого-нибудь случайного с первого взгляда и захватившего немногих лиц уклона и старался выжечь его огнем своей критики. Так было с мясниковщиной.

Насколько быстро тов. Ленин умел ориентироваться в революционной обстановке, оценивать соотношение сил двух основных революционных классов, улавливать их настроение, определять классовый интерес, настолько же быстро и решительно реагировал он на изменение революционной ситуации. В таких случаях он не откладывал ни экономических, ни политических мероприятий. Он говорил и действовал так, что его слова слышали миллионы. Результаты его деятельности видел каждый в своей работе. Он так говорил о социализме, что его

понимало и с ним соглашалось крестьянство. Он так осуществлял социализм в нашей отсталой крестьянской стране, что крестьяне понимали выгоду для них коммунистической Советской власти.

Тов. Ленин умер. Без него, но с его идеями, с его опытом и наказами будут продолжать свою борьбу против капитала рабочие и крестьяне. Коммунистическо-ленинская партия поведет их к новым победам.

У *великой могилы. М… 1924. С. 117–118*

Н. НАРИМАНОВ
ЛЕНИН И МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК

Ушел от нас величайший в мире психолог и искреннейший защитник угнетенных народностей мусульман.

Владимир Ильич всегда сознавал, что мало знаком с жизнью мусульманского Востока.

Но стоило подчеркнуть некоторые характерные черты быта и характера того или другого народа, он моментально, сдвинув брови, развивал мысли, которые тут же учили собеседника направлять свои мысли по правильному руслу для достижения конечной нашей цели.

Его аналитический и синтетический способ подхода к быту известного отсталого народа живо захватывал собеседника, и последний всегда уходил от величайшего психолога с полным сознанием того, какие предстоят трудности и как многому необходимо учиться у величайшего психолога, чтобы правильно подойти к разрешению того или другого вопроса.

Беседуя о Востоке, Владимир Ильич особенно интересовался экономическим и политическим положением мусульманского Востока.

Освободить все мусульманское государство от колониальной политики Европы и дать возможность ему свободно и самостоятельно развиваться — это было его искреннее и горячее желание. В этом он видел первый этап движения к возрождению и освобождению трудящихся мусульман от своих внутренних угнетателей.

О, если бы все угнетенные мусульмане Востока знали, как нежно билось сердце его о них, то они учли бы то величайшее горе, которое постигло их вследствие смерти дорогого Владимира Ильича.

У *великой могилы. М., 1924. С. 144*

К. Б. РАДЕК
ЖИЗНЬ И ДЕЛО ЛЕНИНА

В первый раз в истории человечества весть о смерти политического деятеля не только облетит весь мир, но заставит вздрогнуть сердца миллионов людей всех стран и всех наций. Есть страны, в которых плакать будут по нем миллионы, в других только сотни тысяч, в третьих, быть может, только горсточки людей, но не будет ни одной нации, в которой в день 22 января не сказали бы себе люди: «Умер мой вождь».

Все буржуазные революции имели международное значение не только потому, что всякая из них потрясала основания сложившегося международного соотношения сил, не только потому, что всякая из них будила мысль тем, что в ней было прогрессивного, что в ней было шагом вперед, но и потому, что во всех буржуазных революциях наиболее передовые элементы хотели выйти из рамок своей нации, из рамок стремлений, очерченных границами одной земли. Во время английской революции маленькая группа коммунистов, которая мечтала о новом тысячелетии человеческого счастья, доходила даже до того, что проповедовала войну против капиталистической Голландии и готовилась нести свою коммунистическую веру далеко за пределы канала Ла-Манш. Во время французской революции борьба против монархии вызвала у многих борцов, с Анахарзисом Клоопом во главе, чувство международности, чувство необходимости международного низвержения монархии и феодализма. И революционные движения буржуазии одних стран вызывали сочувствие у передовых элементов буржуазии других стран. Но это было только сочувствием.

Буржуазные революции происходили в период, когда экономический уровень разных стран настолько был отличен друг от друга, что всякая буржуазная революция являлась национальной революцией. Она не могла выйти за пределы своей страны. Мало того, именно потому, что революция была буржуазной, она стремилась к доставлению преимуществ одной нации и потому не могла вызывать в других чувства солидарности. Английская революция угрожала господству голландской буржуазии. Французская революция, которая несла на своих штыках освобождение от ига феодализма, одновременно угрожала германскому народу национальным растерзанием и принуждала даже тех, которые становились на ее почву и понимали ее величие, обращаться против нее для борьбы за

независимость своей страны. Поклонники французской революции в Германии, Гнайзенау и Шарнхорст, были одновременно организаторами борьбы за освобождение Германии от ига Наполеона.

Русская революция — первая победоносная пролетарская революция — могла быть пролетарской именно потому, что развитие капитализма не только докатилось до гор Урала и до вершин Кавказа, но и до берегов Тихого океана. Капитализм, создавший условия пролетарской революции в отсталой России, сделал русскую революцию застрельщиком международной революции. И когда разгорелся факел русской революции, то он осветил весь мир и светит всему миру, охватывает пламенем сердца миллионов людей всего мира. И германский рабочий, узнающий о днях, которые потрясли вселенную, из книги и газеты, и китайский кули, узнающий о русской революции в кабаках Сан-Франциско из разговоров с английскими матросами, и мексиканский рабочий, борющийся против своих феодальных господ и против американской плутократии, и индийский крестьянин, к которому весть о русской революции проникла при посредстве враждебных телеграмм Рейтера, — всякий из них думал свою думу о великой русской революции как о своей, как о начале своего освобождения.

Знаменосец русской революции — Ленин сделался знаменосцем мировой революции, сделался символом новой эпохи в истории человечества, эпохи освобождения труда, эпохи борьбы рабочего класса за воссоздание мира на новых началах. Смерть *Бебеля* вызвала скорбь в миллионах рабочих Европы, но не могла потрясти пролетариат и крестьянство всего мира, ибо германская с.-д. не переросла основ капиталистического мира. Смерть Ленина потрясет эти миллионы, заставит их задуматься над пройденным путем и над тем тернистым путем, который еще лежит пред нами, который придется прочистить секирой и пройти в великом труде. Ленин поднял знамя восстания против мирового капитала. Вот почему смерть его объединит скорбью всех, кто борется против ига буржуазии.

Смерть Ленина даст громадный толчок пролетарской мысли всех стран. Во всех странах пролетарии учились сражаться по обрывкам мысли Ленина, которые доходили к ним в наших листовках и резолюциях. Проверяя эти мысли на своем опыте и видя в них правду своей жизни, они были спокойны, они знали, что у руля корабля международной революции стоит этот гений международного пролетариата. И они доверялись его руководству. Теперь его нет. И всех, кто думает в рядах рабочего движения, заботит теперь в первую очередь мысль, как изучить

жизнь и дело Ленина, как найти в его книгах оружие для своей борьбы, как научиться самостоятельно владеть этим оружием. Нет ничего более показательного в этом смысле, как слово одного немецкого коммуниста, сказанное после получения известия о смерти Ленина: «Не давайте нам избранных сочинений Ленина, дайте нам на главных европейских языках *все сочинения Ленина,* чтобы мы *собственной работой* могли усвоить его мысль и его метод».

Минует много лет, пока мы сможем поставить этот памятник Ленину хотя бы в главных странах рабочего движения, пока мы трудами о жизни и деле Ленина сможем помочь европейским рабочим охватить все его наследство. Пока что задача коммунистов состоит в том, чтобы хоть в самых общих чертах дать картину исторической роли Ленина, дать костяк его мысли.

1. Ленин как основатель первого пролетарского государства

Учение Маркса записано в книгах, им созданных. Переписка его — достаточный комментарий к его сочинениям. Ленин оставил десятки томов. Когда будет собрана его переписка, она даст новые десятки томов. Но *главный комментарий к учению Ленина — это дело Ленина,* это труд его, создание Коммунистической партии России и борьба этой партии за власть. Это методы, при помощи которых пролетариат ее удержал в самых неслыханных условиях, это методы, которые Ленин завещал русскому пролетариату, не только как средство удержания власти, но и как средство решения задач, во имя которых рабочий класс России брал власть в свои руки.

Маркс принимал участие в революции 48-го года в Германии. Но при слабости пролетарских элементов в ней он не мог играть решающей роли. Самая революция 48-го года в Германии была историческим выкидышем. Она пришла слишком поздно, чтобы победить как буржуазная революция, и чересчур рано, чтобы быть возглавленной пролетариатом. За революцией 48-го года последовали десятилетия реакции, в которых Маркс мог быть только зрителем, изучающим механику буржуазного мира. На смену этой реакции пришла эпоха национальных войн, в которой пролетариат снова не мог быть руководящей силой, благодаря чему и Маркс не мог играть руководящей роли. После засветил на горизонте метеор Парижской коммуны. Только гений Маркса мог понять смысл этого краткосрочного явления. Но снова не могло быть и речи о руководящей роля Маркса.

После Парижской коммуны и до самой смерти Маркса

воцарилась в Европе реакция. Революционные задачи буржуазии были на Западе разрешены. Пролетарии же несмело и медленно начали заново строить свою армию. Собирались они маленькими группами в разных странах, робкие их движения не могли быть руководимыми с одного места. Весь гений Маркса исчерпался в изучении основных законов, движущих развитие буржуазного мира и связанного с ним пролетариата. Он не мог проверить себя в огне гражданской войны, как гений-руководитель революции.

Ленин стоит обеими ногами на почве учения Маркса, которое он понял *глубже* и *самостоятельнее,* чем кто бы то ни было из его учеников. Но Ленин с первого дня своей жизни приготовлялся *к роди практического руководителя коммунистических революций.* Вся его жизнь ушла на разработку задачи, решенной только в 1917 году: *на подготовку великого прорыва фронта международной буржуазии, совершенного в Октябре 1917 года.* Весною этого года минует 30 лет с тех пор, как молодой Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа»…» написал: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран)** *прямой дорогой открытой политической борьбы, к* **победоносной коммунистической революции».**

Изучение науки Ленина о коммунистической революции требует в первую очередь изучения *пути Ленина,* как *руководителя борьбы русского пролетариата за власть.*

Всех поражала неслыханная уверенность, с которой Ленин выступал как политик, как руководитель пролетарской партии. Одни приписывали эту уверенность *властному характеру,* который делал его прирожденным вождем. Другие видели источник уверенности Ленина в его непоколебимой вере в социализм. Но властная воля не только объединяет людей, но и отталкивает их, когда историческая проверка доказывает, что она направляет себя и направляет других по ложному пути. Сила Ленина как вождя состояла в том, что его товарищи по партии всегда убеждались, что воля его двигает их по верному историческому пути.

Этот верный путь не мог он находить в вере в социализм. В

социализм веровал непоколебимо и вождь английских реформистов *Кейр-Гарди,* который вел английский пролетариат по ошибочному пути; в социализм веровал глубоко и Жан *Жорес*— вождь французского реформизма; в социализм веровал глубоко чистейший человек Второго Интернационала Виктор *Адлер,* приведший австрийский пролетариат к трясинам социал-патриотизма. Но ни один из названных не выдержал исторической проверки, несмотря на всю свою веру. Социализм не является религией, социализм является наукой в условиях победы пролетариата. *Железная уверенность Ленина имела своим источником то, что он, как ни один. из учеников Маркса, продумал его науку* об обществе, что наука эта вошла в его кровь, что он применял ее, как ни один из учеников отца научного социализма. Занятый практическим делом сознания пролетарской партии в России и ее руководством, Ленин оставил очень мало трудов, посвященных общим основам учения Маркса. Но достаточно вдуматься в то, как Ленин в названной своей юношеской работе ставит вопросы исторического материализма, достаточно сравнить его постановку вопроса с постановкой той же проблемы в работах Плеханова и Каутского этого времени, чтобы увидеть, как самостоятельно Ленин разрешает вопросы марксистской теории. Две-три его странички, казалось бы совершенно случайные, посвященные различию между диалектикой и эклектизмом в его брошюре, изданной во время дискуссии о профсоюзах, показывают, как скромен был Ленин, когда он называл себя учеником Плеханова. Ленин был великим самостоятельным марксистским мыслителем. И это являлось предпосылкой, которая позволила этому сильному, как сталь, человеку сделаться руководящим политиком международного пролетариата.

Ленин как мыслитель, Ленин как политик русской революции вырос в обстановке, которая ставила *вопросы. революции как вопросы практической борьбы.* Это позволило ему сразу перерасти на голову других учеников Маркса.

Лафарг развивался в стране мелкобуржуазной, над которой прошли грозы трех революций, но в которой капитализм не создал еще условий новой, пролетарской. Великий талант Лафарга не мог развернуться в гений.

Каутский, который первый после Энгельса и Маркса пытался самостоятельно применять марксизм, мог его использовать только для изучения истории общества. На живом деле, на вопросах германского движения, марксизм служил ему только орудием выяснения пролетариату, как нельзя ни обойти классового врага, ни перескочить через него, что надо медленно

накоплять силы для решительного боя. Этот решительный бой находился так далеко, что когда Каутский робко подошел в своих сочинениях о социальной революции к вопросу о завоевании власти, то очертания этого вопроса были для него самого настолько неясны, что он проглядел одну из самых важных задач пролетарской революции — откуда добыть победоносному пролетариату хлеб на следующий день после победы.

Плеханов, блестящий толкователь науки Маркса, блестящий защитник «против всякого рода критиков», жил далеко от источников бури, далеко от России. И весь его громадный интерес к революционной борьбе в России оказался недостаточным, чтобы обратить все силы его мозга на изучение практических задач революционной борьбы русского пролетариата. И нет ничего более характерного, как тот факт, что после «наших разногласий» Плеханов не посвятил ни одного своего труда детальному изучению одного из главнейших вопросов русской революции — аграрного.

Ленин как теоретик, Ленин как политик занялся с первых своих шагов именно изучением главного поля действий русского пролетариата и главных сил, которые должны принимать участие в русской революции. Сравнение постановки аграрного вопроса у Каутского, Кшивицкого, Компер-Мореля — с одной, и у Ленина, с другой стороны, показывает наглядно не только отличие экономических условий Западной Европы и России, не только особенности аграрного вопроса в России и Западной Европе, но и отличие Ленина как революционного вождя от виднейших представителей научного социализма Европы. Ленин изучает аграрный вопрос не только с точки зрения объяснения развития судеб капитализма, правильности и неправильности экономической науки Маркса в области земледелия, но *прежде всего с точки зрения борьбы пролетариата за власть, с точки зрения выбора пролетариату союзника в его борьбе.*

Каутский видел этого союзника только в сельских рабочих. Но насколько его отклонение попыток завоевания деревенского бедняка, как оппортунизм, было результатом только хорошего или плохого применения марксизма или тоже результатом пассивности германской социал-демократии, ее практического отказа от борьбы за власть, сужения горизонтов германского пролетариата до горизонтов цеховых интересов, — показывает лучше всего тот факт, что германская социал-демократия не сумела даже начать борьбу за завоевание того слоя деревни, который Каутский считал союзником пролетариата: сельских рабочих. Ленин открыл в русской экономике, в крестьянстве союзника для борьбы пролетариата за власть и в продолжение

десятилетий на всех изгибах русской истории учил создавать союз борющегося пролетариата с крестьянством.

Плеханов, отклонив иллюзии народников насчет самостоятельной революционной роли крестьянства, не сумел сосредоточить внимание русского рабочего класса на вопросе о союзе с крестьянством как тем классом, без которого пролетариат не в состоянии завоевать власти и против воли которого он не в состоянии будет ввести социализм. Ленин это сделать сумел, и тут Ленин, великий самостоятельный мыслитель пролетариата, превращается в его политического руководителя. Руководить борьбой класса — это значит, изучив условия его победы, никогда не забыть об этих условиях: ни в моменты головокружительных побед, ни в моменты потрясающих поражений. Отношение Ленина к крестьянскому вопросу является *новым моментом* в истории всемирного рабочего движения.

Аграрный вопрос не будет играть везде той конкретной роли, которую он играет в русской революции. Во всех передовых капиталистических странах батраки *будут играть* более выдающуюся роль, чем в России, но везде вопрос завоевания того, кто производит хлеб, будет играть решающую роль в пролетарской революции, и на эту роль завоевания хлеба указал международному пролетариату своей теорией и практикой в первую очередь Ленин.

Но в отношении Ленина к аграрному вопросу есть еще одна сторона, которая является основным вкладом в будущую борьбу международного пролетариата. В своей борьбе против оппортунизма представители революционного марксизма в Западной Европе выплескивали ребенка вместе с водой. Даже тогда, когда они отклоняли взгляды Лассаля на всю буржуазию как на «одну реакционную массу», они на практике боялись союза пролетариата с непролетарским элементом. Ленин, борясь самым решительным образом против меньшевистской политики союза с либеральной городской буржуазией как классом, неспособным идти с пролетариатом до низвержения абсолютизма, с беспрерывной энергией ставил вопрос о союзе с крестьянством, с тем мелкобуржуазным классом, интересы которого требовали низвержения царизма. Он таким образом и пролетариат других стран научил смотреть на вопрос об отношении к непролетарским элементам не с точки зрения абстрактного отклонения союза вообще, а с точки зрения конкретной, с точки зрения оценки интересов данного класса, с точки зрения вопроса, на какой промежуток исторической дороги чужой пролетариату класс или часть класса может идти с ним вместе против врага, которого надо убрать. В своей брошюре о «детской болезни коммунизма»

Ленин выдвинул как одно основное условие в борьбе пролетариата за власть и в борьбе за удержание власти именно завоевание массового союзника, каким бы шатким он ни был.

Главной наукой Ленина как политика, подготовляющего завоевание власти пролетариата, является его наука о значении пролетарской партии. Понять споры Ленина с меньшевизмом в 1903 году о роли партии, о круге лиц, входящих в состав пролетарской партии, это значит понять один из главных рычагов ленинской политики. Ленин учил пролетариат искусству маневрирования в классовой борьбе. Эту задачу он ставил перед пролетариатом с первого момента своей исторической работы; но одновременно он учил его, что нет никакой маневренной борьбы пролетариата, прежде чем пролетариат сложился как *маневрирующий субъект*. Если наука его об отношении к крестьянству и к либеральной буржуазии есть; наука о маневрировании пролетарской партии, то его организационные взгляды являются наукой о том, как предохранить пролетариат от того, чтобы он сделался безвольным объектом маневрирования со стороны врага.

В спорах о первом параграфе устава социал-демократической партии Ленин ставил вопрос не менее важный, чем во всех политических спорах с меньшевизмом. Наоборот, можно сказать, что этот вопрос о первом параграфе устава предрешал возможность проведения в жизнь всей политической линии Ленина. Рабочий класс России жил под гнетом царизма, который не позволял ему создать мощную массовую организацию. Рабочий класс выступал стихийно для борьбы с самодержавием в экономических и политических забастовках. Меньшевики мечтали о создании широкой массовой партии пролетариата, но для нее не было места в условиях царизма: все разговоры о широкой демократической организации в этих условиях означали пустое прожектерство и открывали на деле двери в ряды рабочей партии всем, которые высказывали свое сочувствие рабочему движению или поддерживали его материально. Это означало подчинение революционного рабочего движения, еще не сложившегося, еще не окрепшего, влиянию мелкой буржуазии. При условиях царизма, который возмущал против себя широкие круги мелкобуржуазной интеллигенции, при опошлении европейского либерализма всякий адвокат прикрывался знанием социализма. Кто принимал его в партию на условиях простого признания программы рабочей партии и материальной ее поддержки, тот отдавал распыленное рабочее движение в руки мелкой буржуазии. Ленин, требовавший, чтобы членом партии считался только тот, кто работает в нелегальной организации

пролетариата, стремился к тому, чтобы уменьшить опасности подчинения рабочего движения мелкобуржуазной интеллигенции. И даже тот, кто рвал с буржуазным обществом, рисковал принадлежностью к нелегальной организации пролетариата, делался профессиональным революционером, и тот еще не давал гарантий, что он останется верен делу пролетариата, но он, по крайней мере, давал известные гарантии.

Намечая путь пролетариата на основе марксистского анализа и создавая нелегальную организацию профессиональных революционеров, Ленин создавал условия для централизированного революционного руководства пролетарской борьбой. Лучшие люди европейского социализма, даже Роза Люксембург, зорко следившая за борьбой русского пролетариата, видели в организационных взглядах Ленина выражение заговорщической тактики, боялись отрыва большевистской организации от массовой борьбы пролетариата. Эти опасения оказались неправильными. Меньшевики создавали в моменты подъема широкую организацию, но организацией этой руководила неустойчиво оппортунистическая интеллигенция. Ленин создал организацию, которая умела руководить борьбой пролетариата в самые трудные моменты, которая умела отстаивать революционные принципы в годы затишья революции и которая являлась широкой массовой организацией в период исторических сдвигов, втягивающих пролетариат в классовую борьбу.

Ленин никогда не держался доктринерско-организационных форм: от нелегальной организации перед 1905 годом, охватывающей только тысячи, через массовую организацию, охватывающую в первую и вторую революции десятки тысяч человек, он довел Коммунистическую партию до размеров организации, охватывающей сотни тысяч и после Октябрьской революции влияющей на миллионы. Формы менялись, но через эти все меняющиеся формы Ленин проводит одну мысль: чтобы пролетариат мог победить, ему нужна *революционная* организация. Организация эта должна быть *сплоченной и централизированной,* ибо враг в десять раз сильнее, чем она.

Создавая массовую партию, способную маневрировать в борьбе с врагом, Ленин с первого своего шага ставит себе задачу — *подготовку вооруженного восстания для захвата власти.* Он умел в моменты, когда мы были слабы или когда после поражения были отброшены назад, учить партию бороться за каждую пядь земли, за каждую позицию, проделывать самую черную ежедневную работу, накопляющую силы пролетариата, но ни один день своей жизни он не забывал о том, что *вся эта*

работа имеет одну цель — подготовку завоевания власти пролетариатом.

Нет ничего более поучительного для современного коммуниста, чем сравнение работы Ленина в периоды победоносной контрреволюции с работой его в периоды величайшего подъема рабочего движения. Когда была раздавлена первая революция, он боролся самым решительным образом со всеми, которые, не признавая победы контрреволюции, в ожидании нового подъема революционных сил отказывались от трудной работы собирания сил, использования для этой цели всех средств; но с той же самой энергией он боролся против тех, которые теряли революционные перспективы, разменивали революционную борьбу пролетариата на борьбу за пятачок. В это время реакции Ленин тщательнейшим образом изучал уроки 1905 года, для того чтобы движение при следующем подъеме могло их использовать.

Чего стоит в этом смысле статья его в 1908 году, напечатанная в журнале польских социал-демократов, в которой он *тогда,* на основе уроков Московского восстания, поднимает вопрос технической подготовки будущих вооруженных восстаний!

Во время империалистской войны, когда рабочее движение во всем мире было разбито не только военным аппаратом буржуазии, но и предательством социал-демократии, Ленин, помогая всякому практическому шагу своих единомышленников, занимаясь всякой конкретной заботой о создании нелегальной организации, использованием легальной возможности, одновременно разрабатывает в своем швейцарском одиночестве науку Маркса о государстве, о диктатуре пролетариата и приготовляет, таким образом, Октябрьское восстание 17-го года. Даже такие люди, как Меринг и Роза Люксембург, ни на один момент не сложившие оружия перед торжествующим германским империализмом и торжествующим социал-патриотизмом Интернационала, считали романтизмом факт, что Ленин в первом манифесте Центрального Комитета большевиков, изданном в два первые месяца после начала международной войны, выдвигал лозунг гражданской войны (Имеется в виду манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный Лениным в сентябре (октябре) 1914 г. *Ред.*). Они даже не смели в это время выдвинуть лозунга раскола германской социал-демократии.

Ленин в эту черную ночь уже готовил Октябрьское восстание пролетариата. Но тот же самый человек, вернувшись в Россию, в первые недели Февральской революции развернувший перед лицом изумленных товарищей по партии идею Советской власти, одновременно учил партию с неслыханным терпением разъяснять

массам, живущим еще в социал-патриотическом дурмане, положение и двигаться шаг за шагом, по мере нарастания революционного кризиса в массах. Ленин, приехавший в Россию с идеей республики Советов, выдвигает лозунг учредительного собрания, как этап к республике Советов. Лозунг республики Советов был для него тогда путеводной звездой, но он понимал, что за этой звездой массы пойдут, только разочаровавшись, разубедившись в идее демократии, в идее учредительного собрания. Он не требовал от них, чтобы они перескочили демократический этап, он хотел совместно с ними этот этап изжить; он ликвидирует этот лозунг только после захвата власти, когда Учредилка продемонстрировала массам, что она является помехой на пути к миру, за который они в первую очередь боролись.

Весь марксизм учил пролетариат о том, как бороться за власть. Но именно этот смысл марксизма был утаен перед международным пролетариатом не только благодаря оппортунизму социал-демократии, заменившей диктатуру пролетариата буржуазной демократией, но и благодаря тому, что европейское рабочее движение после 71 года развивалось на почве буржуазной демократии и в ее рамках. Ленин открыл заново науку Маркса о диктатуре пролетариата не только потому, что он был революционным учеником Маркса, а потому, что русский пролетариат стал на путь борьбы за власть.

Ленин как руководитель Октябрьского восстания и Ленин как руководитель Советской власти является высшим выражением всех своих наук подготовительного периода. Революционный политик должен считаться с миллионами, говорил Ленин. И он в масштабе миллионов, как руководитель Советской России, учит мировой пролетариат с неслыханной наглядностью всему, чему учил узкий круг русских большевиков в предыдущие десятилетия. Символом *серпа и молота* он припоминает всему европейскому пролетариату: *ищи союзника в деревне,* ибо этот союз даст тебе хлеб для революции, *красной звездой Красной Армии* он учит его, что *силу врага надо ломать силой пролетариата,* ведущего за собою те классы общества, которых интересы требуют борьбы с помещичьей и капиталистической реакцией. Стоя в главе громадного государственного аппарата, он беспрерывно показывает и доказывает пролетариям всех стран, что власть можно удержать, только опираясь на сплоченный *авангард пролетариата, на Коммунистическую партию.* Так проверяет Ленин делом свои теоретические науки и делается благодаря этой проверке учителем международного пролета* риата, основателем Коммунистического Интернационала.

2. Ленин как основатель Коминтерна

Уже во время первого пребывания в Западной Европе перед ссылкой Ленин с большим интересом начал практически изучать западноевропейское рабочее движение, которое раньше знал только из книг и журнальных статей. Он часто рассказывал о впечатлении, которое вызвали в нем швейцарские и французские рабочие собрания; о том, как противоречило то, что ему пришлось наблюдать, той картине, которую он себе создал о европейском рабочем движении, сидя в России. Но великий реалист ни на один момент не поддался скептицизму, а искал в буднях западноевропейского рабочего движения его революционную суть. Ближе подошел Ленин к рабочему движению и его вождям в Германии, Швейцарии, Франции и Англии только в 1901 году, когда, вернувшись из ссылки, он вместе с Мартовым, Аксельродом и Плехановым принял участие в издании «Искры». «Искра» была не только боевым органом русской социал-демократии, но и боевым органом международного социализма. Время ее издания совпало с разгаром борьбы между революционным и ревизионистским направлением международного социализма. Практические вопросы западноевропейского рабочего движения разбираются в это время в «Искре» прежде всего Плехановым. Ленин обращает главное внимание на теоретическую сторону дела, но одновременно тщательно изучает проявления рабочего движения. Он бывает на рабочих собраниях Мюнхена, внимательно прислушивается не только к речам социалистических ораторов на митингах в Гайд-парке в Лондоне, но и к речам проповедников разных религиозных сект, находящих живой отзвук в рабочей массе Англии.

Что ревизионизм представляет собою отражение интересов рабочей аристократии и рабочей бюрократии, для Ленина было ясным с первого боевого выступления Бернштейна. Теперь Ленин видит это наглядно на типах рабочего движения. На международных конгрессах в Амстердаме и Штуттгарте он наблюдает руководящий штат Второго Интернационала и, вероятно, чувствует себя очень одиноким. Дебаты о колониальной политике, о борьбе с опасностью войны на Штуттгартском конгрессе показывают ему, куда ведет дорога вождей реформизма. Уже в статьях о заседаниях международного бюро после первой революции звучит по отношению к этим всем Ван-Колям, Трульстрам и Брандингам нота глубокой ненависти.

Интернационал еще один, не разбит на части, но Ленин уже знает, что в нем сидят враги рабочего класса и вся почтенная

компания Второго Интернационала, начиная с открытых ревизионистов и кончая Каутским, с которым Ленин познакомился еще в 1901 году в Мюнхене и в котором угадал, по крайней мере, чужого человека. Теоретик польского марксизма, тов. Барский, заметил очень тонко в статье об уроках большевистского юбилея, что в то время, когда все левое крыло Второго Интернационала, включая лучших его людей, было именно оппозицией реформизму, во Втором Интернационале только один Ленин был началом Третьего. Достаточно прочесть маленькую рецензию Ленина в «Просвещении», посвященную книге вождя германских профсоюзов Карла Легина о его поездке в Америку, чтобы сказать, что так не писал об этой почтенной компании ни один человек, кроме Ленина.

Разногласия между ревизионизмом и радикальным марксизмом, возглавляемым тогда Карлом Каутским, были только разногласиями о толковании доктрины марксизма. На деле, в ежедневной практике, оба направления уживались друг с другом, и на этом покоилось единство Второго Интернационала. Уже несколько лет собирался конгресс, на котором очень редко доходили до ожесточенных боев. Обыкновенно дело кончалось принятием совместной резолюции. На деле так называемые радикальные марксисты не предлагали даже революционной подготовки масс при помощи яркой и четкой революционной агитации. В 1910 году в Германии намечается раскол в лагере так называемых ортодоксальных марксистов. Раскол на практической почве, на почве действия. Образуется так называемая *леворадикальная часть* и так называемый центр с Каутским во главе. Водораздел идет по вопросам борьбы с империализмом и по вопросу о массовых забастовках. В первый момент Ленину казалось, что мы, левые радикалы, неправильно формулируем отношение к империализму, но безусловно правы в вопросе о всеобщей забастовке. В то время, когда Мартов в органе Каутского выступает со статьей против Розы Люксембург, Ленин печатает в русском ЦО статью Панекука в защиту позиции левых радикалов и морально поддерживает левую.

Начинается война. Приходит черный день 4 августа. Заброшенный в Карпатские горы, Ленин получает известие о полном предательстве германской и международной социал-демократии. В первый момент не верит этим известиям и думает, что они, быть может, представляют собою подлог международной буржуазии, ее военный маневр; но вскоре убеждается в их трагической действительности и, выбравшись из австрийской тюрьмы в Швейцарию, немедленно занимает свой боевой пост. Я имел возможность переговорить с ним уже под конец 1914 года,

когда позиция Ленина уже была выражена в историческом манифесте центрального комитета партии и в нескольких номерах «Социал-демократа». Я прекрасно помню глубочайшее потрясение, которое вызвал во мне разговор с Лениным. Я приехал из Германии для того, чтобы наладить сношения с революционными группами в других странах. В Германии мы с первого дня войны, безусловно, отрицали позицию социал-демократического большинства. Отрицали защиту отечества в империалистической войне. Мы сталкивались в борьбе с Каутским и Гаазе, которые не выходили за пределы робкой оппозиции против социал-патриотического руководства партии и отличались от него только тем, что вздыхали о мире. Мы выдвигали в нашей пропаганде, которую вели и в подцензурной прессе и в гектографированных листках, перспективу революционной войны против войны. Но разговор с Лениным означал для меня — и через меня для многих немецких товарищей — крутой поворот влево. Первый вопрос, который Ленин мне поставил, был вопрос о *перспективе раскола германской социал-демократии.* Этот вопрос буквально резал острым ножом по сердцу меня и товарищей, стоящих даже на крайнем фланге партии. Мы тысячу раз говорили о реформизме как о политике рабочей аристократии, но, несмотря на это, питали надежду, что вся германская партия после первого патриотического угара повернет налево. Тот факт, что Карл Либкнехт 4 августа не голосовал против войны открыто (Имеется в виду голосование 4 августа 1914 г. в германском рейхстаге, депутатом которого являлся К. Либкнехт. Позднее Либкнехт станет единственным депутатом, проголосовавшим против военных кредитов, а следовательно, и против империалистической войны. *Ред.)*, объясняется именно тем, что он надеялся, что под ударами правительственных преследований вся партия порвет с правительством и защитой империалистского отечества. Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет из себя политика Второго Интернационала: *ошибку или предательство интересов рабочего класса?* Я начал ему объяснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии и эпохи бури и натисков, что дело идет не только о предательстве вождей, а о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии, что тяготы этой политики принудят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: «Это есть историцизм, все находит объяснение в смене эпох, *но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной*

систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны, перешли в этот лагерь открыто, могут ли они стать проводниками революционной политики?» Я ответил ему, что в это не верю. «Тогда, — заявил Ленин, — надо *бить отжившую эпоху в лице вождей реформизма.* Если мы хотим облегчить рабочему классу переход к политике борьбы с войною, борьбы с реформизмом, тогда надо рвать с реформистскими вождями и с теми, которые не борются с ними честно. Вопрос, когда рвать? Как организационно подготовить этот разрыв — это вопрос тактический, но стремление к этому разрыву является принципиальной обязанностью всякого пролетарского революционера». Ленин настаивал на самой резкой форме идейной борьбы с социал-патриотами, *настаивал на необходимости открытого выяснения их предательства, именно предательства.* Это слово он повторял много раз и в будущем, при совместной работе; при составлении резолюций он всегда давал бой на этом политическом определении, считая его мерилом революционной искренности и последовательности воли к разрыву с социал-демократией.

Так же остро ставил Ленин вопрос о противопоставлении лозунгу гражданского мира *лозунга гражданской войны.* Мы, германские левые радикалы, привыкли со времен нашей полемики с Каутским по вопросам массовой забастовки выдвигать лозунг менее определенный: лозунг «массовых действий». Неопределенность этого лозунга отвечала зачаточному состоянию революционного движения в Германии 1911–1912 годов, когда демонстрация берлинских рабочих в Тиргартене, во время борьбы за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг, казалась нам началом революционной борьбы германских рабочих. Ленин указывал нам на то, что если этот лозунг был достаточен, как противопоставляющий действия масс парламентским комбинациям вождей германской социал-демократии в предвоенную эпоху, то он является совершенно недостаточным в эпоху железа и крови, в эпоху войны. «Если, — говорил он, — недовольство войною усилится, то и центристы могут организовать движение масс для того, чтобы нажать на правительство и принудить его закончить войну мирным соглашением. Если перспектива наша, перспектива смены империалистской войны революцией является не благим пожеланием, а перспективой, для которой мы хотим работать, надо определенно и ясно выдвинуть лозунг гражданской войны». Он неслыханно обрадовался, когда в письме своем к Циммервальдской конференции Либкнехт употребил слова: «против гражданского мира, за гражданскую войну», что было для

Ленина доказательством того, что в основном Либкнехт с нами согласен.

Раскол Второго Интернационала, как средство оформления революционного движения пролетариата, гражданская война, как средство победы над империалистской войной, — это были две основные мысли, которые Ленин пытался вдолбить в головы передовых революционных элементов во всех странах, с которыми имел связи. Но несмотря на то что Ленин уже тогда стоял твердо и ясно на позиции будущего Коммунистического Интернационала, он пошел на Циммервальдскую и Кинтальскую конференции всех антивоенных социал-демократических организаций. Он великолепно понимал, что сначала надо блоком вместе с центристским направлением раскачать мозги рабочих, расшатать единство социал-демократии, собрать вокруг себя значительные части рабочей массы, чтобы не довольствоваться пропагандой, а начать борьбу.

Он следил не только за всеми документами развертывающихся в борьбе направлений, что, между прочим, делал не щадя сил: достаточно сказать, что брошюру голландского марксиста Гортера о войне, написанную по-голландски, он читал с первой до последней страницы со словарем в руках, не зная ни одного слова по-голландски. Он следил внимательнейшим образом за всяким малейшим проявлением революционной самодеятельности масс, пытаясь уловить уже реально достигнутую степень их политического развития. Когда в Берне (швейцарском) меня навестил старый лейпцигский товарищ, стоящий с 90-х годов на крайнем левом фланге германской социал-демократии, но абсолютно не разбиравшийся в принципиальных вопросах, Ленин добыл от него буквально всю картину движения. Я помню удивление этого социал-демократа, когда Ленин не давал ему покоя, чтобы узнать, что кричат рабочие и работницы на демонстрациях. «Кричат, как в этих случаях полагается», — отвечал социал-демократ. Но Ленин настаивал: «А все-таки скажите, что они кричат?» И добыл от него необходимые ему сведения. Он с большим вниманием следил за мелочами в рабочей печати Европы и Америки, чтобы по ним узнать тот облик массы, которого не передавали политические статьи, более внимательно пересматриваемые военной цензурой. Великий революционный вождь искал и за границей, в чужих ему странах, этой интимной связи с рабочей массой, которая одна позволяет найти рычаг движения. Он не жалел целых вечеров, чтобы в душном кабаке в разговорах с швейцарскими рабочими, во всяком случае, не являющимися цветом революционной мысли, нащупать реальную почву

движения. Когда товарищи, руководившие тогда левым крылом швейцарского рабочего движения, шатались и колебались, он настаивал на том, чтобы всякий из нас искал связи хотя бы с маленькими группами рабочих, на которых единственно надеялся.

Уже в 1916 году, когда мы собрали в разных странах маленькие группы единомышленников и создали в рамках циммервальдского блока так называемую *циммервальдскую левую,* Владимир Ильич настаивал на том, чтобы приступить к разработке программы будущего революционного Интернационала.

Из этой его предварительной работы вышла в будущем его книга «Государство и революция». Уже в 1916 году он выдвигал идею государства-коммуны, которая вначале для нас была не более понятной, чем русским товарищам после Февральской революции знаменитые Апрельские тезисы Ленина. Каждый из нас много раз читал книгу Маркса о Парижской коммуне, но именно того нового, чем была в ней идея государства-коммуны, не заметили, и Ленину стоило много труда выяснить нам свою точку зрения. Очень характерно для него как тактика, что на основе опыта 1905 года он уже тогда указывал нам на возможную роль советов как органов государства-коммуны. Но в момент Февральской революции Ленин, имея лишь смутные сведения о фактическом положении в России, в ответ на вопрос тов. Пятакова и Колдонтай, отправлявшихся в Россию и просивших директив, ответил: «Никакого доверия Временному правительству. Учредилка — чепуха. Надо брать в руки *петроградскую и московскую городские думы".* Ленин искал для борьбы за государство-коммуну органы, близко связанные с ежедневной жизнью массы, даже не справляясь в первую очередь о названии этих органов.

Одним из результатов его программных работ этого времени является также постановка вопроса о *самоопределении наций.* До войны этот вопрос Ленин выдвигал в русском масштабе, как средство освобождения русских пролетариев от влияния великорусского шовинизма и как средство добиться доверия нерусских народных масс в России, в которых он видел союзника в борьбе с царизмом. Во время войны он подошел к этому вопросу в *мировом масштабе.* Брошюра Розы Люксембург о банкротстве германской социал-демократии, в которой она отрицала возможность освободительных национальных войн в эпоху империализма вообще, дала ему повод снова выдвинуть вопрос о самоопределении. С неслыханной тактической гибкостью этот человек, отрицающий самым решительным образом так

называемую защиту отечества для империалистических государств, указывал нам, страдающим западноевропейской узостью горизонта, на то, что если период национальных войн миновал в Западной Европе, то он не миновал на юго-востоке Европы, не ми-повал для национальных меньшинств в России, не миновал в колониях и в Азии. Ленин до войны не занимался конкретно изучением колониальных движений; в этих вопросах многие из нас знали в десять раз больше него, и он самым добросовестным образом пытался, и по книгам, и в разговорах, собрать необходимый для него конкретный материал. Но этот материал он поворачивал против нас, помог в вопросе о самоопределении наций с позицией Каутского, для которого этот лозунг был орудием пацифизма и решения голосованием эльзасского и лотарингского вопросов. Жестокой своей критикой, направленной против моих тезисов в вопросе о самоопределении нации, он учил нас значению этого вопроса, являющегося динамитом против империализма. Хитроумные центровые философы вроде Гильфердинга и т. п. пытались доказать европейскому пролетариату, что Ленин на втором конгрессе Коминтерна выдвигал колониальный и национальный вопрос в интересах русского государства, но Ленин вел по этому вопросу ожесточенную борьбу с Гортером, Панекуком, Бухариным, Пятаковым и мною, когда был бездомным, гонимым эмигрантом в Швейцарии. Этот вопрос имел для него значение искания *крестьянского союзника для мирового пролетариата в международном масштабе.* Без связи с революцией порабощенных молодых народов Востока и колоний нет победы международного пролетариата. Вот чему учил нас Ленин уже в 1916 году.

С самого начала Февральской революции Ленин стремился к разрыву блока с центристами, к ликвидации циммервальдского объединения; он считал, что русская революция, ставя вопрос о революции во всех воюющих странах, даст нам, коммунистам, массовую силу и оттолкнет в лагерь предателей колеблющиеся элементы центра. Он не позволил нам подписать манифест циммервальдской комиссии о русской революции, чтобы совместная с Мартовым подпись не смутила русских рабочих и не помешала борьбе с Чхеидзе и меньшевиками. Этот разрыв не состоялся в продолжение 1917 года, ибо мы пытались, при помощи циммервальдского бюро, втянуть в борьбу против германского империализма независимую социал-демократию Германии, от которой тогда еще не отделился союз Спартака. После захвата власти в октябре 1917 года циммервальдское объединение фактически умирает.

Борьба русского рабочего класса и являлась главным

средством пробуждения пролетариев всех стран. Весь 1918 год ушел на подготовку созыва *учредительного съезда Коминтерна.*

Этот съезд, состоявшийся в марте 1919 года, к моменту начала борьбы с Деникиным и Колчаком, не создал принципиально ничего нового. Он базировался на идейной работе большевиков в циммервальдской левой в предыдущие годы войны. Решение его, манифест и в первую очередь тезисы Ленина о диктатуре и демократии оформили основы будущей работы Коммунистического Интернационала. В момент Октябрьской революции многие, читая декреты о мире и земле, думали, что, может быть, этим документам суждена роль прокламаций, которые никогда не будут осуществлены. Когда в тяжелейший момент русской революции вместе со сведениями о передвижении Колчака к Волге, о поражении молодой Красной Армии на юге получились решения первого съезда Коминтерна, то не только многие западноевропейские коммунисты, но и многие из нас, членов РКП, работавших тогда нелегально на Западе, спрашивали себя, не являются ли эти документы заветом русской революции, находящейся в смертельной опасности. Исполком Коминтерна, отрезанный тогда стеною блокады от западноевропейского рабочего движения, практически очень мало мог влиять на его шаги, очень мало мог помогать западноевропейским рабочим. Они пробивали себе путь самостоятельно, учились сами решать свои задачи, и только с 1920 года, с победой Красной Армии над Деникиным и Колчаком, начинается ежедневная массовая работа Коминтерна. И тут *Ленин встает во главе международного рабочего движения уже как практический его вождь, как добрый гений,* помогающий молодому коммунистическому движению осмыслить первые свои шаги, наметить дальнейший свой путь.

Три основных документа пишет Ленин для второго конгресса Коминтерна. Съезжающиеся со всего мира делегаты находят в переводах брошюру Ленина *«О левизне, как детской болезни коммунизма».* Они знают *«Государство и революцию»* Ленина, эту сухую книжечку, которая, как факел, осветила им великую цель — диктатуру пролетариата. Брошюра о левизне освещает путь молодым коммунистическим партиям, которые думают, что могут одним прыжком схватить врага за горло, что революционная волна понесет их прямо к цели. Юным коммунистическим партиям, отклоняющим в революционном задоре всякие компромиссы, противопоставляет Ленин опыт русской революции. Он указывает им, что для завоевания диктатуры пролетариата надо сначала *завоевать большинство рабочего класса.* Он указывает им, что для того, чтобы завоевать

большинство рабочего класса, надо использовать *все средства,* которые предоставляет передовикам-рабочим та же самая буржуазная демократия, которую они собираются свергать. Он указывает им, что если путь к баррикаде ведет через парламент, то из этой кучи навоза надо проповедовать рабочим массам идею коммунизма. Он указывает им на массовые организации пролетариата, на профсоюзы, которые путем беспрерывной работы надо вырвать из рук желтых вождей. Он указывает им, что революционное меньшинство не может отказываться от *компромисса,* если этот компромисс может облегчить ему завоевание большинства. Трудно исчерпать в кратких словах содержание этой незабвенной работы великого вождя. Можно сказать, что содержание ее не усвоено даже еще 'Ую вождей Коммунистического Интернационала. Эта сжатая маленькая брошюра представляет собою квинтэссенцию всей философии большевизма, его стратегии и тактики, и минуют многие годы, годы побед и поражений, пока можно будет сказать, что эти мысли Ленина проникли в кровь и плоть вождей Коминтерна. Сколько раз читаешь эту брошюру, столько же раз находишь в ней новые богатства мысли, новые оттенки. Достаточно сказать, что после двух лет применения тактики единого фронта мне пришлось только в прошлом году установить, что она уже развита в этой брошюре, о чем я совершенно забыл, когда в январе 1921 года в первый раз, ощупью, применял эту тактику в известном «Открытом письме» к социал-демократическим партиям и профсоюзам. Неисчерпаемость уроков, развитых или содержащихся в скрытом виде в этом учении о войне пролетариата, которое для нашей стратегии будет иметь не меньшее значение, чем книга Клаузевица «О войне», — для стратегии военной, трудность применения уроков Ленина состоит в том, что нельзя учиться стратегии пролетариата путем пропагандистским, путем размышлений о борьбе русского пролетариата. Ежедневный опыт коммунистических партий в разных странах все время видоизменяет формы, в которых он возвращает нас к основным вопросам, и нужна самостоятельная работа мысли всякой коммунистической партии, для того чтобы подняться до уровня революционной стратегии величайшего из пролетарских вождей.

Другой документ, предложенный Лениным второму съезду, — это его первый набросок *условий вступления в Коминтерн.* Сколько ни осмеивали эти тезисы, сколько ни протестовали против них, но когда перечитываешь их, когда спрашиваешь, которая из партий, входящих в состав Коминтерна, научилась уже исполнять хотя бы одну десятую часть этих

условий, все больше видишь их великое политическое значение. Если книга Ленина «Государство и революция» указала нам цель коммунистического движения, или, точнее говоря, первый великий его этап, если брошюра о левизне указывает весь тернистый путь борьбы за диктатуру, то эти тезисы Ленина ставят вопрос о том, чем должна быть коммунистическая партия. Без проверки того, насколько исполняются эти тезисы, вообще не стоит принимать новых резолюций. Эти тезисы — пробный камень, мерило развития партии Коминтерна от социал-демократических левых партий к партиям, действительно коммунистическим.

Третий документ Ленина — это его набросок тезисов *о колониальном вопросе*. И они еще не вошли в кровь и плоть ни пролетарских коммунистических партий Запада, буржуазия которых держит в своих хищных лапах сотни миллионов колониальных народов, ни в сознание наших молодых коммунистических партий Востока. Работа английских, французских, голландских товарищей в колониях встречает громаднейшие затруднения со стороны не только полиции империалистических держав, но и со стороны неподготовленности наших товарищей к работе среди масс колониальных, стоящих на неслыханно низком культурном уровне. Наши товарищи в колониях очень часто сбиваются на левый коммунизм. Воспитанные на литературе, провозглашающей борьбу за диктатуру, они с трудом учатся соединять борьбу за объединение молодого пролетариата и ремесленников Китая, Кореи, Персии, Индии, Египта против чужестранной и своей буржуазии с попытками связаться с национальным освободительным движением молодой буржуазии своих стран против буржуазии угнетающих ее метрополий. И снова пройдут десятки лет, пока удастся на практике связать национальную освободительную борьбу колониальных народов с пролетарской революцией в Европе и Америке. Но одно уже ясно: Ленин гениально указал путь международному пролетариату. В буквальном смысле этого слова в первый раз в истории классовой борьбы в лице Ленина и его науки создан объединяющий центр для трудящихся *всего мира*. В первый раз мы начинаем выходить из тупика, в котором находится европейский пролетариат, на дорогу действительно *всемирного движения*. Книга индусского товарища *Роя* об Индии дала нам первую теоретическую проверку науки Ленина на конкретном примере. Борьба газеты, самостоятельно издаваемой Роем, дает первую проверку периодического применения науки Ленина, и мы можем сказать, что эта проверка доказывает, как далеко и глубоко смотрел наш

вождь. Во время гамбургского конгресса Второго Интернационала гамбургская социал-демократическая газета напечатала приветственный стих конгрессу. Поэт обращается к китайским кули, работающим на рисовых полях, к неграм, работающим при сборе хлопка в Южной Америке, к черным, добывающим золото, и зовет их под освободительное знамя Интернационала, — но это пустые звуки. Тот же самый Второй Интернационал празднует теперь свою большую победу. Его вождь Рамзей Макдональд составил первое рабочее правительство. И кого же назначил он министром по делам порабощенных трехсот миллионов индусов? Сэра Сиднея Оливера, чиновника старого колониального ведомства, губернатора Ямайки. Этот колониальный чиновник — испытанный защитник интересов владельцев сахарных плантаций на Ямайке. Он будет теперь звать под знамя Второго Интернационала индийских рабов его величества короля Англии, или, может быть, это будет делать лорд Чельмсфорд, бывший вице-король Индии, назначенный первым лордом адмиралтейства милостью Рамзея Макдональда, вождя Второго Интернационала? Только Коммунистический Интернационал сможет организовать колониальных рабов, и заслуга Ленина, указавшего нам этот путь, незабвенна перед историей, перед международным рабочим классом и перед человечеством.

Третий съезд Коминтерна увидел Ленина снова на боевом посту. Волна революции 1918–1919 годов схлынула. Германская коммунистическая партия, став массовой партией пролетариата, не заметила перемены положения, не заметила начавшегося уже наступления капитала, дала себя спровоцировать и ринулась в бой с оружием в руках, не имея за собою даже симпатии большинства трудящихся масс. Все мы поняли ошибку партии, все мы отклонили тезисы германского ЦК, развивающие теорию наступления в момент политического отступления. Но мы, непосредственные работники Коминтерна, зная, что партийный центр, который создался из старых вождей союза Спартака и лучших вождей бывшей независимой партии, является единственно возможным центром германского коммунистического движения, хотели преподать немецкой братской партии уроки, вытекающие из ее поражения, в возможно мягкой форме. Ленин заставил нас пять раз перерабатывать наши тезисы. Заставил нас сказать в самой решительной, в самой брутальной форме немецким коммунистам и коммунистам всего мира: *«Сначала завоюйте большинство пролетариата, и только после этого можете поставить себе задачей завоевание власти».* Ленин спас коммунистическую партию и с той же решительностью поддержал *тактику единого фронта,*

встречающую значительное сопротивление в рядах не только западноевропейских коммунистов. Он проявил неслыханную чуткость в понимании основной разницы, существующей между русскими условиями 1917 года и условиями, в которых борются западноевропейские коммунисты. Он понял великолепно, что там, где существуют массовые организации пролетариата, сложившиеся в продолжение полувека, находящиеся в руках желтых вождей, нужна очень сложная, очень кропотливая работа, нужен ряд компромиссов, неприятных для коммуниста, но необходимых для завоевания большинства пролетариата. Он, заваленный государственной работой, не имеющий времени следить за деталями развития на Западе, имел какое-то особое чувство, позволявшее ему ухватить существенное отличие в положении всякой страны, в задачах всякой коммунистической партии.

На 4-м съезде Коминтерна только что вставший после первого удара болезни, которая его у нас отняла, Ленин делает доклад о положении в России. С глубочайшей радостью встретил его съезд и с глубочайшей мукой следил за тем, как любимый вождь с трудом подбирал слова, чтобы выразить на чужом языке свои чеканные мысли. Перед своим докладом, хитро прижмуривая один глаз, Ленин спросил: «А что сказать, когда спросят о ближайшей перспективе мировой революции?» — и, подмигивая хитро, немедленно отметил: «Скажу им, что если коммунисты будут поумнее, то и перспективы будут получше». Отправляющейся в Гаагу русской делегации профсоюзов Ленин вручает директивы о методах *борьбы с войною.* Этот последний совет Ленина международному пролетариату представляет собою новый образчик его неслыханного реализма. Он заявляет, что тот, кто после уроков империалистской войны обещает провести всеобщую забастовку в случае ее нового возникновения, — тот или дурак, или обманщик. Если мы не предупредим империалистской войны, то массы пойдут на войну и нам придется идти на войну и в рядах империалистских армий работать для революции. Задача состоит в том, чтобы *теперь всей своей работой не допустить до возникновения войны.* И снова Ленин развивает пункт за пунктом план ежедневной революционной работы против военной опасности.

Миновал год работы Коминтерна без Ленина. Этот год принес нам два крупных поражения: в *Болгарии и Германии.* Уроки этих поражений мы должны разъяснить себе сами, без Ленина. Революционная волна пока еще не поднялась, как мы этого ожидали летом этого года. И если она не поднимется в ближайший год, то нам придется разобраться в целом ряде

сложнейших вопросов, как в период реакции наступления капитала собрать вокруг себя массы и *связать их повседневную борьбу с подготовкой к будущей борьбе за диктатуру*. У нас 42 партии. Каждая из них живет в особых условиях. Учесть *все особенности* этих условий и, несмотря на их отличие, проводить *одну коммунистическую работу* неслыханно трудно. Но мы с этими задачами справимся. Ибо у нас есть наследие Ленина, неисчерпанный запас его мыслей, его *метод,* проверенный в тысяче наступательных и оборонительных сражений. Мы будем учиться на сочинениях Ленина. Как у Маркса, *не результаты, не конкретные решения представляют самую большую ценность, а именно метод решения, подход к делу этого величайшего из пролетарских революционеров.*

Коминтерн совместно с русским пролетариатом понес величайшую потерю. Если когда-нибудь правдивыми были слова, что смерть взяла с собою только тело великого вождя, то они правдивы и теперь. Поэтому над могилой Ленина Коминтерн не будет проливать слез. Он возьмется с удесятеренной энергией за изучение того, что есть бессмертного в науке Ленина, и с его мечом в руках победит.

Не стало любимого вождя. Коллективной мыслью всех коммунистических партий Коминтерн справится со своими задачами.

Знамя Ленина — его наука вооружила Коминтерн на *всю эпоху, отделяющую нас от победы всемирной пролетарской революции.*

У великой могилы. М… 1924. С. 135–111

Ф. Т. РОТШТЕЯН
ЛЕНИН — ТВОРЕЦ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Высокую гору можно объять лишь с далекого расстояния, и не современники, а потомки в состоянии постигнуть громаду великого гения. То, что Ленин создал, то, что он после себя завещал, не мы, а лишь будущие поколения оценят во всей глубине. И нам и им предстоит еще долго и много копать в рудниках его дел и заветов, и лишь постепенно и нам и им откроется все неисчерпаемое богатство их содержания. Сейчас, на другой день после прекращения этой изумительной деятельности великого ума, великого сердца и великой воли, мы, его скромные соратники, можем лишь чувствовать, что с ним отошло что-то огромное, что-то совершенно в истории исключительное, понятное нам лишь в его самых общих и грубых очертаниях, но полное глубочайшего смысла, который расшифруется вполне лишь по истечении ряда поколений.

Но даже в этих общих и грубых очертаниях мы видим исполинское, монументальное нечто, которое уже на наших глазах отложилось в истории человечества целым пластом, знаменующим начало новой формации. Этот пласт можно назвать пластом новой государственности, новой формы государственной организации, нового уклада государственного общежития. Я имею в виду советский строй. Во всех других творениях своего гигантского ума и гигантской воли Ленин опирался на открытия и достижения других. Превыше всех как революционер, превыше всех как практический толкователь и воплощатель теории и практики марксизма, он, при всей силе своей оригинальности, все же являлся в ряду революционеров и марксистских вождей преемником, который может быть понят лишь в исторической перспективе как фигура, к которой привела и должна привести предшествовавшая цепь других деятелей, больших и малых. Как Дарвин, как сам Маркс, как многие другие творцы мысли, Ленин имел своих предшественников в области, я бы это назвал, понимания и толкования социальной динамики и, конечно, имел предшественников даже в области революционного действия, несмотря на свое превосходство и в этом отношении. Но в чем он стоит абсолютно один, в чем он не имел никаких предшественников и в чем, следовательно, с наибольшей силой отразилась оригинальность его мысли и мощь его воли, — так это в творчестве и осуществлении идеи советской государственности.

Где, у какого политического мыслителя и политического деятеля когда-либо зарождалась до него эта идея? Кто имел хотя бы предчувствие этой идеи до того знаменательного дня, дня, последовавшего за днем его возвращения в Россию в «пломбированном» вагоне, когда он изложил ее своим изумленным товарищам? Тут уже подлинно можно было сказать, что вагон вез Цезаря и его необыкновенную, эпохальную идею. Тут у него учителей уже не было во всей истории человечества. Тут он сам непосредственно вычитал секрет у истории, у жизни. Намек Парижской коммуны в сочетании с промелькнувшим, как случайный эпизод, Ленинградским Советом рабочих депутатов 1905 года оказался тем материалом, из которого Ленин извлек и на орлиных крыльях своего гения вознес свою идею Советов как органа государственности при диктатуре пролетариата. Думал ли кто-нибудь из нас об этом раньше? Разве все мы, рисуя себе государство будущего, не исходили из какого-то парламента как центрального законодательного органа, — пусть более «демократического», пусть подкрепляемого плебисцитами, пусть сосредоточенного на вопросах «управления вещами», но все же парламента по типу и по духу буржуазных парламентов нашей буржуазной современности? Ленин с беспримерной в истории силой политического воображения создал у себя в голове тип другого государства, тип государства не демократически-парламентского, а советского, и, что еще больше, — потому что изобретателей государственных схем и до него было, со времен Платона, достаточно, — он этот тип претворил в жизнь, перестроив по нему одно из громаднейших государств мира. И то самое, что ему это претворение в жизнь удалось, явилось лучшим доказательством величия его идеи, ибо она оказалась не утопической мечтой, не бумажной схемой, а вполне соответствующей реальной обстановке— потребностям России в условиях пролетарской революции и утвержденной ею пролетарской диктатуры. Да что я говорю: России? Стоило только пролетарской революции открыть свой лик, хотя бы на один миг, в других странах, как Советы, как организационные носители ее, возникали и там. Я уже не говорю о советской Венгрии, о советской Баварии; даже ноябрьская, шейдемановская революция в Германии на первых своих стадиях, когда власть, попав в руки рабочего класса, казалось, готова была принять форму диктатуры пролетариата, выдвинула организационную систему Советов, причем «незави-симцы» даже вставили их официально в свою программу. Достойно отметить, что даже в Англии, где до революции вовсе не доходило, но где в первые месяцы демобилизации настроение у рабочего класса достигало

временами и местами революционного напряжения, — и там в этих случаях лозунг Советов не только выбрасывался как боевой клич, но даже осуществлялся в известных рудиментарных формах (например, в Лимерике).

С тех пор, увы, революционная стихия отошла, точно отлив после бурного натиска, по всей Европе, и мы одни остались при нашем советском строе. Но то, что было, нам показывает, что этот строй не является чем-то таким, который свойствен лишь нашим народам, живущим на территории нынешнего Союза: он свойствен *рабочему классу,* независимо от территории, когда этот класс приходит в движение, захватывает власть и утверждает свою диктатуру. Трудно сказать, что было бы, какими способами пролетариат, ставший господствующим классом, набрел бы на идею Советов как на форму своей государственности, если бы ее не родил из своей головы и не воплотил в жизнь своими руками наш Ленин. Невозможно допустить, видя жизненность этой идеи, что она в конце концов не была бы найдена. Но сейчас уже не подлежит сомнению: где бы и когда бы рабочий класс ни завоевал власть, он не станет больше блуждать, он не станет также пытаться приспособлять к своим целям буржуазный парламент, а прямиком перейдет к строительству Советов. Ленин, таким образом, строил тут не одно ˆйшь национальное, но и универсальное: с неслыханной во всей истории человечества дерзостью и силой он поднял с места весь земной шар, поставил его на новую орбиту и покатил его по ней по направлению к советскому строю. То, что в области смены типовых государственных форм являлось до сих пор делом стихии, действовавшей на протяжении веков, — не можем же мы считать, например, парламентскую форму государственности делом рук какого-нибудь Симона де-Монфора, навязавшего в XIII столетии совет сословных представителей английскому королю Иоанну Безземельному! — на наших глазах было создано одним человеком, со сверхъестественной, почти пугающей прозорливостью уловившим потаенную мысль истории и воплотившим ее в живую плоть и кровь еще прежде, чем человечество успело оправиться от изумления и страха. Такого человека, демиурга в буквальном смысле слова, создателя нового мира, кажется, до сих пор не было: он единственный в своем роде великий и величайший человек.

У *великой могилы. М., 1924. С. 144*

А. ТАЛЬГЕИМЕР
ЛЕНИН КАК ТЕОРЕТИК

Дело Карла Маркса теперь, спустя 41 год после его смерти, далеко не исчерпано. Уже Роза Люксембург указывала на то, что ото тесно связано с запросами различных стадий пролетарской классовой борьбы. Борющийся рабочий класс каждый раз заимствует из теории только то, что ему непосредственно необходимо для его классовой борьбы. Пролетариат не может позволить себе роскоши теории только ради теории. Марксистская теория далеко предвосхитила практику классовой борьбы, и чем дальше, тем глубже. Арсенал революционной теории используется революционной практикой только по частям. Конечно, отношение между революционной практикой и революционной теорией не одностороннее, а взаимное, диалектическое. Практика классовой борьбы, оплодотворенная теорией, со своей стороны, снова становится благодарной почвой для новых теоретических взглядов.

Грандиозный теоретический арсенал Карла Маркса дал прежде всего средства для политической эмансипации рабочего класса, для отделения его от еще революционной буржуазии, другими словами, для конституирования его как самостоятельного класса; затем для ведения пролетарской классовой борьбы в долгие годы парламентской и профессиональной борьбы и широкой политической н экономической организации пролетариата; для эпохи революционной конечной борьбы, но здесь уже только в самых общих чертах, и, наконец, для строительства социалистического общества.

О несравненном гении Маркса свидетельствует то, что он сумел начертить в общих контурах основные формы революционной конечной борьбы и социалистического строительства еще на грани между буржуазной и пролетарской революцией, на самом пороге колоссального подъема капиталистического хозяйства и буржуазной мощи, еще тогда, когда классовая борьба пролетариата находилась в первоначальном, зачаточном состоянии.

Теоретические эпигоны Маркса в период парламентской и профессиональной борьбы почти всегда фальсифицировали Маркса, лишая его учение революционной сути. В их руках революционная теория Маркса стала руководством для исторического объяснения прошлого, но не для революционного

действия в настоящем.

Здесь начинается работа Ленина. И не случайно. Исходя из готовящейся русской революции, он снова оживил похороненную теорию Маркса о пролетарской революции и обогатил ее массовым опытом пролетарской классовой борьбы его времени. Таким образом, пролетарская диктатура, «забытая», так сказать, Каутским, была снова открыта Лениным. В продолжавшихся десятилетиями теоретических спорах Ленин боролся против реформистской и анархистской фальсификации и опошления Маркса. Но самым крупным делом Ленина была, кроме того, выработка конкретных форм пролетарской диктатуры на почве массового, опыта и творчества русского пролетариата, а именно — открытие роли Советов и в связи с этим конкретная критика.

Здесь Ленин был истинным пионером. Это его значение универсально и распространяется на все страны, в которых стоит на очереди пролетарская революция.

Вторая великая заслуга Ленина — это выработка организации революции в условиях Советской России.

Третья — установление основных линий политики первого государства пролетарской диктатуры, Советской России.

И здесь имеются элементы универсального значения для пролетарской классовой борьбы. Однако здесь для позднейших деятелей возникает также задача критического отделения того, что имеет всеобщее значение, от того, что коренится в особых русских условиях. Сам Ленин самым настойчивым образом указывает на необходимость этого. Перевести Ленина с русского на западноевропейские — это не только задача языка. Это также не задача одного человека. В этом, собственно, задача пролетарских революций Западной Европы и Америки в их особых условиях. Кроме того, особые условия имеются для Азии и Африки. Необходимо развивать далее конкретное наследство Ленина на почве условий пролетарской революции в Западной Европе и опыта классовой борьбы в Западной Европе. Это задача для целого поколения. Она требует не только простого усвоения учения Ленина — это лишь предпосылка, — но также дальнейшего творческого развития ее.

Точно так же как у Маркса, у Ленина нельзя отделить революционную практику от революционной теории. Девизом Маркса было не только иначе толковать мир, но изменить его. Это было также девизом Ленина. Рожденная из революционного устремления и глубокого диалектического анализа социальной действительности, теория Маркса стала величайшей практической силой, которую знает история. «…Теория становится материальной силой, как только она овладевает

массами». Маркс был в этом отношении истинным учеником Гегеля, последнего и величайшего немецкого философа; Гегель-идеалист был далеко не то, чем его часто себе представляют; это вовсе не мечтатель, расплывающийся в эмпиреях. Его идеалистическая философия была устремлена на реальную жизнь. В руках Маркса диалектический реализм стал могучим революционным оружием. Он мог увлечь массы, потому что родился из жизни масс. А на чем покоится несравненная мощь Ленина? На силе революционных теорий. Буржуазия сочиняет сказки о фантастических военных и прочих внешних силах, которые были в распоряжении Ленина. Она преувеличивает и сама верит в эти сказки. Но загадка личной мощи Ленина, как и у Маркса, решается совершенно иначе. Эта мощь объясняется тем, что как Маркс, так и Ленин вполне растворились как личности в идее пролетарской революции. Внешние средства принуждения, которыми располагал Ленин, были меньше, чем средства принуждения какого бы то ни было буржуазного властелина.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1924. С. 13–15

В. В. АДОРАТСКИЙ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА У ЛЕНИНА

В. И. Ленин был последовательным марксистом и умел диалектически сочетать теорию и практику. Теоретические идеи Ленина были построены на внимательном изучении фактов действительности. Отражая эту действительность, эти идеи были необходимы для практической деятельности. Критикуя весь предшествовавший материализм, включая и фейербаховский, Маркс как на недостаток его указывал на то, что старые материалисты лишь *созерцали* мир. Они недооценивали все значение революционной, практическо-критической деятельности. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» — так формулировал Маркс точку зрения диалектического материализма.

Ленин уже в самом начале своей политической деятельности подчеркивал революционную практическую роль теории. Свою позицию *материалиста* он противопоставлял *объективизму* буржуазных ученых, подчеркивая момент активности, революционной практики, входящей неразрывной составной частью в современный материализм. Буржуазные ученые представляют дело таким образом, что ученый должен якобы со стороны наблюдать исторические процессы, быть выше их и благодаря этому такой ученый будто бы может объективно и беспристрастно изобразить неизбежный ход развития. Наука должна быть беспартийной и беспристрастной. Но ученый-теоретик, придерживающийся таких взглядов, превращается неизбежно в защитника существующей действительности. Ленин такому пониманию противопоставлял позицию материалистов, которые вскрывают классовые противоречия и тем самым определяют свою точку зрения. «…Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».

На основании научного анализа современного общества, пользуясь методом Маркса, Ленин приобрел твердое убеждение, что «положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые

для этой борьбы».

Выступая в качестве практического деятеля, Ленин видел задачу теоретика не в том, чтобы вырабатывать какой-нибудь план системы социального устройства и затем его осуществлять, а в том, чтобы принять сознательное участие в историческом процессе преобразования общества, совершающемся на наших глазах (Маркс). Причем тут теория должна играть огромную роль. Теоретики, по словам Ленина, «должны разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее **подходящую** *для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма* (читай: коммунизма, так как это было написано еще в 1893 г., когда слово «социал-демократ» еще не было опоганено Шейдеманами. — *Авт.) и сплочения рабочих в политическую силу».* Тут мы видим, как подчеркивается практическая сторона. Марксистская «теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму *и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией*… Задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе». Помогая рабочему классу в его экономической и политической борьбе, марксистская теория должна широко развивать классовое сознание рабочих масс, причем Ленин намечал в этой области такие задачи.

«Сознание рабочих масс, — писал он в своей брошюре «Что делать?» (1902 г.), — не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических… вернее даже сказать: не

столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества». Теория должна быть связана с жизнью, она должна из жизни черпать материал.

«Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория *выросла* со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории…»

Вся деятельность Ленина как теоретика и вождя и состояла в том, что он, работая теоретически, изучая действительность, применял теорию революционного марксизма на практике.

Благодаря тому, что Ленин намечал задачи на основании строгого научного изучения действительности, благодаря тому, что эти задачи соответствовали этой объективной действительности, они осуществлялись так блестяще, как осуществлена была, например, задача *создания нелегальной организации профессиональных революционеров* в начале 1900-х годов. Иногда выполнение этих практических задач отодвигалось на некоторое время. Но умелая и своевременная постановка их делала то, что таким образом пробуждалось сознание и симпатии самых широких масс и подготовлялось тем более основательное выполнение поставленных задач. Такова была, например, задача осуществить в жизни *революционную диктатуру пролетариата и крестьянства,* выдвинутая Лениным в 1905 году. Блестящему разъяснению и защите ее посвящена брошюра «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Учитывая изменившееся — в эпоху упадка революционного движения (период 1908 и последних годов) — положение, Ленин выдвинул практическую задачу умело *использовать легальные возможности,* ведя в то же время нелегальную работу и сохраняя во что бы то ни стало нелегальную организацию. После начала империалистической войны Ленин указал на практическую задачу *превращения империалистической войны, в гражданскую,* и задача эта как раз потому, что строго соответствовала объективному ходу развития, была выполнена в 1917 году в России.

Изучая историю РКП и деятельность Ленина как вождя, можно на тысячах примеров научиться тому, что представляет марксистская теория и в каком отношении она находится с революционной практикой.

Особенно ярко обнаружилось все значение революционной теории в ходе второй русской революции в 1917 году и в следующие годы.

Вначале Ленин указал задачу завоевания всей политической власти Советами. Проповедуя мирно значение лозунга *«Вся власть Советам»,* пока контрреволюция не могла еще организовать вооруженных выступлений, Ленин в июле 1917 года, после того как власть оказалась фактически в руках черносотенных бандитов, стал указывать на *необходимость вооруженного восстания* для завоевания власти, но в то же время и указывал на *преждевременность немедленного выступления* ввиду того, что войска на фронте и провинция не были еще достаточно подготовлены. Когда же корниловский мятеж разъяснил самым широким массам, что будет, если революция не дойдет до победы, когда в массах стали нарастать злоба и отчаяние, тогда Ленин стал самым энергичным образом вести *подготовку восстания,* указывая, что момент благоприятный для этого наступил. Благодаря марксистской теории Ленин еще в 1893 году мог знать, каков будет в общих чертах ход общественного развития. В 1902 году он писал, что организация профессиональных революционеров, складывающаяся вокруг общерусской газеты, «будет… готова *на все,* начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания».* В октябре 1917 года наступил как раз этот последний момент.

Правительство пролетариата впервые сделало действительные шаги к тому, чтобы решить вопросы о *мире и земле.* Летом 1918 года Ленин сумел благодаря своей революционной теории решить на практике *вопрос о хлебе,* а осенью 1918 и зимой 1919 года поставить и практически разрешить вопрос *об организации 3-миллионной Красной Армии.* Для руководства борьбой пролетариата всего мира создан был *III, Коммунистический Интернационал*—организация, последовательно осуществляющая революционную теорию Маркса на практике.

Та же революционная теория указывала на все значение *борьбы, народов Востока против мирового империализма.* Теперь уже в мировом масштабе Ленин практически поставил вопрос о союзе пролетариата с угнетенными колониальными народами для организации борьбы против империалистов.

После того как острый период военной борьбы российского пролетариата и крестьянства против нападавших на них мировых

империалистов закончился победой Советской власти, та же теория помогла Ленину правильно наметить направление *новой экономической политики* и проследить пути, по которым пролетариат должен идти до полной победы.

Тайна теоретических и политических побед Ленина состояла в мастерском умении владеть марксистским методом и в способности организовать и овладевать революционным движением масс, являться наилучшим его выразителем. В литературных произведениях Ленина, в его речах собрано исключительное по богатству теоретическое наследство, которое все члены партии должны тщательнейшим образом изучать. Примеры применения Лениным своих теорий на практике надо внимательно изучать, из *конкретного анализа их выводя неоценимые уроки для будущего.* Занимаясь такой теоретической работой, надо не ограничиваться этим, а *идти ниже и глубже, к настоящим массам,* организуя их разрастающуюся борьбу против капиталистов, за коммунизм. Такова была теория и практика Ленина.

У *великой могилы. М., 1924. С. 574–575*

В. Д. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ)

В анналах истории немного великих имен, которые, раздвигая национальные рамки своей деятельности, превращались из национальных героев и вождей в исторические фигуры, с именами которых связывалась история народов.

Великая французская революция вынесла на гребнях своих революционных волн, бушевавших по всей Европе, Бонапарта, который связал свое имя с историей Европы начала 19 столетия. Великий корсиканец, потрясавший мир, был авантюристом, сумевшим вскарабкаться на высоты мировой истории для того, чтобы, свалившись оттуда, разбиться вдребезги.

После великих потрясений Французской революции мировая история, подобно реке после большого половодья, влилась в русло исторической реки, которая струится через сотни рукавов национальной политики отдельных государств. Хотя рост и развитие капитализма в Европе и Новом свете в 19 столетии и пытались порвать национальные перегородки, но не смогли этого сделать: мировая история по-прежнему слагалась из суммы национальных историй отдельных народов и государств, бессильных для дел мирового значения.

История 19 и начала 20 века знала, конечно, те или иные так называемые мировые события, получавшие выражение больше в мировых скандалах, связанных с деятельностью финансового капитала, творившего политику империализма. Но это была «мировая история» особого порядка: она могла плодить всемирно известных авантюристов мелкого калибра, которые неспособны были занять в мировой истории какого-либо значительного места, а тем более вписать свое имя в мировую историю великих человеческих потрясений.

Однако XIX в. дал миру великого ученого — Карла Маркса. Маркс был участником европейских революций и свидетелем бешеного развития капитализма в Европе, в особенности в Англии, стране долгое время первенств вующей среди стран развивающегося капитализма. Гений Маркса позволил ему обобщить развитие капитализма в законы развития человечества, определить роль рабочего класса в мировой истории.

Сущность марксизма — великого учения современности — заключается в том, что на арену мировой истории выдвигается пролетариат, который ведет борьбу за раскрепощение человечества от гнета эксплуатации труда капиталом.

Отсюда понятно, что дальнейшая мировая история должна быть органически связанной с рабочим классом и его организованными действиями в пользу социальной революции — переустройства капиталистического мира в соответствии с принципами справедливости и равенства.

Ленину суждено было явиться не только глашатаем идей и учения Карла Маркса, но и вождем рабочего класса, который на опыте русской пролетарской революции реализовал значительную часть теории марксизма, потряся до основания капиталистический мир. Ленин не только правильно определил основные предпосылки русской революции, не только сумел организовать русскую революцию и закрепить ее завоевания; он извлек из опыта русской революции ряд законов революционного действия — в интересах мировой революции.

Именно это сделало Ленина мировым вождем рабочего класса} именно это сделало имя Ленина популярным в самых отдаленнейших уголках земного шара. Больше того. Имя Ленина явилось призывом к революции, который гулко звучал в мировых рабочих кварталах, вызывая прилив невиданной в мировой истории энергии и силы трудящихся, которые громко заявили о своем желании переустроить капиталистический мир на новых основах.

Первая четверть 20 века — огромное половодье мировой истории, бушующая стихия революций и великих потрясений. Вождем и кормчим этой величайшей эпохи был Владимир Ильич Ленин (Ульянов).

ВМЕСТО БИОГРАФИИ ЛЕНИНА

Ленин — вождь мирового пролетариата, но глубоко прав Л. Троцкий, сказавший, что «Ленин олицетворяет собою русский пролетариат, — молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Ленину от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее. Ленин отражает собою русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его, столь еще свежем, крестьянском прошлом».

Почему? Потому что таковы объективные условия развития России — моста между Европой и Азией, великой разнородно населенной равнины, прорезаемой Волгой, на берегах которой родился и вырос Владимир Ильич Ульянов, ставший Лениным.

Ленин вырос на русской почве.

Он слышал бурлацкий стон Волги, видел море горя

народного, которое порождал царизм. Но наряду с этим молодой Ульянов видел и зарю грядущего освобождения трудящихся России: героическую борьбу народничества, ознаменовавшую восьмидесятые годы.

Героическая борьба «Народной воли» разбудила в мальчике Ульянове чувство революционера, превратившее его в Ленина.

Брат Ленина — Александр Ильич Ульянов был членом партии «Народная воля» и погиб в борьбе с царизмом. Отсюда кровная связь Ленина с русским героическим народничеством, которое дало могучий стимул для воспитания той непреклонной революционной воли, которая была одной из его отличительнейших особенностей.

Вместо того чтобы писать биографию Владимира Ильича Ленина, мы позволим себе воспроизвести два документа, которые достаточно ярко ставят биографические вехи Ленина. Первый документ — анкета для делегатов X Всероссийского съезда РКП, которую В. И. Ленин дал как основную канву для будущего биографа.

ЛЕНИН О СЕБЕ

Год рождения. — 1870.

Состояние здоровья. — Здоров.

Какие языки знаете. — Английский, немецкий; французский плохо; итальянский очень плохо.

Какие местности знаете хорошо и сколько лет там прожили. — Знаю Поволжье, где родился и рос до 17 лет,

На каких Всероссийских съездах вы участвовали. — На всех, кроме июля или августа 1917 г. (Имеется в виду VI съезд РСДРП (б), проходивший 26 июля— 3 августа (8—16 августа) 1.917 г. В. И. Ленин находился в это время на нелегальном положении, скрывался близ ст. Разлив. В. И. Ленин, будучи в ссылке в с. Шушенское, не принимал также участия в работе I съезда РСДРП, состоявшегося в марте 1898 г.)

Были ли за границей. — В ряде стран Западной Европы в 1895, 1900–1905, 1908–1917 гг.

Военная водготовка. — Никакая.

Образование. — В 1891 г. окончил (сдал экстерном) петроградский университет на юридическом факультете.

Основные занятия до 1917 г. — Литератор.

Какие знаете специальности. — Никаких.

Чем занимались после 1917 г., кроме партийной, профессиональной, советской и т. п. — Кроме указанных, только

литературной работой.

К какому профсоюзу принадлежите в настоящее время. — К союзу журналистов,

Работа с 1917 г. — Председатель Совнаркома и СТО.

С какого времени состоите членом РКП. — С 1894 г.

Принадлежали ли к другим партиям, если да, то к каким. — Нет,

Участие в революционном движении.

Когда.	Где.	В какой организации.
1892—1893	Самара.	Нелегальные — кружки
1894—1895	Петербург.	
1895—1897	Тюрьма.	соц.-демокр., а со вре
1898—1900	Енисейская г.	мени основания Р. С.-Д.
1900—1905	За границей.	
1905—1907	Петербург..	Р. П.— ее член.
1906—1917	За границей.	

Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность. — **В** 1887 **г. — арест, 1895–1897—арест, 1898–1900— Сибирь, 1900— арест.**

Сколько времени провели в тюрьме. **— Несколько дней плюс 14 месяцев.**

На каторге или ссылке. — **3 года.**

В эмиграции. — **9—10 лет.**

Второй документ — справка жандармского управления»

извлеченная из одного сибирского архива (Эта справка напечатана в № 1 Сборника Истпарта Сибирского Бюро ЦК РКП в 1923 г.).

ЖАНДАРМЫ О ЛЕНИНЕ (Справка)

«Ульянов, Владимир Ильич (кличка «Ленин»), родился в 1870 году в гор. Симбирске, помощник присяжного поверенного.

В 1887 году Ульянов за участие в студенческих беспорядках исключен из Казанского университета с воспрещением жительства в гор. Казани и с учреждением негласного надзора полиции. В 1895 году Ульянов выехал за границу по паспорту, выданному С.-Петербургским Градоначальником от 25 марта того же года за № 720 и, как состоящий под негласным надзором, помещен в циркуляр на пограничные пункты от 26 мая 1895 года за № 4254. Находясь за границей, Ульянов вошел в сношение с эмигрантом Плехановым с целью установить правильное водворение в Россию революционной литературы, а затем по возвращении в Петербург Ульянов участвовал в составлении статей для подпольной газеты «Рабочее Дело».

В 1896 году Ульянов привлекался к дознанию по делу о «С.-Петербургских преступных кружках социал-демократов». По высочайшему повелению 29-го января 1897 года Ульянов выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

По освобождении 29 января 1900 года от гласного надзора Ульянов подчинен негласному надзору, и по постановлению Особого Совещания 16 декабря 1899 года ему было воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения, а также в местностях фабричного района, университетских городах и в г.г. Иркутске и Красноярске с их уездами, сроком на три года.

16-го июля 1900 года Ульянов по паспорту, выданному Псковским губернатором от 5 мая за № 34, выбыл за границу, где вошел в состав «Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии» и вскоре занял видное положение среди эмигрантов (циркуляр на пограничные пункты от 19 сентября 1900 года за№ 2154).

В 1901 году Ульянов вместе с Юлием Цедербаумом и Потресовым приступил к изданию печатного органа названной партии под названием «Искра». В 1903 году Ульянов руководил прениями на происходившем за границей II съезде представителей социал-демократических организаций в России и за границей.

В 1907 году Ульянов присутствовал на 5-м общепартийном съезде социал-демократов, состоявшемся в Лондоне.

В октябре 1908 года Ульянов принимал участие на конференции Международного Социалистического Бюро в Брюсселе.

В 1908 году Ленин участвовал на пленарных заседаниях Центрального Комитета Российской Социал-демократической Рабочей партии, происходивших в августе того же года в Женеве, а в январе 1909 года нового стиля на общерусской конференции Социал-демократической Рабочей партии, происходившей в Париже.

Ныне Ульянов входит в состав редакции центрального органа партии «Социал-Демократ».

Приметы: рост 2 арш. 5'/2 вершков, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины».

В нашу задачу в настоящее время не входит останавливаться на биографических подробностях жизни В. И. Ленина. Но мы не можем не остановиться на тех черточках его биографии, которые связаны с арестами, тюрьмой и ссылкой.

Из приведенных выше документов видно, что В. И. Ленин неоднократно арестовывался и свыше четырнадцати месяцев провел в тюрьме. В ссылке (село Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии) он пробыл до 1909 года; после ссылки эмигрировал за границу, для того чтобы там начать работу по созданию партии рабочего класса.

Тюрьма и ссылка была для многих русских революционеров школой революции, не только закалявшей, но и воспитывавшей их, обогащавшей их знания той громадной работой, которую они проделывали над собою. В тюрьме и ссылке отстаивался тот революционный опыт, который, каплями собираясь у отдельных революционеров, конденсировался в невольных местах общения русских революционеров.

Будущий историк установит, что дала ссылка Ленину. Но уже теперь мы знаем, что его основной труд «Развитие капитализма в России»* связан с тюрьмой и ссылкой. Вынужденный досуг ссылки позволил Ленину осмыслить процессы хозяйственного развития России и найти ответы на те мучительные вопросы, которые ставились тогда перед русскими революционерами.

Ленин не только понял неизбежность развития капитализма в России, но и блестяще обосновал это в своей книге, использовав

все имевшиеся тогда статистические данные. Анализируя крестьянское прошлое России, Ленин пришел к выводу, что дальнейшее развитие России лежит не вне капитализма, а на путях его развития.

Ленин и эпигоны народничества

Ленин, воспитавшийся на героическом прошлом русского народничества, умел уважать подлинно революционную борьбу этого периода, но он жестоко боролся с эпигонами народничества, которые подменили подлинно революционную борьбу революционной фразеологией и путаными теориями об особых путях России в развитии мирового рабочего движения.

Блестяще доказав неизбежность капиталистического развития России, молодой Ленин четко определил те исторические задачи, которые стоят перед отдельными классами России. Вместо тумана народнических внеклассовых теорий и беспомощного лепета «легальных марксистов», Ленин уже в 1894 году, в брошюре «Что такое «друзья народа…», устанавливает, что «русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России». Дальше, в этой же брошюре, Ленин пишет: «Когда передовые представители его (рабочего класса. — *Авт.)* усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран)** *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **победоносной коммунистической революции».**

Вряд ли нужно говорить, что эти слова, написанные в 1894 году, оказались пророчеством нашего времени, когда Ленин осуществил многое из того, о чем говорил и писал Ульянов.

Роль рабочего класса в истории русского революционного движения — это альфа и омега деятельности и учения Ленина. В этом — и основной пункт борьбы Ленина с его противниками, которые не верили в будущее рабочего класса в России, считая это надуманными и малопригодными для русской действительности теориями.

Всякая мысль о самостоятельной рабочей партии в России представляет собою продукт переноса чужих идей на нашу почву.

Рабочий класс России не дорос до самостоятельной политической борьбы. Вот примерно те аргументы, которые приходилось парировать Ленину в борьбе с противниками.

И наоборот. Эпигоны народничества все свое внимание сосредоточивали на русском крестьянстве, пытаясь противопоставить его рабочему классу. Сейчас уже нет надобности ломать копья для доказательства, что крестьянство не могло быть самостоятельным в революции:

предсказание Ленина, что во главе революции будет стоять рабочий класс, оправдалось полностью.

Русское крестьянство оказалось союзником рабочего класса. Отсюда — союз серпа и молота, так прекрасно символизирующий ту сумму сил, которая определила победу Октябрьской революции. Жизнь решила спор Ленина с эпигонами народничества в пользу учения Ленина.

Ленин, по удачному выражению Л. Троцкого, понял, что «молодой русский пролетариат мог совершить то, что совершает, только рванув за собою, на своих корнях, тяжелую глыбу крестьянства».

Это понимание сделало Ленина вождем русской революции.

Ленин и партия рабочего класса

«Революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» — так характеризовал Ленина, встретясь с ним за границей в 1895 году, один из основателей «Группы освобождения труда» П. Аксельрод.

Неудивительно, что этот революционер, счастливо соединяющий в себе теоретика и практика, ставил перед собой практическую задачу организации партии рабочего класса, которая смогла бы реализовать идею революционной борьбы в России.

Как организатор, Ленин выступает очень рано. Уже в 1893 году он стоит во главе самарской группы марксистов, в состав которой входят А. П. Скляренко (Попов) и И. Х. Лалаянц. Осенью 1893 года Ленин переезжает в Петроград и здесь вступает в кружок пропагандистов социал-демократов, где работает вместе с П. Старковым и Запорожцем. Наконец, по возвращении из-за границы в 1895 году, Ленин, вместе с Кржижановским, Старковым, Ванеевым, Мартовым и другими, организует «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и подготовляет издание нелегальной рабочей газеты «Рабочее дело».

Арест, а затем ссылка в Сибирь прерывают организационную работу Ленина. Только после ссылки, в 1900 году, Ленин, за границей, вновь принимается за организационную работу, вместе с Плехановым, Аксельродом, В. Засулич, Мартовым и Потресовым. Создается революционно-марксистская газета «Искра», которой суждено было сыграть огромнейшую роль в деле кристаллизации социал-демократической мысли.

Выше мы говорили об эпигонах народничества и борьбе с ними Ленина. Не менее решительную борьбу вел Ленин с оппортунизмом «экономистов», которые на первый план выдвигали экономическую борьбу рабочего класса и недоверчиво-отрицательно относились к политической борьбе русских рабочих с самодержавием. «Экономизм» как течение в революционном рабочем движении был изжит в значительной мере благодаря беспощадной критике Ленина.

Дальнейшим этапом борьбы Ленина за партию рабочего класса России была борьба с меньшевизмом. В этой борьбе Ленин был ожесточен и непримирим. Держа курс на создание революционной партии рабочего класса, Ленин отвергал расплывчатые демократические формулы части русских социал-демократов, которые принижали классовое превосходство рабочих. Ленин спорил о профессиональных революционерах, о необходимости подготовки восстания, о временном революционном правительстве, о диктатуре пролетариата и крестьянства.

Первый съезд РСДРП происходил в 1898 году в Минске. На нем Ленин не участвовал. Второй съезд состоялся в 1903 году. Именно на этом съезде наметилось расхождение между большевиками и меньшевиками, которое позднее закончилось расколом партии. За границей в ЦК Ленин оказался в меньшинстве. Однако боевая натура Ленина не желала примириться с таким положением, и он повел широкую агитацию за созыв третьего съезда. Этот съезд встретил сочувствие у большинства организаций, работающих в России, и дал большевикам большинство.

Революция 1905 года еще больше укрепляет Ленина в правильности развертывания последовательных лозунгов революционного марксизма. Он приезжает в Россию, страстно призывая рабочий класс к подготовке вооруженного восстания. Однако волна первой русской революции спадает, и Ленин вновь оказывается за границей, откуда продолжает руководить революционным движением в России.

Последующие годы, вплоть до Октябрьской революции 1917 года, — годы непрерывной борьбы Ленина за партию рабочего

класса, революционную и крепко спаянную дисциплиной партию.

Ленин создал такую партию. Это — Российская Коммунистическая партия, которая не только совершила Октябрьскую революцию, не только отстояла ее завоевания, но, опираясь на союз с крестьянством, идет сейчас по трудной дороге восстановления экономики нашей страны и радикального переустройства бывшей царской России в Союз Советских Социалистических Республик.

Ленин — творец пролетарского государства

Союз Советских Социалистических Республик — величайший памятник, созданный Лениным в процессе русской пролетарской революции. Ленин нашел в нем форму того государственного устройства, которое соответствует государственным стремлениям рабочего класса, идущего к социализму.

Союз ССР — бескрайняя форма общественного сотрудничества трудящихся классов, координирующих свои усилия в общей борьбе. Вместе с тем это форма государственного строительства, разрешающего национальный вопрос — проклятый вопрос современного капиталистического мира, который, играя на национальных противоречиях отдельных народов, сталкивает их лбами для взаимной борьбы.

Когда Ленин боролся за идею пролетарской революции, противопоставляя ее меньшевистской теории буржуазной революции, он боролся за гегемонию пролетариата в революции. Когда Ленин от имени русского рабочего класса и по его полномочию брал власть в свои рукя для того, чтобы создать Советское государство, он ставил перед собою четкую и ясную задачу переустройства бывшей Российской империи в государство рабочих и крестьян, в котором на первом плане интересы труда и трудящихся.

Крылатый лозунг Ленина «Пусть каждая кухарка учится управлять государством» — это формула передачи государственной власти в руки нового класса. Сто лет назад Французская революция передала государственную власть из рук феодалов в руки нового класса— буржуазии. Октябрьская революция передает государственную власть из рук буржуазии рабочему классу.

Советы — это новый тип государственной стройки, которая обеспечивает власть за трудящимися. В этом секрет признания трудящимися всего мира советской системы формой будущего государственного строительства. В этом секрет той борьбы,

которая ведется трудящимися всего земного шара за советскую систему, которая противопоставляется формам капиталистической государственной организации — парламентаризму.

Еще совсем недавно самой смелой мыслью, определявшей будущее земного шара, было: «Соединенные Штаты Мира», ибо казалось, что демократия капиталистической Америки нашла последнее слово государственного строительства будущего. Верно. Это было последнее слово, но только капиталистического мира. Новый мир, идущий на сиену капитализму, нашел свою формулу будущей государственной стройки в Союзе Советских Социалистических Республик.

Имя Ленина неразрывно будет связано с этой новой формой государственного строительства завтрашнего дня.

Ленинизм

Троцкий в своей статье «Ленина нет…» поставил вопрос:

«Как пойдем вперед?» Ответил: «С фонарем ленинизма в руках».

В чем сущность ленинизма?

Ленин не был начетчиком Маркса, он был революционером-марксистом, который умел применять основные принципы марксизма к действительности, к конкретной (обстановке.

Основные моменты ленинизма — это:

беспощадная борьба с оппортунизмом и соглашательством;

оценка исторической роли союза рабочего класса и крестьянства в борьбе за социализм;

оценка исторической роли угнетенного Востока в деле мировой борьбы за освобождение человечества.

Исходя из классового понимания всей истории человечества, Ленин сумел определить роль рабочего класса в практической борьбе за социализм, а, наряду с этим, поставить на свое место все действующие армии великой мировой борьбы трудящихся с капиталом.

Ленин выиграл сражение на русском участке, которым он непосредственно руководил. Мировая борьба с капиталом продолжается. Впереди еще много очень жарких схваток, и трудящимся всех стран отнюдь далеко не безразличны опыт русской борьбы, стратегия и тактика Ленина.

«Помните, что величайшее искусство полководца — уметь отступать и наступать вовремя», — говорил Ленин. Он умел это делать. Это сделало его великим полководцем пролетарской

революции.

После смерти Ленина Каутский, признавая Ленина колоссальной фигурой мировой истории, вместе с тем склонен утверждать, что Ленин был силен как вождь русского пролетариата, «ибо его политика была целиком приспособлена к физиономии России, а по отношению к заграница покоилась на ожидании мировой революции; а это, — говорит Каутский, — с самого начала должно было для каждого знающего Европу явиться иллюзией».

Основная ошибка Каутского заключается в неправильной оценке роли русской пролетарской революции. Русский опыт пролетарской революции — больше исходная мировой революции, чем ее частность, деталь. Фразеология русской революции могла допускать надежды на быструю европейскую революцию, но сущность пролетарской революции в России заключалась в том, чтобы показать трудящимся всего мира возможность пролетарской революции при помощи умелой тактики соединения рабочего класса и крестьянства на поле революционной битвы.

Союз ССР стал маяком социально-революционных надежд для трудящихся всего мира. Коммунистический Интернационал родился из огня борьбы и побед рабочего класса Советской России. И если говорить о роли русской революции, то нужно сказать прямо: русский рабочий класс под руководством Ленина сделал величайший опыт пролетарской революции, который оказался удачным и открыл широкие перспективы рабочему классу всего мира.

В этом заключается основной смысл величия Ленина как исторической фигуры. В этом же смысл и содержание ленинизма, с фонарем которого трудящиеся всего мира пойдут вперед — по дороге, ведущей к социализму.

Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1924. № 2

А. ГРАМШИ
ИЗ СТАТЬИ «ДАНЬ ИСТОРИИ»

Ленин, по свидетельству всех, кто с ним когда-либо сталкивался, показал себя величайшим государственным деятелем современной Европы, человеком, пользующимся безграничным влиянием в массах, зажигающим в народах энтузиазм, пробуждающим в них чувство сознательной дисциплины; человеком, который благодаря своему могучему уму способен повести за собой все мировые социальные силы, могущие быть использованными на благо революции; человеком, легко распознающим и парализующим самые изощренные козни буржуазных государственных деятелей.

Грамши А. Избранные произведения. В 3 т. М… 1957. Т. I. С. 24

А. М. КОЛЛОНТАЙ
КТО БЫЛ ЛЕНИН?

Диктатор — определяет буржуазная молва. Истинный коммунист — отвечает голое мирового пролетариата.

Диктатор тот, кто своей воле, своему я, своим устремлениям подчиняет волю масс. Истинный коммунист тот, кто умеет в своих мыслях и поступках отражать и проводить эту волю.

Ленин — собиратель мыслей и проводник воли масс. Личность его неотделима от дела рабочего класса, мысли **его**—от дум пролетариата, деяния его — от воли трудящихся. Вот почему Ленин истинный коммунист, и вот почему молва мирового пролетариата зовет его не только вождем, но и товарищем.

У *великой могилы. М., 1924. С. 687*

В. В. КОСИОР
МАРКС И ЛЕНИН

Два гениальных имени — Маркс и Ленин — определили ход политической истории второй половины XIX и начала XX века.

Великий теоретик, экономист, историк, философ Маркс был в то же время и крупным политическим вождем. В начале XIX столетия рабочий класс еще вырастал из недр буржуазного общества, еще складывался и формировался как класс, революционная миссия которого была впереди. Своим гениальным умом и ясновидящим взором Маркс формирует идеологию рабочего класса, строит его первые политические организации. На рубеже новой эпохи Маркс не останавливается на уже достигнутых завоеваниях буржуазной мысли. Из немецкой классической философии, английской политической экономии, на политической истории Франции и развитии капитализма в Англии Маркс строит железный фундамент новой теории борющегося за свое освобождение рабочего класса. Гениальной диалектикой он вскрывает движение буржуазного общества и своей могучей мыслью освещает недоступные человеческому знанию самые темные уголки общественной жизни. Скрытые рычаги истории становятся явными, сознательное человечество — головою выше, социалистическая утопия превращается в науку. Первая и вторая половина XIX столетия. Первые бои и стычки рабочего класса, которыми руководит Маркс. На примерах буржуазных революций Франции и Германии, острым анализом их он вскрывает в речах и брошюрах роль различных классов, намечает роль пролетариата в буржуазных революциях, предупреждая об изменах, которые ждут нас не только со стороны врагов, но и со стороны мнимых друзей рабочего класса. Часто оставаясь одиноким, в беспрерывной нужде, гонимый правительствами всего мира, Маркс вместе со своим другом Энгельсом открывают сознательную, научную историю рабочего движения. И когда в 1883 году сошел в могилу гигантский ум и перестала работать ясновидящая голова гения, группа близких друзей собралась на могиле Маркса. Миллионы пролетариев, взоры которых в наши дни обращены к центру мировой революции, где лежит и будет сохранено тело другого величайшего мыслителя и друга угнетенных масс, тогда еще не просыпались к сознательной революционной жизни. Лишь группа друзей с Фридрихом Энгельсом чувствовали и понимали огромную потерю человечества со смертью Маркса: человечество

стало головою ниже, перестал мыслить величайший мыслитель современности. Мы не можем измерить того, что потеряли в его лице борющийся европейский и американский пролетариат и историческая наука. Очень скоро почувствуется пробел, оставшийся со смертью этого великана. Этими словами провожал в могилу своего друга Энгельс 17 марта 1883 года.

Но в это же время в глухом симбирском городке рос другой гений и вождь рабочего класса, взявший в начале XX века всю мировую историю в свои могучие руки.

Владимир Ильич унаследовал все гениальные стороны великого учения Маркса, но он не был, подобно другим, пустым догматиком, схоластом, начетчиком Маркса. Он не любил буквоедов марксизма и всю свою жизнь боролся с людьми, которые, зная наизусть всю формальную сторону учения великого теоретика, носились со схемами, без всякого анализа времени и места. Как и Маркс, Ленин был великим диалектиком и сторонником исторического материализма, но в этих завоеваниях революционной мысли он видел лишь постоянное орудие, как двигать и изменять историю. Пустые формулы его не занимали. Он знал не только, что все изменяется, что все являющееся несет в самом своем зарождении скрытое в себе до поры до времени противоречие, но он умел этот великий закон прикладывать к каждому своеобразному явлению действительности и находить эти противоречия и неизбежные изменения раньше, чем они становились явными и доступными простому глазу человека. Поэтому, великий учитель и теоретик, он всегда слушал жизнь, всегда стоял на земле и чутким ухом ловил малейшие факты, которые давали ему материал для великой работы его мысли.

Кто из великих людей больше, чем Владимир Ильич, был связан с жизнью рабочего и крестьянина? Кто больше, чем он, лишь по одному разговору с простым незатейливым человеком от станка или плуга умел безошибочно судить о глубоких процессах, происходящих в жизни далекой деревни, фабрики или завода? Великое завоевание революционной мысли, диалектику великого учителя Владимир Ильич приложил к великому делу освобождения трудящихся, он умел этим путем изменять жизнь, делать ее более справедливой для всех. В этом неоценимая заслуга великого Владимира Ильича.

Маркс открыл простую, но до него скрытую истину: люди прежде всего должны пить, есть, жить, одеваться и лишь после того могут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. п. * Эта простая истина Маркса легла в основу всей жизни и деятельности Владимира Ильича. Его могучее сердце с малых лет, еще учеником гимназии, подсказало ему, что миллионы людей по

не зависящему от их воли ходу истории должны жить для других, «для избранных баловней жизни». И Владимир Ильич становится великим революционером, для того чтобы освободить человечество от этой вековой исторической несправедливости. Наука, химия, электричество, завоевания прогресса — ничто, раз большинство человечества не может удовлетворять своего голода, должно в рабстве работать на других. И миллионы трудящихся, лишенные света и пищи, находят отныне воплощение своих надежд в гении Владимира Ильича. Впитавши в себя все чаяния, все надежды миллионов трудящихся, их горе и жажду свободы, Владимир Ильич становится непобедимым титаном революции. Его голосом говорят, его волей действуют миллионы тружеников, для которых он — вождь и их собственное воплощение. История должна повернуть свое направление, и нет силы, нет ничего «святого», что могло бы остановить волю Владимира Ильича, двигаемую миллионами тружеников на разрушение старого мира и постройку новой, свободной, коммунистической жизни.

Владимир Ильич понятен, прост, доступен любой крестьянке, любому бедняку рабочему, откуда и из какой страны он ни пришел бы. Владимир Ильич прост потому, что своими гениальными устами говорит о простых, для всех насущных вещах, о том, что люди раньше всего должны пить, есть, одеваться и жить и что мир, который не дает этого большинству человечества, надо разрушить. Владимир Ильич развенчивает буржуазную науку, сводит ее с высокого пьедестала на простую грешную землю и все подлинные завоевания теории, философии, техники применяет и заставляет служить одной великой и в то же время простой задаче — освободить угнетенную часть человечества от ига материального рабства. И в этой простоте убедительности гениальность и бессмертие Владимира Ильича Ленина.

Вождь рабочего класса, Владимир Ильич презрительно пожимает плечами и негодует по адресу тех, кто высокомерно, снизу вверх, смотрит на повседневные нужды рабочего движения. Он беспощадно разоблачает фразу. Сам он весь в гуще повседневных вопросов. Но нет ни одного момента в этой великой жизни, когда бы повседневные нужды скрывали перед его зоркими глазами общие перспективы и когда бы будничную работу он не связывал с задачами революции, с общим освобождением рабочего класса. Всегда практик, сам — первый, сознательнейший выразитель настроения масс, Владимир Ильич «оппортунист», всегда остается великим революционером. Роль и задачи класса он видит всегда на десяток лет вперед, он верной и твердой рукой через скалы и подводные мели ведет пролетарский

корабль к его заветной цели. Все гениальное просто, и Владимир Ильич — воплощение этой гениальности и простоты.

Владимир Ильич… но разве можно в журнальной статье или газетной заметке рассказать одному человеку о том, что такое Владимир Ильич? Как миллионная масса, вечно изменчивая, вечно новая, бурлящая в своих высоких и будничных порывах, как морской океан, меняющий на тысячеверстном пути свои направления, свой вид и форму, Владимир Ильич скрыт от взоров отдельного ограниченного человека, Владимир Ильич — воплощение лучших сил природы и своего класса, может быть воспроизведен лишь коллективным умом и чувством тех, счастью которых он отдал всю свою дорогую жизнь.

Маркс и Ленин — эти два имени не умрут до тех пор, пока будет жить человечество. Маркс и Ленин — это две эпохи в истории человечества, в истории рабочего движения. Маркс без Ленина и Ленин без Маркса немыслимы, как гениальная наука без революции в жизни. Ленин — это практическое воплощение марксизма, это его испытание, утверждение и победа в жизни!

И сегодня серая земля примет в свои объятия это дорогое нам тело. Глухая крышка гроба крепко закроет навсегда от нас дорогого учителя, и миллионы людей осиротелые останутся завтра без своего вождя, без любимого Владимира Ильича Ленина.

Воистину «смерть — несчастье не для того, кто умирает, а кто остается в живых».

Чувство острой скорби пронизывает сердца всех пролетариев и угнетенных, потерявших своего друга и учителя. А к этому чувству присоединяется горькое созна-яие: миллионы людей все еще беспомощны перед глухой, не знающей смысла, темной силой, по своим диким законам прекратившей жизнь тов. Ленина. Еще одна великая жертва, которую приносит человечество, борющееся с темными силами истории и природы!

Еще нет свободы! Мы еще окружены миллионами враждебных пролетариату и первой пролетарской революции сил. Пролетарии — ученики Ленина. Сомкните теснее свои ряды, чтобы не дать разрушить того великого дела, которое начато нашим учителем, Владимиром Ильичей Лениным!

Пролетарии! Мы пойдем железными, несокрушимыми рядами по стопам нашего вождя, мы добьемся той свободы, ради которой жил, боролся и умер великий человек, гениальный вождь и учитель Владимир Ильич Ленин!

У великой могилы. №.. 1924. С. 34—312

Ю. ЛАРИН
ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Мастерство маневра, искусство сочетания, дар пролагающего пути обобщения свойственны ему в хозяйстве, как и в политике. Налицо чрезвычайная пестрота хозяйственного уклада нашей страны — раздробленная пыль полунатуральных крестьянских хозяйств, громады соединенных в одно государственное целое заводов, кочевой быт миллионов доставляющих скот и кожи киргизов, примитивная торговля с лотка и мощная сеть радиостанций. Задача заключалась в том, чтобы весь этот пестрый поток направить в одно русло — в русло роста и укрепления предпосылок социалистического хозяйства, в русло социалистического строительства.

Отношения и связи разных форм хозяйственного уклада надо было при этом так подгонять друг к другу, чтобы объективные предпосылки социализма нарастали без коренного разрыва между основными материальными (а следовательно, и политическими) интересами тех трудящихся классов, каждый из которых воплощал одну какую-либо сторону производственного процесса (рабочие и крестьяне). Мастерство маневра в том и заключалось, чтобы не только идти при этом вперед, преодолевая все частичные неуспехи и неудачи, но и в том, чтобы и самое искусство хозяйственно-политического маневрирования осуществлять при полном соблюдении принципиальной пролетарской линии.

В этом отношении Владимир Ильич был непреклонен. Приведу один острый момент. После Брестского мира Россия должна была заключить с Германией (тогдашней могущественной Германией Вильгельма II) договор об экономических взаимоотношениях. Нашим послом в Берлине был Иоффе, и для участия в переговорах были, летом 1918 г., дополнительно посланы из Москвы Бухарин, Ларин и Сокольников. Когда мы заявили немцам о намерении национализировать всю промышленность, в том числе и принадлежащую иностранным подданным, германское правительство поставило категорическое требование не делать этого, угрожая разрывом и желая иметь ответ до 1 июля. Дело происходило уже в двадцатых числах июня, и всякому понятно было, что вильгельмовская Германия может подкрепить свой протест военным вмешательством — все стояло на карте.

Владимир Ильич не колебался ни минуты. Он отдал распоряжение немедленно составить и издать, вопреки немцам, декрет о национализации всей промышленности. Так и появился на свет декрет 28 июня 1918 г. о конфискации всех фабрик, заводов, горных промыслов, железных дорог и т. д. Правительство Вильгельма II получило ответ до 1 июля, но обратный тому, какого хотело. Мы могли в Бресте подписать мир с уступкой нескольких губерний — тут был маневр, уступка территории без уступки души, для выигрыша времени и накопления сил. Но мы не могли отказаться от программы национализации промышленности, ибо это подрывало бы принципиальный смысл пролетарской диктатуры — и тут все должно было быть поставлено на карту. Позже, из воспоминаний Людендорфа (начальника германского штаба), стало известно, что военачальники Вильгельма II действительно приступили затем к формированию особой армии против Советской России и только изменение положения самой Германии избавило нас от новой войны с нею.

Соединение искусства маневра с выдержанной принципиальностью и дар сочетания разнородных элементов в соподчинении одному основному потоку — вот характерные черты, того хозяйственного строительства пролетариата, которому учил нас своим образцом и примером Владимир Ильич. Дело его не было бы сделано и наполовину, если бы он унес свой метод с собой. Но он сделал для партии нечто большее — он сделал *школу:* понимание его метода вошло в плоть и кровь партии, теперь у нас уже невозможны такие споры, как были перед Брестом, — и опыт введения нэпа достаточно ярко это подчеркнул. Наша партия является поэтому одновременно и наиболее выдержанно принципиальной и наиболее жизненно гибкой из всех рабочих партий Европы при развитии одновременно такого искусства властвовать в самых неблагоприятных условиях, какому может позавидовать даже любая из классовых партий старой буржуазии, существующей столетия.

Школой хозяйственной политики рабочего класса в этом смысле, школой, через которую в личном общении с ним проходили сотни и тысячи людей, этой школой и служила прежде всего та ежедневная, непрерывная, напряженная личная «будничная» работа, какая и истощила его силы. Многие тысячи не только средних, но и мелких и мельчайших вопросов прошли через него за те годы, когда он — впервые во всемирной истории — должен был создавать *искусство пролетарского управления хозяйством,* притом в такой стране, как наша. Эту школу, эту

хозяйственную выучку прошла под его руководством наша партия, унаследовала от него — ив этом ее сила.

Никому ие дано равняться с мозгом, подобные которому рождаются только в цепи веков. Но те тысячи людей, которые на личном обсуждении Ленина с ними их отдельных, часто мелких текущих хозяйственных вопросов учились его подходу к делу, его методу постановки вопросов, его способу разрешения, — те впитывали в себя, те уносили с собой мысль и о методе принципиального маневра, и о тактике искусства сочетания. Так щедрой отдачей сил и нервов его мозга, в ряде лет неустанной работы создавалась и выковывалась *ленинская шкала хозяйственного строительства…*

У великой могилы. М., 1924. С. 117

КАК УЧИЛ ЛЕНИН

Чему он учил — широко известно по его речам и статьям, книгам и ученым трудам. Менее известно, *как* он учил — учил науке *управлять*.

До Октябрьской революции у пролетариата и его партии не было опыта в управлении государством. «Культуру пролетарского управления», если можно так выразиться, приходилось создавать заново. Он и был ее создателем и непосредственным воспитателем ее носителей — того обширного слоя передовых рабочих и членов партии, которым пришлось на практике осуществлять под его руководством государственное строительство.

Помимо хорошо известных объективных условий — диктатура пролетариата в стране с мелкобуржуазным большинством населения, обнищание и трудность политического положения — дело крайне усложнялось еще двумя особенностями того субъективного людского материала, какой он имел в виде членов партии для оформления победившего класса в государство. Этот людской материал, этих несколько тысяч человек и приходилось ему учить искусству управления. Конечно, государственной властью овладел пролетариат *как* класс, эти тысячи людей выдвигались вперед тоже пролетариатом, который и в целом принимал участие в различных проявлениях государственного строительства. Но учить-то *руководству* управлением приходилось раньше всего этих выдвинутых партией пролетариата людей, чтобы вообще стало возможным сколько-нибудь прилаженное построение нового государства и даже самое удержание государственной власти.

В этом заключается историческое значение той работы по

воспитанию представителей нового класса как организаторов государства, какую выполнял Вл. Ильич в качестве «мастера государственного дела».

Помимо общего отпечатка условий времени и места (недостаточность культуры, тяготение к упрощенчеству и пр.) личный состав, находившийся в распоряжении мастера для обучения государственному делу. отличался еще, как сказано, двумя особо усложнявшими специальными чертами. Первая — разнородность *социального происхождения.* Вторая — разнородность *политического прошлого.*

По социальному происхождению, т. е. по принадлежности «от рождения» (или от начала сознательной жизни) к той или иной классовой группе, как известно, наша партия делится на три части. Около 45 проц. рабочих, около 25 проц. крестьян и около 30 проц. служащих и интеллигентных выходцев из мелкобуржуазных и среднебуржуазных слоев (до членов помещичьих семей включительно). Перерождаясь в партии в смысле стремления идти по одному классовому пролетарскому руслу, каждая из этих групп, подымаясь в государственное управление, все же обычно приносит с собой некоторый отпечаток, характерный для интеллектуального (умственного, духовного) бытия того класса, из которого она вышла.

Узкий практицизм крестьянина, недостаточно оплодотворенный принципиальной выдержкой; поверхностное наездничество мелкобуржуазного интеллигента, не побежденное еще острым чувством правды жизни; интуитивность поведения (действие по чутью), руководство только общим стихийным классовым инстинктом, без достаточно строгой продуманности *всей* обстановки, со стороны рабочего, не овладевшего еще мудростью *класса* как выразителя основных общих интересов движения, — все это сказывается, все это надо *на практике* научить преодолевать самих строителей нового государства, чтобы из строительства выходил какой-нибудь толк (точнее, чтобы выходил тот толк, какой требуется).

В свою очередь по своему *политическому прошлому* те несколько тысяч человек, какие составляют у нас совокупность центральных и местных ответственных коммунистов (президиумы губкомов, губисполкомов, губпрофсоветов, члены коллегий наркоматов, ВЦИК, центр. комитетов профсоюзов и прочие главные военные, партийные, советские и профсоюзные работники), делятся на три части. По изданным ЦК РКП «Итогам партработы за 1922–1923 гг.» таких работников имеется всего свыше пяти тысяч. Политическое прошлое их таково:

1) были до Февральской революции 1917 г. большевиками 25

проц. общего числа; 2) были членами других политических партий 28 проц. общего числа — главным образом, меньшевиками (на две трети); 3) приняли участие в политической жизни вступлением в партию только после Февральской 1917 г. революции 47 проц. — притом наибольшая часть из них даже только после создания Советской власти.

Пестрота политического происхождения активной партийной верхушки, тех пяти тысяч человек, каких пролетариат поставил во главе всех своих органов, — эта пестрота усложняла «государственно-воспитательную» задачу Вл. Ильича довольно существенно. Старая (дореволюционная, подпольная) большевистская партия, побеждая, впитала в себя действительно имевшие корни в пролетариате живые элементы других дореволюционных, подпольных партий.

Отчасти задача вести курс на органическое слияние всех этих элементов, жизненно необходимый при такой структуре партийного скелета, облегчалась, правда, наличностью общих революционных традиций; по «Итогам партработы» бывшие меньшевики и др. влились в партию еще до Октябрьской революции (преимущественно в трудные для партии «послеиюльские дни»). Но все же наличность такой пестроты политического происхождения надо взвесить, чтобы оценить то мастерство, с каким Вл. Ильич столь разнородный материал, как, например, старых подпольщиков и новых в революции людей, вообще приобщившихся к политической жизни лишь после революции, — умел превращать в один цемент для скрепления здания нового государственного строительства.

Это требовало тонкой, «филигранной» работы прямо индивидуального характера. У нас много иногда удивлялись, как это такую массу времени и сил, иногда большую часть дня, Вл. Ильич отдавал бесчисленным мелким текущим будничным делам. Вермишель законодательная и вермишель практическая действительно не сходили у него с политического стола. Но именно таким путем, в личном общении с сотнями и тысячами индивидуально проходивших пред ним при этом товарищей, Вл. Ильич выковывал из наличного партийного авангарда необходимый рабочему классу людской материал для государственного строительства.

Каждый являвшийся к нему, таким образом, со своим отдельным, часто маленьким «вермишельным» вопросом уходил обогащенный уменьем подходить к делу. Несколькими фразами он сразу научал человека находить сложность в простоте и простоту в сложности. Научал подходить к факту с жизненной правдой, то есть в основных «узлах» его связи с другими

явлениями и без «растеканья мыслью по древу», из-за мелочей не замечающего главное и в самой мелочи не выделяющего типичное. Трезвость без увлечений и беспринципности, холодная голова с горячим сердцем за ней, вкладыванье в дело пламенной страсти самым характером работы без всякой «внешности», учет социальных корней всякого дела («идиот, кто верит на слово»), искоренение узости и однобокости в подходе и дилетантской и ведомственной («спецовской»), — словом, человек уходил от него, на примере своего маленького дела начиная понимать *искусство маневра*—этот метод и ключ к управлению государством в наших условиях при наличности твердого принципиального стержня и критерия.

Человек внутренне рос общением с ним — рос именно для работы, необычайно *усложненной* тем обстоятельством, что диктатуру *пролетариата* приходилось осуществлять в стране с *мелкобуржуазным* большинством населения на основе *согласия с* последним. Между тем дореволюционная история приучила нас преимущественно к «прямым» и отнюдь не «маневренным» действиям. При таких условиях задача соответственного «государственного перевоспитания» партийного авангарда была обязательным условием сохранения пролетарской диктатуры и осуществления в дальнейшем всех связанных с нею задач.

Ленин занимался, много занимался «мелочами», потому что только таким путем он и мог индивидуально обрабатывать и перерабатывать каждого соответственного работника, на его собственном деле уча его искусству управления. Он не хуже других понимал, что эта «вермишель» отнимает, подтачивает его силы, но он прекрасно понимал и громадное историческое значение работы по созданию таким путем необходимого для удержания пролетарской власти людского государственного кадра.

Вот почему Ленин занимался «мелочами», вот почему отдавал на них столько сил, вот почему на советы бросить «вермишель» отвечал только той милой лукавой усмешкой, какую не забудет никто, кто хоть раз ее видал.

У *великой могили. М., 1924. С. 156–151*

М. Н.ПОКРОВСКИЙ
ЛЕНИН КАК ТИП РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЖДЯ
(Из лекции на курсах секретарей укомов)

Товарищи!..

…Я думаю, что я вам нового ничего не сумею рассказать по этому поводу. Я хочу остановиться на двух вопросах, которых, по-моему, не касались до сих пор ни в статьях, ни в речах, хотя прочесть все статьи, появившиеся о Вл. Ильиче за последнее время, — задача абсолютно неразрешимая. Не исключено, что, может быть, были статьи и на ту тему, о которой я хочу говорить. А затем, хотя тов. Зиновьев очень неодобрительно отозвался о стремлении провести некоторые исторические параллели (тов. Зиновьев сказал в своей речи на съезде Советов, что «буржуазные писаки» подыскивают Ленину параллели в прошлом), по-моему, эти параллели все же интересны, потому что они рельефнее обрисовывают перед нами личность и значение Ильича. Так что и на этих параллелях позвольте остановиться. А говорить вообще о значении Ильича такому собранию, как ваше, совершенно не приходится. Старые партийные товарищи, вы великолепно знаете, какое значение имел Ленин в истории нашей партии.

Первый из вопросов, которых я хотел бы коснуться, звучит так: что именно сделало Ленина *вождем?* Мы, марксисты, не можем рассматривать личность, как творца истории. Для нас личность есть тот аппарат, через который история действует. Может быть, когда-нибудь эти аппараты будут создаваться искусственно, как мы теперь строим искусственно электрические аккумуляторы. Но пока этого нет. Пока эти аппараты, через которые действует история, эти аккумуляторы общественного процесса рождаются стихийно. И вот какие качества делают человека пригодным для роли вождя? На Ленине и на некоторых параллелях Ленина с другими политическими деятелями это, по-моему, вырисовывается с чрезвычайной яркостью.

Мне кажется, что основным качеством Ильича теперь, когда оглядываешься на прошлое, является его колоссальное политическое мужество. Политическое мужество, это не то что обычная храбрость. Среди революционеров масса храбрых людей, которые не боятся ни виселицы, ни веревки, ни каторги. Но эти люди боятся взять на свою ответственность большие политические решения. Характерная черта Ильича заключалась в

том, что он не боялся брать на свою ответственность политические решения какого угодно размера. Он не отступал в этом отношении ни перед каким риском, брал на свою ответственность шаги, от которых зависела участь не только его личности, не только его партии, но всей страны и до некоторой степени мировой революции. Это было до такой степени необыкновенное явление, что Ильич всегда все свои выступления начинал с очень маленькой кучкой, потому что находилось очень немного столь же дерзких людей, которые осмеливались за ним идти. Я вам напомню историю проповеди вооруженного восстания в 1904–1905 годах. Эта картина нам кажется сейчас грандиозной, когда мы знаем дальнейшее, но современным обывателям она казалась смешной. Человек в разорванном пиджаке, сидя в г. Женеве, объявил войну не на жизнь, а на смерть — кому? — российскому самодержавию, управляющему 120-миллионною страною, с сотнями тысяч шпиков и миллионом штыков. Он бросил этот вызов. Я помню, как к этому относилась буржуазная профессура. Там слово «товарищ» произносилось не иначе как с усмешкой. Это явный дурак. Человек, который идет за Лениным, — это один из тех дураков, которые думают, что в России можно устроить вооруженное восстание. Ленин не убоялся этих насмешек и вообще не убоялся грандиозности этой задачи, не убоялся и того, что это значило звать к пролитию крови и что кровь будет пролита. Несмотря на то что первая попытка не удалась, Ильич не пал духом. Много было людей, которые после декабря 1905 года впадали в истерику и говорили, что теперь Ленину ничего не осталось, как пустить себе пулю в лоб, — но он не пустил себе пулю в лоб. Первое не удалось — удастся второе, третье. Февраль 1917 года оправдал эту тактику Ленина, тактику призыва к вооруженному восстанию.

Это одна сторона. Но у него было политическое мужество и в другую сторону. Первая революция не удалась. Начался отлив. Начались споры о том, находимся ли мы перед маленькой паузой революции — точка зрения подавляющего большинства революционеров — или же перед длительным антрактом, когда нужно расположиться по-иному, снять с себя грим, революционные костюмы и перегримироваться по-новому? Ильич не сразу решил в пользу антракта, но после приблизительно годичных размышлений он пришел к заключению — не пауза, а длительный антракт. Надо перестраиваться по-мирному. И вот человек, который призывал к вооруженному восстанию, начинает призывать к чтению газеты «Россия», где печатались стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы *. Какой град насмешек вызвало это на Ленина — на этот раз не из

буржуазной, а из нашей среды! Кто над ним не издевался, кто не вешал на него собак? Человек размагнитился, в нем ничего от революционера не осталось. Надо отозвать фракцию, ликвидировать думскую фракцию, надо призывать немедленно к вооруженному восстанию. Я не буду называть имен, но я не могу забыть, как один товарищ, теперь с честью работающий в одной из союзных республик, выступал среди парижской эмиграции с речью о немедленном вооруженном восстании. По его мнению, для восстания все элементы налицо. Правда, матушка-революция немного прилегла отдохнуть, но она сейчас же встанет и опять все начнет полыхать, как прежде. Я не стану скрывать, что и я был из тех, которые так думали. Я зашел к Ильичу и имел с ним длительный разговор, часа два, — может быть, самый длительный из всех моих разговоров с ним. Я ему доказывал, что тот курс, который он берет, прямехонько ведет в болото реформизма и ревизионизма, что он толкает русских рабочих от революции к бернштейнианству. Ильич мне ответил, что русская история совершенно гарантировала русского рабочего от такого поворота. У нас, говорил он, классовые противоречия так остры, что можно не беспокоиться о том, что русский рабочий пойдет за реформистами. Он в то же самое время защищал легальную печать и думскую фракцию. Думу мы используем, говорил он. Я с ним не согласился и ушел в группу «Вперед», хотя не разделял взгляда названного мною товарища, что сейчас нужно делать вооруженное восстание, — но я думал, что пройдет 3–4 года, опять наступит революционная ситуация. Я имел в виду тогда уже ясно обрисовывавшуюся в перспективе войну, которая должна была выбить рабочее движение из «мирной колеи». Стоит ли перестраивать всю партию, стоит ли производить, выражаясь словами тов. Бухарина, грандиозную бузу, раскол партии, для того чтобы перестроиться на 3–4 года? Это операция, которая не окупит издержек. Что же оказалось? Фракция была использована именно во время войны чрезвычайно удачно. Легальная печать еще лучше была использована. Вы знаете, что «Правда» из Питера явилась инициатором забастовок в Харькове. Харьковские печатники забастовали после статей «Правды» о забастовке в других производствах в Харьковской губернии. В Харькове на месте они не могли связаться. Всякая организация была задушена. Из Питера «Правда» могла дирижировать, и очень удачно. Таким образом, и думская фракция, и газеты легальные были использованы наилучшим образом и, несомненно, сыграли огромную роль в том пролетарском движении, которое началось после Лены и закончилось, летом 1914 года, чем-то действительно напоминавшим революцию. Если бы не было

легальной печати и думской фракции, ничего этого не было бы достигнуто. Подпольные кружки этого добиться не смогли бы. Но он отнюдь не переоценивал «возможностей». В газетах мелькнуло воспоминание о том, как Ильич давал инструкции думской фракции, как он разговаривал с тов. Бадаевым. Бадаев пришел к Ильичу от думской фракции с вопросом, как **ему** говорить по поводу какого-то довольно сложного кадетского проекта. Ильич расхохотался и сказал (приблизительно): «Чего тебе слушаться, просто выйди на трибуну и обругай буржуев. Затем тебя и послали в Думу, чтобы там был слышен голос рабочего, а это ты предоставь литераторской группе при фракции, она все это разработает, а сам над этим головы не ломай. Это совершенно ненужно». Ильич правильно оценивал роль фракции. Он оценивал ее как известного рода рупор, через который рабочий класс мог говорить. Без этого рупора обойтись было нельзя. Но для того, чтобы сделать этот поворот к «думизму», Ильичу нужно было исключительное политическое мужество. Больше, чем для того, чтобы призвать к вооруженному восстанию. Его меньшевиком в глаза называли. Ему говорили: какая же теперь разница между вами и Мартовым? Разница, однако, как вы знаете, была…

Совершенно та же история повторилась с Брестским миром. Центральный Комитет все время официально вел на революционную войну. Нас в этом направлении воспитывали. В Бресте мне пришлось иметь чрезвычайно трогательный, почти трагический разговор с нашими военнопленными, которые меня спрашивали, скоро ли они смогут вернуться на родину. Я им сказал: «Товарищи, запаситесь терпением, — очень не скоро, потому что немцы ставят невозможные условия. Стать на колени перед немецким империализмом мы не можем. Мы будем воевать». Представьте, эти несчастные люди, которые протомились в плену уже очень долго, были со мною согласны. Они проводили меня возгласами: «Да, да, товарищ, не уступайте! Мы потерпим». Так что совершенно серьезно — не хочется употреблять эсеровского термина, — мы находились в «жертвенном» настроении. Мы знали, что в этой революционной борьбе большая часть из нас погибает. Мы не знали, что Ильич в это время внутри Центрального Комитета уже протестовал против революционной фразы и говорил, что войны вести не с чем и не для чего и что она, кроме разгрома Советской России, ни к чему не приведет. Поэтому для нас было как удар грома из ясного неба, что по инициативе Ильича ЦК принял немецкий ультиматум. Я помню, я был до такой степени возмущен, что у меня не хватило духу подойти к Ильичу в Екатерининском зале Таврического дворца и с ним поздороваться. Мне казалось, что

случилось морально ужасное до невероятных пределов. Этим объясняется тот факт, что известная часть откололась в группу левых коммунистов на той почве, что мы, стоя за осуществление лозунга, который мы фактически провозгласили, — потому что мы, подписав и заявив в Бресте, что мы войну прекращаем, но мира не заключаем, фактически пошли уже на революционную войну в случае немецкого нападения, — теперь, когда на нас напали, на это разбойничье нападение должны были отвечать. Мы спрашивали немецких офицеров в Бресте: возможно ли, что немцы пойдут на нас войною? Я помню ответ одного офицера: «Мы не разбойники». На это разбойничье нападение оставалось как будто одно — защищаться. Вдруг Ильич говорит: не защищаться, а сдаваться. Повторяю, для этого нужно было колоссальное политическое мужество, колоссальная уверенность в том, что иного выхода нет.

В Питере было огромное одушевление в то время среди рабочих. Целые заводы приходили записываться в Красную гвардию. Я приехал в Москву, стал выступать здесь перед рабочими собраниями и увидел, что настроение ниже на 50 %, что даже московский пролетариат не идет на революционную войну, а о крестьянстве и говорить нечего. Ясно, что воевать не с чем, даже независимо от того, правильна ли была дипломатическая линия Ильича, которую оправдала германская революция. Но, независимо от этого, нельзя было воевать, когда масса не хотела воевать. Ильич был глубочайшим образом в данном случае прав. Но в верхах партии настроение было такое, что нужно было иметь громадное политическое мужество, чтобы взять на себя ответственность, чтобы сказать среди общей атмосферы революционной войны: нет, надо заключить мир во что бы то ни стало.

Вот вам три образчика, которые, по-моему, иллюстрируют эту сторону Ленина. Попробуйте теперь сравнить с вождем большевиков вождей других партий. Возьмите эсеров. Люди, несомненно, храбрые. Мы их судили. Я выступал в качестве прокурора и могу сказать совершенно объективно, что они держались на процессе великолепно, хотя на 90 % им угрожал расстрел. Стали они у власти летом 1917 года. На их знамени было написано: «Социализация земли». Что же они сделали из социализации земли? Ничего не сделали. Они топтались перед этой проблемой, ссылаясь на то, что ужо-тка соберется Учредительное собрание, даст землю, но не умели придвинуть само Учредительное собрание ни на вершок и позволяли кадетам его всячески оттягивать. В конце концов перед самым октябрем принялись разгонять крестьянские комитеты, которые сами стали

брать землю. Что тут нужно было? Личное мужество? Оно было у эсеров в достаточной степени. Нужно было политическое мужество, и в гораздо меньшей степени, чем во время Брестского мира. Отнять землю у помещиков — это гораздо меньше, чем призыв к вооруженному восстанию в 1905 году. Достаточно было сказать — помещичьи земли конфискуются, переходят к крестьянам. Ничего подобного. Возьмите эсеровский проект Маслова, выпущенный в октябре. Он так средактирован, что помещики могли все свои земли сохранить, потому что на усадьбу оставалось достаточное количество земли, потребное для владельца, для семьи и всех работающих в усадьбе. Что же можно было взять? Ничего не возьмешь. Причем идут всякие оговорки: если хозяйство культурное, если заведены усовершенствования — тоже трогать нельзя. Что же оставалось для крестьян? Крестьянам, оказывается, перейдут земли, находящиеся в крестьянской аренде, то есть то, что предлагали кадеты. Это был проект Маслова, который не осуществился. Даже на этом настоять они не сумели. Вот вам параллель.

Возьмите лидера эсеров — Чернова. Он был циммервальдец, то есть сторонник мира, враг войны. Он стоял у власти, был министром — все время шла война. И он ни разу, — Керенский в своих статьях это ядовито подчеркивал, у нас, говорит, в министерстве было полное согласие, — ни разу Чернов не голосовал против войны, против наступления не голосовал, против смертной казни на фронте не голосовал, а циммервальдец был, и, должно быть, искренно. Я не имею основания думать, что Чернов — человек неискренний, что он обманывал публику, а на самом деле в душе был оборонец. Просто человек политически не мужественный, политически не храбрый и в вожди поэтому не годящийся.

Вот основное качество Ильича как вождя. Но конечно, этого одного мало. Тут приходится говорить о его качествах, дополняющих первое, которые вам известны и на которых мы долго останавливаться не будем. Это, во-первых, его колоссальная проницательность, которая под конец внушила мне некоторое суеверное чувство. Я с ним часто спорил по практическим вопросам, всякий раз садился в калошу, и, после того как эта операция повторилась раз семь, я перестал спорить и подчинялся Ильичу, даже когда логика говорила — не так нужно действовать, — но думал, он лучше понимает, он на три аршина в землю видит. Я не вижу. Эта его изумительная проницательность обнаруживалась неоднократно и рельефнее всего на факте, который вам всем известен, — в споре о первом параграфе Устава. Теперь мы понимаем, что тут шел вопрос о том, по какому

направлению пойдет партия, будет ли партия западноевропейского парламентского типа наподобие германской социал-демократии, или же это будет то совершенно своеобразное сочетание сил рабочих и интеллигенции, та совершенно своеобразная группировка, которая называется большевистской партией и которая является, как показал опыт, единственным средством реально провести коммунистическую революцию. Другого средства нет, потому что над проблемой организации такой партии бьется пролетариат всего мира. Теперь это нетрудно понять. А думаете, в 1903 году многие понимали, когда началась волосянка между меньшевиками и большевиками? Не только обыватели, даже мы, «молодые» партийцы, были скандализированы. Из-за чего ругаются — из-за редакции первого параграфа Устава! Обыватель зубоскалил — до чего узколобые люди — из-за трех слов как они поливают грязью друг друга! Какая отвратительная картина! А между тем тут действительно решался вопрос всей судьбы партии. Если бы по рецепту Мартова мы нагнали в партию интеллигенцию, всех профессоров и студентов, о которых мечтал Мартов, то партия превратилась бы в рыхлую, дряблую интеллигентскую организацию, которая никогда бы никакой революции не произвела. Курьезный факт, что Мартов потом это понял. И тот Мартов, который отстаивал свою редакцию первого параграфа Устава тем, что надо вводить профессоров и студентов, усмотрев на лондонском съезде 1907 года в большевистской делегации двух профессоров, напал на них и громко вопил о том, как губят партию эти два профессора (при этом подчинявшиеся вполне партийной дисциплине). Они не погубили партии, но все-таки не могу не сказать: одним из этих профессоров был Рожков, который теперь от нас ушел. Так что прогноз Ленина о значении профессоров оказался в значительной степени правильным.

Вот вам один образчик проницательности Ильича — первый параграф Устава.

Я еще могу вам привести его спор с Богдановым, где он открыл политическое зерно в массе шелухи, не имевшей, казалось бы, тени отношения к политике. Для этого нужна была проницательность. Когда начался спор Ильича с Богдановым по поводу эмпириомонизма, мы руками разводили и решили, что просто за границей от безделья Ленин немножко повихнулся. Момент критический. Революция идет на убыль. Стоит вопрос о какой-то крутой перемене тактики, а в это время Ильич погрузился в Национальную библиотеку, сидит там целыми днями и в результате пишет философскую книгу.

Зубоскальства было без конца. В конце концов Ильич

оказался прав. «Рабочая правда» (Имеется в виду нелегальная группа в РКП(б) «Рабочая правда», сложившаяся весной 1921 г. Члены группы критиковали в своих изданиях партию за бюрократизацию и отрыв руководящих верхов от рабочего класса. В декабре 1923 г. активные члены «Рабочей правды» и близкой к ней «Рабочей группы» были исключены из партии решением ЦКК. *Ред.)* налицо, хотя **сам** Богданов к ней неприкосновенен, но это не мешает тому, что она вышла из богдановщины. Старая платформа коллективистов написана так, что у них все богдановские идеи, так что и тут Ильич на три аршина видел и нос его чуял далеко, добирался до таких глубин, до которых никогда никому из нас добираться не приходилось.

Затем, во время самой революции, как он говорил о государственном капитализме в 1918 году («О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»), какой предсказывал нэп еще в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где есть ряд страниц о том, как из мелкого производства автоматически растет буржуазия и автоматически растет капитализм, — это все всем вам известно и на этом не стоит останавливаться. Все это более или менее помнят. Это второе качество, которое является неразрывным с первым качеством, потому что способность принимать большие решения она, в сущности говоря, была и у того, кого французские газеты, думая польстить Ильичу, с ним сравнивали, — у Наполеона. 18 брюмера, конечно, большое решение, и Ватерлоо тоже большое решение. У Наполеона эта особенность политического вождя была, но политического чутья у Наполеона не было, благодаря чему он провалился со всей своей системой. Он был великолепным идеальным военным организатором, и в этом смысле он был, вероятно, выше Ильича. Ильич не сумел бы сделать такую штуку, какую сделал Наполеон, когда он в 1815 году с голыми руками высадился во Франции, где не было ни армии, ни боевых запасов, и через три месяца, в тот век, когда не было ни телеграфов, ни железных дорог, стоял на границе с 200 000 штыков, и таких штыков, которые вдребезги разбили великолепную прусскую армию и едва не разбили англичан. Это был шедевр военного искусства. У Наполеона была большая политическая смелость и организаторский талант, но политического чутья не было. Он не понял, что начинает безнадежную игру, что он ее проиграет, и проиграл ее гораздо раньше, чем на это рассчитывал. Таким образом, одного этого качества мало. Нужна еще проницательность.

Товарищи, мне кажется, что этими основными чертами — огромным политическим мужеством, проницательностью и огромным чутьем исчерпываются в основном качества Вл. Ильича

как вождя. Я не буду говорить о его громадном теоретическом образовании, потому что это не столько качество самого Вл. Ильича, сколько необходимое качество всякого теперешнего вождя. Теперь нельзя быть вождем, в особенности пролетариата, с той слабой грамотностью, которую проявляли вожди предшествующих поколений. Тем нужен был только практический навык. Сейчас нельзя без теории. Сейчас всякая передовая статья в любой буржуазной газете есть теоретический трактат, и иногда марксистский трактат, хотя автор и не марксист. Об этом говорить не приходится. И вот эти качества выделяют Ильича не только из среды простых смертных, как великого вождя, но они выделяют его даже из среды вождей. Тут я хочу провести параллели, о которых говорил вначале. Параллели возможны только две. Что касается древнего мира, разных Периклов, Гракхов и Цезарей, то с Юлием Цезарем сравнивали Ильича белые. В одной белой газете было сравнение (после первого удара весной 1922 года), что смерть Ленина теперь имела бы то же значение, как смерть Юлия Цезаря в 43 году до Р. Хр. Я не буду делать этого сравнения, потому что древние— это литературные типы, а не живые лица. Мы, в сущности, подлинного о них ничего не знаем, потому что документов почти не сохранилось. Сохранилась история, в научном отношении немного превосходящая нашу «Историю» Карамзина, и на основании этого древнейшего Карамзина мы должны судить. Представьте себе, что у нас для царствования Ивана Грозного был бы только Карамзин. Много бы мы знали? Но есть два вождя нового времени, являющихся для нас подлинной исторической реальностью, это Кромвель и Робеспьер, с которыми Ильича невольно сравниваешь, потому что это были тоже два больших революционных вождя.

Сравнение с Робеспьером очень преувеличенно — для Робеспьера. О Робеспьере вы слыхали, так как курс истории Запада слушали. Робеспьер был, несомненно, большой революционный вождь, обладавший способностью принимать большие решения, обладавший в известной степени предусмотрительностью. Но на чем, собственно, он погиб, на чем сорвался? Вы знаете, конечно, что термидорский заговор не был непосредственно заговором правой буржуазии, в нем участвовали левые якобинцы, например участвовали Бильо Варенн и Колло д'Эрбуа, которые тогда были революционерами, и первый засвидетельствовал свое якобинство достойным образом. Бильо был сослан в Кайенну. Наполеон I его амнистировал. Он гордо это отверг и не согласился стать подданным Наполеона I, чтобы вернуться во Францию. На чем же Робеспьер попался? На том, что он наделал много ошибок, вначале безжалостно истребив

крайних левых типа Эбера и Шометта весною 1794 года, а затем окончательно себя добил злосчастным культом верховного существа, культом, который решительно никому не был нужен, кроме самого Робеспьера. После его падения ни один человек во Франции не интересовался этим культом верховного существа. Зато на всех левых якобинцев, учеников энциклопедистов XVIII века, эта религиозная реакция произвела самое отрицательное впечатление. Мы имеем ряд заявлений людей из этой среды, говоривших: «Поглядите, тут культ верховного существа, в Нотрдаме попы начинают служить обедню. Это форменная реакция»; и во главе этой реакции самодовольно идет Робеспьер, введя культ верховного существа, который никогда никому не был нужен. Сравните с Ильичем, который никогда никаких субъективных идей в историю не вколачивал, который всегда чутко прислушивался к тому, куда идет исторический процесс, и всегда, даже с огромным ущербом для личного самолюбия, ставил проблему так, как это нужно для исторического процесса в данный момент. Сравните Ильича во время Брестского мира — многие знают, как он субъективно к этому миру относился, — и сравните Робеспьера, который вколачивал культ верховного существа независимо от того, что никто им не интересовался, что это была его личная идея, которая отталкивала от него союзников. И если решительности у Робеспьера было не меньше, чем у Ильича, — думаю, что и ее было меньше, потому что, если бы ее было побольше, он, несомненно понимавший значение социализма в прежних рудиментарных формах, провел бы тот «аграрный закон», о котором он иногда говорил, и принял бы более решительные меры для защиты бедняков, о чем он также любил распространяться, — то в смысле предусмотрительности Робеспьер был неизмеримо ниже Ильича.

Наиболее популярным является сопоставление с Ильичом Кромвеля. Это сопоставление нашло себе отражение в литературе. Драма Луначарского пропитана этим сравнением. Что Луначарского привлекло? Конечно, то сочетание громадного государственного ума и необычайной внешней простоты, которые одинаково характеризуют как Кромвеля, так и Ильича. Мне приходилось на митингах рассказывать, как глава 120-миллионного государства жил в двух комнатах и водил свой секретариат в разорванных башмаках. Это была изумительная картина. Возьмите секретарей Пуанкаре, Кулиджа, — они, вероятно, даже не подозревают, что на свете есть разорванные башмаки. Это внешнее пуританство характерно чрезвычайно. Но это не существенное и не главное. Это очень симпатичное в Ильиче, но не это делало его вождем и не в этом его историческое

значение. Сходство с Кромвелем на этом и кончается — громадный государственный ум и громадная внешняя простота; простой человек, который живет, как все люди, и который в то же время ворочает судьбами миллионов. Надо брать с политической стороны, а с политической стороны что такое Кромвель? Солдат и мистик. В чем его главное дело в английской революции? Главное дело Кромвеля в английской революции сводилось к тому, что он сформировал парламентскую тяжелую кавалерию, знаменитых «железнобоких». Это был главный род оружия той эпохи, все равно что артиллерия теперь, который решал судьбу сражений. В то время как в королевской армии, составленной из дворян, прирожденных рыцарей, этот род оружия был представлен хорошо, парламентская армия, состоявшая из подмастерьев, из рабочих и крестьян, сразу не могла создать такого рода оружия, и громадный организаторский успех Кромвеля заключался в том, что он в армии подмастерьев, крестьян, приказчиков и т. д. создал тяжелую кавалерию, т. е. тот род оружия, который тогда решал судьбу сражений и казался специально дворянским. Это одна сторона. Другая сторона — Кромвель был мистик. Кромвель говорил, что хотя он слабый, ничтожный человек, но господь бог ведет его и т. д. Это вторая сторона, которая больше всего напрашивается на контраст с нашим Ильичей. Ильич был самым прогрессивным мыслителем, какие только есть из пишущих на земном шаре. Вы со мною согласитесь, что марксисты являются самой передовой группой общественной мысли. В середине XVII века, когда жил Кромвель, это был век Галилея, Ньютона, Гоббса. Вот какие люди одновременно с Кромвелем действовали и писали. Поставьте рядом с формулой Ньютона и зрительной трубой Галилея Кромвеля с его рассуждениями, что пуритане — «святые», что бог ведет его и т. п., — это был один из самых отсталых людей. Английское пуританство было не новым течением, как коммунизм и большевизм, — это был последний всплеск той волны, которая поднялась в начале предыдущего, XVI века. И в сущности, если уже искать родственных черт с Ильичом, то можно найти скорее их не в Кромвеле, а в родоначальнике пуританизма и воинствующего протестантизма — в Кальвине. Кальвин — это догматик начала XVI века. В нем есть кое-что сходное с Ильичем. Правда, не в той плоскости, в какой находил Луначарский сходство с Кромвелем, ибо Кальвин, в сущности, узкий, сухой и жестокий человек, доктринер, типичный богослов-теоретик. Но кое в чем сходство все же есть. Во-первых, он создал для первой половины XVI века боевую доктрину, своего рода протестантский ленинизм, боевую доктрину кальвинизма. Кроме того, любопытно его государственное построение. Оно очень

напоминает построение нашего Советского государства. Два типа учреждений. С одной стороны, учреждения гражданские, но они фактически подчинены учреждениям церковным — консистории и высшему церковному собору, которые легально никаких прав не имеют, но на практике руководят всем управлением. Это очень напоминает нашу партийную систему: Политбюро, с одной стороны, и наша советская система — Совнарком и т. д. — с другой. Так что тут кое-какие черты можно найти. Но черты эти объясняются не личностью Кальвина. Кальвин был сухой доктринер, профессор богословия и т. д. Его личность не имела ничего общего с Ильичем, а ситуация, положение, поскольку кальвинизм начал борьбу, поскольку это был зародыш боевой организации протестантизма, постольку тут есть общее с ленинизмом, который является таким же точно зародышем коммунистической революции. Что же касается Кромвеля, то это был человек отсталый. В середине XVI века его идеи отжили, и он, конечно, в этом отношении ни в какое сравнение с Вл. Ильичем не идет.

Если вы сопоставите Ильича с крупнейшими революционными вождями, которых мы до сих пор знали, то придется объективно признать, что из этих трех революционных поколений вождей Ленин — самый большой. Это для меня исторический объективный факт, а вовсе не какая-нибудь некрологическая фраза. Я глубочайшим образом убежден, что когда через 200 лет будут расценивать, то будут расценивать в таком порядке: на первом месте Ленин, на втором Кромвель и на третьем Робеспьер. Мы можем гордиться, что мы были современниками и сотрудниками величайшего революционного вождя нового времени, вообще величайшего вождя, которого мир знает реально, ибо, повторяю, античных, древних вождей мы не знаем и никогда не узнаем.

Под знаменем марксизма. 1924. № 3

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
ЛЕНИН, ПАРТИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС

Теория исторического материализма, в результате **ее** применения к конкретным историческим исследованиям, прежде всего повлекла за собой ниспровержение мифов о героях, которых Майн Риды историографии, начиная с занятных и кончая бездарными и глупыми типа Иловайского, превратили в демиургов исторического процесса. Начиная анализ всех коренных изменений в общественно-исторической жизни с изучения состояния производительных сил и изменений в экономической структуре общества, марксизм тем самым делает демиургом истории массу, коллектив, миллионы, а не единицы. Но это перемещение центра тяжести на массу не освобождает нас от необходимости изучать роль выдающихся людей в историческом процессе: наоборот, только теория исторического материализма делает возможным заменить здесь простое библиографическое описание научно социологическим анализом, чрезвычайно плодотворным для понимания всего процесса в целом. И чем глубже будет сделан анализ, тем с более ощутительной ясностью предстанет перед нами динамика каждого великого массового процесса исторического значения, тем более бесспорным будет звучать утверждение, *что не великие массовые движения зависят в своем развитии и ходе от руководящих ими гениальных людей, а гениальность этих людей зависит от величины и глубины массовых движений.* Гениальность вождя масс есть функция массового движения, это есть само массовое движение в одной из его сторон, в одном из его проявлений. Лишь при такой постановке вопроса делается ненужным и скучным занятие по арифметическому вымериванию индивидуальной роли выдающейся личности в истории, смешными кажутся опасения насчет того, что эту роль можно преувеличить за счет массового движения и стихийных процессов.

В этой заметке я хотел бы остановиться на той совершенно исключительной роли, которую играл Ленин в жизни нашей партии, а в последние годы и среди пролетариата и трудящихся масс вообще, как известный организующий и руководящий центр. С этой стороны исследование Ленина, как социологического феномена, представляет глубочайший интерес. Вопрос об отношении Ленина к партии и пролетариату непосредственно переходит в вопрос о внутренней организационной структуре всего инструмента диктатуры пролетариата в нашей стране за

шесть лет революции. При этом я понимаю организационную структуру, разумеется, не в техническом, а в широко социологическом смысле слова-

Для нас представляет наибольший интерес социологическая проблема Ленина с 1917 года, т. е. с того времени, когда он быстро начал приобретать функцию не только вождя партии пролетариата, но и вождя трудящихся масс вообще. Однако для освещения этой проблемы надо посмотреть и на то, что было раньше. Это тем более необходимо, что молодые члены нашей партии совершенно неправильно представляют себе роль Ленина в прошлом нашей партии. Им кажется, что Ленин всегда был тем, чем они его знают за последние годы… Они не знают, как постепенно приобретал Ленин в партии ту исключительную роль, которая характерна для последних 6 лет революции.

Я оставляю в стороне период до II съезда 1903 года, когда Ленин был лишь самым деятельным и самым последовательным из искровцев. Он не имел тогда за собой оформленной фракции, как она стала слагаться, начиная с раскола 1903 года. Наиболее интересным для понимания будущего является из этого периода вышедшая в 1902 году его брошюра «Что делать?», в которой дан набросок организационной структуры большевистской партии, структуры, отвечавшей прежде всего условиям подпольного существования партии, но вместе с тем заключавшей в себе много характерного для большевизма вообще- Лишь после раскола Ленин делается главным лидером фракции большевиков или большевистов, как мы первое время тогда назывались, но отнюдь не лидером такого авторитета и значения, каким мы его видим после. В это время общепризнанным теоретическим вождем всей партии, в том числе и большевистской фракции, считался Плеханов. Лишь очень демногие пз наиболее ответственных большевиков имели дерзость развенчать (не публично, а внутренне, для себя только) Плеханова из вождей и начали практическим вождем партии, в лице нашей фракции, считать Ленина. В этот период вокруг Ленина постепенно начало группироваться ядро большевиков-революционеров, которое начало проводить в России на практической работе ту форму организации партии, которую отстаивал Ленин в «Что делать?», в своих выступлениях против меньшевиков да II съезде партии, в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад», а также в отдельных статьях. Когда к организационным разногласиям с меньшевиками присоединились в конце 1904 года («земская кампания») и в 1905 году тактические разногласия, большевистская фракция оформилась не только организационно, но и идейно. Однако и после того, как Плеханов дискредитировал

себя своей оппортунистической оценкой Московского восстания («не надо было браться за оружие»), а также защитой лозунга поддержки ответственного кадетского министерства, руководящая роль Ленина в большевистской фракции весьма усилилась, но не сделалась еще доминирующей, как в последующее время. Достаточно вспомнить в этом отношении те настроения, которые были тогда в наших российских большевистских организациях. В конце 1905 года и в начале 1906-го наметилась очень сильная тяга к объединению с меньшевиками, под влиянием революции и полевения меньшевиков. (Стокгольмский съезд был назван «объединительным» не только потому, что меньшевики не признавали полномочным нашего III съезда в 1905 году; этот дипломатический выход характеризовал общее настроение наших организаций.) В наших большевистских российских организациях авторитет Ленина был велик, но никогда никому в голову не пришло бы рассматривать каждую его статью, каждое предложение, как мнение всей фракции, как нечто такое, о чем нет смысла дискутировать. И это несмотря на то, что борьба с меньшевиками заставляла большевиков всемерно тушить все свои разногласия внутри, чтобы выступать против другой фракции единым фронтом.

Все у нас знают, какое огромное влияние имел всегда Ленин на всех, кто имел возможность лично его слышать, с ним говорить. Из наших российских организаций лишь питерская имела в период первой революции возможность видеть и слышать Ленина *. Все остальные организации знали о нем лишь по его статьям и книжкам и по рассказам лично его видевших. Зато те, кто лично соприкасался с ним, относились к нему как-то совершенно особенно в сравнении с теми, кто его лично не знал. Они видели в нем несравненно больше того, что можно было прочесть в его литературных произведениях. Я знаю одного старого марксиста, члена комитета, который поехал в 1905 году на наш III съезд меньшевистски настроенным, а вернулся убежденным большевиком, к ужасу меньшевистской части организации. Однако и в среде своих близких единомышленников по партии Ленин в тот период был только первым, но не был еще тем одиноким великаном, с совершенно исключительным авторитетом среди масс, каким его сделали две последние революции. Ему приходилось очень часто, очень долго и очень терпеливо убеждать своих ближайших товарищей в своей правоте перед принятием того или иного формального решения. Не раз приходилось ему оставаться в своей собственной фракции не только в меньшинстве, но и — были случаи — в одиночестве,

хотя, впрочем, очень ненадолго. Об этом расскажет нам картинно со временем тот историк или те историки нашей партии, появление которых мы так безуспешно ждем целые годы. Если бы Ленину удалось работать в России в 1905–1907 годах в наших главных партийных центрах, если бы он не был отделен от массы большевиков, и прежде всего рабочих-большевиков, полицейскими преградами, он уже в первую революцию установил бы гораздо более тесную внутреннюю связь с рабочими, чем это было на самом деле, когда ему приходилось руководить партией через «посредников». Тем более трагичным было положение этого «капитана большого плавания», когда ему приходилось сколачивать в 1908–1911 годах разгромленную партию, находясь в эмиграции, вносить бодрость в расстроенные ряды, посылать отдельных работников в Россию, радоваться каждой новой группе партии, возникающей здесь или там, поддерживать переписку даже с отдельными своими сторонниками, инструктировать и т. д. Что знали тогда рабочие массы о своем классовом вожде, что знали они тогда о Ленине?

И когда начался подъем в рабочем движении и в партийной работе 1911–1914 годов, то хотя это движение шло под лозунгами, которые формулировал Ленин, но даже в самой большой и в самой пролетарской организации партии, в питерской организации, в ее массе, имя Ленина не пользовалось и третью того авторитета, какой он завоевал себе впоследствии. Настоящую цену Ленину знала лишь незначительная, руководящая часть партии, в большинстве встречавшаяся с ним лично. Правильность всех его решений и прогнозов за весь период реакции только она одна могла проверить, потому что широкие массы партии, не говоря о пролетариате, переживавшем период политической апатии, были недостаточно в курсе всех партийных проблем, за исключением важнейших, которые стояли перед нашим ЦК за границей. Впрочем, и эта вера в Ильича не помешала многим старым большевикам уйти из партии или отойти от партии в период реакции 1908–1911 годов, с тем чтобы прийти в ее ряды значительно позже, часто лишь после победы пролетариата. Вера рабочих в Ильича была крепче, органичней, как показали события позже.

Лишь после Февральской революции, когда Ленин вернулся в Россию, правильность его лозунгов *начала проверяться массами, на опыте их собственной борьбы.* С этого времени он делается вождем масс, работа его мозга превращается постепенно в необходимейшую составную часть коллективного разума рабочего класса. Вопрос «А как думает об этом Ленин?» является первым вопросом массовика-рабочего всегда, когда ему

приходится определять свое отношение к тем или иным событиям. Этот авторитет Ленина в огромной степени вырос после Бреста, хотя внутри собственной партии Ленину приходилось и в этом вопросе, и в других, более мелких, преодолевать весьма значительное сопротивление.

Отношение к войне, Временному правительству, Октябрьской революции, завоевание земли для крестьян, Брестский мир, гражданская война, отношение к иностранным капиталистическим государствам и т. п. — вот те основные проблемы, на которых гений Ленина был проверен массами и проверка потом подкреплена окончательно победой пролетариата и систематическим улучшением его материального положения.

При таком грузе доверия миллионов к Ленину должно было существенным образом измениться и отношение партии и ее руководящей части ко всем предложениям Ленина в коренных вопросах. Формально, разумеется, ничто не изменилось в функциях ЦК, конференциях и партийных съездах. Но удельный вес слова и мнения Ленина стал другим. В партию стучалась с этими предложениями воля миллионов. Это знала и партия, и сам Ленин. Установление в партии отношений, которые, в свою очередь, опирались на отношения, сложившиеся стихийно и незаметно *за стенами партии,* зависело уже не *только* от партии и, пожалуй, еще меньше от него лично. Его авторитет в массах носил какой-то сверхличный характер. Ленин превратился в своеобразный организационный центр, *непосредственно* связанный с миллионами. Этот центр никогда не был противопоставлен официальным партийным и советским центрам, он действовал через них, но в то же время какими-то путями также *наряду с ними.* Кроме отношений партии к ЦК, имелось еще отношение партии к Ленину. Кроме отношений беспартийных рабоче-крестьянских масс к партии коммунистов, имелось отношение их к Ленину. Единственный раз, когда Ленин разошелся с большинством ЦК по основному вопросу, по вопросу о немедленном заключении мира с немцами, расхождение не было поставлено на решение партии и рабочего класса тогда же, когда оно возникло. Ленин подчинился решению, с которым был не согласен; проверка произошла позднее. Но если б по какому-либо из коренных вопросов, которые вообще стояли перед партией и революцией, произошло расхождение между, скажем, ЦК и Лениным или партсъездом и Лениным и вопрос был бы поставлен на референдум как партии, так и рабочего класса вообще, то очень мало шансов, чтобы именно Ленин остался в меньшинстве. Это могло коснуться разве тех вопросов, где Ленин оказался бы против каких-либо предрассудков массы или против

автоматизма классовой ненависти, затруднявшей маневрирование (например, вопрос о спецах и т. д.). Но если, к счастью для нашей партии и нашей революции, не было еще случая, чтобы рабочая масса решала голосованием спор между Лениным и *большинством* партии, если Ленин всегда выступал от имени партии и от имени Советской власти, то сами массы не раз проводили борозду между тем и другим. Достаточно вспомнить о крестьянской вере в большевика Ленина, которого деревня противопоставляла коммунистам. Но еще более важным является тот факт, что в наиболее трудные моменты жизни нашей партии, в период голодовки пролетариата, несомненно, среди малосознательных рядовых рабочих Ленин пользовался большим авторитетом, чем коллектив РКП.

Коммунистическая партия есть инструмент для руководства борьбой рабочих масс. Здесь этот инструмент был вздвоен, при чем второй инструмент руководства никогда не противостоял первому.

В результате непрерывного роста авторитета Ленина и в партии и в рабочем классе, увеличивавшегося с каждым правильно принятым под его руководством решением, внутри партии установилась такая система отношений между всеми коммунистами и их вождем, которая напоминала что-то вроде деловой диктатуры, основанной на доверии. Я употребляю этот термин «диктатура» условно, потому что он не определяет полностью и точно те отношения, которые здесь создались. Быть может, нужно было бы придумать какое-либо иное слово, которое верно характеризовало бы существо дела. Важно лишь здесь подчеркнуть, что эта диктатура вытекала не только из отношения Ленина к партии, но и из непосредственных отношений Ленина к рабочему классу.

Именно поэтому было бы доктринерством и педантизмом рассматривать фактическую роль Ленина в партии и государственном аппарате с чисто формальной, конституционной точки зрения, не перенося центр тяжести на классовый смысл ленинского авторитета. Наши политические противники совершенно сознательно и с точки зрения защиты интересов контрреволюции совершенно правильно игнорировали этот последний факт и несколько лет вопили на весь мир о ленинской диктатуре как об узурпации власти народных масс. Здесь принципиальные защитники не только фактической, но и формальной диктатуры Колчаков, Врангелей и Деникиных ничем не отличались от «демократов» меньшевистско-эсеровского толка. В этом отношении характерна передовица в № 2 «Социалистического вестника» за 1924 год, посвященная смерти

Ленина. В этой передовице о Ленине мы читаем:

«Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, ее подземные порывы, как и судороги ее разложения, умел нащупать родственные ей струи и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте возводить трон своей идее, которая воплощалась *в нем самом.* Ибо *таким* вождем *такой* стихии только и может быть человек, который фанатично верит в свою историческую *миссию,* в свою историческую предназначенность и потому свою непогрешимость.

Ленин в высочайшей степени обладал всеми этими свойствами *вождя секты.* Лично он был совершенно лишен тщеславия, бескорыстен, в буквальном смысле слова «горел идеей». Но сквозь все его шатания и колебания… красной нитью проходит за все тридцать лет один незыблемый руководящий принцип: Партия — это я! Рабочий класс — это я! Коммунизм — это я! Государство пролетарской диктатуры — это я!»

Меньшевики, которые обычно кичатся своим умением передразнивать марксистский жаргон и приводить нужные цитаты, потому становятся в этой характеристике роли Ленина на чисто идеалистическую точку зрения или, если хотите, на точку зрения «субъективной социологии» Михайловского, что им невыгодно поставить на обсуждение основной факт, а именно непосредственную поддержку Ленина миллионами рабочих и крестьянских масс, *глубоко классовый характер его «личного» авторитета.* Этот факт, подтвержденный той совершенно изумительной реакцией, которую мы видели и видим, на смерть Ленина со стороны рабочего класса, еще ярче подчеркивает всю тупость и эмигрантский кретинизм этого «некролога».

Если так называемая «диктатура» Ленина существовала как факт в том смысле, как мы раньше очертили, то она существовала волею рабочего класса, который сам выбрал Ленина из ста пятидесяти миллионов индивидуумов России, сам сделал своим рулевым, сам установил с ним непосредственную связь и сделал организующим центром в процессе своего революционного классового самоопределения. Таким бы «диктатором» в мировом рабочем движении был бы Маркс (каким он был и остается в области теории пролетариата), если бы он жил в эпоху пролетарских революций, если бы ему не было суждено умереть в обстановке приспособления верхов рабочего класса к капитализму, умереть почти не понятым в окружении пошляков и ослов из германской социал-демократии. Но Ленину суждена была лучшая доля. Вместе с рабочим классом, которым он руководил, Ленин перевел на язык реальной классовой борьбы и

реальной революции те знаменитые слова «Капитала», где Маркс говорил: капиталистическая оболочка разрывается. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Он первый начал рвать эту оболочку, провозгласив перед Октябрем свое бессмертное «момент назрел», и провел через прорыв этой оболочки капитала рабочий класс к победе. С этого момента он стал неразрывной составной частью тела и мозга пролетариата, всеми признанный вождь, за которым с верой и надеждой на лучшие дни плелся, падая от голода и усталости, даже самый последний, отсталый и малосознательный сын рабочего класса в 1918–1923 годах.

А они: «вождь секты», «коммунизм — это я»!

Надо быть жалкими пошляками и тупицами, чтобы на сантиметры своей ограниченности мерить как грандиозный исторический переворот, так и его великого вождя, не понимая внутренней связи этого переворота с гением Ленина.

Уже из сказанного выше видно, что существо той роли, которую играл в нашей партии Ленин, не имело в своей основе ни грани случайности или произвольности. Его так называемая «диктатура» была лишь функцией диктатуры пролетариата в условиях советской действительности. Рабочий класс и партия нащупали тут чисто практически, более стихийно, чем сознательно, такую форму организации и расстановки людей и такое распределение ответственности, которые обеспечивали достижение классовых целей пролетариата с *наименьшей тратой сил*. Что достижение этих целей было в максимальной мере обеспечено благодаря тому авторитету, каким пользовался в партии Ленин, проверено на опыте.

В централизованной партии, остающейся одновременно массовой партией рабочего класса, выработка наиболее целесообразных решений при сохранении максимального единства и быстроты в действии представляет из себя крайне сложную и трудную проблему. Решение этой проблемы *при наличии такого вождя, как Ленин, и без такого вождя* не может быть одинаковым. Это две разные ситуации, здесь перед нами, если говорить не о формальной стороне дела, а по существу, два разных варианта в области идейной и практической организации масс. Вариант с вождем исключительного значения, оставляя без изменения форму организации, а может быть, даже усложняя вопрос о формальных моментах, упрощает и облегчает решение проблемы по существу. Вариант без вождя усложняет самый вопрос *по существу* и требует замены той социальной функции, которую выполнял вождь, соответствующим эквивалентом в отношении партии и ее центров к рабочей массе и в изменении, в

связи с этим, методов работы внутри партии.

Тот совершенно изумительный мощный поток в нашу партию беспартийных рабочих от станка, который начался после кончины Ленина, говорит о том, что рабочий класс сам пытается нащупать решение проблемы. Пролетариат сам пытается заместить ту брешь, которая образовалась в системе рабочей диктатуры со смертью Ленина, и восстановить в прежнем объеме связь класса с партией при отсутствии гения Ленина. Этот процесс в рабочем классе, с одной стороны, является логическим развитием той нигде в мире не виданной формы отношений класса к партии, которая наметилась еще во время чистки РКП. Буржуазная демократия знает систему выборов в парламент, т. е. в правительство страны, избирателями представителей политических партий и беспартийных кандидатов, но только при рабочей диктатуре впервые намечается тенденция не только к выбору представителей партии в советы, т. е. в органы власти, но и к контролю, а теперь, во многих случаях, прямо к выборам пролетариатом состава своей правящей рабочей партии. Быть может, здесь вписывается новая страница в теорию и практику Советского государства вообще. С другой стороны, весь этот процесс с совершенно неожиданной стороны и с необычайной убедительностью подтверждает положение о том, что гений Ленина был и продуктом и функцией классового движения пролетариата, был и продуктом и функцией рабочей революции, которая теперь сама массовым порывом пытается залечить на своем теле эту зиятющую рану.

Вот тот исходный пункт для социологического анализа организующей роли ленинского гения в нашей революции, которую я в дальнейшем постараюсь развить в более обстоятельное исследование.

Под знаменем марксизма. 1924. № 5

А. И. РЫКОВ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ — ВОЖДЬ МАСС

Сегодня хоронят Владимира Ильича. Хоронит все население России, хоронит весь мир. Сотни миллионов рабочих и крестьян хоронят с клятвой довести до конца дело, начатое Владимиром Ильичем, не отступать ни на шаг от его учения, его заветов. Враги хоронят — одни с надеждой, что смерть Владимира Ильича ослабит силу и четкость мирового революционного движения, которое он возглавлял, другие с боязнью, что смерть Владимира Ильича еще больше сплотит его последователей, сделает его идею в его учение еще более популярными.

Владимир Ильич окончил жизнь как неоспоримый властитель дум всех трудящихся и угнетенных. Его значение в широких народных массах на протяжении многих лет неуклонно возрастало из года в год.

Еще в период нелегального существования нашей партии каждый рабочий, принимавший участие в борьбе, знал тов. Ленина как единственного вождя большевиков. Всех нас, его сторонников, уже тогда называли ленинцами. Влияние Ленина с колоссальной быстротой возрастало каждый раз, когда партия выходила из подполья. Владимир Ильич немедленно вырастал в гигантского вождя народных масс, близкого всем их нуждам, интимно-простого в личных отношениях и неумолимого гиганта в политической борьбе. Так было в 1905 г., так было и после Февральской революции.

Февральская революция дала доведенным почти до отчаяния, истощенным войной и царизмом массам возможность открытой революционной борьбы и массовой организации. И Владимир Ильич в короткое время стал выразителем единственного в мире массового революционного движения и привел рабочих, крестьян и армию к Октябрьской победе.

Нужны были его сердце, его чутье массы, чтобы впитать в себя, чтобы почти физически ощущать те сдвиги, которые происходили в глубинах сознания народа, и нужны были громадное образование, гениальный ум и полное обладание теорией марксизма, чтобы оформить это движение в организованное движение рабочих и крестьян против буржуазного строя, за социализм. Между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга невозможно. В. И. был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших

рабочих и крестьян, он был гениальной головой, которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний. Владимир Ильич был особенно велик как вождь восстаний, но не менее он был велик и как организатор нового государства. Вся масса государственных вопросов была у него всегда перед глазами, и он без труда и без ошибок выбирал самое существенное для данного момента и **со** всей своей невиданной энергией принимался за осуществление очередной задачи. Совершенно исключительное знание и чувство действительности всегда помогало ему избирать те пути, которые были по силам стране и партии, знание людей помогало ему формулировать очередные лозунги в таких выражениях, которые были понятны и доступны всякому. Поэтому он был близким и родным для каждого рабочего и крестьянина. В разрешение каждой очередной задачи В. И. уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными, часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал объяснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовым рабочим и крестьянином.

Я до сих пор помню, как В. И. заставил тов. Цюрупу — тогда народного комиссара по продовольствию— вызвать в Москву нескольких рядовых крестьян — поговорить с ними «по душам» и узнать без прикрас думы и чаяния крестьянской массы.

Владимир Ильич обладал замечательным дарованием строить государство трудящихся из того материала и теми силами, какие есть, и подготовлять их своей бурной и неутомимой работой к разрешению все более и более трудных задач.

Он умер, сплотив рабочую и крестьянскую массу на жгучей ненависти к дворянству и буржуазии и на беззаветной любви к государству трудящихся — Республике Советов.

Он оставил своим последователям богатое наследство. Своей жизнью он показал невиданные примеры революционной активности, гениальности, предвидения и упорной систематической настойчивости в работе.

У *великой могилы. М., 1924. С. 221*

И.В. СТАЛИН
ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЛЕНИНА
(Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г.)

Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

> УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

> УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели, — так строился мир испокон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цели рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унизительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, и теперь весь мир признает это, что этой гигантской борьбой руководил товарищ Ленин и его партия. Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на земле, а не на небе. Этим он зажег сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплуатируемых масс.

> УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ И УКРЕПЛЯТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОИХ СИЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена, — она приняла лишь новую форму. Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен против Колчака и Деникина. Теперь

союз рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым. Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как товарищ Ленин.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ ВСЕМИ СИЛАМИ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белорусы, грузины и азербайджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены, — все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО ЛШ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная Армия, наш Красный Флот. Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе

рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука Красной Армии и Красного Флота. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой товарища Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить, и они не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА — КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

Сталин И. В. Сочинения. Т 6. С. 46–51.

Ю. М. СТЕКЛОВ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА

Историческая фигура Ленина настолько колоссальна, что даже буржуазная пресса принуждена признать его одним из величайших деятелей человечества. Оперируя теми мерками, которые находятся в **их** распоряжении, буржуазные газеты сравнивают Ленина с Кромвелем, Робеспьером и Наполеоном. Эти сравнения можно, разумеется, принять как дань невольного уважения, вырванного даже у противников бесспорным величием нашего усопшего вождя. Но вместе с тем они показывают и всю глубину различия между Лениным и героями старого мира.

Сравнение с *Наполеоном* наименее удачно. Военная диктатура, установленная счастливым выскочкой-генералом в интересах французской буржуазии, ничего общего не имеет с диктатурой, установленной Лениным и руководимой им Коммунистической партией. Диктатура тщеславного корсиканца основывалась на подавлении всякой общественной инициативы и самодеятельности не только широких трудящихся масс, но и тех социальных групп, в интересах которых эта диктатура осуществлялась. Власть Наполеона пришла на смену выдохшейся и обанкротившейся революции. Она отбросила Францию назад, а не повела ее вперед. Она знаменовала начало многолетней реакции, и понадобилось много десятилетий, чтобы преодолеть пагубные последствия наполеоновского цезаризма, пережитки которого до сих пор отравляют политическую атмосферу Французской Республики.

Более уместным на первый взгляд представляется сравнение Ленина с *Кромвелем и Робеспьером.* И тот, и другой были вождями революционного движения, направленного против старого самодержавного режима. Но и это сравнение неверно и слабо. За Кромвелем и Робеспьером стояли довольно широкие общественные группы и классы, причем за Робеспьером более демократические, чем за Кромвелем. Но и диктатура этих двух исторических деятелей, вождей *буржуазно-демократической революции* в Англии и во Франции, отличается от *диктатуры пролетариата,* осуществленной Лениным, как небо от земли, и притом отличается и по существу, и по форме.

Хотя за обоими революционерами одно время стояло большинство, их власть привела к установлению господства меньшинства, в данном случае буржуазии, над большинством трудящихся масс. Субъективно они, в особенности Робеспьер,

могли ставить себе задачу освобождения большинства. Но их программы, их планы общественных преобразований фатально толкали к тому, что *результаты их деятельности получились прямо обратные их стремлениям.* Кромвель в большей степени, Робеспьер в меньшей оказались *провозвестниками буржуазной революции и буржуазного господства.*

Вдобавок начатое ими дело не пережило их самих. На смену Кромвелю быстро пришла реставрация монархии, деятельность Робеспьера завершилась установлением бонапартовской диктатуры. В частности, особенно трагична судьба Робеспьера, этого искреннего и решительного революционера, хотя и буржуазного демократа, который лично пал жертвой реакции и в последние минуты своей жизни видел уже призрак неминуемого торжества этой реакции. Ибо *за Робеспьером не было организованной и сознательной силы, способной бороться за осуществление его идеалов, способной отстоять достигнутые при нем завоевания и вести их дальше.*

В этом отношении Ленин является историческим героем, подобного которому до сих пор мир не видал.

По существу, Ленин отличается от всех до него бывших активных деятелей истории тем, что он поставил себе задачей *освобождение трудящихся масс, а значит, и освобождение всего человечества, уничтожение гнета и эксплуатации во всех их формах и разновидностях.* Ленин был практическим деятелем той социальной революции, которую возвещал «Коммунистический Манифест», говоря, что эта революция впервые будет революцией большинства в интересах подавляющего большинства. Ленин положил основание социалистическому строю, т. е. строю, в котором уничтожен главный источник порабощения и эксплуатации — частная собственность ничтожной кучки на средства производства, в котором усилия всех направлены ко благу всех. До сих пор о такой революции *мечтали* только лучшие передовые люди. Ленин начал *осуществлять ее на практике.* В этом главная характерная черта его деятельности, и вот почему только трудящиеся массы искренно могут плакать о Ленине и желать успеха делу, первый камень которого он положил.

Но и по форме историческая деятельность Ленина радикально отличается от деятельности других знаменитых революционеров, выдвинутых историей человечества. Теоретик и практик в одно и то же время, Ленин прекрасно понимал, что самое великое дело обречено на поражение, если за ним не стоит достаточно организованная, сплоченная и дисциплинированная сила, способная отстоять его от посягательств многочисленных

врагов и дать ему нормальное развитие. Все другие революции, даже начатые народными массами, неизбежно кончались поражением и созданием новых цепей, потому что не было истинно народной партии, способной возглавить стихийный порыв масс и верной рукой повести их к победе через рытвины, овраги и ухабы, нагроможденные на их пути. Создание силы, обеспечивающей достижение именно того исторического результата, к которому Ленин вслед за Марксом стремился, создание и воспитание Коммунистической партии, возглавляющей движение пролетариата в процессе его продолжительной борьбы, — *вот то великое дело Ленина, которое резко отличает его от предшествовавших исторических героев.*

Что бы ни говорили противники коммунизма, но *только в обстановке пролетарской диктатуры трудящиеся массы получают возможность проявить действительную активность и самодеятельность.* Знаменитое словечко Ленина о том, что последняя кухарка должна быть приучена к управлению государством *, характеризует лучше всего сущность того режима, который создан благодаря усилию руководимой им партии. И эта самодеятельность широких масс, впервые приобщенных к историческому действию, является вернейшим залогом того, что дело, начатое Лениным, не постигнет та роковая судьба, которая постигла все другие народные революции.

Всесторонняя организация пролетариата, которую **он** всегда предпочитал, организация на почве экономической, политической и государственной, выковала ту мощную силу, о которую разобьются все попытки врагов советского режима, надеющихся повернуть вспять колесо истории.

Наконец, создание Коммунистической партии, группирующей в своих рядах авангард этого пролетариата, опирающегося на сочувствие не только рабочего класса, но и крестьянства, впервые пробужденного к активной политической жизни именно Октябрьской революцией, завоевавшей благодаря гениально умелой тактике Ленина доверие широчайших масс, до тех пор стоявших совершенно в сторона от столбовой дороги истории партии, в которой воплотилось *бессмертие Ленина,* и которая обеспечивает начатое им дело от ущерба и гибели, — вот что проводит резкую грань между исторической фигурой Ленива и фигурами других, выдвинувшихся в прежние времена революционных вождей.

Те другие — это холмы иа исторической равнине, Ленин — это Монблан. С него начинается *истерический водораздел,* проводящий глубокую борозду между прошлой и будущей

историей человечества. Его работа открывает новую историческую полосу— царство свободы или, во всяком случае, преддверие к тому царству свободы, о котором, мечтали лучшие у» ы, во осуществить на практике сумели только Ленин к выдвинувшая его партия, ведущая за собой рабочий класс.

У *великой могилы М, 1924 С. 184–185*

Раздел 2
ОППОНЕНТЫ

М. АДЛЕР
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

1

21 января 1924 года в маленьком местечке под Москвой скончался человек, весть о смерти которого потрясла во всем мире всех, как противников, так и приверженцев, впечатлением стихийной катастрофы: Ленин мертв! Ленин — на вершине своей исторически-мировой работы— скончался. Это казалось как бы крушением некой могучей стихии, разрушительной силы которой боялись одни и ей противоборствовали, другие же с восторгом познали в ней силу, которая могла освободить жизнь для новых путей. И эти противоположные ощущения и у могилы великого вождя мирового пролетариата пробудили тот же спор и борьбу мнений и оценок, возникавших еще при жизни Ленина во все решительные моменты его деятельности.

Вокруг его облика неизменно бушевала страстная борьба мировоззрений; неизменно его личность, его речи и писания были подобны знамени, подъятому для безошибочного указания определенного пути, для неустанного преследования одной цели: линии революционной классовой борьбы пролетариата, конечного дела марксизма — победы над классовым обществом.

В этом — не было никогда колебаний ни в его сердце, ни в его сознании — он был живой стрелкой магнита, которая никогда не могла отклониться от своего направления в сторону социализма, ибо его социалистически-революционное мышление, почерпнутое у Маркса и Энгельса, наполняло его и влияло на всю его духовную сущность, подобно тому как земной магнетизм влияет на стрелку компаса. Этого нетеряемого и никогда не покидавшего его ощущения пути к социальной революции одного было бы достаточно для определения исторической роли Ленина как великого народного борца за марксистский социализм, если бы он даже и не был в дальнейшем одним из могущественнейших двигателей пролетарской классовой борьбы, доведенной им до той стадии, в которой, как никогда ранее, он должен был обрести отчетливое ощущение своих социально-революционных устремлений.

Ибо, в противовес современным политическим теориям о развитии классовой борьбы, Ленин впервые выявил политические методы пролетариата в их принципиальных различиях от

буржуазно-демократического мышления. При таком значении Ленина, которое неизбежно должно было обострить классовую борьбу, нет ничего удивительного, — напротив, естественно, — что влияние его личности и после смерти заставило вспыхнуть страстные противоречия в его оценке, ибо это было тем же противоречием классов, в борьбе меж которыми Ленин принял такое громадное участие.

Ненависти и озлоблению буржуазии противопоставлялась соответственно любовь, обожание и благодарность другого класса, класса пролетариата. Но вот здесь-то, у гроба этого великого двигателя истории, выявляется ужасающий и одновременно смущающий факт, что критика и оценка Ленина в социалистическом лагере, внутри самого пролетариата, которому Ленин посвятил всю свою горячую жизнь и неустанную работу, которому он отдал свою мысль и труд в условиях лишений, опасностей и жертв с ранней своей молодости, — носит не менее страстный и ожесточенный характер, чем у врагов пролетариата. В то время когда миллионы рабочих и крестьян в России превозносят и прославляют имя Ленина как своего освободителя и совершают паломничество к его могиле как к святому месту, в то время как за пределами России сотни тысяч пролетариев преклоняются перед ним и обожают его как героя и прообраз социального революционера, — другие миллионы о нем почти ничего не знают, кроме того, что он — вождь русского большевизма, которому они не доверяют и которому они должны не доверять тем в большей степени, чем бессмысленнее ослабляющее рабочее движение поведение так называемых коммунистических партий вне России, постоянно ссылающихся на его авторитет. Таким образом, случилось, что для многих, особенно для вновь вступивших в ряды социал-демократии, название «коммунизм» стало почти чуждым, даже враждебным, им не было понятие, что всякий настоящий социал-демократ одновременно является коммунистом и должен быть таковым, — и в силу этого «коммунист» Ленин стал им чем-то чужим, враждебным, вместо того чтобы каждый классово-революционный пролетарий при полном сохранении права идти своими путями и иметь свои личные мнения должен был в деятельности Ленина взволнованно и с увлечением почувствовать прежде всего неслыханное и историческое проявление своего собственного революционного духа.

Как получилось такое расхождение воззрений, такое неестественное противоречие в природе пролетарской классовой борьбы?

Это вопрос, который может прозвучать и в некрологе Ленину,

ибо ответ на него может быть дан не только там, где до сих пор одни лишь партийные страсти диктуют оценку; постановкой такого вопроса легче выяснить историческую ограниченность этой пролетарской враждебности к Ленину и одновременно ясно указать пределы его непосредственной исторической деятельности.

2

Ответ на наш вопрос должен быть следующий: во враждебности к Ленину в пределах пролетарской классовой борьбы не проявляется только простое личное чувство, но выступает нечто иное, именно кризис самого социализма, кризис, возникший с момента развала Интернационала в начале войны или, вернее, превратившийся тогда из давно уже скрытого и ползучего в явный.

Этот кризис в значительной мере является кризисом самой пролетарской духовной жизни и поэтому плохо выражен популярными противопоставлениями реформизма и революции. Это обозначение характеризует, конечно, весьма значительные и явные элементы этого противоречия, но оно слишком чревато недоразумениями, которые привели как с одной, так и с другой стороны к пагубным самообманам, и способно затемнить то настоящее противоречие, которое происходит при кризисе социализма.

Ибо, если радикализм, вследствие своей «принципиальной» борьбы против оппортунизма, чувствует свое превосходство перед «компромиссным» реформизмом и если, с другой стороны, этот последний упрекал первый в доктринерстве и отсутствии понимания практической политики, — пусть правы оба или неправы, — во всяком случае, соревнование это не решало вопроса, на чьей стороне был тот революционный дух, который живым основным настроением должен господствовать над каждым выступлением пролетариата и в духовной своей сущности должен противопоставить себя буржуазному государству и капиталистическому обществу, в оковах которого физически он еще пребывал. Имей это место, — он мог бы беззаветно изменять тактику своей непосредственной политической и экономической борьбы, приноравливая ее к текущим обстоятельствам, как этого требовал «оппортунизм»; не имей он места, — тогда даже самое принципиальное марксистское утверждение обозначало бы не что иное, как лишь простую словесную болтовню. Последняя, однако, является

особенностью современного социализма у очень значительной части пролетариата всех стран, который из политических и экономических соображений, — здесь мы их ближе не можем касаться, впрочем, они достаточно часто приводятся, — вместо того, чтобы жить в пролетарской революционной идеологии, направленной *к уничтожению* существующего положения рабочих, живет типичной мелкобуржуазной идеологией, которая направлена исключительно на *улучшение* существования рабочего. Но при таком исповедании дух социализма утерян и стал бездушным, без воодушевляющего подъема, а потому и без внешней притягательной силы для молодежи; таков социализм ныне везде, где он продолжает идти по старым путям.

Именно в этом противоречии между бездушным социализмом и социализмом, в котором горит горячая душа «практики переворота» Маркса и Энгельса, душа социальной революции, — именно в нем лежит подлинная причина сегодняшнего раскола и слабости социализма. И вот Ленин, в противовес указанной слабости, являлся гигантским воплощением этой пламенной души социализма, этой неспокойной и всегда бодрствующей «практики переворота». И именно поэтому ему было чуждо это столь обыденное и ничего не выражающее противоречие между доктринерским радикализмом и реально-политическим реформизмом. Ибо не было более крупного и смелого реального политика, чем Ленин, не было более строгого и беспощадного врага пустой революционной фразы, равно как и всякого закостенелого радикализма, и в то же время не было более фанатического приверженца социальной революции. Так, мы читаем у него: «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену…» В другом месте он пишет: «Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это — не решение трудной и труднейшей задачи». Ленин никогда не отделывался простой формулой в вопросах парламентаризма и участия в буржуазном правительстве, борьбы с империализмом, в вопросах внешней политики, в вопросах милитаризма и войны. Излюбленная ныне фраза, что современный социализм не может быть таким же, каким он был во времена Маркса, ибо за это время для пролетариата возникло так много новых положений и задач, «о которых Маркс ничего не знал», — эта фраза не может быть здесь

применена там, где речь идет об устремлении реальной политики Ленина, направленной именно к тому, чтобы новыми методами революционной классовой борьбы разрешить эти новые положения и задачи.

Конечно, *эта* реальная политика была возможна лишь потому, что ее пронизывал пыл революционной воли, и оттуда проистекала захватывающая сила, способная спор в собственной партии превратить в захватывающую убедительность. Для этой основной линии, превращающей простую тактику прежде всего в социально-революционную энергию, Ленин дал, еще в пору своей эмигрантской жизни в Швейцарии, правда, некрасиво звучащее, но чрезвычайно выразительное и внушительное определение — именно «профессионального революционера». Только в пору капитализма, который из каждой профессии сделал «гешефт» и не отделял, в силу этого, одного понятия от другого, и, говоря о выполнении одной профессии, подразумевает только «гешефт», — только в эту пору высокий и идеалистический смысл этого определения Ленина мог быть не понят или даже получить презрительное толкование. Но ощущение *революции как профессии* было не чем иным, как возрождением великого марксистского осознания исторической роли пролетариата при созидании нового общества, — было не чем иным, как одухотворенным указанием Лассаля на высокое историческое назначение рабочего класса. Быть профессиональным революционером — это призыв к каждому пролетарию быть во всех своих помыслах, чувствах и деятельности тем, чем назвал его уже «Коммунистический Манифест», — могильщиком сегодняшнего и пионером будущего общества.

Это означает, что каждый пролетарий, который действительно хочет обрести право на историческое почетное звание социалиста, должен быть проникнут во всякое время и везде, — т. е. не только в больших политических действиях и профессиональной борьбе, но и в своей повседневной мелочной работе, и во всем своем жизненном поведении, — чувством ненависти и презрения ко всей буржуазной организации и воззрениям, как это возможно лишь там, где в пределах буржуазного мира чувствуешь себя не дома и поэтому не хочешь в нем устраиваться прочно. Солдат во вражеской стране постоянно готов «по призванию» к нападению, — таков и профессиональный революционер. Таким профессиональным революционером был Ленин: для него борьба с капитализмом и империализмом против буржуазного классового государства, а равным образом и против *обуржуазивания мыслей и чувств в самом пролетариате,* была призванием, наполнявшим всю его жизнь и превращавшимся в

профессию служения пролетариату и развитию более высоких форм общественной жизни. Поэтому его фигура возвышается над несчастным расколом в пролетариате как пример, который должен быть дорог каждому революционному пролетарию; тем более должна она быть таковой, ибо убеждения Ленина, — как только они станут всеобщими, — содержат вернейшую гарантию возрождения единства пролетариата и его Интернационала.

3

Надо установить, таким образом, раз навсегда настоящее *социалистическое* значение Ленина именно в деле развития революционного классового духа пролетариата, которое нельзя устранить никаким партийным спором— спором социалистических партий, могуче раздутым Лениным, спором, который неоднократно мог затемнить истинное значение Ленина, ибо он сам поставил очень внушительные пределы его проявлению, так что часто спор этот вредно влиял на развитие социализма вне России. Но и тут это мнение должно понести весьма значительные поправки, если только оно не останется в том плане мышления, которое привело к кризису социализма, но станет на почву социал-революционного классового мышления пролетариата. Тогда не только будет дана справедливая оценка Ленина, — что не имеет такого уже значения, ибо сама история исправит ошибочную оценку, — но тогда придут к собственному лучшему постижению его личности и к пониманию современного социализма.

Несомненно, странным и полным противоречий останется то обстоятельство, что Ленин, который был столь неслыханно верным тактиком в русской революции, заставлявшим поражаться по праву его почти баснословному инстинкту в ощущении необходимости момента, сделал такую чреватую последствиями ошибку в отношении социалистической тактики за пределами России, именно хотел управлять ею из центра, из Москвы, и притом лишь теми методами, которые применялись в России. Это тем более удивительно, что именно Ленин постоянно учил, что тактика социализма не везде носит общий характер и ее нельзя установить навсегда, но что она должна проистекать из существующих условий. Он сам еще до революции поставил для себя требование признать своеобразный характер русской тактики. Так, он заявил однажды (1905 г.) на попытку Бебеля примирить большевиков и меньшевиков: «Мы относимся к Бебелю с величайшим уважением, но когда идет вопрос о том, как на

нашей родине побороть царизм и буржуазию, то да будет нам позволено иметь на этот счет свое собственное мнение». В силу этого Ленин был далек от того, чтобы не сознавать, что успех большевизма в русской революции был результатом лишь единственных в своем роде обстоятельств, которые имелись только в России. В письме к швейцарским рабочим перед своим отъездом в Россию он говорит: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России *менее* организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, может быть очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира». Как же объяснить это, если принять во внимание, что Ленин все-таки повел столь чреватую последствиями политику так называемого Третьего Интернационала?

Если не остаться погруженным в этом вопросе в гуще партийных предрассудков, то необходимо иметь ясный взгляд в двух направлениях. Нельзя «путчизм», в который выродился «коммунизм» за пределами России, отождествлять с Лениным, но нельзя в путчизме видеть только путчизм; для этого нужно прежде всего, чтобы у себя самих в социал-демократической партии не все казалось в розовом свете подлинной революционной жизни. У кого нет глаз и понимания того, что я выше назвал «бездушием» социализма, тот никогда не поймет, что «путчизм» для многих его лучших и идеальных приверженцев, — и это особенно объясняет притягательную силу «коммунизма» у молодежи, — представляет *страстную реакцию против этой бездушности.* Именно как такую реакцию против революционной атрофии пролетарского социализма следует прежде всего понимать интернациональную деятельность Ленина. Это было гигантское стремление снова пробудить революционный классовый дух, высечь его словно искру из холодного кремня даже ценой организационного единства партии, выявляющей лишь показную величину и силу, которых в действительности нет. Если Ленин написал в начале войны в резолюции партии большевиков: «Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами», — то эта мысль дает основной тон всей международной тактике Ленина, которая с той поры, именно с поры несчастного развития германской социал-демократии, все более познается правильной и во многом вне Третьего Интернационала. Рассматриваемая в этом свете тактика Ленина в деле раскола старой социал-демократической партии была

ошибкой, так как она должна была повести к братоубийственной войне и вообще к разложению пролетарских сил, тогда как цель могла быть достигнута сильной оппозицией в старой партии без такого ее ослабления и путем внутренних преобразований, но это ошибка, которая связана, как всегда у великих людей, с достоинством страстной и стремительной силы новой революционной воли.

Далее, нельзя оставить без внимания, что, несмотря на все различие условий внутри России и вне ее пределов, и даже при том особенно сильном насаждении социал-патриотическими и социал-империалистическими элементами средне- и западноевропейского социализма, надежда на громадную революционную перегруппировку пролетариата, особенно в дни переворотов в Германии, не должна была бы быть лишь иллюзорной. С другой стороны, мы видим только теперь, — когда внутренняя история русской революции стала более ясной, чем это могло быть в бурный период ее первой заграничной пропаганды, — как пролетарская революция, тогда почти задушенная контрреволюционными движениями, созданными Антантой, должна была дожидаться восстания германского пролетариата как освободителя. Если мы теперь можем точно указать те экономические и политические основания, благодаря которым восстание это не произошло и не могло произойти, то едва ли найдется кто-либо, кто бы мог отрицать, что *объединенный* пролетариат Германии смог создать такую ситуацию, которая, по крайней мере, не дала бы возможности до такой степени развиться современной реакции, превратившей самый сильный пролетариат в мире в беспомощный фактор в государстве и в социалистическом движении. Мы были правы, называя всегда буржуазных критиков Маркса и Энгельса ничего не понимающими, так как они насмехались над тем, что эти оба больших революционера столь часто после 1848 года предвидели новую, более значительную революцию, которую они ожидали всю свою жизнь. Их теоретическое благоразумие рекомендовало им терпение, но их революционный пыл увлекал их снова, ибо они были не только холодные исследователи истории, но были и людьми дела, с необузданной энергией и сокрушительной волей. Поэтому пусть насмехается над Лениным, над тем, что в нем бурное стремление к мировой революции победило обычную холодную тактику, тот, кто никогда не чувствовал сам в себе подобного стремления, тот, кто всегда имеет терпение и может выжидать, ибо он ощущает свою значительность лишь в пределах своей самодовольной действительности.

И вот ответ на вопрос, каким образом такой крупный, быть

может, самый значительный до сего времени реалист социал-революционной политики вел такую нереальную политику в отношении социалистического движения вне России: это была прежде всего ошибка в переоценке революционной силы мирового пролетариата, который, благодаря тогдашней слабой осведомленности о мировых событиях, казался ему действительно подготовленным; впрочем, это тогда не он один предполагал вследствие русской пролетарской революции и лихорадочно ускоренного войной возмущения пролетариата во всех других странах. В этом смысле знаменательны его первые слова, после его возвращения из Швейцарии, на родине: «Недалек тот час, когда народы откликнутся на зов нашего товарища Карла Либкнехта и направят свое оружие против эксплуататоров, против капиталистов… В Германии уже все находится в брожении. Не сегодня завтра, каждый день может наступить катастрофа всего европейского капитализма». Затем была ужасная внутренняя и внешняя опасность русской революции, которая должна была вызывать все новое и новое гигантское напряжение получить пролетарскую революционную помощь извне, пролетарскую выручку осажденной крепости. Это были тяжелые ошибки Ленина, от которых страдает и по сей день социалиститеское движение; но именно здесь-то Ленин и был тем человеком, который мог бы их преодолеть, если бы ему не помешала длительная болезнь и преждевременная смерть. Ибо что создало его громадную историческую деятельность? Именно то, что он не был человеком формулы, он не был рабом своей тактики, но обладал поистине беспримерной неустрашимостью и беспощадностью к себе и к своим приверженцам, если дело касалось изменения тактики. Это он доказал в тяжелые дни поворота революции в вопросе заключения мира с германским империализмом, в отказе от социализации недвижимых имуществ и, под конец, в переходе к нэпу, — он любил все это называть добродетелью отступления. Лишь поэтому большевики, так говорил он однажды радикалам, имели успех, что они беспощадно изгнали всех революционеров пустой фразы, которые не понимали, что может стать необходимым начать отступление и что нужно уметь начать это отступление. В другом месте он верно дал свою собственную характеристику как политика большого масштаба, говоря: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их». Смерть не дала Ленину времени, которое вообще было слишком коротким, преодолеть эти ошибки, — ведь пяти лет для практического осуществления этой задачи слишком мало, ибо

чем были тем более эти пять лет, как не дикими судорогами и борьбой за существование вырабатывающейся новой исторической роли пролетариата. Здесь большая задача выпала в виде наследства наследникам Ленина. Да будет она им под силу!

4

В противовес к методам Ленина можно было бы, конечно, гораздо менее резким путем достигнуть единодушия между социалистическим центром и большевизмом. Это вмело бы для объединения вновь всего пролетариата совершенно неисчислимые последствия, если бы вполне понятное отрицание путчизма с их стороны не проистекало из совершенно немарксистского, чтобы не сказать «лояльного», образа мыслей многих марксистов и притом проводилось ими в жизнь и укрепляло сознание исключительно в пределах легального демократического развития социализма. Это, во всяком случае, не в духе пролетарского классового сознания в понимании Маркса и Энгельса, — и теоретическая заслуга Ленина, несомненно, в том, что он снова с решительностью обратил на это внимание. Он словно снова открыл учение Маркса о классовой борьбе и напомнил о смысле марксистского понимания государства как об организации господства классов, — понимания, превратившегося в пустую фразу; он восполнил это понимание живыми и непосредственными историческими задачами, в которых доказывал, что это определение применимо не только *к буржуазному, но а к пролетарскому государству*. Понятия «демократия» и «диктатура» получили совершенно новое освещение только благодаря толкованию, что завоевание политической власти пролетариатом в каждом случае — проводится ли оно демократическим путем или путем захвата — неминуемо должно вести к диктатуре, ибо только благодаря ей может быть осуществлена классовая воля пролетариата в отношении буржуазии.

Выяснилось, что демократия, пока существует классовое государство, является и будет являться противоречивой формой, ибо самое демократическое государственное устройство предполагает, что или буржуазные, или пролетарские партии имеют большинство, равновесие их постоянно бывает лишь временным, ибо в непримиримости их экономических тенденций лежит повод к уничтожению этого равновесия при первом удобном случае. Поэтому и демократия означает собою, что большинство господствует над меньшинством, и, когда его

положение становится критическим, оно прибегает к диктатуре, к чрезвычайному положению, к военному суду и пр. В демократическом буржуазном государстве и сейчас (и прежде) господствует буржуазная диктатура, точно так же как в пролетарском государстве будет господствовать диктатура пролетарская. Демократия и диктатура, таким образом, в классовом государстве не являются противоположными понятиями, и речь может идти только о том, чтобы найти предпосылки к диктатуре пролетариата. Будет ли она притом проведена в «демократической» или другой форме, является вопросом несущественным и от воли нашей не зависящим. При таком освещении исчезает ряд проблем, которые до сих пор разъединяют пролетариат.

«Демократия» более — не принципиальный вопрос, парламентаризм — не место ловли для политической работы, конечно, при всем этом для западно- и центрально-европейского рабочего класса эти понятия не теряют совершенно исключительного практического значения. Не кто иной, как Ленин, подчеркнул это с особенной резкостью. Он называл долгом «разрушить буржуазно-демократические и парламентские предрассудки» масс, но не для того, чтобы отстраняться от парламента, а, напротив, работать в этом осознании. Ленин никогда не играл в демагогию, говоря рабочим: «Вся власть Советам» или «Необходимо в одну ночь заменить парламентскую систему советской». Надо только прочесть, как он в своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» осуждает эту тактику германских и австрийских «коммунистов», но отрицание этой демагогии не может отвергать духа политической критики демократии и происходящей благодаря ей легализованности движения, для которого еще Энгельс нашел жестокие слова. Борьба с путчизмом у одних не должна выродиться в трусость собственного политического мышления, что приведет к могиле всякое понимание марксистского государственного устройства и пролетарской классовой борьбы. Кто продумает эти оба понятия со всеми условиями классового принципа, — этим мы обязаны точке зрения Маркса, — тот найдет основание, почему Ленина, который впервые осуществил эти особенности понимания, назовут за раскрепощение политической мысли от массы предрассудков и мнимых задач не в меньшей степени духовным освободителем, чем социалистом. Если кто-нибудь пугается тоги террора, одевающей его фигуру, то пусть тот поучится именно у него, равно как и демократические, ибо они были классовыми движениями, и что если необходимо быть террору, то красный террор все-таки оставляет больше надежды, чем белый,

безотносительно от того, что он никогда не бывает столь кровав, как белый.

5

Значение Ленина для России и ее освобождения — ныне исторический и незыблемый факт, не подвергающийся спорам партий и классовых воззрений. Если историческим смыслом каждой революции является дать свободу и простор, уничтожая и отбрасывая пережитые и тормозящие законоположения и формы жизни для дальнейшего развития общества, то не было более радикальной революции, чем русская, не было более беспощадного уничтожения старого мира, чем через большевизм. Это целиком дело Ленина, который взял в руки могучую инициативу в октябре 1917 года, в тот момент, когда даже его друзья еще колебались; его стихийная смелость, в соединении с упорной и неотступной силой и поразительным дипломатическим искусством, преодолела все опасности революции. Это грандиозное дело имеет значение не только для России: это — часть дела освобождения всего мира. Никогда не забудется современниками и останется в сердцах пролетариев то громадное впечатление, как в октябре 1917 года, когда еще культурный мир находился в кровавых оковах войны, когда всякая надежда на прекращение бедствия была утрачена — особенно после того, как даже героический поступок Фридриха Адлера остался без последствий, — как из Петербурга в это время раздался зажигательный клич: «Ко всем», что русский пролетариат признал войну законченной и пригласил народы к мирным переговорам *. И как этот исторический акт являлся действительным духовным освобождением из величайшей безнадежности и отчаяния, так разрушение старой России означало физическое освобождение совершенно неожиданным способом всего мира, с которого, наконец, был сброшен гнет царизма, равно и империализма русской буржуазии, который еще при Милюкове и Керенском мог запятнать русскую революцию новым наступлением в угасающей мировой войне. Конечно, не по вине Ленина не была осуществлена власть пролетариата, и союз советских республик — не пролетарское государство в том смысле, что пролетариат является лишь одним господствующим классом. Власть здесь только господствует, давая подавляющему большинству населения — крестьянам — известные уступки, дает концессии и допускает теперь даже, в силу новой экономической политики, в известном смысле и буржуазию. Если противники русского

большевизма, который надо резко отграничить от внерусского, хотят в этом видеть его банкротство и даже над этим насмехаются, то они вовсе не имеют понятия о различии в строении государства, рожденного из революции и стремящегося к тому, чтобы только сохранить, по возможности свое первоначальное направление, от государства, в котором вовсе не может быть такого устремления, так как такое государство насквозь контрреволюционно. Пролетариат всего мира поэтому никогда не переставал с верным революционным чутьем смотреть на российские советские республики как на драгоценнейшее и славнейшее достояния пролетарского движения на пути к социализму, как на великий форпост в борьбе против буржуазного капиталистического мира. Цепи, разорванные в России Лениным, были цепями, приготовленными и для нас, и надежды и горячее сочувствие мирового пролетариата в том, чтобы дело его было сохранено и мощно развивалось. Поэтому печаль, навеянная его смертью, была велика в пролетариате и соединялась со страхом, ибо одновременно к этому присоединялась боязнь за будущность русской революции. В этом смысле в чувстве каждого пролетария слились воедино Ленин и дело пролетарской революции.

6

И человек, носивший в себе такое громадное историческое значение, — это должно войти в надгробную речь, — оставался простым, скромным, почти по-мужицки живущим пролетарием, жил ли он в бедной лачуге или в царском дворце в Кремле. Он и здесь оставался символом революции: могуче распрямляясь в разрушительной и созидательной своей силе, царственно пренебрегая всей мелочностью и узостью жизни, без претензий к роскоши и оставаясь постоянно скромным в своей жизни. Под этим впечатлением Горький сказал о нем: «Его частная жизнь такова, что в религиозное время из него сотворили бы святого». Человек, который мог бы сделаться русским царем, если бы им руководили личное властолюбие и жажда славы, а не идея социальной революции, умер в комнате прислуги в загородном дворце, из многих комнат которого он хотел жить только в этой. Это не было эффектной игрой, это не была демагогия, наверняка уже чуждая смертельно больному человеку, — это был инстинкт человека, который иначе не мог поступать, ибо существу большой пролетарской идеологии, которую оа исповедовал, для которой он жил, мог соответствовать только пролетарский образ жизни.

Таким был Ленин — великое единство мысли, поступков и чувств. Дух целого класса, дух пролетариата проносил и образовывал это единство, чтобы благодаря ему сделаться богаче и полным духовной силы. Поэтому Ленин останется жив не только в памяти пролетариата, но и тем более пребудет живым, чем больше пролетариат поймет и выполнит свою историческую задачу, которую Ленин оставил на примере своей жизни.

Красная новь. 1924 М 3

Л.И. АКСЕЛЬРОД
ИЗ ПРОШЛОГО

В октябре 1901 года мною была получена телеграмма из Цюриха (я жила в Берне), которой меня приглашали немедленно приехать в Цюрих. Телеграмма была подписана Г. В Плехановым. Мне было известно, для какой цели меня вызывают в таком срочном порядке в Цюрих. Дело в том, что подготовлялся съезд революционных социал-демократов с «Союзом», т. е. с так называемыми «экономистами». Перспектива быть на съезде меня очень обрадовала, несмотря на то что были некоторые основания для неприятного чувства. Трения и разногласия в среде социал-демократии, приводившие в конце концов к неизбежному расколу, вызывали всегда и во всех нас тяжелые переживания. Тем не менее я, как сказано, обрадовалась чрезвычайно возможности присутствовать на этом съезде. Я знала, что на съезд должны приехать Н. Ленин, Л. Мартов и А. Потресов, а приезд этих трех известных выдающихся людей знаменовал собою из ряда вон выходящее событие в нашей эмигрантской революционной жизни. Надобно сказать, что большинство приезжавших из России за границу социал-демократов, эмигранты и неэмигранты, коль скоро они хоть сколько-нибудь выделялись из общей среды, немедленно вступали в оппозицию к группе «Освобождение труда». Помимо некоторых глубоких причин этого явления, которых касаться здесь не место, это объяснялось еще, по-видимому, эмигрантским положением членов группы «Освобождение труда». Почти каждый из более или менее видных работников в России воображал, что он имеет большие основания и большие права на практическое и даже в некоторых пределах и на теоретическое руководство революционным рабочим движением, нежели группа «Освобождение труда», находившаяся за границей. Как бы там ни было, оппозиционное настроение всяких «молодых» являлось как бы фатальным и непреодолимым препятствием к тесному объединению социал-демократических элементов. Совершенно естественно, что все эти оппозиции оставляли весьма неприятный осадок у тех, кто к ним не примыкал.

Из всех «молодых» Н. Ленин, Л. Мартов и А. Потресов составляли исключение и в этом смысле. О деятельности каждого из них мне пришлось в течение нескольких лет слышать весьма восторженные оценки. Строго сохраняя конспирацию в отношении действовавших в России товарищей, члены группы

«Освобождение труда», с которыми я встречалась часто, никогда не говорили определенно и обстоятельно об этих выдающихся товарищах. Тем не менее не помню, когда и от кого именно я все же слышала, что Ленин возглавлял группу революционных социал-демократов, так называемых «стариков», что он яркий, смелый и энергичный революционный социал-демократ, что Потресов издал книгу Бельтова (Плеханова) и имеет другие заслуги перед русским революционным движением и что младший из них, Цедербаум-Мартов, — необычайно яркий, преданный, ортодоксальный социал-демократ и талантливый публицист, подающий огромные надежды. Все это мне было известно задолго до организации «Искры» и «Зари». Статьи же их в блестящей, зажигательной «Искре» и не менее блестящей и научно солидной «Заре» являлись убедительным подтверждением всему мною слышанному до сих пор. В частности, о Ленине у меня создалось представление сильной личности с большим революционным темпераментом и выдающейся действенной энергией. Мне были, конечно, хорошо известны его произведения, поставившие его сразу в первом ряду борцов за революционно-марксистскую мысль.

А. Н. Потресова я имела случай видеть еще в 1892 году, в Женеве, в доме Плехановых, но видела его мельком и почти что ни о чем не говорила с ним. От этой мимолетной встречи у меня запечатлелся в памяти образ благородного, вдумчивого молодого человека, значительно отличавшегося по всему своему облику от других окружавших нас молодых социал-демократов.

С Мартовым я также познакомилась в Женеве, и также в доме Г. В. Плеханова, в июне 1901 года. Он приехал в качестве делегата от «Искры» на совещание заграничных социал-демократических организаций, созванное по инициативе группы «Борьба» (организованной, как известно, Д. Б. Рязановым, Э. Л. Смирновым и Ю. М. Стендовым) для выработки соглашения.

Л. Мартов производил, прежде всего, сильное впечатление своей необыкновенной одухотворенностью. Его тонкое, нервное, с правильными чертами лицо явно свидетельствовало о нескольких поколениях предков, живших активно духовной жизнью. Несмотря на мое глубокое желание ближе познакомиться с этим товарищем, беседа с ним у меня не вязалась. Между нами не было настоящего контакта. Это объяснялось, я думаю, тем, что Мартов ушел весь без остатка в практическое революционное рабочее движение. Там, в нем, в этом движении, работал его тонкий теоретический ум, обобщая и анализируя формы и элементы пролетарской борьбы. Прямо поражало в Мартове полное знание всех подробностей как истории развития, так и актуального

состояния положения рабочего класса в России, а также на Западе. Мартов знал состав всех комитетов в России, всех работников, живых и умерших, работавших на свободе и заключенных в тюрьмах, он знал историю их деятельности, короче, он знал все мелочи движения, которые, однако, не расплывались в отдельные, несвязные составные части, но находили в его деятельном уме тонкие обобщения, выражавшиеся в весьма оригинальной, литературной форме. В другой среде, вне движения, Мартова себе представить было решительно невозможно. У меня же превалировали философско-марксистские интересы. Меня занимала и все более и более увлекала, главным образом, теоретическая борьба с философской «ревизией» того времени. В беседе с ним я уходила в сторону философии. Его также интересовала эта борьба, но борьба, заключенная в определенные рамки; этой борьбе он придавал большое значение, но говорил он о ней с точки зрения непосредственной ее важности для злободневных практических целей движения.

С Н. Лениным я еще лично не встречалась. Получив телеграмму, помнится, вечером, я на следующий день выехала в Цюрих. Остановившись у одной студентки, члена Цюрихской социал-демократической группы, я в тот же день вечером отправилась к хорошо знакомой мне семье Павла Борисовича Аксельрода. Там я застала Г. В. Плеханова и Веру Ивановну Засулич. «Молодых», т. е. Н. Ленина и Л. Мартова, не было, хотя они уже приехали (Потресов на съезд не приехал). Члены группы «О. т.» — П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и Г. В Плеханов — были настроены по-праздничному. Георгий Валентинович и Вера Ивановна весело острили, каждый по-своему. Изредка вставляла остроумные замечания покойная Н. И. Аксельрод (жена Павла Борисовича), также отличавшаяся спокойным, добродушным и милым юмором. Павел Борисович, очень любивший остроумие, был в полном восторге и поощрял своим искренним смехом товарищей. О программе предстоявшего съезда говорилось, но как-то не специально, не систематически, а урывками. Объяснялось это принципиальной солидарностью членов группы «О. т.», с одной стороны, а с другой — тем, что на следующий день утром должно было состояться совещание, совместное с Лениным и Мартовым.

Заседание было назначено, насколько мне помнится, на 10 часов утра, в одном небольшом и незаметном кафе. Заседание должно было происходить, однако, не в самом кафе, а в небольшом садике, выходившем на двор. Выбор этого угла Цюриха объяснялся условиями конспирации. Когда я пришла в 10 часов, я застала там Веру Ивановну, Георгия Валентиновича и

Павла Борисовича. Несколько минут мы ожидали Ленина и Мартова (На этом заседании присутствовало нас шестеро: члены группы «О. т.», Ленин, Мартов и я) и в ожидании их как-то не говорили или говорили о пустяках. Вскоре явились Ленин и Мартов, которые сразу производили впечатление как бы неразлучных друзей. Ленина я видела в первый раз. Ему можно было дать 30 лет, не больше и не меньше. Чуть-чуть ниже среднего роста, крепкого сложения, с уверенными, спокойными, определенными движениями, он производил впечатление законченного, сильного характера. В его лице привлекательными были острый, проницательный, но не отчуждающий взгляд и хитровато-добрая, симпатичная улыбка, которая появлялась часто в беседе и служила ему украшением. Держался он с естественным достоинством, просто и скромно. Речь — отчетливая, взвешенная, без лишних слов, но и без лаконизма, обычно отталкивающего своей скукой и сухостью. В его отношении к членам группы «О. т.» был заметен некоторый пиэтет, а, в частности, в отношении к Плеханову явно сквозило большое уважение ученика к учителю, но ученика, имеющего самостоятельную мысль и независимую волю, т. е. истинного ученика.

Беседа происходила без председателя и без секретаря, по-товарищески, без всяких формальностей.

Дело шло о программе съезда, о той позиции, которую мы, революционные социал-демократы, должны были занять на предстоявшем съезде. Ленин стоял на точке зрения окончательного разрыва с «экономистами». По его твердому убеждению, «экономисты» вступили на путь ревизионизма, и совместная работа с ними представлялась ему совершенно невозможной. Он доказывал свои положения, опираясь на руководящие статьи «Рабочего дела». «Рабочедельческий» оппортунизм получил в настоящее время теоретическое оформление, а потому является настоятельная необходимость вести с ним решительную борьбу. Позицию Ленина разделяли П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Противоположную точку зрения развивал Георгий Валентинович. Он стоял за объединение с «экономистами», указывая на необходимость такого объединения для борьбы против угрожающей опасности со стороны возрождающегося народничества. Исходя из этих соображений, он советовал идти на уступки, конечно, не принципиального характера. Плеханова поддерживали Мартов и я. Эти разногласия не вызывали, однако, никакого раздражения в спорящих участниках совещания. Вся эта беседа происходила чрезвычайно мирно, и, насколько я помню, окончательного решения на совещании не было принято.

Был далее поставлен вопрос, кому совещание поручает выступить на съезде с критикой «экономизма». Как-то само собой разумелось, что эта задача должна быть возложена на Плеханова, и все присутствовавшие высказали это в один голос. Но Плеханов отказался, мотивируя свой отказ тем, что будет гораздо целесообразнее, если против оппортунизма выступит кто-нибудь другой, ибо отношение его, Плеханова, к ревизионизму в достаточной степени известно. Заканчивая свою мотивировку, Г. В. настойчиво предлагал Ленина. Кроме всего, Г. В. с видимым удовольствием уступил эту роль талантливому молодому ученику. Ленин немного смутился, вначале было стал отказываться: он, видимо, чувствовал некоторую неловкость заменить такого классического оратора и блестящего диалектика, каким был Плеханов. Но Г. В. настаивал, и мы, присутствовавшие, не возражали. Согласившись, Ленин тотчас же обратился с вопросом к Павлу Борисовичу, есть ли у него налицо весь нужный материал и когда его можно получить. После последовавшего ответа встал и немедленно удалился. Видно было, что он уже занят мыслью о завтрашнем выступлении.

Тут же считаю необходимым отметить, что отсутствовавший Потресов очень часто упоминался Лениным и Мартовым, которые в течение собеседования неоднократно ссылались на его мнения. Чувствовалось, что, несмотря на доверие, на уважение и пиэтет к группе «О. т.», несмотря на принципиальную, в общем, солидарность с нею, Ленин, Мартов и Потресов все же имеют какую-то свою линию.

На следующий день утром (4 октября) открылся съезд. Слово было предоставлено Ленину. Доклад Ленина был тщательно и хорошо продуман; логически следовали положения одно из другого; были подобраны материал и факты, метко бившие противника. Говорил он с большим темпераментом, свободно, но сдержанно, убежденно и деловито, изредка повторяя и подчеркивая некоторые значительные слова. Он явно действовал на аудиторию, заражая ее и владея ею всецело. Противники чем дальше, тем больше злились. Это было заметно по выражению лиц их вождей. Сторонники, наоборот, слушали с полным удовлетворением и с восторгом. Особенно же восторгались «старики»: Аксельрод, Засулич, Плеханов.

Отвечал Ленину один из редакторов «Рабочего дела», теоретик этого направления, известный эмигрант Б. Н. Кричевский. Кричевский был, вообще говоря, недурным оратором, он говорил отчетливо, энергично и настойчиво, имея в своем распоряжении должное количество фактов. Но явный большой успех Ленина сбил с толку его мысль и разорвал

приготовленную им речь. Кричевский говорил то вяло, то с чрезмерным, неестественным пафосом, доводя в конце концов ревизионистскую позицию до крайних пределов. Он, что называется, провалился. Успех, с одной стороны, и неуспех — с другой, еще больше содействовал раздражению «союзников». Атмосфера создалась уже на этом заседании до чрезвычайности напряженная; заметно назревал неизбежный раскол. Дальнейшие заседания дела не исправили, скорее, наоборот, еще более усилили антагонизм двух направлений. Из последовавших после речи Ленина выступлений выделилась только одна горячо сказанная речь Мартова. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод ограничились лишь мелкими замечаниями, воздерживаясь от речей из тех соображений, что целесообразнее предоставить борьбу с «экономистами» товарищам, недавно приехавшим из России, так как «экономисты» беспрестанно обвиняли группу «О. т.» в догматизме, объясняя этот ее «догматизм» оторванностью от русской действительности. Съезд, как известно, закончился расколом. Вместе с тем солидарность между представителями революционной социал-демократии укрепилась благодаря яркому выявлению оппортунистических стремлений «союзников». Поэтому указанное выше расхождение между Лениным, Засулич и Аксельродом, стоявшими с самого начала на точке зрения раскола, с одной стороны, и Плехановым, Мартовым и мною, признававшими желательным объединение хотя бы путем некоторых организационного характера уступок, — с другой, совершенно сгладилось, не оставив после себя никакого следа. На нашем общем заключительном заседании, на котором обсуждался вопрос о плане действий в связи с расколом, господствовало полное принципиальное товарищеское единство.

Предстояло вести борьбу на две стороны: против социалистов-революционеров, с одной стороны, и против «союзников» — с другой. Все русские колонии за границей играли в то время весьма значительную революционную роль. В частности, большую поддержку революционным организациям оказывала Бернская колония. Там в то время было довольно значительное количество сочувствовавшей нам социал-демократической молодежи и энергично работала «искровская» группа содействия. Во-первых, велась пропаганда, которая содействовала выработке социал-демократов, работавших впоследствии в России. Во-вторых, собирались сравнительно порядочные денежные суммы для поддержки «Искры» и «Зари». В-третьих, отправлялась с уезжавшими в Россию нелегальная литература. Совершенно ясно было стремление всех направлений приобретать и сохранять влияние на русскую колонию.

В связи с этой работой в русской колонии у меня возникла переписка с Лениным (По литературной части я переписывалась с Георгием Валентиновичем.). Но, быть может, у читателя явится вопрос, почему именно с Лениным. Дело в том, что с первого же разговора у меня с Лениным установились непринужденные товарищеские и в то же время очень корректные, чуждые обычной кружковой фамильярности отношения. С Лениным чувствовалось легко и свободно. Мне кажется, что каждый истинный художник, а также крупный политический деятель должен питать особый интерес к людям и знать их. Ленин обладал этими свойствами в весьма высокой степени. Очень возможно, и даже весьма вероятно, что, как организатор, он смотрел на окружающих людей как на средство для достижения определенных, поставленных им идейных целей, но в его отношениях к людям это не чувствовалось Ленину можно было сказать все, поставить на вид те или другие его ошибки, и он выслушивал с полным вдумчивым спокойствием, соглашаясь или нет, но отвечая на то и другое совершенно спокойно и без всякого раздражения. В то же время отчетливо выявлялась его чрезвычайная настойчивость. Он принадлежал к тем исключительно волевым натурам, у которых даже колебания не ослабляют воли к действию, а, наоборот, еще больше усиливают упорство.

В продолжение нескольких дней съезда мне пришлось несколько раз урывками беседовать с Лениным. Занимаясь тогда подготовительной работой к критике Струве, я излагала ему мои основные мысли, увлекаясь, конечно, в сторону философии. Ленин слушал с активным интересом, явно придавал огромное значение борьбе с философским ревизионизмом и теоретическому развитию марксистской философской мысли как таковой. Вообще надо сказать, что Ленина влекло и к теоретической научной работе. Эту важную черту неоднократно подчеркивал Георгий Валентинович, который рассказывал мне, как Ленин, будучи в Лондоне, пользовался каждым свободным часом для посещения Британского музея. Мое намерение продолжать свои занятия в области марксистской философии встретило в нем видимое живое сочувствие.

Сохранилось 12 писем Ленина ко мне за этот период. Первые два письма связаны непосредственно со съездом. Дело в том, что все документы съезда были переданы мне для составления чего-то вроде отчета. Но так как на съезде стенограмма не велась и речи были записаны, насколько я помню, неточно и расплывчато, то составление стройного и точного отчета оказалось, с моей точки зрения, невозможным. В первом письме Ленин просит прислать отчет *. Когда в ответ я изложила свои соображения о

невозможности составления такового, он во втором письме выражает солидарность со мною и просит прислать главные документы, как он выражается, связав их парою слов. Это было мною сделано.

Далее, преследуя цели влияния на колонию, наша группа поручала мне неоднократно приглашать редакторов «Искры» и «Зари» для чтения докладов. В первую голову приглашался Георгий Валентинович, после него следовал Ленин, который уже успел получить известность влиятельного оратора. От имени Бернской группы я написала Вл. И., приглашая его приехать в Берн и выступить на юбилее Плеханова, который Бернская группа собиралась устроить по случаю 25-летия со времени знаменитого выступления на Казанской площади. В это время приезжавшие в Берн члены «Союза» и их сторонники в колонии вели деятельную агитацию против подготовляющегося торжества. Я поэтому думала, что предполагавшееся мое выступление не сможет оказать должного влияния ввиду создавшегося неблагоприятного настроения. Об этом я сообщила в пригласительном письме Ленину. На мое мотивированное приглашение и последовал его ответ в письме № 3 **.

На юбилей Вл. И. не приехал. Но тут же замечу кстати, что торжество прошло с громадным подъемом. И удивительнее всего, что пропагандировавшие против юбилея «союзники» явились на юбилей и приняли горячее участие в празднестве. Лишнее доказательство той бесспорной истины, что самая противоречивая вещь на белом свете — это человеческая голова.

В 1902 году приехал, наконец, Ленин в Берн и читал доклад о программе социалистов-революционеров. Успех был полный, и Ленин стал желательным оратором. В 1903 году весной группа организовала нечто вроде народного университета. Были приглашены в качестве лекторов Плеханов, Ленин и я. Каждый из нас должен был прочесть курс в количестве 7–8 лекций. Каждый курс должен был продолжаться недели две. Плеханов читал об искусстве, Ленин по аграрному вопросу*** и я о философии Канта.

Первым читал Ленин. Приехав в Берн, он поселился в нескольких шагах ходьбы от меня. Видались мы почти ежедневно. Часов до пяти он работал, а после пяти обычно приходил ко мне, и ко мне же часто приходили товарищи из группы и сочувствовавшие «Искре» русские рабочие-эмигранты, находившиеся в Берне, работавшие на местных заводах и образовавшие свое собственное рабочее общество. Происходили беседы, задавались вопросы, касавшиеся большей частью волновавшего тогда проекта программы «Искры» и

преимущественно аграрной части программы. На вопросы Ленин отвечал обстоятельно, аргументируя фактами, а возражения выслушивал спокойно, вдумчиво, отражая их без всякого раздражения.

Намеченный курс лекций был прочитан с громадным успехом. На последней лекции было не меньше слушателей, чем на первой, — самый верный, объективный признак власти лектора над своими слушателями.

На следующий день после последней лекции Владимир Ильич уехал. На вокзале он напомнил мне о моем намерении взяться за критику эмпириокритиков.

Далее я встречалась с Лениным после II съезда и при особых обстоятельствах. Но об этих встречах в другой раз.

Записки Института Ленина. 1. М, 1927, С. 97–104

И. ВАЛЕНТИНОВ
ИЗ КНИГИ «ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ»

Через несколько минут мы были у Ленина. Я увидел крепко сложенного человека, небольшого роста, лысого, с редкой темно-рыжей бородкой и такими же усами. Самым внимательным образом вглядываясь в фотографии Ленина, появившиеся после 1917 г., с трудом поверил бы, что это тот самый человек, которого впервые увидел 5 января 1904 г. Подавляющая часть этих фотографий просто лжива. Особенно же фальшива одна распространенная, канонизированная, на которой Ленин представлен в виде какого-то гордого, красивого брюнета. Приходилось позднее много раз слышать и читать о ярко выраженном монгольско-татарском обличье Ленина. Это неоспоримо, однако при первой встрече, да и всех последующих, я на «антропологию» Ленина не обратил и не обращал никакого внимания. Его лицо казалось совершенно таким же, как у множества других русских, особенно в районе средней и нижней Волги…

Не могу окончить эту главу воспоминаний, не дав дополнительных, более подробных сведений о двух особых психологических состояниях Ленина, столь бросившихся мне в глаза во время прогулок с ним, когда он писал «Шаги» (Имеется в виду книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад»). Это состояние ража, бешенства, неистовства, крайнего нервного напряжения и следующее за ним состояние изнеможения, упадка сил, явного увядания и депрессии. Все, что позднее, после смерти Ленина, удалось узнать и собрать о нем, с полной неоспоримостью показывает, что именно эти перемежающиеся состояния были характерными чертами его психологической структуры.

В «нормальном» состоянии Ленин тяготел к размеренной, упорядоченной жизни без всяких эксцессов. Он хотел, чтобы она была регулярной, с точно установленными часами пищи, сна, работы, отдыха. Он не курил, не выносил алкоголя, заботился о своем здоровье, для этого ежедневно занимался гимнастикой. Он — воплощение порядка и аккуратности. Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, работать, Ленин, с тряпкой в руках, наводил порядок на своем письменном столе, среди своих книг. Плохо держащуюся пуговицу пиджака или брюк укреплял собственноручно, не обращаясь к Крупской. Пятно на костюме старался вывести немедленно бензином. Свой велосипед держал в такой чистоте, словно это был хирургический инструмент. В этом

«нормальном» состоянии Ленин представляется наблюдателю трезвейшим, уравновешенным, «благонравным», без каких-либо страстей человеком, которому претит беспорядочная жизнь, особенно жизнь богемы. В такие моменты ему нравится покойная жизнь, напоминающая Симбирск. «Я уже привык, — писал он родным в 1913 г., — к обиходу краковской жизни, узкой, тихой, сонной. Как ни глух здешний город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже».

Это равновесие, это «нормальное» состояние бывало только полосами, иногда очень кратковременными. Он всегда уходил из него, бросаясь в целиком его захватывающие «увлечения». Они окрашены совершенно особым аффектом. В них всегда элемент неистовства, потери меры, азарта. Крупская крайне метко назвала их ражем (как она говорила, «ражью»).

Валентинов И Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953 С 35. 209–110

В. С. ВОЙТИНСКИЙ
из книги
«ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ»

В конце января 1906 г. вопрос о Государственной думе еще представлялся отвлеченным, академическим — почти в такой же мере, как вопрос о будущем «Временном правительстве»: неизвестно было, когда соберется Дума, да и вообще соберется ли она. Но 12 февраля появился манифест, назначавший на 27 апреля созыв народных представителей. Теперь нужно было без всякого промедления решить вопрос о выборах.

Впрочем, у большевиков было уже готовое решение этого вопроса.

Дело в том, что еще в декабре 1905 года был созван общепартийный съезд РСДРП. Он не состоялся вследствие вспыхнувшего восстания. Но часть делегатов большевиков все же успела собраться и составила фракционную конференцию (*Имеется в виду Первая конференция РСДРП в Таммерфорсе, состоявшаяся 12–17 (25–30) декабря 1905 г. Ред.)*, которая вынесла ряд резолюций, в том числе и по вопросу об отношении к Государственной думе.

Эти резолюции были приняты в момент, когда многим казалось, что вооруженная борьба народа против царизма лишь начинается и будет в дальнейшем непрерывно развиваться, принимая все более решительный характер. В феврале положение было уже не то. Но декабрьская резолюция о Государственной думе (предлагавшая бойкот выборов) являлась для большевиков исходной точкой рассуждения. Не требовалось рассматривать вопрос в целом заново, достаточно было выяснить, должна ли быть сохранена в силе эта резолюция, без всяких оговорок, или в нее следует внести те или иные изменения?

Этому вопросу был посвящен доклад, прочитанный партийным работникам-большевикам Лениным.

Доклад состоялся в середине февраля в одной из классных комнат Тенишевского училища. Слушателей было человек 100–120—наполовину рабочие, наполовину партийцы-интеллигенты. Были приняты всевозможные предосторожности для ограждения собрания от внезапного набега полиции.

Мне приходилось и раньше встречаться с Лениным, но здесь я впервые мог оценить его как докладчика по вопросу о революционной тактике.

Говорил он, с внешней стороны, не блестяще — без образов,

без пафоса, без длинных периодов, без эффектных цитат. По нескольку раз повторял одну и ту же мысль, одними и теми же словами, будто повторными ударами молота забивал гвозди в головы слушателей. Порой долго останавливался на положении, которое было само по себе очевидно. И все же его речь ни на миг не казалась скучной. Основной особенностью ее была непоколебимая уверенность оратора в том, что *он знает,* каким путем идти, и что иного пути нет и быть не может. Ленин почти не снисходил до возражений противникам. Он приводил их аргументы лишь для того, чтобы заметить: «Да ведь это смешно, товарищи! Они и сами знают, что это смешно. Это для малых детей ясно». О меньшевиках он отзывался с открытым презрением, называл их «либеральными дурачками».

Ленин отстаивал безусловный бойкот Государственной думы. Положение рисовалось ему в виде дилеммы: или конституционное строительство — или революция; или Дума — или восстание. Принять один путь — значит отказаться от другого пути. Кто за революцию, тот должен быть против Думы; кто за Думу, тот против революции. Свою мысль он формулировал еще и так: все дело в том, в каком году мы живем, — в 47-м или в 49-м? Если мы живем в 49-м году, нужно идти к избирательным урнам; если у нас 47-й год — то никаких выборов, ничего, что отклоняло бы народ с единственно прямого, единственно правильного пути восстания! И далее сыпались соображения о том, что 48-й год еще впереди: объективные задачи революции не разрешены; классы, составляющие силу революции, не удовлетворены; революционная борьба продолжается — в партизанской форме, — и подавить ее правительство бессильно.

Но это были скорее иллюстрации, подтверждавшие мысль докладчика, нежели доказательства. Вообще Ленин избегал доказательств. Он не рассуждал, а приказывал.

Выставив определенное положение, он делал из него выводы, потом делал выводы из этих выводов, и так дальше. Все — в порядке строгой дедукции, все — с непререкаемой уверенностью, со снисходительным смешком и презрительным замечанием по адресу противника.

От этой манеры веяло огромной силой.

Много раз впоследствии слышал я Ленина, но ни разу особенности его речи не представлялись мне в столь отчетливом виде, как на этом его докладе в защиту бойкота Государственной думы.

И не на меня одного, на всех слушателей его доклад произвел неотразимое впечатление. Казалось, что и вопроса не могло быть

о пересмотре тактики по отношению к Государственной думе.

Разумеется, нужно оставить в силе резолюцию декабрьской конференции!

Разумеется, бойкот!

После доклада Ленина были прения, но прения особого рода: «оппоненты» во всем соглашались с докладчиком и лишь приводили новые соображения в пользу его выводов. Говорили о Московском восстании, о безработице, о настроениях в деревне. Докладчик принимал все эти замечания, подчеркивая их значительность.

Мы расходились не только уверенные в спасительности бойкота предстоящих выборов, но и полные надежды, что эта тактика вернет нас к золотым Октябрьским дням…

В большевистском центре царил безраздельно Ленин. Его непререкаемый авторитет основывался не только на его талантах и исключительной работоспособности, но, главным образом, на необычайной уверенности, с которой он решал все вопросы. Это не была *самоуверенность* доктринера, а нечто иное.

Никогда не замечал я у Ленина признаков «генеральства». Наоборот, в обращении с товарищами (особенно с рабочими) он был внимателен и прост. При появлении новых людей терпеливо слушал их, как бы ни были скучны их рассказы.

Слушал он по-особому: склонив голову набок, наставив ухо, лукаво прищурившись, с выражением напряженной работы мысли. Это выражение не сходило с его лица и тогда, когда его собеседник нес околесицу и не мог выбраться из леса: «так сказать», «ежели который», «с моей точки зрения, по существу, к порядку». Казалось, что Ленин с особенной жадностью вслушивается в подобные нескладные, корявые речи и улавливает в них что-то значительное и нужное ему, чего не замечают другие…

Это была характерная манера Ленина. Он действительно верил в то, что у *массовиков* революционер должен искать ответа на все встающие перед ним вопросы.

Никто не умел так, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко. Склонность к абстрактному, дедуктивному, доктринерскому мышлению странным образом уживалась в нем с гениальной чуткостью по отношению к рабочей стихии.

Порой на вопрос о его мнении по тому или иному делу он отвечал:

— Не знаю… Как товарищи рабочие решат, им виднее…

Но при этом глаза его хитро улыбались. И собеседник чувствовал, что «Ильич» про себя уже решил вопрос.

Несколько позже того периода, о котором я говорю, в 1907 году, среди петербургских рабочих-большевиков обнаружилось неудовольствие против комитетов и комитетчиков, а также против партийной прессы. Ленин предложил, чтобы на конференциях каждый высказывал с полной откровенностью, что у него накопилось. Посыпались упреки и обвинения, порой в довольно резкой и обидной форме:

— Вы — комитетчики, вы — генералы, о жизни заводов вы ни черта не знаете…

Ленин все это выслушивал, все принимал, со всем соглашался, — и в результате каждого такого объяснения его авторитет в глазах рабочих возрастал еще выше.

Ленин был окружен атмосферой безусловного подчинения. Не только Зиновьев, но и Богданов, и Гольденберг, не говоря уже о таких работниках, как Землячка, Красиков и рядовые профессионалы, на все вопросы смотрели глазами «Ильича». Только Рожков сохранял некоторую долю самостоятельности, да еще я порой бунтовал против фракционной дисциплины, — но так как ни у Рожкова, ни у меня своей особой «линии» не было, то наши покушения на самостоятельность большого значения не имели и на ходе дел не отражались.

Для лучшего уяснения того, каково было отношение к Ленину в примыкавшем к нему кружке, приведу лишь один пример.

В 1907 году А. Богданов выпустил книгу под названием «Красная Звезда». Это была занимательно и талантливо написанная *утопия,* изображавшая социалистический строй на Марсе. В основу рассказа было положено переселение на Марс обитателя Земли, которого марсиане взяли к себе с научной целью, желая проследить, как преломятся в его сознании их порядки и нравы. Объяснив довольно вразумительно, почему марсиане выбрали для своего опыта русского человека, и притом социал-демократа и именно большевика, автор на этом не останавливался. Он предвидел вопрос:

— Раз им, на Марсе, большевик понадобился, почему они Ильича не забрали?

И чтобы предупредить всякие недоразумения, Богданов влагает в уста марсианина, организующего эту экспедицию, замечание:

— Ленина я не решился взять, так как отсутствие его было бы слишком чувствительно на Земле.

Как-то, беседуя об этой книге с Богдановым, я сказал ему, что, может быть, не было необходимости мотивировать, почему это на Марс угодил не Ленин, а рядовой большевик. Богданов пресерьезно возразил:

— Так правдоподобнее. Я ставил себя в положение моего марсианина. Решив взять с Земли большевика, он *должен* был взять Владимира Ильича. Но тогда в дальнейшем рассказе я был бы связан характером. Нужно было мотивировать…

Вообще, отношение к Ленину его ближайших сотрудников было таково, что он мог сказать про себя: «Большевизм — это *я*».

Он крепко держал фракцию в своих руках и управлял ею, как неограниченный монарх, — но при том, как монарх, «обожаемый верными подданными».

По отношению к новым людям, появлявшимся в большевистской организации, Ленин держался, как умелый ловец душ: *он искал* новых людей, зорко приглядывался к ним, давал им возможность выдвинуться и умел связать их с организацией. Излюбленным его приемом было приглашение новых, подающих надежды работников в

— Цитирую на память. В «Красной Звезде» Ленин обозначен псевдонимом «Старик». Так называли его товарищи, работавшие с ним еще в 90-х годах. «профессионалы». «Нельзя делить силы между революционной работой и заботами о заработке, — говорил он. — Бросайте ваше место, на жизнь будете получать, сколько нужно из нашей кассы». Для него «профессионализм» в партии был не горькой необходимостью, а нормальным порядком, в наилучшей степени обеспечивающим правильное функционирование партийного аппарата. Он и Рожкова, и меня уговаривал брать деньги из кассы и был недоволен нашим отказом.

Влияние Ленина на входившую в соприкосновение с ним молодежь было огромное. С первого взгляда, он не посягал ни на чью независимость и был весьма терпим к мелким нарушениям партийной дисциплины. Но, в действительности, он систематически, последовательно вырабатывал из своих учеников и сотрудников армию покорных и фанатически преданных ему *исполнителей.*

В частых беседах с молодыми товарищами, даже у себя в Куоккала, за чайным столом, Ленин ни на миг не переставал быть агитатором-организатором. Чувствуя на себе взгляд его прищуренных насмешливых глаз, собеседник не мог отделаться от ощущения, что «Ильич» читает его мысли.

Любимой темой «агитации» в тесном товарищеском кругу была для Ленина борьба с предрассудками, остатками «либеральных благоглупостей», которые он подозревал у новичков. Это была неуклонная, чрезвычайно ловкая, талантливая проповедь революционного нигилизма.

— Это смешно! Если на эту точку зрения становиться, то мы

должны все бежать в полицию и заявить: мы, мол, такие то, и такие то, арестуйте нас, дайте нам пострадать за народное дело!..

— Революция дело тяжелое. В беленьких перчаточках, чистенькими ручками ее не сделаешь…

Войтинский Вл Годы побед и поражений. Кн 2. Берлин. 1924 С. 21–24, 99—102

Ю. О. МАРТОВ
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 29 АПРЕЛЯ 1918 г

Я перехожу теперь к тому, что сегодня нам заявлял гражданин Ленин (В своем выступлении Ю. О. Мартов полемизирует с положениями статьи В И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и доклада «Об очередных задачах Советской власти» на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. *Ред.)*. Непропорционально много места он посвятил в своих рассуждениях ничтожной, по его словам, группе Бухарина и Радека (*Имеется в виду полемика В. И. Ленина с «левыми коммунистами». Ред.*). Вам покажется с первого взгляда странным это обстоятельство, но только на первый взгляд. По существу дела, здесь не борьба гражданина Ленина с какой-то левее его стоящей группой, — это внутренняя борьба двух душ, из которых состоит современный большевизм. Это внутренняя борьба между утопистом Дон-Кихотом и трезвым кулакообразным Санчо Пансой, который идет за Дон-Кихотом и его одергивает, — Дон-Кихотом, который объявляет войну империализму, и Санчо Пансой, который подписывает мир, — Дон-Кихотом, который посылает требование французскому правительству отозвать Нуланса, и Санчо Пансой, который пишет в газете о происках могущественной державы, имени которой он не может назвать. Это борьба двух миров одного и того же направления как во внешней, так и во внутренней политике, и с моей стороны гражданин Ленин не может ожидать язвительной критики по поводу попытки серьезно и объективно взвесить социальные условия, в которых совершается сейчас Российская революция, — попытки оставить те или другие утопические фразы, даже стихийные движения темных народных масс. Здесь с нашей стороны мы могли бы только прибавить и указать на то, что за всяким периодом разрушения всякой революции должна следовать усиленная организация и творческая работа и всякое указание на то, что безумно ожидать для России от предлагаемых гражданином Лениным мер тех результатов, которые предполагаются в гораздо более высокой ступени социально-культурного развития. Мы не будем критиковать программу гражданина Ленина потому, что она рассчитана не на поднимающееся сознание народных масс пролетариата, не на призыв к нему о каком-нибудь самоограничении. Последнее может прийти только в том случае, если бы были действительно

объективные условия той работы, которую ему история навязала, и объективный смысл того дела, которое он совершает. Это работа, действительно, классового политического воспитания, ее хотят заменить той смесью из старых предрассудков, которые тщательно воспитывались отнюдь не трезвыми практическими задачами, которые, как вы ни выставляйте и ни вышивайте золотыми буквами на красных знаменах, не приобретут никакой жизненности и убедительности для народных масс. Здесь говорит нам гражданин Ленин, что социализм невозможен без всеобщего учета и контроля *. Совершенно правильно, без этого социализма нет, но это только первая половина социалистического учения, теоретическая; вторая половина говорит, что всеобщий учет и контроль, *как* предпосылка и метод проведения социалистической революции, сами предполагают определенность социально-политических и экономических условий. Когда их нет и пока их нет, идея учета и всеобщего контроля остается утопией и преломляется в жизни в своей противоположности в расхищении — расточении производительных сил. Когда мы с гражданином Лениным были марксистами в одинаковом смысле этого слова, тогда гражданин Ленин это понимал и тогда он понимал бы то, что ставит задачу организации всеобщего учета и контроля по пути, переходному к социализму, к раздроблению национальных производительных сил между миллионами мелких хозяйчиков, в каждом из которых находился буржуа, и чтобы проводить этот учет и контроль силами пролетариата, численно слабого, и производство, база которого в виде крупной промышленности тает с каждым днем в результате несчастной войны и мира, — когда он говорит это и выступает здесь, как Дон-Кихот, как человек или представитель группы, который думает, что самый факт завоевания политической власти, которая была завоевана, опираясь на пролетарскую массу, — этот самый факт, по его собственным словам, имел место и в 93-м году во Франции, но которого было недостаточно для организации социализма, — что этого факта будет достаточно, когда поведут правильную политику и когда рядом с ним выступает Санчо Панса, практически имеющий твердую почву, и говорит рабочим: «Не лодырничай», хотя в то же время платит буржуа 100 тысяч, за которые он будет насаждать социализм, тогда из этого сочетания утопичного Дон-Кихота и цепляющегося за власть Санчо Пансы ничего не может получиться. Сказать пролетариату «не лодырничай, не грабь», — этого мало, ему весь век все говорили, и попы в том числе, конечно, когда Ленин это скажет, это будет убедительнее, но когда Ленин приводит с той пластичностью языка, свидетелем которой мы здесь были, что это относится ко

всем, которым мы будем платить по 100 тысяч рублей (*Имеется в виду указание В. И. Ленина о необходимости привлечения к работе управления буржуазных специалистов (Полн. собр. соч. Т. 36. С. 180–181). Ред.*), я сомневаюсь, чтобы пролетариат уразумел это. Гражданин Ленин тем же костылем подпирает хромающую республику мещанства, которую он думает насадить под видом трудовой республики, как и Робеспьер. Я сомневаюсь, чтобы из этого вышло что-нибудь крупное, особенно если приходится вырабатывать дисциплинарные меры путем диктатуры. Необходимость является лишь тогда, когда масса политически еще не настолько воспитана, чтобы путем самоуправления взять в свои руки руководство общим аппаратом. Ни один немецкий социалист не мыслил и не воображал возможность переходного фазиса от социализма к капитализму в таком виде, чтобы он проводился в виде диктатуры отдельных лиц, какая установлена, например, железнодорожным декретом (*Имеется в виду Декрет о централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности, принятый СНК 23 марта 1918 г. (см.: Декреты Советской власти. М„1959. Т. 2. С. 18–20). Ред.)*.

Я говорю: диктатура отдельных лиц, то, о чем говорится в декрете о железнодорожниках, есть железнодорожная диктатура, там есть диктатор, который назначен. Вы отлично знаете, я предлагаю судить после слов Ленина, говорю ли я правду или вру, как говорит оратор с места. Но дело не в том. Гражданина Светлова (*Имеется в виду выступление в прениях эсера-максималиста Ф. Я. Светлова. Ред.)* прерывали те слепые, которые не хотели видеть, что дело идет о завершении труда. Я указывал, что в докладе Ленина сказано совершенно ясно, что диктатура отдельных лиц была очень часто в историях революционного движения выразителем, носителем диктатуры революционного класса, об этом говорит непререкаемый опыт истории. Да, граждане, опыт истории говорит, что, когда до диктатуры известный класс, взявший власть, еще не созрел, он оказывается неспособным выполнять эту власть или легко передает диктатору ее, но этот диктатор, в силу того, что создается объективное направление, именно в силу этого, — этот диктатор становился проводником классовых интересов, не того класса, который выдвинул его, а другого, противоположного класса. Это верно относительно Юлия Цезаря, относительно Наполеона III, которого рабочие и крестьяне поставили на престол, и относительно тех диктаторов. (Голос: «Керенский».) Относительно Керенского это было бы то же самое; выдвинутый крестьянами, Керенский превратился бы в орудие в руках Корнилова. Вы отлично знаете, как и я, то же самое будет и

теперь. Всякая диктатура, в этих условиях созданная, превратится в диктатуру контрреволюции, ликвидирующую все завоевания демократической революции. Какие это условия? Это именно те условия, что та масса, которая взяла в свои руки власть, состоит, с одной стороны, из пролетариата, для которого социальные условия не созрели, чтобы он осуществлял ее в смысле социалистической диктатуры; поэтому Ленин через 6 месяцев заявляет в докладе, что надо приостановить наступление на капитал, с другой стороны, из громадной массы тех хозяйчиков, которых вам охарактеризовал несколько строго, но по существу верно сам Ленин, который объективно, как он писал, развивается психологически не к социализму, а к мелкому капитализму, к мелкой буржуазии. Эти хозяйчики, разумеется, если им дать демократическую свободу и самоуправление, не осуществят социалистического производства, и гражданин Ленин и его партия, которые желают насадить социализм при этих условиях и желают свое наступление на капитал сделать временной передышкой, а не маневром для перевода революции на рельсы демократической революции, — они вынуждены дальнейшее свое существование покупать полным отказом от авансирования вперед. Граждане в древней Афинской республике, где так боялись, что всякая острая борьба классов приведет к личной диктатуре, имели даже закон, по которому всякий, публично заговоривший о личной диктатуре, подвергался изгнанию из отечества. Мы до этого не дошли. Опыт истории показал, что никакими мерами тут не поможешь, но высылать из пределов, как было в Афинской республике, я бы советовал всех, и левых, и правых коммунистов (*Заключительное слово В. И. Ленина по докладу об очередных задачах Советской власти (см.: Полн. собр. соч. Т. 36. С. 268–276). Ред.)*.

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва (Стенографический отчет). ***М,*** *1920. С. 224–226*

из книги «ЗАПИСКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»

В то время (В середине 90-х годов XIX в. *Ред.)* В. И. Ульянов производил при первом знакомстве несколько иное впечатление, чем то, какое неизменно производил в позднейшую эпоху. В нем еще не было или, по меньшей мере, не сквозило той уверенности в своей силе, — не говорю уже: в своем историческом призвании, — которая заметно выступала в более зрелый период его жизни. Ему было тогда 25–26 лет. Первенствующее

положение, которое он занял в социал-демократической группе «стариков», и внимание, которое обратили на себя его первые литературные произведения, не были достаточны для того, чтобы поднять его в собственном представлении на чрезмерную высоту над окружающей средой. Вращаясь в среде серьезных и образованных товарищей, среди которых он играл роль «первого между равными», В. И. Ульянов еще не пропитался тем презрением и недоверием к людям, которое, сдается мне, больше всего способствовало выработке из него определенного типа политического вождя (Элементов личного тщеславия в характере В. И. Ульянова я никогда не замечал.). В. Ульянов был еще в той поре, когда и человек крупного калибра, и сознающий себя таковым ищет в общении с людьми больше случаев самому учиться, чем учить других. В этом личном общении не было и следов того апломба, который уже звучал в его первых литературных выступлениях, особенно в критике Струве (Имеется в виду книга В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 347–534). Ред.). Будущий Ленин был еще всецело проникнут почтением к вождям социал-демократии, Плеханову и Аксельроду, с которыми он недавно познакомился и заметно чувствовал себя по отношению к ним еще учеником. Но и в отношениях к политическим противникам в нем сказывалась еще изрядная доля скромности. Как мне рассказывали позднее, незадолго перед моей встречей с ним ему пришлось быть в Москве, где на одной студенческой вечеринке он выступил с речью против народничества (9(21) января 1894 г. Ред.), в которой, между прочим, со свойственной ему полемической резкостью, переходящей в грубость, обрушился на В. Воронцова (В. В.). Речь имела успех. Но когда по окончании ее Ульянов от знакомых узнал, что атакованный им Воронцов находится среди публики, он переконфузился и сбежал с собрания.

Мартов Ю. О Записки, социал-демократа М, 1924 С. 270–271

А. С. МАРТЫНОВ
ИЗ «ВОСПОМИНАНИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

Особенно сокрушительный удар нанесла нам брошюра Ленина «Что делать?». Хотя автор меня избрал главной мишенью для своего нападения, брошюра вызвала у меня раздвоение чувства: те места брошюры, где автор для борьбы с «экономистами» сознательно «перегибал лук» (как Ленин это впоследствии признал), в вопросе об отношении между стихийностью и сознательностью и о тред-юнионизме рабочего движения, внушили мне убеждение, что брошюра принципиально противоречит марксизму. С другой стороны, автор брошюры пленил меня своим революционным энтузиазмом и своим широким революционным размахом, до такой степени пленил, что я, несмотря на настойчивые требования рабочедельцев, упорно отказывался отвечать на «Что делать?», покуда я не сведу концов с концами в новых вопросах, выдвинутых Лениным. Это двойственное отношение к Ленину у меня сохранилось на долгое время, и впоследствии, несмотря на мою неустанную борьбу против него, Мартов меня не без оснований упрекал, что я питаю к нему тайную любовь. Особенно двойственные чувства вызывала у меня неслыханная дерзость мысли Ленина, его смелое плавание против течения, его пренебрежительное отношение ко многим, упрочившимся во всем Втором Интернационале взглядам и обычаям. Я помню один маленький инцидент, в котором Ленин меня, и не меня одного, особенно поразил своей дерзостью. Он в 1902 году читал реферат против эсеров. На собрании присутствовали эсеры: Минор, Гоц (старший), Чернов и другие. «Где вы были, когда мы боролись с экономистами?» — спросил он, обращаясь к эсерам. Минор с места ответил замогильным голосом: «Мы были на каторге, мы были на виселицах,

А потом вдруг появился фрукт — социал-демократия». Ленин, ухмыляясь, хитро прищурив один глаз, отметил себе эти слова на бумажке и потом в заключительном слове сказал, глядя в сторону Чернова: «Учитесь у Минора, вот это настоящий революционер, один из тех, которые были на каторге и на виселицах. Он смело говорит: что такое международная социал-демократия? — фрукт! А как ведут себя Черновы? Мы и с Марксом, мы и с Энгельсом, мы и с Лавровым». В подтверждение он привел цитату из Чернова. Чернов воскликнул: «Тов. Ленин! Читайте дальше, вы не дочитали цитату до конца!» Ленин ответил ему с расстановкой и с ядовитой иронией:

«Мы, социал-демократы, когда цитируем, не только опускаем, но и от себя прибавляем». Смысл реплики Ленина был таков: когда мы читаем эсеровские революционные фразы, мы «прибавляем» к ним оценку их мелкобуржуазной подоплеки. Но он не считал нужным этого пояснить. Чернов, ошеломленный ответом Ленина, обращаясь к публике, развел руками, а аудитория бурно аплодировала референту.

Пролетарская революция 1925 № 11

П. П.МАСЛОВ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
(отрывки из воспоминаний)

Дать объективную оценку крупной исторической личности ее современникам тем труднее, чем большую роль она играла в общественной жизни и в общественной борьбе. Только спустя несколько лет, а иногда и десятилетий может установиться правильная историческая перспектива, где различные стороны личности, которые современникам могли казаться малосущественными и маловажными, могут оказаться имеющими большое историческое значение.

Поэтому представляется весьма целесообразным наряду с другой работой по выяснению роли и значения Владимира Ильича также возможно полнее изложить факты мало кому известные, но дающие материал для характеристики.

С Владимиром Ильичом мое знакомство началось довольно своеобразно.

В 1892 году ко мне в деревню на Урале, куда я был выслан, приехало несколько друзей из Самары. Их я познакомил с написанной мною первой теоретической работой по экономике, но вместо отзыва о прочитанном мои друзья лишь сообщили, что в Самаре живет поднадзорный казанский студент Владимир Ильич Ульянов, который также интересуется этими вопросами и вообще является выдающимся человеком по своему уму и образованию.

Через месяц после отъезда друзей я получил из Самары от Владимира Ильича Ульянова рукопись его статьи с предложением дать о ней отзыв и прислать взамен свою работу.

В своей статье, которую в печати я не встречал потом, В. И критиковал работы В. В. (Воронцова) об экономическом развитии России и о судьбах в ней капитализма.

Основные идеи, которые проводились в статье, были те же, что и в позднейших работах В. И., посвященных критике народничества. Основная черта автора, которая тогда мне резко бросилась в глаза, — это резкость и определенность формулировки основных его идей, показывающая человека с вполне сложившимися взглядами и, казалось, с опытным и острым пером, которым автор владел с совершенством. Таким образом, та сторона мировоззрения Владимира Ильича, которая относится к взглядам на экономическое развитие России, сложилась уже до 1892 года.

В ответ на посланное мною письмо с моей рукописью я получил от него большое письмо-статью (Это письмо так и осталось лежать на Урале зарытым в земле на чердаке, но сохранилось ли оно, я не знаю.) уже по вопросу, который я разбирал в своей работе. Темой моей статьи был вопрос о распределении прибыли в капиталистическом обществе, вопрос, решенный в вышедшем впоследствии III томе «Капитала» Маркса.

В противоположность моему решению вопроса Владимир Ильич полагал, что товары всегда продаются по их трудовой ценности и большую сумму прибыли владельцы предприятий с большим основным капиталом получают благодаря большей эксплуатации наемного труда, благодаря большей его интенсивности в этих предприятиях.

Из сопоставления этого теоретического письма и статьи о В. В. было ясно видно, что Владимира Ильича тогда гораздо больше интересовали жизненные вопросы о судьбах России, чем чисто теоретические проблемы, хотя и последние не упускались им из кругозора.

При личных встречах в 1893 и 1895 годах это впечатление укрепилось у меня еще больше. Было видно, что не только научные проблемы, но и вся легальная литературная деятельность играла для него лишь служебную и второстепенную роль перед основной *революционной* задачей. Пожалуй, ни раньше, ни после я не встречал ни одного человека, у которого бы было все так сосредоточено на одном пункте: и огромная, какая-то никогда не виданная мною воля, и научная работа мысли, и литературная деятельность, и отношение к людям — все сводилось только к революционной цели. Это, по-видимому, чувствовалось и всеми другими, кто имел соприкосновение с Владимиром Ильичем. По крайней мере, когда в 1895 году в Петербурге я встретил В. И. в литературном кружке марксистов и заговорил о чем-то с П. Б. Струве по поводу революционных вопросов и дел, он меня сразу прервал: «Об этих делах нужно говорить с Владимиром Ильичем».

И в эти годы легальная литературная деятельность в общей деятельности Владимира Ильича действительно почти не играла никакой роли. Тем не менее тогда еще идея союза с либерализмом занимала в мировоззрении В. И. такое большое место, что — в ответ на нападение «самарцев» на Струве и Туган-Барановского «Письмом в редакцию «Нового слова» — он ответил обширным письмом, где указывал на прогрессивную роль буржуазии. На эту тему, мне помнится, была им написана впоследствии статья «От какого наследства мы отказываемся?».

До конца 90-х годов В. И. вел борьбу против идей

народничества в легальной печати. С конца 90-х годов вся его энергия в литературной деятельности — но уже в нелегальной печати — направляется против «экономизма», т. е. аполитического уклона в социал-демократии, с одной стороны, и к полному и резкому разрыву с либерализмом, хотя еще с 1902 года в области аграрной программы социал-демократии оставался некоторый компромисс в виде программы наделения крестьян «отрезками» земли.

Когда в 1902 году перед вторым съездом социал-демократов в Швейцарии мне пришлось говорить с редакцией «Искры» по поводу проекта аграрной программы, здесь только я увидел В. И. во всю его величину. Во всех переговорах в редакционном собрании выступал Владимир Ильич. Тогда, до раскола большевиков и меньшевиков, он производил впечатление настоящего вождя партии, хотя авторитет Плеханова как основателя партии еще стоял выше всего. Кипучая организационная деятельность и огромная воля Владимира Ильича, по-видимому, невольно подчиняли тогда его товарищей, не во всем соглашавшихся с ним и потом на съезде отделившихся в особую фракцию. Уже в это время он определился как вождь, который должен повести своих единомышленников по намеченному им пути.

Дальнейшая его деятельность была уже у всех на виду и общеизвестна.

Сопоставляя различные этапы развития Владимира Ильича и его деятельности в течение 30 лет с тех пор, как я его узнал, я прихожу к заключению, что все изменения, которые происходили у него в теоретических взглядах и практических шагах, так же как и цельность, «монолитность», определялись основной, руководившей им целью — максимальных революционных достижений. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на все основные вопросы, которые можно поставить, его цельность дала бы такой ответ: «Что есть истина?» — «То, что ведет к революции». — «Кто друг?» — «Тот, кто ведет к революции». — «Кто враг?» — «Тот, кто ей мешает». — «Что является целью жизни?» — «Революция». — «Что выгодно?» — «То, что ведет к революции». И т. д. и т. д.

Только при поразительной цельности и при огромной моральной силе могла создаться такая крупная историческая личность, как Владимир Ильич Ленин.

Экономический бюллетень конъюнктурного института 1924 № 2

Г. В. ПЛЕХАНОВ
ИЗ ПИСЬМА

Приехал сюда (в Женеву в мае — июне 1895 г. *Ред.)* молодой товарищ (Ленин. *Ред.)*, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди.

Исторический архив 1958. № в

ИЗ ПИСЬМА В. ЛИБКНЕХТУ

Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей (Ленина. *Ред.)*. Он возвращается в Россию, вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлоттенбурга никому не было известно.

Владимир Ильич Ленин Биографичен екая хроника. 1870–1905. М. 1970, Г. /. С. *105*

РЕЧЬ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ НА IV (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ) СЪЕЗДЕ РСДРП В 1906 ГОДУ

Речь по аграрному вопросу

Задача съезда заключается в том, чтобы исправить ту ошибку, которая закралась в 1903 г. в нашу аграрную программу. Ошибка, несомненно, была; это мы должны признать и можем позволить себе эту роскошь, ибо мы единственная партия, имеющая стройное воззрение. Мы критикуем каждое отдельное суждение с точки зрения общих положений нашей программы и устраняем недоразумение, закравшееся в нее в 1903 г. Многие из наших товарищей стояли за отрезки, потому что боялись крестьянской аграрной революции. Она остановила бы в России развитие капитализма. Наша ошибка состояла в том, что наша программа уже в то время шла не так далеко, как сами крестьяне в своих требованиях. Уже летом в 1903 г., когда происходил второй съезд, Оболенский на юге России истязал крестьян за их радикальную аграрную программу. Теперь нам надо понять, что мы не должны бояться радикализма крестьянских аграрных требований в аграрном вопросе. Осуществление этих требований не остановит развития капитализма, но в то же время нам необходимо избегать

той двойственности, которая присуща крестьянским требованиям. В них есть тот элемент, который я в своем «Дневнике» назвал элементом китайщины; таким элементом является национализация земли. Тов. Ленин находит мои взгляды неясными, но я думаю, что он просто невнимательно отнесся к моим статьям. В самом деле, посмотрите, например, что он говорит на стр. 11 своей брошюры «Пересмотр аграрной программы»: «Тов. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определенных изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами» *.

Меня удивляет эта ирония по поводу «гибкой тактики», потому что в глазах социал-демократов окаменелость тактики не может быть ее достоинством. На стр. 16 той же брошюры он говорит: «Товарищ Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui prouve trop, ne prouve rien (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сравнивать с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России».

Такие приемы спора мне знакомы еще со времени наших прений с социалистами-революционерами. Каждая ссылка на историю встречала обыкновенно с их стороны возражение, что наше положение совсем иное, и я прекрасно знаю, что в данном случае наше положение совсем не то, что положение Китая в XI веке. Я категорически говорю это в своем «Дневнике»; но, несмотря на различие, есть и некоторые сходные черты, и вот на эти-то черты и нужно обратить внимание. Они заключаются именно в национализации земли, которая составляет характерную особенность нашей аграрной истории. Далее т. Ленин говорит: «Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненнейшие черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время». Я и это хорошо знаю. Я именно на это и указываю, и странно бить мне челом моим же добром и преподносить мне это добро в виде возражения. Я говорю, что в

крестьянской идее черного передела есть реакционная черта. И именно ввиду этой реакционной черты, отразившейся на всей нашей политической истории, я высказываюсь против национализации земли. Как же ссылаться на эту черту в виде довода против меня же? Ленин смотрит на национализацию глазами социалистов-революционеров. Он начинает усваивать даже их терминологию; так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно вспомнить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения. Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы. В этом нет ничего удивительного, потому что экономическое развитие каждого народа совершается в своеобразной исторической обстановке. У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закрепощена государством и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я — против национализации теперь; когда мы спорили о ней с социалистами-революционерами, тогда Ленин находил, что мои возражения были правильны. Ленин говорит: «Мы обезвредим национализацию», но, чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации; а такой гарантии нет и быть не может. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием. Ленин рассуждает так, как будто та республика, к которой он стремится, будучи установлена, сохранится на вечные времена, и в этом-то заключается его ошибка. Он обходит трудность вопроса с помощью оптимистических предположений. Это обычный прием утопического мышления; так, например, анархисты говорят: «Не нужно никакой принудительной организации», а когда мы возражаем им, что отсутствие принудительной организации дало бы возможность отдельным членам общества вредить этому обществу, если у них окажется такое желание, то анархисты отвечают нам: «Этого быть не может». По-моему, это значит — обходить трудность вопроса посредством оптимистических предположений. И это делает

Ленин. Он обставляет возможные последствия предполагаемой им меры целым рядом оптимистических «если». В доказательство приведу упрек Ленина Маслову. Он на стр. 23 своей брошюры говорит: «Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требования нашей политической программы-минимум не осуществлены полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д., — другими словами: что наша демократическая революция так же не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту». Допустим, что упрек, делаемый им Маслову, основателен, но приведенная цитата показывает, что собственный проект Ленина хорош только в том случае, если осуществятся все указываемые им «если». А если тут не будет налицо этих «если», то осуществление его проекта будет вредно. Но нам не нужно таких проектов. Наш проект должен быть подкован на *все четыре ноги,* т. е. на случай неблагоприятных «если». Полководец, который одержал наибольшее количество побед, — Наполеон — говорил, что плох тот военачальник, который рассчитывает на благоприятное стечение обстоятельств. Я говорю, что плоха та политическая программа, которая хороша только в случае такого стечения обстоятельств. И вот почему я отвергаю национализацию. Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии. Иное дело муниципализация. В случае реставрации она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка; наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землею, она создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот. Возьмите наших казаков. Они ведут себя как сущие реакционеры, а между тем если бы царское правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит, муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации. На этом основании меня упрекнут, может быть, в том, что я не верю в торжество революции. Если то, что я сказал, означает неверие в торжество революции, то я действительно грешен этим грехом. Mea culpa, mea maxima culpa! (моя вина, моя большая вина. *Ред.)* Я повторяю вслед за Наполеоном: «Плох тот человек, который рассчитывает лишь на благоприятное стечение обстоятельств». Впрочем, я не

безусловный сторонник муниципализации. Я думаю, что если бы нам не удалось добиться ее, если бы нам пришлось выбирать между национализацией и разделом, то в интересах революции следовало бы предпочесть раздел. Вот в чем заключается разница между моими взглядами, с одной стороны, и взглядами Ленина — с другой. Вы можете склониться к тому или другому из них, но вы должны понимать, что совместить их невозможно.

Заключительная речь по аграрному вопросу

Приступая к своему заключительному слову, я вкратце хочу ответить тем товарищам, которые говорили, что нам в настоящее время нет никакой надобности выставлять аграрную программу. С этим мнением я безусловно согласиться не могу по той причине, что аграрная программа должна будет служить руководящей линией нашим пропагандистам и агитаторам. В такой важный исторический момент, в который каждая ошибка, сделанная каждым из них, может лечь тяжелой гирей на чашку весов, наши товарищи должны твердо знать, чего хочет наша партия. Если вы припомните, что уже не раз наши товарищи, выступая перед народом, высказывались различным образом по одному и тому же вопросу и поступали так потому, что недостаточно выяснили себе направление нашей социал-демократической мысли, то вы должны будете признать, что программа необходима. Какая же программа будет принята, покажет нам вотум завтрашнего дня. Но во всяком случае программа должна быть, если мы желаем избежать ошибок. Сделавши эту оговорку, перехожу к тем возражениям, которые ставил мне т. Сосновский. Он прямо поставил мне вопрос:

Плеханов восстает против национализации, потому что он не верит в возможность осуществления всех ленинских «если». *А если бы* все эти «если» осуществились, то был ли бы я за национализацию? На этот вопрос я считаю нужным ответить: нет, и даже в случае осуществления всех ленинских «если» *я был* бы против нее. Пусть т. Сосновский подумает, что значат эти слова: «все ленинские «если» осуществились». Это значит, что в России так же прочно установилась политическая свобода, как установилась она в Швейцарии, в Англии или в Соединенных Штатах. Тогда нам не будет грозить опасность реставрации. Но когда же это будет? Очевидно, еще не так скоро. Поэтому говорить о национализации теперь нам, социал-демократам, невозможно. А что будет, когда политическая свобода установится у нас так же прочно, как установилась она в Англии,

в Швейцарии или в Соединенных Штатах? Тогда не будет надобности выставлять ее как отдельное требование, добиваться национализации земли раньше национализации всех остальных средств производства. Кто добивался национализации земли в Англии? Генри Джордж. Кто выступал против Генри Джорджа? Гайндман, вожак английской Social Democratic Federation. Выходит, что, пока ленинские «если» не осуществились, национализация земли опасна, а когда эти «если» осуществятся, в ней минует надобность как в составной части специальной аграрной программы. Теперь я надеюсь, что т. Сосновский понимает, почему и в каком смысле я во всяком случае был бы против национализации.

Перехожу теперь к т. Воинову. Он понял меня в том смысле, что я предпочитаю программу т. Джона только потому, что она окрашена в серый цвет. Тов. Воинов полагает, по-видимому, что я, подобно быкам, боюсь красного цвета. Он ошибается. Не потому я стою за программу т. Джона, что она представляется мне серой, а потому, что она не внушает мне тех политических опасений, которые связываются у меня с национализацией. Если бы т. Воинов захотел внимательно выслушать меня третьего дня, то он легко понял бы, что я высказываюсь против этого предложения не потому, что оно казалось мне слишком революционным, а потому, что я считаю его недостаточно революционным, не могущим прочно обеспечить завоевание революции. Хотя кто-то сказал здесь, что в моей жизни наступила осень, но осень, переживаемая мною, не охладила меня. В революционном отношении я переживаю так называемое бабье лето. *(Смех.)* Повторяю. Никакой революционности я не боюсь, и если я выступаю против проекта Ленина, то потому, что его осуществление недостаточно прочно обеспечило бы завоевание революции. Тенденция, скрывающаяся в этом проекте, свидетельствует о том, что Ленин понижает уровень революционной мысли, что он вносит утопический элемент в наши взгляды. А против этого я буду бороться до тех пор, пока не пройдет для меня и осень, и зима и пока меня не заставят замолчать непреодолимые силы природы. Положение дел таково, что между мною и Лениным существуют в высшей степени серьезные разногласия. Этих разногласий не надо затушевывать. Их надо выяснить себе во всей их важности, во всем их объеме. Наша партия переживает чрезвычайно серьезный момент. От решения, которое вы примете сегодня или завтра по занимающему нас вопросу, будет в значительной степени зависеть судьба всей нашей партии, а с ней и всей нашей страны. И это именно потому, что в проекте т. Ленина сказывается не

только частный его взгляд на наш аграрный вопрос, а весь характер его революционного мышления. Бланкизм или (марксизм — вот вопрос, который мы решаем сегодня. Т. Ленин сам признал, что его аграрный проект тесно связан с его идеей захвата власти. И я очень благодарен ему за откровенность. Некоторые товарищи возражали мне вчера с очевидным раздражением. Так, т. Панов, если я не ошибаюсь, выразился: «Плеханов хочет запугать нас» и т. п. Я считаю подобные приемы спора не соответствующими важности разбираемого нами вопроса. Пикировки я не боюсь, — многие из вас знают это. Но к чему приведет она? Из нее не выйдет ничего, кроме демьяновой ухи всем нам давно надоевших столкновений. *(Смех.)* Нам не надо демьяновой ухи; столкновения должны быть прекращены, их давно пора закопать в могилу и в эту могилу вбить осиновый кол, как вбивали крестьяне в могилы колдунов. Надо рассуждать спокойно. Прошу вас верить, что, споря с кем-нибудь из вас, я не прибегаю ни к запугиваниям, ни к софизмам; я говорю так, а не иначе потому, что hier stehe ich und ich kann nicht anders (стою на этом — иначе не могу. *Ред.)*…

С Лениным мне пришлось уже сломать не одно копье во взаимной борьбе. Тем приятнее мне, что я могу начать свое возражение ему с комплимента. Он прекрасно говорил. Слушая его, я припоминал, как покойный Лавров говорил мне: «В вас пропал прекрасный адвокат». В т. Ленине, поистине, пропал прекрасный адвокат. Тов. Ленин сказал в защиту своего проекта все, что можно было сказать. Но видно, слабо то дело, которое защищает этот превосходный адвокат, если защита все-таки оказалась слабой. Тов. Ленина можно назвать, по известному французскому выражению, avocat d'une cause perdue (адвокат безнадежного дела. *Ред.)*. Его дело потеряно перед судом логики. Если т. Ленин, говоривший три четверти часа, не мог ничего существенного сказать в пользу своего проекта, то ясно, что в его пользу и сказать нечего. Посмотрите, как поступает он. Он понимает, что тактика требует, чтобы он не ограничивался обороной, а переходил в наступление. И он переходит в наступление. Но вместо того, чтобы атаковать то место, которое является ключом моей позиции, он ходит вокруг него, но его не касается. Ключ моей позиции заключается в указании на возможность реставрации.

Это указание я сделал в ответ на его слова: «Мы обезвредим национализацию». «Чтобы обезвредить ее, надо было бы придумать гарантию против реставрации, — сказал я, — а такой гарантии у вас быть не может». «А так как, — продолжал я, — вы не можете дать такой гарантии и никакая человеческая сила не

может дать ее, — то ваша идея национализации остается идеей вредной и опасной в политическом отношении. Это антиреволюционная идея». Вот что говорил я, и против этого надо было возражать т. Ленину. Что же он возразил? Ровно ничего. Он ничего не сказал об этом в своей речи, длившейся три четверти часа. Он сам признал, что у нас нет абсолютной гарантии против реставрации, что у нас может быть только относительная гарантия, состоящая в беспощадной народной расправе;

но во Франции в 1793 г. имела место беспощадная народная расправа, однако же она не предотвратила реставрации. Я знаю историю Французской революции и говорю: нам нужна такая программа, которая была бы подкована на все четыре ноги; наша обязанность заключается в том, чтобы довести до минимума вредные последствия реставрации. Как это сделать? Это можно сделать только путем разрушения экономической основы нашего старого порядка. В чем же заключалась экономическая основа этого порядка? Да именно в той национализации земли, которую я в моем «Дневнике» называл нашей китайщиной. Один товарищ, возражая мне, сказал: «Но во Франции реставрация не восстановила старого порядка»; на это т. Мартынов уже ответил, что этот довод несостоятелен. Реставрация не восстановила остатков феодализма, это верно, но то, что у нас соответствует этим остаткам, есть наше старое закрепощение земли и земледельца государству, наша старая своеобразная национализация земли. Нашей реставрации тем легче будет восстановить эту национализацию, что вы сами требуете национализации земли, что вы оставляете неприкосновенным это наследие нашего старого полуазиатского порядка. Кроме того, известно, что те земли аристократов, которые не были распроданы во Франции в течение революционного периода, те земли, которые оставались в руках государства, были возвращены их старым владельцам. Хотите ли вы, чтобы и у нас произошло то же самое?

Еще раз. Необходимо разрушить ту экономическую основу, благодаря которой наш народ все больше и больше сближался с азиатским народом; нужно вырвать ту экономическую основу, которую еще Энгельс назвал самой серьезной основой деспотизма. Далее. Заметьте, мы с Лениным, с одной стороны, очень близки, а с другой — далеки друг от друга. Ленин говорит: «Мы должны доводить дело революции до конца» (Плеханов, по-видимому, цитирует не найденный до сих пор доклад В. И. Ленина по аграрному вопросу. *Ред.)*. Так. Но вопрос в том, кто из нас доведет до конца это дело? Я утверждаю, что не он.

Если доводить дело революции до конца значит

довольствоваться облечением в новый костюм старых народовольческих идей, то Ленин, конечно, крайний революционер. Но на самом деле это значит идти не вперед, а назад, возвращать нашу революционную мысль к ее старым, утопическим заблуждениям. Тов. Ленин очень недоволен моим ироническим замечанием насчет некоторых его новых терминов. Я посмеялся над выражением «народное творчество», назвав это выражение своим старым знакомым. Я упрекнул Ленина в том, что он *реставрирует* народовольческую идею захвата власти. Он ответил мне, что после 17 октября эта идея перестала быть утопией ***. Я понимаю все значение 17 октября, но я не понимаю, каким образом оно могло изменить нашу оценку некоторых старых логических ценностей. Что понимали под народным творчеством наши народники и народовольцы? Некоторую, будто бы существующую в народе, экономическую тенденцию, которая избавит его от капитализма. Тов. Ленин, — я уверен, — не верит в существование такой тенденции, но тогда зачем же он употребляет термин, обозначающий такую идею, которая была ошибочной до 17 октября и осталась ошибочной после, останется ошибочной навсегда.

Маркс упрекал французских демократов в том, что они идеализировали народ. То же делали наши народники и народовольцы. Нам надо избегать этой ошибки. Нам необходимо помнить, что тот народ, о котором мы говорим, состоит и может состоять — несмотря на великое значение 17 октября—*только* из двух элементов: из пролетариата, с одной стороны, из мелкой буржуазии — с другой. Никакое народное творчество не изменит основного характера переживаемой нами буржуазной революции. Что такое демократическая республика, к которой мы теперь стремимся? Это — *буржуазная* республика. И я думаю, что если бы мы твердо и решительно усвоили себе этот взгляд, если бы мы поняли неизбежность свойственных буржуазной республике классовых противоречий, то мы не так легко вдавались бы в идеализацию захвата власти. Тов. Ленин с жаром и энергией говорит мне, что после 17 октября народовольческая идея захвата власти перестала быть утопией. Но в чем же заключался утопический характер этой идеи? В том ли, что народовольцы надеялись захватить власть силами небольшой горсти людей? Нет. Только тот, кто судит о заговорщиках по опереточным заговорам, как это делают некоторые наши театральные критики, только тот может думать, что народовольцы приурочивали свои надежды к усилиям горсти заговорщиков; нет, они также понимали, что захват власти революционерами должен явиться результатом революционного движения всего народа.

Утопический характер их мышления состоял в том, что они считали возможным для революционной власти решение таких задач, которых она решить не может, устранение таких трудностей, которые неустранимы. Утописты тем и отличаются от нас, марксистов, что они обходят трудности вопроса с помощью тех или других оптимистических предположений. И этот утопический прием характеризует теперь революционное мышление Ленина. Он именно обходит трудности вопроса с помощью оптимистических предположений. А кто сомневается в убедительности такого приема, того он заподозревает в равнодушии к революционному делу.

После 17 октября захват власти перестал быть утопией, т. Ленин? Но вы говорили о нем и до 17 октября, и точно так же до 17 октября я возражал вам. 17 октября ничего не может изменить в нашей оценке идеи захвата власти. Наша точка зрения состоит в том, что захват власти обязателен для нас, но обязателен тогда, когда мы делаем *пролетарскую* революцию. А так как предстоящая нам теперь революция может быть только мелкобуржуазной, то мы обязаны отказаться от захвата власти. Энгельс говорит, что, кто после опыта 1848 г. считает, что социалисты могут принять участие в революционном буржуазном правительстве, тот или чрезмерно ограничен, или связан с революционным делом только революционной фразой. Так смотрел на этот вопрос наш учитель, и этого его взгляда не изменило бы никакое 17 октября.

Но если мы считаем захват власти невозможным, то спрашивается, как мы должны относиться к тому проекту программы, который тесно связан с этим захватом. Если мы отрицаем захват власти, то должны отрицать и эту программу. Те из вас, которые стоят на точке зрения марксистов, должны решительно отвергнуть проект т. Ленина. Он падает вместе с заговорщицкой идеей захвата власти.

Плеханов Г. В Сочинения. М: Л, 1926 Т. IS. С. 67–76

Т. ШОУ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Вы просите меня дать краткий отзыв о Ленине. Хотя я был и остаюсь при мнении, что политика Ленина была ошибочной, что невозможно было осуществить его идеи, в особенности в России, я тем не менее не имею оснований изменить создавшееся у меня о нем мнение, что как человек он был, безусловно, бесстрашен, безусловно, честен, а в частности, всегда готов был признать, что та или другая часть его теории не осуществилась на практике, всегда готов был сделать отсюда необходимые выводы. Это последнее качество, быть может, самое редкое у политиков и у тех, которые имеют большое влияние на массы.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М, 1924. С. 55

Э. ЭРРИО
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Нет нужды указывать, как далек я был от ленинского учения, но я всегда восхищался его исключительными дарованиями государственного человека, его решительностью, энергией и действительно энциклопедической образованностью. Я уверен, что если бы он жил, то он бы еще многое сделал для своей страны, ибо это был человек, который умел оценивать всякое положение и находить выход из него.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М., 1924. С. 43

Н.А.БЕРДЯЕВ
из книги «истоки и смысл РУССКОГО КОММУНИЗМА»

Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция, она совершалась под символикой интернационала, но она же и глубоко национальна и национализуется все более и более по своим результатам. Трудность суждений о коммунизме определяется именно его двойственным характером, русским и международным. Только в России могла произойти коммунистическая революция. Русский коммунизм должен представляться людям Запада коммунизмом азиатским. И вряд ли такого рода коммунистическая революция возможна в странах Западной Европы, там, конечно, все будет по-иному. Самый интернационализм русской коммунистической революции — чисто русский, национальный. Я склонен думать, что даже активное участие евреев в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму. Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубова-тость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах

борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического, и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал. Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, вождем советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде. Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье. Он восставал против «детской болезни левизны» в Коммунистической партии. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно (Ср.: *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1984. Т. 2. С. 258–260; см. также: В. И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 80, 82, 94–96, 123. 150 и др. *Ред.)*. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки. Эта черта подала повод Малапарту характеризовать его, как мелкого буржуа, что не совсем верно (См. талантливую книгу J. Malaparte «Le bonhomme Lenine».). В молодости Ленин поклонялся Плеханову, относился к нему почти с благоговением и ждал первого свидания с Плехановым со страстным волнением. Разочарование в Плеханове, в котором он увидел мелкие черты самолюбия,

честолюбия, горделиво-презрительного отношения к товарищам, было для Ленина разочарованием в людях вообще. Но первым толчком, который определил революционное отношение Ленина к миру и жизни, была казнь его брата, замешанного в террористическом деле. Отец Ленина был провинциальный чиновник, дослужившийся до генеральского чина и дворянства. Когда брат его был казнен по политическому делу, то окружающее общество отвернулось от семьи Ленина. Это также было для юного Ленина разочарованием в людях. У него выработалось циническо-равнодушное отношение к людям. Он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить, чтобы не было угнетения человека человеком. В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью.

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее. Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил. Все миросозерцание Ленина было приспособлено к технике революционной борьбы. Он один, заранее, задолго до революции, думал о том, что будет, когда власть будет завоевана, как организовать власть. Ленин — империалист, а не анархист. Все мышление его было империалистическим, деспотическим. С этим связана прямолинейность, узость его миросозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли, элементарность лозунгов, обращенных к воле. Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия. В нем не было способности к созерцанию. Он хорошо знал марксизм, имел некоторые экономические знания. По

философии он читал исключительно для борьбы, для сведения счетов с ересями и уклонами в марксизме. Для обличения Маха и Авенариуса, которыми увлечены были марксисты-большевики Богданов и Луначарский, Ленин прочел целую философскую литературу. Но у него не было философской культуры, меньше, чем у Плеханова. Он всю жизнь боролся за целостное, тоталитарное миросозерцание, которое необходимо было для борьбы, которое должно сосредоточивать революционную энергию. Из этой тоталитарной системы он не позволял вынуть ни одного кирпича, он требовал принятия всего целиком. И со своей точки зрения он был прав. Он был прав, что увлечение Авенариусом и Махом или Ницше нарушает целостность большевистского миросозерцания и ослабляет в борьбе. Он боролся за целостность и последовательность в борьбе, она невозможна без целостного, догматического вероисповедания, без ортодоксии. Он требовал сознательности и организованности в борьбе против всякой стихийности. Это основной у него мотив. И он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло — все, что ей мешает. Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила.

Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное миросозерцание, не допускал никаких нарушений этой целостности. Отсюда же непонятная на первый взгляд страстность и яростность, с которой он борется против малейших отклонений от того, в чем он видел марксистскую ортодоксию. Он требует ортодоксальных, согласных с тоталитарностью миросозерцания, т. е. революционных, взглядов на познание, на материю, на диалектику и т. п. от всякого, кто себя считает марксистом, кто хочет служить делу социальной революции. Если вы не диалектический материалист, если вы в чисто философских,

гносеологических вопросах предпочитаете взгляды Маха, то вы изменяете тоталитарной, целостной революционности и должны быть исключены. Когда Луначарский пробовал заговорить о богоискательстве и богостроительстве, то, хотя это носило совершенно атеистический характер, Ленин с яростью набросился на Луначарского, который принадлежал к фракции большевиков. Луначарский вносил усложнение в целостное марксистское миросозерцание, он не был диалектическим материалистом, этого было достаточно для его отлучения. Пусть меньшевики имели тот же конечный идеал, что и Ленин, пусть они также преданы рабочему классу, но у них нет целостности, они не тоталитарны в своем отношении к революции. Они усложняли дело разговорами о том, что в России сначала нужна буржуазная революция, что социализм осуществим лишь после периода капиталистического развития, что нужно ждать развития сознания рабочего класса, что крестьянство — класс реакционный и пр. Меньшевики также не придавали особенного значения целостному миросозерцанию, обязательному исповеданию диалектического материализма, некоторые из них были обыкновенными позитивистами и даже, что уже совсем ужасно, неокантианцами, т. е. держались за «буржуазную» философию. Все это ослабляло революционную волю. Для Ленина марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Меньшевики же считали невозможной диктатуру пролетариата в сельскохозяйственной, крестьянской — стране. Меньшевики хотели быть демократами, хотели опираться на большинство. Ленин не демократ, он утверждает не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства. Поэтому ему часто бросали упрек в бланкизме. Он строил план революции и революционного захвата власти, совсем не опираясь на развитие сознания огромных масс рабочих и на объективный экономический процесс. Диктатура вытекала из всего миросозерцания Ленина, он даже строил свое миросозерцание в применении к диктаруре. Он утверждал диктатуру даже в философии, требуя диктатуры диалектического материализма над мыслью.

Целью Ленина, которую он преследовал с необычайной последовательностью, было создание сильной партии, представляющей хорошо организованное и железно дисциплинированное меньшинство, опирающееся на цельное революционно-марксистское миросозерцание. Партия должна иметь доктрину, в которой ничего нельзя изменить, и она должна готовить диктатуру над всей полнотой жизни. Самая организация партии, крайне централизованная, была уже диктатурой в малых размерах. Каждый член партии был подчинен этой диктатуре

центра. Большевистская партия, которую в течение многих лет создавал Ленин, должна была дать образец грядущей организации всей России. И Россия действительно была организована по образцу организации большевистской партии. Вся Россия, весь русский народ оказался подчиненным не только диктатуре Коммунистической партии, ее центральному органу, но и доктрине коммунистического диктатора в своей мысли и своей совести. Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин. Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции — традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях. Социал-демократы, меньшевики и социалисты-революционеры остались лишь в первой традиции, да и то смягченной. Но соединив в себе две традиции, которые находились в XIX веке в смертельной вражде и борьбе, Ленин мог начертать план организации коммунистического государства и осуществить его. Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм — за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным. Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним. Это отличало большевиков от всех других революционеров. И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание, нужны скрепляющие символы. В московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным. Для понимания подготовки диктатуры пролетариата, которая есть диктатура Коммунистической партии, чрезвычайный интерес представляет книжка Ленина «Что делать?», написанная еще в 1902 году, когда не было еще раскола на большевиков и меньшевиков, и представляющая блестящий образец

революционной полемики. В ней Ленин боролся главным образом с так называемым «экономизмом» и стихийностью в понимании подготовки революции. Экономизм был отрицанием целостного революционного миросозерцания и революционного действия.

Стихийности Ленин противополагал сознательность революционного меньшинства, которое призвано господствовать над общественным процессом. Он требует организации сверху, а не снизу, т. е. организации не демократического, а диктаториального типа. Ленин издевался над теми марксистами, которые всего ждут от стихийно-общественного развития. Он утверждал не диктатуру эмпирического пролетариата, который в России был очень слаб, а диктатуру идеи пролетариата, которой может быть проникнуто незначительное меньшинство. Ленин всегда был антиэволюционистом и, в сущности, был и антидемократом, что сказалось на молодой коммунистической философии. Будучи материалистом, Ленин совсем не был релятивистом и ненавидел релятивизм и скептицизм как порождение буржуазного духа. Ленин — абсолютист, он верит в абсолютную истину. Материализму очень трудно построить теорию познания, допускающую абсолютную истину, но Ленина это не беспокоит. Его невероятная наивность в философии определяется его целостной революционной волей. Абсолютную истину утверждает не познание, не мышление, а напряженная революционная воля. И он хочет подобрать людей этой напряженной революционной воли. Тоталитарный марксизм, диалектический марксизм есть абсолютная истина. Эта абсолютная истина есть орудие революции и организации диктатуры. Но учение, обосновывающее тоталитарную доктрину, охватывающую всю полноту жизни — не только политику и экономику, но и мысль, и сознание, и все творчество культуры, — может быть лишь предметом веры.

Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному миросозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции. Если остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевизму, не узнали своих собственных черт в

тех, против кого они восстали, то это историческая аберрация, потеря памяти от эмоциональной реакции. Старая революционная интеллигенция просто не думала о том, какой она будет, когда получит власть, она привыкла воспринимать себя безвластной и угнетенной, и властность и угнетательство показалось ей порождением совершенно другого, чуждого ей типа, в то время как то было и их порождением. В этом парадокс исхода русской интеллигенции, ее трансформирования после победоносной революции. Часть ее превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, другая же часть ее не приняла социалистической революции, забыв свое прошлое. Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устроение жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это— мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме. В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь, иные жесты, чем в типе старых интеллигентов. Подобно тому, как в 60-х годах, при появлении нигилистов, болеее мягкий тип идеалистов 40-х годов заменен был более жестким типом, в стихии победоносной революции, вышедшей из стихии войны, тот же процесс произошел в более грандиозных размерах. При этом старая интеллигенция, генетически связанная с «мыслящими реалистами» нигилистической эпохи, играет ту же роль, которую в 60-е годы играли идеалисты 40-х годов, и представляет более мягкий тип. Вследствие ослабления памяти, под влиянием аффекта, она забывает, что произошла от Чернышевского, который презирал Герцена как мягкого идеалиста 40-х годов по своему происхождению. Коммунисты с презрением называли старую революционную и радикальную интеллигенцию буржуазной, как нигилисты и социалисты 60-х годов называли интеллигенцию 40-х годов дворянской, барской. В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации Коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной. Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было ressentiment (*чувство злобы, досады.*

Ред.) по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести. Этим многое психологически объясняется. Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога. Русский народ из периода теллурического, когда он жил под мистической властью земли, перешел в период технический, когда он поверил во всемогущество машины и по старому инстинкту стал относиться к машине как к тотему. Такие переключения возможны в душе народа.

Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата. Он верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров. Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники. В ленинизм вошли в преображенном виде элементы революционного народничества и бунтарства. Социалисты-революционеры, представители старой традиции, оказались ненужными и вытесненными. Ленин сделал все лучше, скорее и более радикально, он дал больше. Это сопровождалось провозглашением новой революционной морали, соответствующей новому психическому типу и новым условиям. Она оказалась уже иной, чем у старой революционной интеллигенции, менее гуманной, не стесняющейся никакой жесткостью. Ленин — антигуманист, как и антидемократ. В этом

он человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов. Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью. Этому будут подражать Муссолини и Гитлер. Сталин будет законченным типом вождя-диктатора. Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм.

В 1917 году, т. е. через пятнадцать лет после книги «Что делать?», Ленин пишет книгу «Государство и революция», быть может, самое интересное из всего им написанного. В этой книге Ленин начертал план организации революции и организации революционной власти, план, рассчитанный на долгое время. Замечательно не то, что он этот план начертил, замечательно то, что он его осуществил, он ясно предвидел, каким путем все пойдет. В этой книге Ленин строит теорию роли государства в переходной период от капитализма к коммунизму, который может быть более или менее длителен. Этого у самого Маркса не было, который не предвидел конкретно, как будет осуществляться коммунизм, какие формы примет диктатура пролетариата. Мы видели, что для Ленина марксизм есть прежде всего теория и практика диктатуры пролетариата. Из Маркса можно было сделать анархические выводы, отрицающие государство совсем. Ленин решительно восстает против этих анархических выводов, явно неблагоприятных для организации революционной власти, для диктатуры пролетариата. В будущем государство действительно должно отмереть за ненадобностью, но в переходной период роль государства должна еще более возрасти. Диктатура пролетариата, т. е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории, государство всегда было организацией классового господства, диктатурой господствующих классов над классами угнетенными и эксплуатируемыми. Государство отомрет и окончательно заменится организованным обществом после исчезновения классов. Государство существует, пока существуют классы. Но полное исчезновение классов происходит не сразу после победы революционного пролетариата. Ленин совсем не думал, что после Октябрьской революции в России окончательно осуществится коммунистическое общество. Предстоит еще подготовительный процесс и жестокая борьба. Во время этого подготовительного периода, когда общество не стало еще совершенно бесклассовым, государство с сильной централизованной властью нужно для диктатуры пролетариата над буржуазными классами, для их подавления. Ленин говорит, что «буржуазное» государство нужно уничтожать путем

революционного насилия, вновь же образовавшееся «пролетарское» государство постепенно отомрет, по мере осуществления бесклассового коммунистического общества. В прошлом было подавление пролетариата буржуазией, в переходной период пролетарского государства, управляемого диктатурой, должно происходить подавление буржуазии пролетариатом. В этом периоде чиновники будут исполнять приказы рабочих. Ленин опирается в своей книге, главным образом, на Энгельса и постоянно его цитирует. «…Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников…» — пишет Энгельс Бебелю в 1875 году. Тут Энгельс является явным предшественником Ленина. По Ленину, демократия совсем не нужна для пролетариата и для осуществления коммунизма. Она не есть путь к пролетарской революции. Буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, буржуазное демократическое государство должно быть уничтожено для осуществления коммунизма. И демократия не нужна и вредна после победы пролетарской революции, ибо противоположна диктатуре. Демократические свободы лишь мешают осуществлению царства коммунизма. Да и Ленин не верил в реальное существование демократических свобод, они лишь прикрывают интересы буржуазии и ее господство. В буржуазных демократиях также существуют диктатуры, диктатура капитала, денег. И в этом, бесспорно, есть доля истины. При социализме отомрет всякая демократия. Первые фазисы в осуществлении коммунизма не могут быть свобода и равенство. Ленин это прямо говорил. Диктатура пролетариата будет жестоким насилием и неравенством. Вопреки доктринерскому пониманию марксизма, Ленин утверждал явный примат политики над экономикой. Проблема сильной власти для него основная. Вопреки доктринерскому марксизму меньшевиков, Ленин видел в политической и экономической отсталости России преимущество для осуществления социальной революции. В стране самодержавной монархии, не привыкшей к правам и свободам гражданина, легче осуществить диктатуру пролетариата, чем в западных демократиях. Это, бесспорно, верно. Вековыми инстинктами покорности нужно воспользоваться для пролетарского государства. Это предвидел К. Леонтьев. В стране индустриально отсталой, с мало развитым капитализмом легче будет организовать экономическую жизнь согласно коммунистическому плану. Тут Ленин находится в традициях русского народнического социализма, он утверждает, что революция произойдет в России оригинально, не по западному,

т. е., в сущности, не по Марксу, не по доктринерскому пониманию Маркса. Но все должно произойти во имя Маркса.

Как и почему прекратится то насилие и принуждение, то отсутствие всякой свободы, которые характеризуют переходной к коммунизму период, период пролетарской диктатуры? Ответ Ленина очень простой, слишком простой. Сначала нужно пройти через муштровку, через принуждение, через железную диктатуру сверху. Принуждение будет не только по отношению к остаткам старой буржуазии, но и по отношению к рабоче-крестьянским массам, к самому пролетариату, который объявляется диктатором. Потом, говорит Ленин, люди привыкнут соблюдать элементарные условия общественности, приспособятся к новым условиям, тогда уничтожится насилие над людьми, государство отомрет, диктатура кончится. Тут мы встречаемся с очень интересным явлением. Ленин не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека, верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального человека, не нуждающегося больше в насилии. Так и Маркс верил, что новый человек фабрикуется на фабриках. В этом был утопизм Ленина, но утопизм реализуемый и реализованный. Одного он не предвидел. Он не предвидел, что классовое угнетение может принять совершенно новые формы, не похожие на капиталистические. Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит. Простой рабочий сплошь и рядом получает 75 рублей в месяц, советский же чиновник, специалист 1500 рублей в месяц. И это чудовищное неравенство существует в коммунистическом государстве.

Советская Россия есть страна государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитализма. Переходной период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нем властвуют, войдут во вкус властвования и не захотят изменений, которые неизбежны для окончательного осуществления коммунизма. Воля к власти станет самодовлеющей, и за нее будут бороться как за цель, а не как за средство. Все это было вне кругозора Ленина. Тут он особенно утопичен, очень наивен. Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же

средствами, ложью и насилием. Это прежде всего государство военно-полицейское. Его международная политика как две капли воды напоминает дипломатию буржуазных государств. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло, ветхий Адам остался и продолжает действовать, лишь трансформируя себя. Русская революция совершалась под символикой марксизма-ленинизма, а не народнического социализма, который имел за собой старые традиции. Но к моменту революции народнический социализм утерял в России свою целостность и революционную энергию, он выдохся, он был половинчат, он мог играть роль в Февральской, интеллигентской, все еще буржуазной революции, он дорожил более принципами демократии, чем принципами социализма, и не может уже играть роли в революции Октябрьской, т. е. вполне созревшей, народной, социалистической. Марксизм-ленинизм впитал в себя все необходимые элементы народнического социализма, но отбросил его большую человечность, его моральную щепетильность как помеху для завоевания власти. Он оказался ближе к морали старой деспотической власти.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма Париж, 1955 С. 94—106

К. КАУТСКИЙ
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Многоуважаемый товарищ! (*Письмо обращено к берлинскому корреспонденту «Известий» В. Сельскому. Ред.)*

Как вы видите, я в настоящее время нахожусь не в Берлине, а в Вене. Ваше письмо я получил только сегодня и поэтому не мог вовремя ответить на ваше приглашение. Я очень жалею об этом, потому что хотел бы внести свою лепту в чествование покойного героя пролетарской революции. Правда, у меня возникли большие сомнения относительно политических и экономических методов Ленина за последние годы. Правда, вследствие наших разногласий по существу, он лично резко нападал на меня, и еще больнее были для меня нападки на все те элементы, также социалистические, которые расходились с воззрениями Ленина. Но в момент смерти мы должны оценить всего человека, а не только несколько лет его жизни, не только несколько сторон его деятельности, и все личное должно замолчать. Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории. Между правителями великих государств нашего времени имеется только один, который хоть сколько-нибудь приближается к нему по своей силе. Это был Бисмарк. Конечно, их цели были диаметрально противоположны. У одного — торжество династии Гогенцоллернов в Германии, у другого — торжество пролетарской революции. Это такая же противоположность, как между водой и огнем. Цель Бисмарка была мелка, цель Ленина — колоссальна.

Но подобно железному канцлеру, Ленин тоже был человеком самой непреклонной и самой смелой силы воли. Подобно ему, он понял значение вооруженной силы в политике и умел самым беспощадным образом применить ее в решительных случаях. Бисмарк заявил, что великие проблемы нашего времени должны быть разрешены кровью и железом. Точно таково же было воззрение Ленина. Конечно, ни тот, ни другой не думали, что этого одного достаточно. Подобно Бисмарку, Ленин тоже был мастером в дипломатии, в искусстве ввести в заблуждение, взять врасплох своих противников, найти их слабое место, чтобы выбить их из седла. И точно так же, как Бисмарк, Ленин всегда был готов в момент, когда ему казалось, что взятый им путь не ведет к цели, без всяких колебаний, немедленно повернуть назад и пойти по другому пути. С той же легкостью, с которой Бисмарк

в 1878 году перешел от свободы торговли к протекционизму, Ленин недавно перешел от чистого коммунизма к нэпу.

Но конечно, между обоими рядом с общими чертами имеются также различия, а именно не только в их целях; последнее само собой разумеется и уже было упомянуто мною. Ленин далеко превосходил Бисмарка своим интересом к теории, которую он ревностно изучал, а также своим бескорыстием. Бисмарк совсем не интересовался теорией и использовал свое обладание государственной властью для личного обогащения.

Но Ленин отстал от Бисмарка в своем знании заграницы. Бисмарк тщательно изучал государства, с которыми имел дело в своей внешней политике, их силу и силу различных классов в них. Напротив, Ленин, хотя он десятилетиями жил в Западной Европе как эмигрант, не дошел до полного понимания политического и социального своеобразия Европы. Его политика была целиком приспособлена к физиономии России, а по отношению к заграница покоилась на ожидании мировой революции, а это с самого начала должно было для каждого знающего Западную Европу явиться иллюзией. Здесь мы находим самое глубокое различие между Бисмарком и Лениным. Бисмарк закрепил свою мощь успехами своей внешней политики, Ленин — успехами своей внутренней политики. Это вытекало не только из различия в даровании обоих этих личностей, но также из различия среды, в которой они действовали.

Бисмарк пришел к власти в стране, в которой массы уже пробудились к интенсивной политической жизни благодаря Великой французской революции и наполеоновским войнам, а потом революции 1848 года. Навязать им свое всемогущество и отнять у них самостоятельное политическое мышление оказалось невозможным. На этом Бисмарк потерпел крушение. Ленин же пришел к власти в стране, где массы были, правда, до крайности возбуждены в результате войны, но не имели еще за собой нескольких поколений самостоятельной политической мысли и устремлений, а потому, когда улеглось возбуждение, легче подчинились всемогуществу выдающейся над всеми личности Ленина, а также его сотрудников.

Здесь глубочайший корень громадного успеха Ленина. Но здесь также возникают мои самые большие сомнения против его системы. Ибо освобождение пролетариата прежде всего означает полнейшую самостоятельность его мышления и действия. Значительные, обещающие успех зачатки этого были уже налицо в русском пролетариате перед революцией 1917 года. Ленин начал с того, что дал пролетариату полнейшую свободу, но политические и экономические последствия его метода заставили

его снова все более уменьшать эту свободу.

Я не буду больше останавливаться на этом, так как это перешло бы рамки оценки покойного и стало бы полемикой. Замечу только еще, что, несмотря на мои сомнения относительно методов Ленина, я не считаю положение русской революции отчаянным. Правда, с моей точки зрения, может казаться, будто Ленин привел пролетарскую революцию в России к победе, но сделал ее неспособной приносить плоды. Однако русская революция еще не закончена. Мы не хороним ее вместе с Лениным.

В России стремление рабочих масс к самостоятельности в конце концов пробьет себе дорогу. И тогда созреют все те плоды, которыми в величайшем изобилии чревата русская революция.

Тогда все трудящиеся народы России, все трудящиеся народы всего мира без различия направлений будут с благодарностью вспоминать всех своих великих борцов-пионеров, которые десятилетиями в борьбе и невзгодах подготовляли русскую революцию и потом привели ее к победе. Имя Ленина не будет отсутствовать в этом пантеоне также у тех, которые в настоящее время являются противниками коммунистической партии.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1924. С. 16—I8

В. М. ЧЕРНОВ
из книги
«КОНСТРУКТИВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

Со свойственной ему (Ленину. *Ред.)* грубоватой прямотой и откровенностью он в кругу своих не только признавался: «Мы наглупили достаточно в период Смольного и около Смольного» — в демагогический период разнуздывания стихии и подбивания ее все делать «снизу»; он даже заявлял о полном отсутствии у него сомнений, что и впредь будет не лучше: «Несомненно, что мы сделали и *еще сделаем огромное количество глупостей.* Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я»…

Но перед внешним миром он оправдывает все. Он говорит, например: «…роль лакеев буржуазии играли… меньшевики, эсеры, Каутский и К°, когда они ставили нам *в вину*… «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу». То же и с государственным капитализмом. «…Иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь…» То, что «промежду себя» можно признать ошибкой и даже глупостью, для «посторонних» объявляется «естественной и неизбежной фазой развития». А худшие последствия ошибок можно с легким сердцем отнести за счет совершенно посторонних условий. Так сделал Ленин по отношению к «бюрократическому вырождению» Советской власти.

«Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла. Проходит еще год. На VIII съезде… мы говорим… о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя».* Прошло еще два года. Весной 1921 года… мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма?.. У нас… корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность… В громадной степени это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон… Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне».

Из всего этого образцово-наивного рассуждения очевидно,

что Ленин до конца «слона-то и не приметил». Не приметил того, что бюрократизм эмбрионально содержался уже в самой ленинской идее о социализме, как возглавленной большевистскою диктатурою системе государственно-капиталистических монополий; что бюрократизм был исторически производной от примитивной казенщины большевистской концепции социализма.

Как известно, Ленин не прочь был повсюду (даже в применении к аграрной области) из демагогического расчета подхватить популярный лозунг социализации. Нетрудно видеть, что на деле на социализацию у него нет нигде и намека. Под нею все время кроется «советизация» или советская бюрократизация. Все ее вопиющие недостатки, понятные и легко предвидимые теоретически, русский большевизм наглядно показал на практике…

Военным коммунизмом большевизм совершает свое собственное reductio ad absurdum (приведение к нелепости. *Ред.)*, логически доходит до полной и очевидной нелепости. И все же за него долго и упорно держались. И когда необходимость заставила наконец пойти на его ликвидацию, приняться за социально-политическое «путешествие по ретур-билету», с военным коммунизмом все же расставались нехотя, проклиная компромиссы с жизнью, разрушающие «стройную систему».

Ленину, обосновавшему введение военного, социализма, пришлось обосновывать его отмену. И вот сначала он неожиданно открыл, что «та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими… Другого выхода не было»; может быть, в *применении* «ошибки были, был целый ряд преувеличений», но «в основе эта политика была правильна». Но, настаивает Ленин, правильна лишь в особых, преходящих исторических обстоятельствах. Военный социализм — не решение социальной проблемы, даже не путь к социализму, а просто отклик на особую политическую ситуацию, и в этом смысле по отношению к программе большевизма нечто случайное и побочное. Иными словами, между строк Ленин объявляет, что возведение Троцким военного коммунизма в принцип, в систему было ошибкой. Так сложилось, что пришлось на него пойти; но «это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными». Несколько позднее Ленин пошел в этих полупризнаниях на один шаг дальше. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. *Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным*

задачам пролетариата политикой (курсив В. М. Чернова. — *Ред.)*. Он был временной мерой». Политикой, соответствующей хозяйственным задачам пролетариата, было бы установление «правильного социалистического продуктообмена» с деревней; если бы оно было возможно, не было бы надобности в военном коммунизме. К сожалению, оно было невозможно, а потому все-таки «роль лакеев буржуазии играли… меньшевики, эсеры, Каутский и К°, когда они ставили нам *в вину* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу». Отступление происходит как будто «в порядке», должным образом замаскированное. Некоторое время Ленин еще продолжает твердить: «Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности»; но он уже почти целиком воспринимает всю критику, все изобличение изнанки этой «стройной системы». «Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, — говорит он, подхватывая самую терминологию противников, — обнаружило свою отрицательную сторону…» К весне 1921 г. опыт показал, что «запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года». Но зато «после этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности *еще оттянулось, отсрочилось*» (курсив В. М. Чернова. — *Ред.)*.

После такого признания дальше упорствовать на полном оправдании военного коммунизма было невозможно. Это могло бы сойти для какого-нибудь Бухарина, но не для Ленина. Трудно сказать, было ли для последнего это временное «полупризнание ошибки» переходной стадией, психологически облегчившей ему самому переход к позднейшему, уже более откровенному и полному сознанию, что пойти на военный коммунизм значило зарваться и не рассчитать ни средств, ни возможностей, ни сил; или же это просто был педагогический прием, рассчитанный на такое облегчение только для «малых сих», для слепо идущих за ним приверженцев. Впрочем, это имеет лишь историко-литературный интерес. Достаточно установить одно: осенью 1921 г. Ленин уже отдал себе полный отчет в крахе, в несостоятельности военного коммунизма, в ошибочности этого шага; он даже как будто сам был в недоумении: как это «такое» могло с большевизмом «попритчиться»?

На втором всероссийском съезде политпросветов Ленин сделал ряд очень откровенных признаний. «…Наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала *(мы в той обстановке вообще рассчитывали мало),* то до известной степени предполагала… непосредственный переход старой

русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах». А между тем в самом начале пути «о наших задачах экономического строительства мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и… 1920 годов». Когда же «мы» были правее? Ленин твердо выговаривает: «Вначале». Таким образом, оказывается, что большевизм совершил грех против себя самого. «Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика… под влиянием этих обстоятельств н ряда других, *мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению*… Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму». Все, раньше заученное, писанное и переписанное, — все это «в горячке гражданской войны» было нами «вроде того, что забыто». Результат неутешителен:

«На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским…» Это поражение было нанесено не людьми, а безличной логикой жизни, на которую апеллировать некуда: «…наша хозяйственная политика… Мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса…» И про вынужденный отказ от военного коммунизма «нельзя сказать, что это отступление… в полном порядке, на заранее приготовленные позиции»; нет, порою… оно было «в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке».

Ленин, конечно, был прав. Беда заключалась не в отдельных «ошибках» или «преувеличениях» при проведении правильной в основе политики; ошибкой была сама эта политика.

Чернов В. Я. Конструктивный социализм. Прага. 1S25 Т. 1. С. 288–297, 395–399

П. Б. АКСЕЛЬРОД
ИЗ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕГОВОРАХ С ЛЕНИНЫМ В 1895 ГОДУ

Спустя несколько дней после отъезда «Учителя жизни» [Е. И. Спонти] ко мне приехал новый гость, тоже молодой человек, невысокого роста, довольно бесцветного вида. Представился:

— Владимир Ульянов, приехал недавно из России. Георгий Валентинович (Плеханов. *Ред.)*, в Женеве, просил вам кланяться.

Молодой человек передал мне довольно объемистую книгу — сборник статей под заглавием «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», незадолго до того вышедшую в России и уже конфискованную и даже сожженную по приговору цензуры. Здесь были статьи марксистов: Плеханова, Струве, Потресова, К. Тулина и других. Я знал о подготовке этого сборника и сам писал для него статью — под заглавием «Главнейшие запросы русской жизни», — но **ие** смог кончить ее в срок из-за болезни.

Посидев у меня, побеседовав о положения дел в России, молодой человек поднялся и сказал вежливо:

— Завтра, если вы позволите, я зайду к вам, чтобы продолжить разговор.

Вечером и ночью я просмотрел привезенный Ульяновым сборник. Мое внимание привлекла обширная статья К. Тулина, имя которого я встретил здесь впервые. Эта статья произвела на меня самое лучшее впечатление. Тулин выступал здесь с критикой народничества и «Критических заметок» Струве. Статьи были построены несколько нестройно, пожалуй, даже небрежно. Но в них чувствовался темперамент, боевой огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы. Для меня ознакомление с этим сборником было истинным наслаждением. «Наконец-то, — думал я, — появляется в России легальный сборник, проникнутый не просто духом отвлеченного, академического марксизма, но духом социал-демократии, дающей учению марксизма революционное применение».

Но были в статьях Тулина некоторые тенденции, с которыми я не мог согласиться. Автор, разбирая вопрос о задачах социалистов в России, подходил к этому вопросу абстрактно, решал его вне времени и вне пространства, не останавливаясь на особенностях общественно-исторических условий в России, и рассуждал так, как будто мы жили в Западной Европе. В

частности, именно так подходил Тулин к вопросу об отношении социалистов к либералам.

Но этот недостаток статьи не нарушал общего благоприятного впечатления.

Утром пришел ко мне Ульянов.

— Просмотрели сборник?

— ДаГ И должен сказать, что получил большое удовольствие. Наконец-то пробудилась в России настоящая революционная социал-демократическая мысль. Особенно хорошее впечатление произвели на меня статьи Тулина…

— Это мой псевдоним, — заметил мой гость. Тогда я принялся объяснять ему, в чем я не согласен с ним.

— У вас, — говорил я, — заметна тенденция, прямо противоположная тенденция, той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «Создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль. «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом».

Невольно бросалось в глаза глубокое различие между сидевшим передо мною молодым товарищем и людьми, с которыми мне приходилось иметь дело в Швейцарии. Какой-нибудь Грозовский, приехав из Вильны без всяких знаний, уже считал ниже своего достоинства учиться. А Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Он да. же не сказал мне, что порядочно писал в

Петербурге и уже приобрел значительное влияние в революционных кружках. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно.

В Швейцарию он приехал по своему легальному паспорту и предполагал так же легально вернуться в Россию. Его частые встречи со мной могли обратить на него внимание. А между тем нам о многом еще хотелось переговорить. Мы условились поэтому уехать на несколько дней из Цюриха в деревню, где могли бы проводить целые дни вместе, не привлекая ничьих подозрительных взглядов.

Переехали в деревушку Афольтерн, в часе езды от Цюриха. Здесь мы провели с неделю. Был май, стояла прекрасная погода. Мы целыми днями гуляли, подымались вместе на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших нас обоих вопросах.

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение труда».

Переписка Г. В. Плеханова и П. Б Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 269–271

Б. БАРКОВ
ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

Ленин был идеальным воплотителем великого коммунистического мировоззрения. Можно было не соглашаться с его тактикой, но нельзя отрицать того, что он был гениальным политиком и идейным коммунистом нашего времени. И если это, как мы видим сейчас, не отрицают империалисты, капиталисты, религиозники и даже лжесоциалисты, то идейные анархисты не отрицают уже давно, всегда чувствуя к Ленину необъяснимое чувство привязанности и симпатии. Я наблюдал это, когда являлся в среде анархистов активным участником революционной борьбы. Но если Ленин был признан гениальнейшим из людей и идейнейшим из коммунистов даже анархистами, то вполне понятно, что он должен быть всемирным вождем рабочего класса, так как последний, в силу своей революционно-коммунистической неподготовленности, безусловно нуждался и нуждается в твердом указании на пути к своей цели. И напрасно на этот счет появляются иллюзии у некоторых до сего времени заблуждающихся анархистов; пора понять, что без идейного и в то же время твердого путеводительства со стороны коммунистов, лучшим из которых был Ленин, пролетариат не в состоянии избавиться от эксплуатации тунеядцами.

Ленин один из первых учел это и после долгих и неимоверно тяжелых усилий коллективного сотрудничества создал первое рабоче-крестьянское государство, которое поставило себе задачей защищать интересы всех угнетенных и трудящихся. Вот почему анархисты, зная Ленина как честного, великого коммуниста, не смогут теперь отрицать правильность ленинского учения, проводимого не только в России, но и во всем мире.

Пусть Ленина нет, его дело — защита угнетенных и обездоленных — будет продолжаться его искренними единомышленниками.

У *великой могилы. М., 1924.* С, *28О*

О. БАУЭР
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Я охотно следую приглашению редакции «Известий» и говорю русским рабочим, что социал-демократическая рабочая партия Австрии вместе с ними скорбит у гроба великого революционера. Он часто резко выступал против нас. Мы не согласны были с тем, что его дело осуществимо теми самыми путями, что в России, в совершенно другой социальной обстановке Запада. Однако у могилы Ленина молчат все эти разногласия, мы тоже склоняем наши знамена перед гением его воли, перед его революционизирующим весь мир делом.

И мы были его учениками. Гегемония пролетариата над крестьянством только одна является путем к власти. Так учил нас Ленин. Мы думаем, что эта гегемония может быть осуществима в Средней и Западной Европе другим путем и другими средствами, чем в России. Но что она должна быть и здесь осуществима — в этом величайший урок побед Владимира Ильича Ленина.

Дантон, Марат, Робеспьер, Гебер — все они страстно боролись друг с другом и посылали один другого на гильотину; но ныне Великая французская революция является нам как их общее дело. Точно так же настанет время, когда нашим потомкам великая революция нашего времени будет казаться общим делом нас всех, несмотря на все то, что разделяет ныне коммунистов и революционных социал-демократов. В духе этой общности и мы склоняемся перед памятью вашего бессмертного вождя.

Политики и писатели Запада а Востока о В. И. Ленине М, 1924. С. 19

И. М. ГЕЙЦМАН
ОПТИМИСТ РЕВОЛЮЦИИ
(Из записок бывшего анархиста)

1

Во все времена все народы много говорили о своих великих людях. Особенно много говорят у свежей могилы великого человека. Это естественно и понятно, ибо великий человек заставляет всех пошевелить мозгами о нем. Немного в мире остается партий, групп или даже отдельных лиц, которые не высказали своего непосредственного чувства или сознательной оценки Ленина в час смерти его.

Не будет ли назойливым соваться и мне, сравнительно постороннему человеку, со своим мнением к гробу гения? В самом деле, человек, которого близко знает созданная им миллионная партия, о котором говорят и пишут во всех уголках земного шара! Не будет ли слишком самонадеянным думать, что я могу высказать слово, не сказанное другими?

Однако такие и подобные вопросы полностью отпадают, когда речь идет о гениальном человеке. Гений в истории никогда не повторяется. Понятие *гений* для людей в их представлении всегда бывает исключительным, своеобразным, строго индивидуальным.

Кто имел уши и слышал Ленина хоть раз, тот знает, о чем я говорю, ибо у него осталось в наличности совершенно особое впечатление от соприкосновения с Лениным, впечатление, которое никогда не изгладится и не смешается с другими подобными впечатлениями.

Современники гения должны быть весьма осторожны в оценке его. Мало кричать: я люблю его, — нужно знать, за что любишь. Мало знать, за что любишь и что ты полон им, нужно помнить и крепко помнить, что не исчерпал ты его, несмотря на свою полноту… Наоборот, эта самая полнота-то и есть самое опасное в буквальном и переносном смысле слова. Ибо сам гений никогда полон не бывает. Он легко отказывается от вчерашнего дня, от пройденного опыта во имя синтеза будущего.

Кто знает, какие лозунги, какие крылья Ленин дал бы нам сегодня? И тем не менее знать это необходимо и, что еще важнее, знать это возможно. Ибо плох тот гений, который не понят своей эпохой. Нужно только исходить не с точки зрения вчерашнего дня

Ленина, а с точки зрения задач всей эпохи, в которой должно и может завершиться историческое действие Ленина. Гений немыслим без эпохи. Выполнение гениальной задачи требует всегда длительного исторического периода. Сущность такого периода никогда не находится во вчерашнем дне. Ибо гений не переживает самого себя. Он никогда не обращает свой взор ко вчерашнему дню. Хотя также никуда не спешит, всегда спокоен, не боясь опоздать. Ибо путь гения ведет вперед, а не назад. Ведь обыкновенно спешат только те, кто остается позади.

Вот почему Ленин никогда не производил впечатления торопящегося человека. Независимо от океана дел своих, он никогда не знал суеты торопливости, тем не менее везде бывал, нигде не опаздывал. Он годами сидел за границей, терпеливо нащупывал пульс эпохи, спокойно выжидая сигнала истории. Момент наступил, набат ударил, революция громко зовет своих сынов. И Ленин, не торопясь, садится в запломбированный вагон, мчится через поля и леса, и в нужный момент он — на месте. На месте он находит смятение, брожение, измену и хаос. Все суетятся, торопятся, болтают о «бескровной революции». На деле же все без исключения испуганы революцией. Последняя успела кое-где показать свои острые зубы, не книжную болтовню, а свое голое естество, и этим самым успела оттолкнуть от себя своих лжепророков, своих рыцарей и апостолов на час. Ленин спокоен, он знает эпоху в которой живет, он видит начало и конец длительного исторического действия и дает ему название: «самоопределение наций», «уничтожение купли и продажи людского труда», «вся власть Советам». Даны крылья эпохе, и Ленин спокойно, не торопясь занимается образованием, даже шлифовкой ядра революции. Эта задача первой важности. Нужно пересоздать людей, нужно передать стальную диктатуру в руки вчерашних и вековых рабов. Задача неимоверно трудная. Революционеры всех стран, всех революций до сих пор кончали на этом самом месте, и тут-то гений Ленина сказывается во всем его объеме, по крайней мере для нашей эпохи.

Для нас крайне важно выяснить действительное величие, действительный гений Ленина. Важно для продолжения начатого дела, для продолжения дела пролетариата, важно для всего человечества. В чем же оно, это велнчие, выражается? Ленин, говорят одни, — *великий* ученый, великий революционер, великий бунтарь. Ленин— гениальный организатор, прибавляют другие. Это, конечно, так, но всеми такими качествами гений Ленина **не** исчерпывается. За сто лет революции мы имели много ученых. много революционеров, бунтарей, даже гениальных организаторов.

Ведь надо помнить, что целых сто лет русская общественность отдала все лучшее, все истинно великое на службу революции. И было бы более чем печально для нашего народа, если бы в этом великом созвездии не было бы звезд первой величины. Вот почему мы и находим на арене борьбы за русскую свободу гениальных публицистов, ученых и организаторов. И если я тем не менее скажу, что среди всех титанов русской революции Ленин занимает совершенно особое место, сохраняя индивидуальные черты своего гения, то я этим отнюдь не намерен уменьшить значение русских революционеров, творивших революцию до него.

Какова же та особенность, которая делает Ленина исключительным среди исключительных? Попытаюсь отцветить на поставленный вопрос, разумеется, без смешной претензии исчерпать бесконечность гения.

II

Ровно 20 лет назад, зимой 1903/04 г. Ленин был в Лондоне (Ленин жил в Лондоне с апреля 1902 по апрель 1803 г. *Ред.)*.

В первый раз в ту зиму я увидел и услышал его- До Ленина я уже имел понятие об ораторском искусстве Жореса, старика Либкнехта, Фора, Моста и других. Однако в тоие Ленина было нечто совершенно новое, и это я хорошо себе выяснил. У него не были слова для слов. Он своей речью показывал, иллюстрировал действия будущего. Так говорить мог человек, которому ясен ход истории. Моментами казалось, что он растолковывает слепым комбинадии красок. Моментами его речь звучала твердым приговором истории.

«Партия «Народной воли» окончила трагедией, и мы преклоняемся перед трагизмом борцов, но повторять их нам нельзя. Повторение исторической трагедии неминуемо кончается фарсом. Партия эсеров в истории российской революции будет партией революционного фарса».

Это было сказано Лениным 20 лет назад, сказано без полемического азарта, без страсти и злобы фанатика. Сказано в минуту расцвета партии эсеров, когда Гершуня был налицо, а Азеф еще не развернулся. В памяти так и залегли эти слова. Мне всегда казалось, что так говорить мог человек, который стоит над временем, который знает, что готовят грядущие сроки, который видит в момент зарождения действия конец его.

Не в этом ли величие Ленина? Разумеется. Однако-дело ве только в предвосхищении истории.

После одной лекции, в которой Ленин говорил об аграрном вопросе и задачах российской социал-демократии, в польском клубе под председательством т. Дейча мы, группа молодых анархистов, ушли весьма расстроенными. Все были в каком-то подавленном настроении. После лекции Ленива имела место жестокая полемика. Шли яростные атаки и контратаки.

Про себя каждый, из нас знал, что позиция не оставалась за нами. Провожая старика Черкезова домой, кто-то из молодых, не выдержав молчания, обратился к нему с претензией в голосе: «Надо признаться, что аргументация Ленина сильнее бьет; нас таки порядком нобили». Ответ Черкезова был классически мудр. «Хороший анархист, — заявил ов, — никогда не должен чувствовать себя побитым».

Разумеется, можно чувствовать себя победителем с помятыми боками, за этим дело не станет, вопрос вкуса, но ведь дело не в этом.

Группа молодых анархистов окончательно была смущена, От Черкезова мы не получили удовлетворительных объяснений и расстались с ним не в духе.

Левин прочел всего 4–5 лекция в Лондоне, но это явилось событием в эмигрантской среде; долго толковалтт о нем, о мыслях и терминах, которые он оставил у нас. Поразительно было его отношение к противникам, которым он отвечал в заключительном слове своем.

В периоде, о котором идет речь, некоторые социалисты носились с проектами, отдававшими какой-то политической маниловщиной. В Лондоне некоторыми эмигрантами проектировалось создание чего-то вроде антипартийной партии, объединяющей все социалистические направления. О подобной чепухе говорили и писали; даже листки и воззвания кем-то выпускались.

Ленин гомерически хохотал над подобными затеями. Его яркая, ясная мысль не оставляла никакой надежды противнику мечтать об устройстве бок о бок с ним. Его принципы, твердые как сталь, рубили с плеча. Никакой ненависти к противнику, но никакого снисхождения к глупостям его. Нельзя объединить противоположные интересы, разнородные элементы.

Ленин знал, что колесо истории не пощадит тех, кто по тем или иным соображениям, волей или неволей пойдет против законов эпохи. Политический оппортунизм государственников и социалистический эклектизм безгосударственников яростно атаковали принципы Ленина. Его противники обвиняли его в непримиримости, узости, доктринерстве и проч. Ленин таким репликам не придавал внимания. Зная, что в истории никто не

умирает до самой смерти, он не надеялся уничтожить противника преждевременно. Но он твердо знал в то же время, что люди эти обречены на гибель историческим ходом вещей, и они, еще живые, уже не существовали для него.

Временами борьба против Ленина велась позорно. Были пущены в ход приемы и средства, которые могут быть объяснены только отчаянием и бесстыдством людей слабых, хватающихся за гнилую соломинку. Но что говорить о тогдашних сравнительно детских приемах, когда всем еще памятен момент, когда представители нашей общественности объявили Ленина германским агентом! Пусть припомнят, что эта кощунственная бессмыслица облетела весь мир.

Удивительно, как Ленин реагировал на это обвинение. Он, прежде всего, как бы не заметил вовсе его. Ни одной минуты внимания не уделил он провокации своих врагов. Так реагировать мог человек, который борется не против людей, а против исторической ситуации. Чувства ненависти, злобы и гнева, знакомые среднему человеку, особенно в минуты роковой борьбы, чужды были Ленину. Созидая новый мир вещей, он знал, что старый порядок обречен, он знал, что вместе со старым порядком погибнут живые люди, быть может, даже близкие ему, но эти люди персонально не вызывали его страсти, гнева и ненависти.

Жалел ли Ленин этих людей? Термин неподходящий. Обывательски глупо жалеть то, что историей обречено бесповоротно во имя грядущего бытия, к которому процесс вещей нас ведет. Но Ленин, возвещая и свидетельствуя об этом процессе десятки лет, разумеется, действовал так в целях достижения наибольшего исторического результата при возможно меньшей затрате сил.

Радикально уничтожая, без всякой маниловщины, без всякого снисхождения, враждебные силы, Ленин тем не менее не имел противника, не знал врага, он его не чувствовал, он врага психологически не переживал.

Не в этом ли величие Ленина?

Конечно, он был гениально объективен в борьбе, так же как и в предвосхищении исторических сроков, событий и действий, но гениальность Ленина этой объективностью не ограничивается даже для нашей эпохи. Исторической прозорливостью, историческим объективизмом гений Ленина не исчерпывается.

III

В наши дни европейская мысль, стремясь понять величие

Ленина, сравнивает его с разными историческими фигурами. Такие попытки бессмысленны, ничего не говорят они ни уму ни сердцу человека, который хотел бы ориентироваться в размере и сути Ленина. Вопрос не в том, кто выше или ниже, Петр Великий, Наполеон, Кром-вель, Робеспьер или Ленин. Быть может, каждый из них был достаточно велик для выполнения исторических задач эпохи, в которой он жил. Но задачи задачам рознь, и люди эти остаются совершенно разными.

Среди гениальных представителей буржуазного милитаристического мира искать равных Ленину — задача неблагодарная. Но, быть может, история пролетарской борьбы покажет прототип его? Посмотрим.

Прежде всего нужно отметить и подчеркнуть, что Ленин отнюдь не торопился стать Лениным наших дней. Для выяснения своей мысли скажу, что если, например, мировая война и мировая революция нагрянули бы на десяток лет позже, Ленин мог бы умереть гениальным писателем, мыслителем, ученым, но не вождем мировой революции, мирового пролетарского Интернационала. Гений Ленина знал, как никто, что нельзя скакать за своей исторической ролью. Повторяю, он терпеливо сидел над своей работой за границей, пока не наступил момент действия масс. Правильно учитывая характер этого великого действия, зная скрытые тенденции и смысл их, он, гениально покорный истории, тут-то и берет руль в руки. руководя стихией.

Отныне он не откажется от роли, которую история вверяет ему. Завязывается последний и решительный бой, пролетариат должен стать диктатором и освободителем человечества. Гений Ленина умеет вызывать гениальные силы пролетариата, силы, которых история не знала, не подозревала в прошлом.

Скажите, много ли было в те дни людей, которые верили в пролетариат, которые верили, что он удержит власть больше одного-двух месяцев? Партии, претендовавшие на социализм, пошли вспять, превратились в заклятых врагов рабочей идеи. Всячески издеваясь над ленинизмом, они предвещали: один миг власти — я снова сто лет рабства. Если бы эти пророчества объяснялись только интересами и злой волей врагов пролетариата, то это было бы еще не так страшно. Опаснее такая проповедь была потому, что она исходила от разных дедушек и бабушек русской революции.

Эти последние, исходя из прошлого, просто не понимали, куда ведет современная классовая борьба. Один Ленин, не обращая внимания на гнилое здание прошлого, зяая, что история возврата не имеет, решительно сорвал занавес будущего. Пристально вглядываясь в глубь времен, он указывает цели

пролетарской революции. Таких задач история не ставила ни перед кем из прежних исторических фигур. А если и ставила, то гениальные революционеры умели до сих пор гениально уклоняться от разрешения этих задач.

Под термином «революция» до великого Октября революционеры одного толка подразумевали главным образом разрушение старого строя. Революционеры же толка парламентарного стали вообще отрицать революционный метод борьбы. Революционерам первого направления революция казалась столь неразрывно связанной с разрушением, что они в революции подчеркивали только этот стихийный разрушительный момент. Однако в наши дни мыслить революцию как разрушение больше нельзя. Такой взгляд стал анахронизмом после ленинской постановки вопроса. Революцию, по Ленину, нужно прежде всего организовать, создать. С точки зрения революционера-разрушителя, Ленив должен считаться революционером задним числом, ибо он позволяет себе роскошь разрушения ровно постольку, поскольку его созидательный план этого требует.

Социалисты в продолжение ста лет смотрели на революцию с точки зрения существующей культуры данной страны и обусловливали действия революции культурой, существовавшей до нее. Ленин смотрит на революцию с точки зрения культуры будущего, с точки зрения массового творчества освобожденного пролетариата. В данном случае Ленин совершил в социализме коперниковский переворот. Не разрушение есть созидание, а, наоборот, созидание есть разрушение.

Разрушение Ленина никого не пугает, он вообще не станет разрушать только из любви к разрушению. Все, что не мешает плану его действий, отнюдь не должно быть разрушено. Все, что может пригодиться для здания будущего, должно быть сохранено в целости. «Давайте-учиться у спеца, давайте учиться у приказчика, нам нужно знать, как править, как производить, как торговать… Не научитесь — вы погибнете». Так не говорили революционеры-разрушители прошлого времени. Революционеры эти, несмотря на всю силу их дерзания, все же шли не дальше первого акта революционной драмы и, будучи уверены в силе разрушения революции, фактически не чаяли созидательных результатов н плодов ее. Они не обесвечивали созидания, а только сулили созидание вследствие разрушения. Отсюда глубокое отчаяние и пессимизм прежних революционеров. Стоит вглядеться немножко глубже, и мы найдем этот пессимизм во всех дневниках, во всех документах революционеров прошлого. Этим пессимизмом звучит также формула «дух разрушения есть

дух созидания». Налицо имеется первый акт революции — разрушение, а созидание гадательно» и никто не указывает, каковым оно будет и какими силами оно предпримется.

Среди революционеров прошлого нет равного Ленину хотя бы потому, что Ленин первый созидатель, оптимист революции.

Оппортунизм одних революционеров, пессимизм других Ленин своим деловым подходом к революции, своим практическим гениальным оптимизмом в осенний Октябрьский день разбил наголову. Ленинский оптимизм должен быть правильно понят.

Ленин знал, что революция не позволяет себе никогда никаких излишеств. Ни один «вишневый сад» не пропадает с той минуты, как народ почувствует себя хозяином его, с той минуты, как он поймет, что сад действительно принадлежит ему. А почувствовать себя хозяином народ должен, в противном случае он им и не станет.

Свой оптимизм Ленин глубоко обосновал. Лучшие революционеры всех направлений, которые сколько-нибудь ознакомились, хоть издали почуяли этот ленинский революционный оптимизм, бесповоротно последовал» за ним. Тот факт, что меньшевики, эсеры и анархисты в 1917, 1918 и 1919 гг. совершенно свободно, совершенно добровольно пошли за знаменем, поднятым Лениным, лучше всего объясняется этим практическим оптимизмом ленинизма.

Но в этом ли величие Ленина? Да, но тут должна быть поставлена точка над «и».

Генрих Гейне высказал мысль, что великие люди подымаются потому, что средний уровень людей становится ниже. Поскольку такой парадокс поэта правилен, постольку гений Ленина противоположен гениям всех времен. Ибо если Ленину не удалось бы поднять людей из мусорных куч фабрик и заводов, поднять людей из деревенского навоза и посадить их рядом с собою, рядом с правителями государств и мира, тогда задача эпохи, задача Ильича не была бы выполнена.

Если бы Ленин не умел передавать свою гениальную стальную волю и мысль тысячам рабочих и крестьян, он не был бы гением нашей эпохи и, быть может, сама эпоха еще не наступила.

Гений бессмертен, но часто случается, что гениальные люди воскресают много времени спустя после своей смерти. Ленин же при жизни стал бессмертным. Мы слышали его волю, его мысль из уст тысяч, десятков тысяч, стекающихся в Москву со всех концов мира, — на съездах Советов, на съездах партии и Коминтерна.

Если Маркс открыл пролетариат в качестве социальной силы, а другие приписали этой силе свойство разрушения, то Ленин дал ей сознательную волю, вложив победоносное оружие в руки пролетариата. Оптимизм Ленина объясняется силой коллектива, который он создал. Он видел, как история получила новый маховик в лице РКП, в лице Профинтерна и Коминтерна. Он видел, как отныне в лице названных коллективов будет жить та сознательная воля и сила, которая станет единственной силой пролетариата для реорганизации человечества на коммунистических началах. Ибо иных путей нет, а его путь практически возможен.

Величие Ленина заключается в том, что он изменил физиономию рабочего класса, который отныне в нужный момент даст миру десятки практических оптимистических Лениных.

В этом-то и есть гениальность Ильича. Не ищите равных ему в истории, до сих пор их не было. Он — явление совершенно нового порядка.

Каторга и ссылка. Историко-реаолюционный вестник. 1924. № 3

П. ЛЕВЕ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Я могу гордиться личным знакомством с Лениным. Познакомился я с ним незадолго до начала войны. Ленин жил тогда в Кракове и часто пользовался адресом бреславльской с.-д. газеты «Volkswacht» для пересылки конспиративных писем. Я работал тогда в Бреславле как редактор этой газеты.

Хотя я и не коммунист, я всегда чрезвычайно внимательно и сочувственно следил за той великой попыткой создания рабочего государства, которую предпринял Ленин. Его деятельность я считаю величайшим опытом марксизма в истории человечества. Уже это одно ставит Ленина выше всех других политиков и социалистических деятелей. Можно относиться к деятельности Ленина как угодно, в зависимости от тех или иных политических убеждений. Но нельзя не признать, что деятельность Ленина обеспечивает ему одно из первых мест в истории развития человечества и освобождения пролетариата. Социалисты и революционеры всего мира, пролетарские вожди всех стран, в своей повседневной работе не могут пройти мимо учения этого великого человека, открывшего своей деятельностью новые страницы в истории рабочего движения. Ибо накопленный им опыт во всех отношениях представляет собою величайший исторический пример для будущего развития рабочего движения во всем мире. Борющийся пролетариат Европы и всего мира никогда не забудет Ленина. Еще рано давать оценку всей гигантской деятельности этого великого вождя, особенно трудно сделать это нам, поскольку германский пролетариат еще находится в разгаре борьбы за освобождение. Но деятельность Ленина оценит история, она скажет, какую громадную роль в истории освобождения пролетариата и всего человечества, в истории уничтожения капиталистического строя и создания социалистического строя сыграл этот величайший пролетарский вождь.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. №.. 1924. С.'22

П.ЛЕВИ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Вся колоссальность дела Ленина будет осознана лишь тогда, когда оно проявится не только в России, но окажет все свое политическое и социально-экономическое влияние на Европу, затем и на весь мир. Тогда дел» Ленина окажется более великим, чем даже Французская революция. В масштабе мировой истории русская революция является более высокой ступенью, чем Француз-екая, ибо в ней впервые выступает пролетариат как сознательный класс, резко отмежевавшийся от других классов в поборовший феодализм не для буржуазии, но в борьбе против буржуазии. Времена, когда другие классы делали свои революции на спине терпеливого пролетариата, эти времена прошли безвозвратно. Пока существует хотя бы один угнетенный и страдающий пролетарий на свете, до тех пор все душа будут с восторгом обращены к великой первой русской попытке освобождения пролетариата и к человеку, который дал ей свое имя.

Политика и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. **М.,** *1924. С. 13*

Г.ЛЕДЕБУР
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Я имел случай работать вместе с Лениным на интернациональных конгрессах довоенного времени. Уже тогда Ленин ясностью и цельностью своего мышления, а также своей действенной решимостью вызывал у всех нас уверенность, что ему суждены великие успехи, когда придет этому время. Летом 1915 г. мы встретились с ним на конференции в Циммервальде. Там было положено начало тому революционному пожару, который впоследствии в России, Германии и Австрии низвергнул троны, а в России, кроме того, повел к полному сокрушению капиталистического режима.

Наученные опытом первой русской революции, наши русские друзья в 1917 г. действовали с более прочным успехом, чем мы в Германии два года спустя. Уже более шести лет наши русские товарищи победоносно защищают свои завоевания от всех враждебных сил, им удалось также отразить военные интервенции Антанты.

У гроба великого Ленина необходимо подчеркнуть, какие уроки мы должны извлечь из служащего нам всем примером и образцом творчества Ленина. У нас. на Западе, деятельность большинства наших партийных вождей долгие годы заключалась в критике существующего строя с ораторской трибуны или с газетных столбцов, и вот, когда революционная деятельность масс внезапно доставила им власть в руки, они, эти наши «вожди», по-прежнему тратили драгоценное время в жалком подражании так называемым государственным деятелям капитализма. Они этим не только отнимали у действительных социалистов и революционеров возможность созидательной работы, но тяжело скомпрометировали социализм в самих рабочих массах. Только Ленин в своем смелом и гигантском творчестве дает нам всем урок упорно и решительно творить революцию, созидая новое по зрело обдуманному плану.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине ***М,*** *1924. С. 24*

Г. ЛЕЙНЕРТ
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Смерть Ленина вызвала бы в социалистическом пролетариате всего мира глубокое волнение и в том случае, если бы Ленин не был главой Советской России, ибо Ленин уже до мировой войны был одним из крупных теоретиков марксизма. Тот научный арсенал, который он дал пролетариату, должен вызвать глубочайшую благодарность Ленину у всех тех, которые работают для торжества социализма.

Наше искреннее восхищение перед работой Ленина на благо рабочего класса останется навсегда, хотя Ленин по возвращении на свою освобожденную родину счел правильным применить другие методы классовой борьбы. Вследствие глубоких разногласий о целях и тактике рабочего движения он разошелся со своими прежними социалистическими единомышленниками и страстно нападал на них. Пусть экономические, политические и культурные условия России, по его мнению, сделали необходимым отказ от демократического социализма, но при правильной оценке этих условий в других странах единство пролетарской борьбы не должно было бы быть разрушено. Тем не менее никто не может утверждать, что Ленин действовал вплоть до своей кончины не из самых чистых побуждений на благо рабочего класса. И если те методы к достижению социалистического идеала, которые применяются в России, не могут быть насильственно применены в других странах, главным образом в Германии, то незабываемой заслугой Ленина останется то, что именно он с большим успехом содействовал своими сочинениями теоретическому воспитанию германской социал-демократии. Имя Ленина останется одним из самых значительных в истории рабочего движения.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М., 1914. С. 20

Ф. ПФЕМФЕРТ
ВТОРАЯ СМЕРТЬ ЛЕНИНА

НИКТО НЕ ДАСТ НАМ ИЗБАВЛЕНЬЯ
НИ БОГ, НИ ЦАРЬ И НЕ ГЕРОИ,
ДОБЬЕМСЯ МЫ ОСВОБОЖДЕНЬЯ
СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ.

I

О Наполеоне последующие, более счастливые поколения будут, по всей вероятности, говорить: «Внезапно появился неизвестно откуда маленький артиллерийский офицер, захватил власть в свои руки и начал смещать и назначать королей, а затем вновь исчез». Наивный утопист из Назарета (Иисус Христос. *Ред.)* будет, по всей вероятности, слит легендой в один-единый образ с хранителями его идеи, с Франциском Ассизским, с моралистом Толстым и т. д. Дети будущего услышат о нем как о фантазере, авторе лирических посланий, направленных против жестоких нравов эпохи людоедства, как о человеке, который за это был уничтожен людоедами и авторитет которого впоследствии был использован для еще большего развития людоедства. С ужасом будет грядущее человечество хранить омоченную кровью и слезами книгу всемирной истории и лишь очень редко будет ее перелистывать. Человек против человека. Все против всех. Эксплуатация, порабощение, угнетение большинства *деспотическим меньшинством.* Взаимное истребление друг друга людьми, одинаково страдающими, одинаково бедствующими, одинаково обманываемыми, взаимное истребление по воле клики эксплуататоров, солидарных между собою. Людской ум еще менее будет в состоянии понять все эти явления, чем разум современного человека может понять каннибализм первобытного человечества. Исчезнет и позабудется большая часть того, что ныне составляет исторически прочное содержание эпохи, обреченной на гибель. Однако, оглядываясь назад на ворота, открывающие путь к новому миру, к человечеству, как к коллективу, наши потомки будут всегда с благодарностью останавливать свои взоры на образах тех людей, которые имели мужество и волю проломить эти ворота, уничтожить все то, что было гнилого, старого и преступного, и которые очистили место и

открыли доступ свету для создания на земле рая для человечества. И тогда в освобожденном от классовых рамок, освобожденном от всякой власти коммунистическом мире появится не один Гомер, который в прекрасных песнях прославит тех бесчисленных Безымянных, которые принесли себя в жертву в борьбе за новый мир. И тогда **не** с индивидуалистическим культом личности, но с более высоким *понятием коллектива* будут связаны такие имена, как Бакунина и Маркса, Кропоткина и Энгельса, Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Ленина.

II

Прошло около четырех лет с тех пор, как остановился тот мотор будущего, имя которому — Ленин. Его гудение было столь сильно, оно так наполняло собою земной шар, что вплоть до второй, телесной смерти Ленина шум его отдавался в наших ушах и сердца при одном его имени бились с надеждой или в страхе.

Ленин последних четырех лет был нашим врагом, и мы были его врагами. Однако представим себе лишь на минуту, что было бы, если бы умерший четыре года тому назад революционер Ленин не существовал, и тогда мы поймем, что он означал для развития пролетарской революции.

Я не стану обрисовывать все огромное дело, осуществленное Лениным в течение его жизни. Но разве не Ленин освободил революционную часть марксизма от филистерства и дал синтез Маркса и Бакунина? Даже если мы будем иметь в виду лишь деятельность Ленина от 1914 до 1918 г., то и она одна дает достаточно оснований, чтобы радоваться тому и гордиться тем, что он жил. Вспомните об эпохе позорнейшего предательства международной социал-демократии и представителей всех других партийных групп. Разве не Ленин был первым (и одно время единственным) социалистом, который взял под свою защиту революционное знамя эксплуатируемых и кинул клич революционного восстания против капиталистического мира столь терпеливому — увы! — пролетарскому пушечному мясу?

Вспомните о работе Ленина во время войны! Вспомните о Ленине Октябрьских дней! Разве весь земной шар не сотрясался от гудения этого мотора? Возьмите ноябрьское движение германских рабочих! Разве в нем было какое-нибудь содержание, кроме того, которое в него вдохнул Ленин? Разве Карл Либкнехт, Роза Люксембург и все мы не были исполнены в ноябрьские дни энергией русской Октябрьской революции, и разве эта Октябрьская революция (которая еще восторжествует над всеми

партийными диктаторами!) не связана неразрывно с именем Ленина?

Этот Ленин умер около четырех лет тому назад, умер как жертва организационной системы, умер вследствие тупости и неповоротливости германского пролетариата! В Октябре 1917 года русский рабочий класс овладел воротами, ведущими к свободе. Не партийная диктатура, но советский строй — таков был лозунг, подслушанный чутким ухом Ленина в массах. Последовал ли за ним всемирный пролетариат, последовал ли за ним в своем большинстве германский пролетариат? Нет, он ограничился одними фразами и покорно остался под игом капитализма.

Это было причиной смерти *нашего* Ленина, и это сделало возможным возникновение в России господства партийной системы, которая до того в этой форме совершенно не существовала! Ленин, как личность, не мог дать трудящемуся человечеству свободу. Этого не мог им дать никакой бог, никакой царь, никакой герой. Но Ленин вплоть до своей первой смерти неустанно пытался бросать пылающие факелы в головы пролетариев, чтобы разжечь в них классовое самосознание и тем толкнуть их на революционное дело.

Лисовский П. Иностранная печать о Ленине. Л., 1924. С. 31–34

Н.Н.СУХАНОВ
ИЗ КНИГИ «ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ»

К вечеру того же 4 апреля (1917 г. *Ред.)* «контактной комиссии» пришлось ехать в Мариинский дворец. Нас пригласили на этот раз, если не ошибаюсь, для того, чтобы потребовать от Совета поддержки нового военного займа, известного под сахарно-лицемерным названием «займа свободы». Постановление о нем в Совете министров было сделано еще 27 марта, в день подписания знаменитого акта об «отказе от аннексий», а 6 апреля должна была повсеместно открыться подписка на этот военный заем.

Вся буржуазная пресса уже несколько дней с необычайной энергией рекламировала «заем свободы» и уже успела в глазах обывателя сделать величайшей дерзостью и бестактностью, изменой отечеству, предательством революции и свободы малейшее скептическое отношение к вопросу о поддержке займа… Но надо было еще обеспечить активное содействие Совета и привлечь к подписке широкие массы, для которых директива Совета могла бы иметь особое значение. Да и в самом деле:

ведь за «крупную победу» 27 марта Исполнительный Комитет выдал вексель, обязавшись всесторонне поддерживать «оборону» Мудрено ли, что вексель предъявили ко взысканию?.. Словом, нас пригласили в Мариинский дворец.

И хотели обставить дело не без торжественности. В кулуарах нам пришлось ждать, пока прибудут гг. Родзянко с товарищами для соединенного заседания Совета министров, думского комитета и нашей советской делегации. Во время этого ожидания, когда мы со Скобелевым прогуливались по зале, к нам подошел Милюков с «живейшим интересом» на лице:

— Что, сегодня Ленин уже был на социал-демократической конференции и высказывался в пользу сепаратного мира?..

Бог весть чьи услужливые уста считали долгом передавать эти достоверные известия!.. Конечно, если Милюкову действительно была интересна истина, то он имел полную возможность навести совершенно точные справки и *до* разговора с нами; но он этого не сделал. Мы, со своей стороны, поспешили уверить министра, что Ленин не только не призывал к сепаратному миру, но развил такую систему взглядов на международный конфликт, которая *исключала* идею сепаратного мира между Россией и современной Германией.

Милюков не мог спорить с нами насчет факта выступления Ленина. Но это не значит, что он усвоил отношение лидера большевиков к сепаратному миру. А если он и усвоил, то это не имело никаких практических последствий: обвинение в проповеди и в стремлении к сепаратному миру осталось навсегда одним из «краеугольных камней» в борьбе русского империализма с демократией. И конечно, это касалось не одного Ленина, не одних большевиков: *все* течения российского социализма всегда подчеркивали свое враждебное отношение к сепаратному миру, и надо *всеми* тяготело проклятие наших «патриотов», наших поборников мировой справедливости за тяготение к любезному Вильгельму и к сепаратной сделке с ним. Это называется «хоть знаю, да не верю», ибо на то имеются особые причины… Хоть и знал, но не верил нам в разговоре Милюков. Что же делать!

Разговор перешел вообще на Ленина. Скобелев рассказывал о его «бредовых идеях» («Бредовыми» называл знаменитые Апрельские тезисы Ленина Г. В. Плеханов. *Ред.)*, оценивая Ленина как совершенно отпетого человека, стоящего вне движения. Я, в общем, присоединялся к оценке ленинских идей и говорил, что Ленин в настоящем его виде до такой степени ни для кого не приемлем, что сейчас он совершенно не опасен для моего собеседника, Милюкова. Однако будущее Ленина мне представлялось иным: я был убежден, что, вырвавшись из заграничного кабинета, попав в атмосферу реальной борьбы, широкой практической деятельности, Ленин быстро акклиматизируется, остепенится, станет на реальную почву и выбросит за борт львиную долю своих анархистских «бредней». Чего над Лениным не успеет сделать жизнь, в том поможет сплоченное давление его партийных товарищей. Я был убежден, что Ленин в недалеком будущем превратится снова в провозвестника идей революционного марксизма и займет в революции достойное его место авторитетнейшего лидера советской пролетарской *левой*… Вот тогда, говорил я, он будет опасен Милюкову… И Милюков присоединился к моему мнению.

Мы не допускали, чтобы Ленин остался при своих «абстракциях». Тем более мы не допускали, чтобы этими абстракциями Ленин мог победить не только революцию, не только все ее активные массы, не только весь Совет, — но чтобы он мог победить ими даже своих собственных большевиков.

* * *

Мы жестоко ошиблись… Повесть о том, как Ленин одолевал и одолел Февральскую революцию, — по личным воспоминаниям — будет написана дальше: именно из нее, из этой повести, в значительной степени составится содержание всех следующих книг этих записок. Но «личных воспоминаний» здесь недостаточно: это поистине благодатная тема для серьезного историка. Я и не буду сейчас касаться ее ни одним взмахом пера.

Но сейчас необходимо в двух словах, в беглых замечаниях коснуться другого: как и чем ухитрился Ленин одолеть своих большевиков?.. В первые дни по приезде его полная изоляция среди всех своих сознательных партийных товарищей не подлежит ни малейшему сомнению. Правда, мне неизвестна тогдашняя позиция его заграничного соратника Зиновьева, довольно осторожного господина, коего обороты по ветру стоили не особенно дорого. Зиновьев в те дни держался в тени, публично не выступал и ничем вовне не обнаруживал, что он разделяет и поддерживает «бредовые идеи» Ленина…

Из российских же большевиков, имеющих то или иное свое собственное имя, к Ленину открыто присоединилась одна Коллонтай. Затем через дня два-три я обнаружил, что на стороне Ленина — еще одна большевичка, Инесса Арманд: я был свидетелем ее разговора с Каменевым, от нападок и издевательств которого она защищалась довольно слабо, но тем не менее упорствовала… Каменев же все еще не обнаруживал склонности к компромиссу и не желал покинуть марксистских позиций.

Затем, дней через пять по приезде, Ленин созвал совещание из старых большевистских генералов, современные взгляды которых ему были неизвестны, но которые — в случае солидарности с ним — могли составить превосходное боевое ядро для создания будущей армии и для будущих побед. Это была характерная для Ленина попытка создать центр прозелитизма. В числе приглашенных были заслуженные, но в большинстве неактивные ныне большевики — Базаров, Авилов, Десницкий, кажется, Красин, Гуковский и не помню, кто еще.

По словам участников, Ленин на этом совещании был вконец охрипшим и совершенно не мог говорить. Но более чем вероятно, что это и не входило в его планы: он уже достаточно высказался и хотел *послушать,* что скажут ему старые маршалы. Весь вечер Ленин слушал и не говорил ни слова — «по случаю хрипоты». Это также довольно характерно для Ленина, созывающего совещание именно в то время, когда он не в состоянии говорить: *убеждать* кандидатов в свой собственный штаб, отстаивать свои позиции перед квалифицированными, самостоятельно мыслящими

участниками движения — это не в его нравах и обычаях… Сочувствуешь? веришь? — иди, будь послушен, работай и станешь полезным слугой пролетарского дела. Не веришь? не сочувствуешь? — поди прочь и станешь предателем социализма, прихвостнем буржуазии, слугой черной сотни…

Ленин призвал своих старых маршалов не для того, чтобы убеждать их и спорить с ними, он. хотел только узнать, верят ли они в его новые истины, сочувствуют ли его планам и годятся ли в его штаб… Маршалы произнесли по речи. *Ни один* не высказал ни малейшего сочувствия. Все до одного оказались преисполнены предрассудками марксизма и старого социал-демократического большевизма. Ни один не оказался годен в штаб. Ленин молчаливо выслушал изменников и предателей и с миром отпустил их.

Еще через день-два в центральном большевистском органе, в «Правде», были напечатаны в виде фельетона знаменитые первые *«тезисы»* Ленина. Они содержали резюме его новой «доктрины», изложенной в его речах. Это были тезисы о мировой войне и всемирной социалистической революции, о парламентарной республике, о Советах рабочих и батрацких депутатов, об организованном захвате, о вооруженных рабочих, о социал-предателях, о грязном белье социал-демократии, о Коммунистической партии и т. д. Не было в тезисах того же, чего не было и в речах: экономической программы и марксистского анализа объективных условий нашей революции.

Тезисы были опубликованы от личного имени Ленина: к нему не примкнула ни одна большевистская организация, ни одна группа, ни даже отдельные лица. И редакция «Правды», со своей стороны, сочла необходимым подчеркнуть изолированность Ленина и свою независимость от него. «Что касается общей схемы т. Ленина, — писала «Правда», — то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»…

Казалось, в партии большевиков марксистские устои прочны и незыблемы. Казалось, взбунтовавшемуся лидеру не под силу произвести идейный переворот среди своей собственной паствы, не под силу опрокинуть основы своей собственной фракционной школы. Казалось, большевистская партийная масса основательно ополчилась на защиту от Ленина элементарных основ научного социализма, на защиту от Ленина самого большевизма, самого старого, привычного, традиционного Ленина.

Увы! Напрасно обольщались многие, и я в том числе. Старого

пороха хватило ненадолго. Ленин победил очень скоро и по всей линии. Конечно, и сам он на русской почве, в огне реальной, во всю ширь развернувшейся борьбы многому научился. Но это «многое» были частности. Это были не более как реалистические приемы проведения собственной программы и политики. Это было не более как приспособление к внешним условиям в интересах экономии сил — при проведении своей программы и политики. Из новой же своей программы и политики Ленин не уступил своим товарищам ни йоты.

Своих большевиков он заставил целиком воспринять свои «бредовые идеи». И в недалеком будущем все бывшее для самих большевиков явной несообразностью, явной утопией, явным кричащим уклонением от всего того, чему искони учила социал-демократия, — все это в недалеком будущем стало единственным истинным словом социализма, единственно мыслимой революционной политикой, в отличие от бредней социал-предателей и прихвостней буржуазии…

Как и почему это случилось? Самых разнородных причин тому немало. Я далек от мысли исследовать «аи fond» (основательно. *Ред.)* этот любопытный вопрос. Но отметить здесь несколько несомненных факторов капитуляции старого социал-демократического большевизма перед беспардонной анархо-бунтарской «системой» Ленина я все же считаю не лишним.

* * *

Прежде всего, — в этом не может быть никаких сомнений — Ленин есть явление чрезвычайное. Это человек совершенно особенной духовной силы. По своему калибру это первоклассная мировая величина. Тип же этого деятеля представляет собой исключительно счастливую комбинацию теоретика движения и народного вождя… Если бы понадобились еще иные термины и эпитеты, то я не задумался бы назвать Ленина человеком гениальным, памятуя о том, что заключает в себе понятие гения.

Гений — это, как известно, «ненормальный» человек, у которого голова «не в порядке». Говоря конкретнее, это сплошь и рядом человек с крайне ограниченной сферой головной работы, в каковой сфере эта работа производится с необычайной силой и продуктивностью. Сплошь и рядом гениальный человек — это человек до крайности узкий, шовинист до мозга костей, не понимающий, не приемлющий, не способный взять в толк самые простые и общедоступные вещи. Таков был хотя бы общепризнанный гений Лев Толстой, который, по удачному

(пусть неточному) выражению Мережковского, был просто «недостаточно умен для своего гения».

Таков, несомненно, и Ленин, психике которого недоступны многие элементарные истины — даже в области общественного движения. Отсюда проистекал бесконечный ряд элементарнейших ошибок Ленина — как в эпоху его агитации и демагогии, так и в период его диктатуры.

Но зато в известной сфере идей — немногих, «навязчивых идей» — Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его колоссальное влияние я среде социалистов и революционеров уже достаточно обеспечивается самыми свойствами его натуры.

Дальнейшая, не вытекающая из поставленного вопроса характеристика Ленина совершенно не входит в мои планы: ведь Ленин только что приехал, только что появился на арене революции, а нам еще предстоит долго вникать в ту эпоху истории государства российского, когда Ленин явится главным ее героем; мы еще будем иметь много случаев рассмотреть эту монументальную величину со всех сторон.

Наряду с внутренними, так сказать, теоретическими свойствами Ленина, наряду с его гениальностью в его победе над старым марксистским большевизмом сыграло первостепенную роль еще следующее обстоятельство. Ленин на практике, исторически был монопольным, единым и нераздельным главою партии в течение долгих лет, со дня ее возникновения*. Большевистская партия — это дело рук Ленина, и притом его одного. Мимо него на ответственных постах проходили десятки и сотни людей, сменялись одно за другим поколения революционеров, а Ленин незыблемо стоял на своем посту, целиком определял физиономию партии и ни с кем не делил власти.

Такой естественный порядок партия помнила, как самое себя; с таким порядком все сжились — как сжились с собственным пребыванием в партии. Иного порядка не представляли, да и был ли он возможен? Остаться без Ленина — не значит ли вырвать из организма сердце, оторвать голову? Не значит ли это разрушить партию?.. При таком исторически сложившемся модусе, при таком традиционном, во всех въевшемся авторитете Ленина у партийных большевистских масс требовалось слишком много сил и слишком много оснований для эмансипации. Самая мысль пойти против Ленина так пугала, была так одиозна и столько требовала от большевистских масс, сколько они не могли дать.

Между тем иной порядок, иной модус в большевистской партии — без хозяина «Ильича» — был действительно

невозможен; «революция» в партии действительно означала ее разрушение. А для эмансипации действительно не было ни достаточных сил, ни достаточных оснований.

Гениальный Левин был историческим авторитетом— это одна сторона дела. Другая та, что, кроме Ленина, в партии *не было* никого и ничего. Несколько крупных генералов — без Ленина *ничто,* как несколько необъятных планет без солнца (я сейчас оставляю Троцкого, бывшего тогда еще вне рядов ордена, то есть в лагере врагов пролетариата, лакеев буржуазии и т. д.).

В «первом интернационале», согласно известному описанию, наверху, в облаках, был Маркс; потом долго-долго не было ничего; затем, также на большой высоте, сидел Энгельс; затем снова долго-долго не было ничего, и, наконец, сидел Либкнехт и т. д.

В большевистской же партии в облаках сидит громовержец Ленин, а затем… вообще до самой земли нет ничего. А на земле, среди партийных рядовых н офицерских чинов, выделяются несколько генералов — да и то, пожалуй, не индивидуально, а скорее попарно или в комбинациях между собою… О *замене* Ленина отдельными лицами, парами или комбинациями не могло быть речи. Ни самостоятельного идейного содержания, ни организационной базы, то есть ни целей, ни возможностей существования, у большевистской партии без Ленина быть не могло.

Так обстояло дело в генеральном штабе большевиков. Что же касается офицерской партийной массы, то, как мне уже пришлось упомянуть, эта масса далеко не отличается высоким социалистически-культурным уровнем. Среди большевистского офицерства имеется много отличных техников партийной н профессиональной работы, имеется немало «романтиков», но крайне мало политически мыслящих, социалистически сознательных элементов.

В соответствии с этим для большевистской массы непреодолимую притягательную силу имеет всякого рода радикализм и внешняя *левизна,* а естественной «линией» работы является демагогия. Этим сплошь и рядом исчерпывается политическая мудрость большевистских «комя-тетчиков»; и в этом сплошь и рядом выражается их искренняя преданность партии и революции.

При всех этих условиях «партийная публика», конечно, решительно не имела сил что-либо противопоставить натиску Ленина и сколько-нибудь серьезно сопротивляться ему. Никаких внутренних ресурсов, никакого самостоятельного багажа у партии для этого не было.

Но этого мало: у партийной массы не было и субъективных оснований для серьезной борьбы, не было надлежащих к ней импульсов. Ибо не было сознания ее крайней необходимости: не было сознания, что Ленин действительно покушается на элементарные основы марксизма и основные устои партии. Для этого были нужны знания, которых не было. Для этого надо было отличать марксистский социализм от анархо-пугачевского движения, а отличать это масса не умела и не особенно хотела. Не особенно хотела не только потому, что имела дело с вышеописанным Лениным, но и потому, что Ленин тянул *«налево»,* потому что Ленин провозгласил такой «радикализм», что небу жарко стало…

Помилуйте! Бороться против социалистической революции, да против ликвидации всякого правительства, кроме Советов, да против земельных захватов, да против размежевания с социал-патриотами! Нет, на это мы не согласны. Еще назовут оппортунистом, еще смешают с меньшевиком!..

Если бы Ленин покушался произвести переворот *справа,* его победа над большевиками была бы более чем сомнительной (впоследствии над *«левыми* коммунистами», над своими *левыми* «ребятами» он одерживал одни только пирровы победы).

Разудалая «левизна» Ленина, бесшабашный радикализм его, примитивная демагогия, не сдерживаемая ни наукой, ни здравым смыслом, впоследствии обеспечили ему успех среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки, кроме царской нагайки. Но эти же свойства ленинской пропаганды подкупали и более отсталые, менее грамотные элементы самой партии. Перед ними уже вскоре после приезда Ленина, естественно, вырисовывалась альтернатива: либо остаться со старыми принципами социал-демократизма, остаться с марксистской наукой, но без Ленина, без масс и без партии; либо остаться при Ленине, при партии и легким способом совместно завоевать массы, выбросив за борт туманные, плохо известные марксистские принципы. Понятно, как — хотя бы и после колебаний — решала эту альтернативу большевистская партийная масса.

Позиция же этой массы не могла не оказать решающего действия и на вполне сознательные большевистские элементы, на большевистский генералитет. Ведь после завоевания Лениным партийного офицерства, люди, подобные, например, Каменеву, оказывались совершенно изолированными, становились в положение изгоев, внутренних врагов, внутренних изменников и предателей. И со стороны неумолимого громовержца подобные элементы немедленно подвергались такому шельмованию, наряду

со всеми прочими неверными, какое вынести мог не всякий (О действительной оценке Лениным Л. Б. Каменева и своих споров с ним в этот период см.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 322. *Ред.)*. И все это из-за каких-то «ложно понятых» принципов!.. Разумеется, и генералитету, даже читавшему Маркса и Энгельса, такое испытание было не под силу. И Ленин одерживал победу за победой.

* * *

Помимо этих субъективных были и иные, более объективные причины ленинских успехов в своей партии. В свойствах, в характере *ленинской агитации* того времени скрывались также источники его побед на внутреннем партийном фронте. Дело в том, что его агитация и его «тезисы» не ставили всех точек над «и». Не подлежит никакому сомнению, что ни тогда, ни долгое время после большевистская «партийная публика» не отдавала себе ни малейшего отчета в том, куда приведет впоследствии вся ленинская схема и к чему она обяжет тех, кто в те времена подписался под ней. В те времена у людей, уже приявших «тезисы», все же не было и мыслей — ни об экономическом стихийном творчестве снизу, ни о социализме путем грабежа награбленного.

Мало того, самый лозунг «Вся власть Советам» — лозунг, имевший интереснейшую судьбу, — в глазах большевистской массы имел довольно невинный характер и совершенно не имел того смысла, какой в него вкладывал сам Ленин.

Прежде всего этот лозунг самими большевиками принимался за чистую монету и вовсе не служил в их глазах одним прикрытием полицейской диктатуры партийного Центрального Комитета. «Власть Советов» действительно понималась, как власть большинства трудящихся, до которой Ленину уже тогда, несомненно, не было никакого дела. Дальше мы увидим, как не только все большевистские агитаторы, но и сам будущий alter ego (близкий друг, единомышленник. *Ред.)*, Троцкий, на июньском советском съезде со всей наивной прямотой толковал этот лозунг, убеждая правое большинство сладко-сахарными речами: очень хорошо было бы, говорил он, на место Терещенок, Мануйловых и Некрасовых посадить в министерство «двенадцать советских Пешехоновых»!

Лозунг «Вся власть Советам» в те времена фигурировал в глазах большевиков отнюдь не в виде «железной метлы» — со

всеми ее будущими функциями. Ни тогда, ни долго-долго после этот лозунг вообще совершенно не имел значения «государственно-правовой системы»: он никем не понимался (кроме Ленина) и не выдавался ни за лучшее, совершеннейшее государственное устройство, ни за государственное устройство вообще.

Как истый заговорщик, устраивавший заговоры даже против своей собственной беспрекословной партии, Ленин охотно пошел на то, что его «тезис» о парламентарной республике был «отложен», законспирирован и до поры до времени оставался в тени. Он пошел на то (идя по линии меньшего сопротивления), чтобы лозунг «Вся власть Советам» даже его товарищи представляли себе не в истинном его значении, не как «совершеннейший государственный строй», а просто как очередное политическое требование — организации правительства из «советских», из подотчетных Совету элементов.

Но дело было не только в лозунге «Вся власть Советам». *Вся* система недоговаривалась — в тех же «дипломатических» целях приручения партии. Опять-таки дальше мы увидим, что до самого «Октября» партийные товарищи Ленина принимали за чистую монету *«защиту от буржуазии Учредительного собрания».* В глазах большевистских масс Октябрьский переворот в большей степени должен был служить именно этой цели, чем социалистической революции. В самом Учредительном собрании, когда его разгон уже был очевиден, в его большевистской фракции, под предводительством Ларина, образовалось большинство, пытавшееся стать на защиту «парламентарной республики» и противодействовать разгону Учредительного собрания; едва успел Ленин обуздать этих распетушившихся простецов… А сам Зиновьев, ездивший по заводам Петербурга, опять-таки уже *после «Октября»,* лепетал что-то в своих лекциях о «комбинированном государственном строе», состоящем из Учредительного собрания и из Советов…

Ленин все это время, глядя на наивность своей «партийной публики», надо думать, посмеивался, но помалкивал, ибо это облегчало Ленину его задачу; это помогало ему заставить своих товарищей признать в конце концов черное белым и обратно. Эта недоговоренность первых «тезисов» Ленина и это сознательное умолчание были существенным фактором «завоевания партии». Утопист и фантазер, витающий в «абстракциях», Ленин — отличный реальный политик: первое — в большом, второе— в малом. «Зажечь Европу», открыть «всемирную социалистическую революцию», закрепить знамя социализма в России методами Ленина не удалось и не удастся. Но завоевать собственную

партию, отменив всю свою собственную науку, Ленин сумел отлично, пользуясь всеми благоприятными обстоятельствами, призывая на помощь тени Бонапарта и Макиавелли… Одоление собственной партии — это дело для Ленина сравнительно малое. И здесь он отлично проводил свою «реальную политику» — охотно и легко применяя, играючи пуская в ход и обман Макиавелли, и натиск Бонапарта. Миниатюрный Керенский здесь, конечно, потерпел бы крах. Но огромный Ленин вышел победителем.

Завоевав свою партию, Ленин двинулся со своей армией на мартовскую революцию. О его битвах с ней и об *этой* его победе нам придется вести речь дальше.

Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. 3. Берлин; Пб.; ***М.,*** *1911. С, 48–81*

Н. В. УСТРЯЛОВ
О ЛЕНИНЕ

В плане всемирной истории это был один из типичных *великих людей,* определяющих собой целые эпохи. Самое имя его останется лозунгом, символом, знаменем. Он может быть назван *посмертным братом* таких исторических деятелей, как Петр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, *Робеспьер — посредственность.* Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную *демагогию* Марата, и холодную принципиальность Робеспьера…

Он был прежде всего *великий революционер.* Он не только вождь, но и *воплощение* русской революции. Воистину, он был воплощенной стихией революции, *медиумом революционного гения.* В нем жила эта стихия со всеми ее качествами, увлекательными и *отталкивающими,* творческими и разрушительными. Как стихия, он был *по ту сторону добра и зла.* Его хотят судить современники; напрасно: его по плечу судить только истории…

Но мало того, что он был великий исторический деятель и великий революционер. Он может быть назван *посмертно* величайшим выразителем *русской стихии* в ее основных чертах. Он был, несомненно, *русским с головы до ног.* И самый облик его — причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола — подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси в настоящем, именно «евразийском» русском народе: — «Ильич»…

А стиль его речей, статей, «словечек»? О, тут нет ни грана французского пафоса, столь «классически революционного». *Тут русский дух, тут Русью пахнет…* В нем, конечно, и Разин, и Болотников, и сам великий Петр. В грядущих монографиях наши потомки разберутся во всей этой генеалогии… И тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что *Ленин — наш,* что *Ленин — подлинный сын России,* ее *национальный герой,* рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым.

1927, 21 января

Раздел 3
ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

М. И. АВЕРБАХ
ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ
(Речь, произнесенная на общем собрании сотрудников, больных и посетителей городской глазной больницы им. Гельмгольца)

Дорогие товарищи! Наш местный комитет обратился ко мне с просьбой поделиться сегодня с вами моими личными впечатлениями и воспоминаниями о Владимире Ильиче, с которым я в качестве врача встречался несколько раз. Делаю это с особенным удовольствием. Мне чрезвычайно приятно лишний раз побеседовать об этом замечательном человеке. С другой стороны, я знаю, что то, что я могу сообщить вам, вы нигде не слышали и не можете знать. Вы везде слышали, а некоторые из вас, может быть, имеют и личное представление о Владимире Ильиче как о герое, борце, вожде пролетарских масс, как о носителе и воплотителе великой идеи борьбы труда с капиталом. Ничего подобного вы от меня не услышите. Я буду рассказывать вам о том, каким Владимир Ильич был у себя дома, каким бывает человек, когда он после большого трудового дня придет домой, расстегнет свой ворот, снимет тесную обувь и остается в кругу своей семьи и с самим собой, каким бывает человек, когда, охваченный недугом, который, увы, сильнее всякой идеи, сильнее всякой логики вещей, этот человек силой вещей должен оторваться от мировой идеи, чтобы дать место мысли о своем физическом существовании. Вы можете мие сказать: «Зачем нам это знать? Какое нам дело до частной жизни человека, общественная деятельность которого должна оставить вечные следы в жизни народов всего мира?» До известной степени вы правы. Жизненный опыт и изучение биографий великих людей учат, что личной жизнью их большей частью не следовало бы интересоваться. Не часто встречаются люди, которые везде были бы одинаковы — и на трибуне, и у себя дома, у которых общественная и личная жизнь составляла бы одно целое». В громадном большинстве случаев личная жизнь даже замечательных людей оказывается крайне неинтересной или стоит в полном противоречии с той общественной ролью, какую играет этот человек. Поэтому широкой публике, особенно людям узким, мещански настроенным, не умеющим отделять идеи от человека, не умеющим прощать крупным людям обыкновенных

общечеловеческих слабостей, действительно не следует интересоваться частной жизнью людей, играющих общественную роль. Но в данном случае, по отношению к Владимиру Ильичу, я смело и, повторяю, с удовольствием стану рассказывать вам о его частной жизни. Я совершенно спокоен, что то, что вы услышите от меня, не только не умалит в ваших глазах его величия, а, наоборот, еще больше возвеличит его в вашем представлении, добавит еще несколько выразительных, красивых черточек в том величественном, прелестном образе, который уже создался в ваших душах.

Итак, в первый раз я встретился с Владимиром Ильичем 1 апреля 1922 года. Это было еще в первом периоде его роковой болезни, когда он еще работал, выступал, но жаловался на головные боли, плохой сон, быструю утомляемость и невозможность работать так, как хочется, и столько, сколько нужно. А сколько нужно работать, по представлению Владимира Ильича, об этом вы, вероятно, и представления не имеете. Это был не 6-часовой день интеллигентного работника и не 8-часовой день рабочего физического труда. Нет, в такие тяжелые эпохи, какие переживаем мы теперь, Владимир Ильич представлял себе только такую работу, чтобы засыпать и просыпаться на работе. Впрочем, такие требования он предъявлял только к себе, другим же рекомендовал больше отдыхать и беречь свое здоровье.

В этот, как и в другие разы, я приглашался для исследования глаз Владимира Ильича не по его личной инициативе (своими глазами он был вполне доволен), а по указаниям лечивших его врачей, которые ожидали от моего исследования одного из двух результатов: либо в глазах случайно окажутся изменения, которые могут давать какой-нибудь повод для головных болей, либо глаза, являющиеся, так сказать, окошечком, через которое до известной степени можно заглянуть в мозг, дадут какой-нибудь ключ для объяснения мозгового процесса, бывшего вначале у Владимира Ильича еще совершенно таинственным.

В установленный по взаимному соглашению час меня проводили в квартиру Ленина, где в первой комнате меня встретили два его беззаветно преданных друга и телохранителя, живущие только им и его идеями и не покидавшие его ни на одну минуту, вплоть до опускания гроба в могилу, — это его жена Надежда Константиновна Ульянова и младшая сестра Мария Ильинична Ульянова. Владимир Ильич в это время уже занимал скромную квартирку в бывшем здании Судебных установлений. Я говорю «уже занимал» потому, что говорят, эта скромная квартирка была тем наилучшим, что он взял себе после жизни в самых примитивных условиях в различных неприспособленных

для жилья комнатах… Он удовлетворился квартиркой, в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было только для жилья ему и ближайшим членам его семьи, которые тоже несут большую ответственную общественную работу; что же касается обстановки этой квартиры, то стоило только открыть дверь, чтобы сразу почувствовать себя в жилище нетребовательного, но истинно культурного человека, — все просто, чисто, опрятно, все на месте, без блеска, без шика, никаких предметов роскоши, никаких вещей неизвестного назначения, но зато есть все, что нужно много работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами. И эта простота, скромность и рациональность обстановки не производили впечатления чего-то искусственного, надуманного, умышленно сделанного напоказ для примера другим. Совсем нет. Выросший в небогатой семье, где пропитание добывалось только личным трудом, променяв затем карьеру, быть может, выдающегося ученого или профессора на деятельность подпольного организатора нового мира, вынужденного почти всю жизнь проводить в нужде и лишениях, Владимир Ильич научился ценить простоту и скромность жизни, слился с ними душой… Одним словом, это не было умышленное воздержание от излишеств, а естественное отсутствие потребности в том, без чего можно обойтись…

Не успел я поздороваться с радушными, предупредительными хозяйками, как из соседней комнаты вышел Владимир Ильич. Я видел его в первый раз. Посвящу это был человек средних лет, среднего роста, крепкого'телосложения, с энергичным лицом, подвижными и вместе с тем сосредоточенными глазами. Глаза определенно светились умом и скрытой глубокой внутренней силой. Хоть я по роду своей профессии привык присматриваться к глазам и интересоваться их выражением, я все же не считаю себя физиономистом и не придаю никакого значения физиономике… После самой короткой беседы чувствовалось, что имеешь дело с человеком выдающегося, оригинального ума и сильной скрытой воли. Мало того, чувствовалось, что этот заостренный ум каким-то незримым оком видит тебя насквозь и читает твои мысли. Об уме Ленина говорили все приходившие с ним в соприкосновение. Такое же мнение составил о нем и профессор Ферстер, имевший возможность хорошо присмотреться за тот долгий период, который он провел у Владимира Ильича… И действительно, недаром ближайшие друзья и сподвижники Владимира Ильича смотрели на него как чуть ли не на прозорливца. Но об уме Ленина мало было бы сказать, что он был велик. В складе его ума, как и в выражении глаз, улавливалось еще нечто другое, что, пожалуй, я назвал бы лукавством, хитростью. В разговоре вы

чувствовали, что этот человек хочет и в конце концов, вероятно, заставит вас высказаться, но сам не скажет ни одного лишнего слова. По крайней мере, я, как врач, при наших встречах ясно чувствовал, что ему хочется выведать у меня то, чего, по его мнению, ему недоговорили другие врачи, но выведать так, чтобы я и не подозревал такого желания.

К характеристике Владимира Ильича добавлю еще одну чрезвычайно красивую черту. Врачу трудно обойтись без разных мелких житейских вопросов чисто личного характера. И вот этот человек огромного, живого ума при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность. Но это не была наивность и растерянность старого немецкого ученого, который витал в эмпиреях и не понимал того, что совершается у него под носом. Ничего подобного у Ленина не было. Это было глубоко философское пренебрежение, невнимание серьезного человека к мелочам жизни и своему физическому «я», и именно только своему личному. Стоило Владимиру Ильичу узнать о каких-нибудь затруднениях у своих близких или товарищей и друзей, как являлась необычайная энергия, внимание, заботливость, большой житейский опыт и, что называется, умение чужую беду руками развести.

Вот каким был в моих глазах Владимир Ильич. Но этот набросок его личности в домашней жизни будет неполон, если я не скажу вам еще несколько слов о манере обращаться с людьми, попавшими случайно в его жилище. Я познакомился с Владимиром Ильичом тогда, когда уже 4 года Коммунистическая партия руководила судьбами самой большой в мире страны… Но ко мне вышел из соседней комнаты не глава правительства, пишущий законы 130-миллионному населению и заставляющий прислушиваться к своему голосу кого с восторгом и упованием, кого с негодованием, но, во всяком случае, ъесь мир! Нет, предо мной стоял простой, скромно одетый человек, с приветливой, лишенной всякого высокомерия улыбкой на лице, с простой, живой, полной юмора речью, с несколько резкой манерой говорить, с очень легкой, приятной картавостью, с обращением, в котором сквозил только радушный, гостеприимный хозяин, желающий, чтобы гостю не было с ним скучно. Скоро я почувствовал себя совершенно свободно, непринужденно и если немножко все же жутко, то лишь постольку, поскольку всегда ощущается некоторое стеснение, когда чувствуешь явное умственное превосходство своего собеседника. Радушию и любезности не было конца. Когда мы прощались, он не упустил случая соблюсти все галантности, которые даже самый

претенциозный гость охотно простил бы всякому хозяину, определенно больному и независимо от его общественного положения. Несмотря на всем вам хорошо известное мое упрямство и настойчивость, я не в состоянии был преодолеть желание хозяина подать мне пальто и проводить меня до самого крайнего пункта длиннейшего коридора.

Теперь перехожу к результатам моего исследования глаз Владимира Ильича. Тех изменений, которых ждали от меня невропатологи, в глазах Ленина не оказалось. С точки зрения неврологии глаза были совершенно нормальны и как не давали никакого ключа для разгадки мозгового процесса, так и сами не служили основанием для головных болей и других нервных расстройств. С чисто же окулистической стороны глаза представляли кое-какие явления, оказавшиеся для Владимира Ильича сюрпризом и доставившие ему, как человеку непосвященному, немало удовольствия. Дело в том, что, когда он был еще ребенком, его возили к одному из лучших русских окулистов, гремевшему тогда на всем Поволжье, — казанскому профессору Адамюку (старшему). Не имея, очевидно, возможности точно исследовать мальчика и видя объективно на дне его левого глаза кое-какие изменения, главным образом врожденного характера (врожденная щель зрительного нерва и задний конус), профессор Адамюк принял этот глаз за плохо видящий от рождения (так называемая врожденная амблиопия).

Действительно, этот глаз очень плохо видел вдаль. Матери ребенка было сказано, что левый глаз никуда не годится от рождения и помочь такому горю нельзя. Таким образом, Владимир Ильич прожил всю жизнь с мыслью, что он левым глазом ничего не видит и существует только одним правым. Только в самые последние годы он замечал маленькую странность, что все его сверстники стали отдалять книжку при чтении, а он, напротив, стал держать книгу ближе обыкновенного, что многие сверстники стали читать в очках, а он в них совершенно не нуждался. Мало интересуясь своим здоровьем вообще, Владимир Ильич не задумывался и над этим фактом и не искал случая его объяснить. Да и в самом деле, зачем серьезному, занятому человеку нужно было это проверять, если зрения хватает на все надобности — и на охоту пойти можно, и читать можно сколько угодно. Каково же было его удивление, когда при моем исследовании оказалось, что левый похороненный глаз просто близорук (в 4–4,5 диоптрии) и на расстоянии 20–25 сантиметров прекрасно видит. Этим глазом Ленин и читал, а правый глаз, хорошо видящий вдаль, оказался ко времени моего исследования уже страдающим старческим зрением и на близком

расстоянии ничего не видел. Но стоило к этому глазу приставить соответствующее стекло, какое надевают все хорошо видящие пожилые люди, и глаз этот прекрасно читал. Этот двойной сюрприз очень заинтриговал и развеселил Владимира Ильича, но внимания к своей персоне он проявлял так мало, что к следующему нашему свиданию уже позабыл о тех «фокусах», которые я проделывал с его глазами.

Наше прощание было также очень характерно для Владимира Ильича. Как-то неумело, непривычно и конфузливо стал он мне совать гонорар в руку. Когда я отказался, он стал убеждать меня, что я не обязан никому оказывать частных услуг вне больницы и при нынешних тяжелых условиях жизни не имею права делать это бесплатно ни для кого. Увидев же мою совершенно непреклонную волю, он как-то совсем растерялся, точно незаслуженно обидел меня. Впоследствии я узнал, что мой категорический отказ от гонорара долго не давал ему покоя и он неоднократно интересовался тем, чтобы обо мне позаботились, если я в чем-нибудь нуждаюсь. Не могу не подчеркнуть этого исключительно деликатного и корректного отношения к людям, которые, по его мнению, потратили сколько-нибудь труда или времени на него лично. Я видел в своей жизни немало больных, которые занимали значительно менее ответственное общественное положение, которым я приносил действительно реальную пользу, возвращая им утерянное зрение и работоспособность, которые были менее захвачены общим убийственным недугом и которые считали ниже своего достоинства входить в оценку услуг врача.

Второе наше свидание произошло месяца через полтора-два уже при более тяжелых условиях. Это было в 35–40 километрах от Москвы, в усадьбе, куда перевезли Владимира Ильича для отдыха. Дня за два перед этим случился первый, правда легкий, припадок (мозговой инсульт), и лечащие врачи вновь вызвали меня в надежде на какие-нибудь мозговые симптомы в его глазах. В большой, хорошо обставленной даче Владимир Ильич, конечно, лежал в самой маленькой угловой комнатке. Здесь уединеннее, здесь меньше мешают, здесь меньше обращаешь на себя внимание других. Убедить Ленина перейти, как больного, в большую светлую комнату оказалось для окружающих непосильной задачей. Встретил меня Владимир Ильич уже как старого знакомого. Память у него была хорошая. Владимир Ильич был чрезвычайно ласков, трогательно заботлив, но явно был возбужден и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с ним с глазу на глаз, но такая минута все же выпала. Схватив меня за руку, Владимир Ильич с

большим волнением вдруг сказал: «Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?» Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей медицинской сестрой. Я уехал с тяжелым чувством, сопровождаемый снова всяческими проявлениями внимания к касающимся меня мелочам со стороны этого большого человека, который, чувствуя начало своего конца, ясно уже ощущал с невыносимой болью невозможность видеть дальнейший рост своего великого дела, выстраданного всей жизнью, проявил огромное величие души, интересуясь тем, напоили ли меня, человека, квторого он едва знает по имени, чаем и тепло ли я одет.

В глазах Владимира Ильича я и в этот раз не нашел ничего интересного для невропатологов. Следующая наша встреча произошла опять в городе через несколько месяцев. Она имела целью лишь проверку глаз. Невропатологи все чего-то ждали. Здесь же оговорюсь, что в глазах Владимира Ильича ничего невропатологического так и не оказалось до самого конца. Невропатологи не твердо были в этом убеждены, так как в последнее время исследовать Ленина было трудно, и невропатологи могли сомневаться в точности получаемых мной результатов. Тем не менее я был прав в своих выводах, и исследование вынутого мозга показало, что, несмотря на огромную область поражения, вся зрительная сфера — центры и пути, так же как и двигательные пути глаз, были невредимы.

И в этот раз Владимир Ильич трогал меня своим радушием, несмотря на то что его состояние было таково, что с его стороны было бы совершенно естественно, если бы он больше думал о своем здоровье, чем о том, чтобы быть внимательным к посторонним людям. Он очень жаловался на то, что ему запрещают работать и что он, к сожалению, должен подчиняться назначенному режиму. «Мне рекомендовали вместо работы час-два легкой беседы с добрыми приятелями. Они не понимают, что от 2 часов беседы с иностранными представителями я меньше устану и получу больше пользы и удовольствия, чем от короткой приятельской беседы».

Еще раз и в таком состоянии выявилась мощная фигура человека, который не представляет себе времяпрепровождения вне дела.

Еще раз мы встретились через несколько месяцев после большого, тяжелого приступа, отнявшего у Владимира Ильича ногу, руку и речь, но не сознание. Он лежал в постели, окруженный съехавшимися со всей Европы знаменитостями. Положение было истинно трагическое. Человек, который своим

словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закаленных в дискуссиях борцов и вождей, человек, на слово которого уже так или иначе реагировал весь мир, — этот человек не мог выразить самой простой мысли, но в состоянии был все понять. Это ужасно! На лице его было написано страдание и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, понятую без слов. Этот раздирающий душу благодарный взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желание, которое не поняли окружающие.

После этого я не видел Владимира Ильича много месяцев, до кануна роковой развязки. Его снова увезли за город. Я знал, что в состоянии его наступает медленное улучшение и он понемногу отделывается от тех расстройств, которые причинил последний припадок. Но вместе с тем умозрительно я знал, что параллельно с этими улучшениями идет еще более медленное, но верное ухудшение в корне, в фундаменте непоправимой болезни. Не скрою, мне хотелось видеть Владимира Ильича» но я не нужен был ему, а не зная, будет ли приятно ему мое ненужное посещение, я не решался заявить врачам и окружающим о своем желании.

Поэтому я очень обрадовался, когда в воскресенье, 20 января, мне позвонили в больницу, что просят меня приехать в усадьбу, где жил Ленин. Утром в этот день студенту-медику, ухаживающему за Владимиром Ильичом, показалось, что он пожаловался на глаза. Когда Ленину предложили вызвать меня, он охотно согласился. Это обстоятельство было для всех большой неожиданностью. так как в последнее время Владимир Ильич стал избегать врачей и крайне неохотно подвергал себя исследованиям и всяким манипуляциям. Я думаю, что на меня он легко согласился просто как на наиболее безвредного врача, который не мучает, не лечит, а в худшем случае немного развлечет своими стеклами. По поводу нежелания Владимира Ильича встречаться с врачами, дошедшего в последнее время до чего-то болезненно настойчивого, было много предположений. Я думаю, что наиболее вероятным будет объяснение, намеки на которое давал и сам Владимир Ильич раньше, когда ему легко было ясно выражать свои мысли, и которое так характерно было для этого человека. Он всегда считал, что врачи не должны и не имеют права уделять одному больному слишком много времени, в течение которого можно принести пользу многим. Убедившись же с течением времени в неизлечимости своей болезни, он и совсем стал считать, что время, проводимое у него такими выдающимися врачами, бесплодно и преступно отнимать у других, имеющих возможность испытать больше продуктивности

от усилий врачей. Стоило так раз решить, чтобы при той впечатлительности и раздражительности, которые неизбежно должны были явиться при продолжительной нервной болезни, лишающей самостоятельности, чтобы в конце концов наступило что-то вроде неприязни по отношению к лечащим врачам. Отрицательного отношения к науке, даже медицине, я не допускаю у такого великого человека, который, конечно, не мог говорить словами отчаявшегося в жизни Манфреда; «Знание есть скорбь» (*Имеются в виду слова героя одноименной драматической поэмы Байрона «Манфрад» (1817). Ред)*. Владимир Ильич везде и всюду подчеркивал, что древо знания есть древо жизни (Имеются в виду часто цитируемые Лениным слова Мефистофеля из трагедии И. В. Гёте «Фауст»: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни». *Ред.)* и наоборот.

Приехал я поздно вечером. Владимир Ильич сейчас же попросил меня к себе. Физически он выглядел очень хорошо. Что касается опасения, как он встретит врача, то сразу стало ясно, что он очень доволен приездом глазного врача. Исследовать было трудно, так как трудно было Владимиру Ильичу словами давать ответы на то, что я у него требовал. Но исследование шло весело, живо и явно к взаимному удовольствию. В глазах Ленина я снова ничего не нашел и высказал предположение, что утренний инцидент был, вероятно, выражением легкого головокружения и прилива к голове. События последующего дня показали справедливость этого предположения. Выйдя от Владимира Ильича, я расположился в другой комнате с его близкими. И теперь Ленин остался верен себе. Он дважды, опираясь на студента, приходил в столовую, где мы сидели, с очевидным намерением проверить, достаточно ли хорошо обо мне позаботились.

Дорогие товарищи! К Владимиру Ильичу как политической фигуре может быть разное отношение… Но все, кто лично с ним соприкасался, независимо от своих политических убеждений признают в нем человека огромного ума, колоссальной энергии и величайшей душевной красоты.

Когда я был гимназистом, мне было задано сочинение на отвлеченную тему: «Кого мы называем истинно хорошим человеком?»… Да, трудно было мне тогда написать хорошее сочинение. Но если бы мне теперь задали такую работу, я исполнил бы ее очень легко и просто. Я только описал бы жизнь Владимира Ильича и набросал несколькими штрихами его интеллектуальную и моральную фигуру.

Я очень счастлив, что на склоне моей жизни, когда уже приходится подписывать последние счета, я встретил такого

человека. Эта встреча не может остаться без влияния на мою последующую жизнь.

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т., М., 1984. Т. 4. С. 381–389

Н. Л.АРОНСОН
ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

В конце 1908 года в Париже была созвана Всероссийская конференция РСДРП. Город в те дни был наводнен русскими революционерами, среди которых я имел немало друзей, нередко навещавших меня. Чаще других в мастерскую (93, rue de Vaugirard) заходил ко мне А. В. Луначарский, живо интересовавшийся всем новым в искусстве. Тогда же А. В. выступал как художественный критик. Вспоминаю, что около того времени А. В. поместил в каком-то парижском журнале статью о большой, законченной в те месяцы скульптурной группе моей «Разочарование». Выставленная в «Парижском салоне», она обратила внимание многих русских товарищей, и в частности А. В., который отозвался о ней восторженно. Фигура, по моему замыслу, должна была изображать Россию после 1905 года, Россию, скованную реакцией, Россию с опущенными руками. «Когда этот гигант встанет, он разорвет мир», — писал Луначарский.

Думаю, что и В. И. Ленина, впервые приехавшего в те месяцы в Париж на конференцию и имя которого было на устах всей тогдашней русской колонии, эта статуя заставила поинтересоваться моими работами. Иначе ничем не объяснишь того, что в одно ясное утро ранней парижской весны 1909 года ко мне в мастерскую, вместе с А. В. Луначарским, пришел и Ленин.

С первого взгляда меня поразила его «человечность». Ничего «диктаторского» не чувствовалось в этой коренастой фигуре человека, мимо которого пройдешь по улице не останавливаясь. В нем ничего не обращало на себя внимание — единственное исключение составлял череп, определенный мною тогда же как череп Сократа (об этом вспомнил недавно в своих воспоминаниях А. В. Луначарский).

К сожалению, моя память не сохранила мне наших бесед. Помню лишь о своем желании тогда же вылепить бюст В. И. и его обещание заходить ко мне. Но больше я не видел В. И. и поэтому должен был отказаться от мысли лепить его бюст с натуры.

В моей же памяти надолго сохранился его характерный взгляд, резкая подвижность его лица…

В начале 1925 г., освободившись немного от заказов, по собственной инициативе я принялся за лепку бюста Владимира Ильича. Должен предупредить, что меня совершенно не интересовало портретное сходство. Абсолютное сходство —

достояние фотографии. Те же бюсты. которые мне пришлось видеть и которые широко распространяются в СССР, изображают почти всегда какого-то сатира, а не Ленина.

Работал я над моим Лениным два года. За это время я сломал до двадцати бюстов — и лишь в последнем бюсте, который был привезен мной в СССР в 1927 году, я сумел, по моему мнению, выявить Ленина как символ силы, как вдохновителя миллионных масс.

Лучшим показателем ценности моей работы были для меня мнения белогвардейцев, видевших этот бюст. Как обрушился на меня Куприн, пришедший ко мне в мастерскую специально посмотреть бюст Ленина! Плодом этого посещения оказался написанный желчью фельетон в каком-то белогвардейском листке, где он обвинял меня во всех смертных грехах. Злоба их ясна: Ленин как вождь миллионных масс, Ленин как организатор Октябрьского восстания слишком памятен им.

Отзывы же побывавших в прошлом году у меня в мастерской в Париже тт. Семашко и Луначарского и видевших последнюю редакцию бюста в окончательный период его создания меня вдохновили до конца. Когда же Н. К. Крупская перед выставленным бюстом моим в Москве сказала: «Это — кусок Ленина», я понял, что цель моя — передать в своей работе вечную динамику В. И., его вечное стремление вперед, его железную силу воли, увлекавшую массы за собой, — мною достигнута.

Ленин в зарисовках и воспоминания» художников. ***М.;*** *Л… 1924. С, 88–89*

А. БАРБЮС
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Когда произносится это имя, мне кажется, что одним этим уже сказано слишком много и нельзя осмеливаться высказывать свою оценку о Ленине. Я еще слишком йо власти того остро-тяжелого чувства, которое охватило меня при известии об исчезновении этого великого человека. Ленин является для меня одной из самых широких, одной из самых полных личностей, которые когда-либо существовали. Он в полном смысле этого слова выше всех осуществителей вековых усилий человечества. Я неоднократно испытывал и говорил это: что меня в особенности поражает в его учении, в его интеллекте и воле — это его умение искать и отличать в огромной комедии человечества действительность от слова и фантома. Он дал современной мысли цель, привел на настоящий путь прежние попытки, действовавшие ощупью, дал чувство действительного творчества и позитивизма, красной логики и красной истины. Он показал, что отныне произойдет великая перемена в самом порядке вещей, потому что легенды, идеологии, поэзии, фантасмагории заменятся глубокой жизнью масс и низов. Если эта воистину новая и всемогущая концепция начинает теперь претворяться в жизнь и становится естественной силой, столь же непобедимой, как и непогрешимой, то это потому, что этот человек явился в историю. Никакое прославление недостаточно для того, кто сумел таким образом направить всю силу и мощь масс.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1924. С. 46

В. БАШ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Ленин был гением действия. Ленин был нужен России для того, чтобы покончить с царизмом и внедрить идеи социализма, как нужен был в свое время Петр Великий для приобщения России к культуре Запада. Ленин не боялся жестокости, когда она была нужна для дела, в которое он верил. Мы, демократы, не можем принять методов Ленина. Мы не можем принять террора русской революции, как не можем принять террора Французской революции. Я все же восхищаюсь Лениным как единственной крупной личностью, которую дала нам история после всемирной войны.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М, 1924. С. 43

Л. БРАЙАНТ
из книги
«ЗЕРКАЛА МОСКВЫ»

Ленину совершенно несвойственна мстительность. Он способен в споре беспощадно критиковать своего противника, но в то же время он необыкновенно человечен и добр: ему хочется, чтобы все вокруг были счастливы.

В начале революции ему представлялось, что окажется возможным сразу добиться свободы печати, свободы слова, быть либеральным по отношению к своим противникам. Однако необходимость железной дисциплины диктовалась обстановкой, ибо только с ее помощью можно обеспечить успех.

Было время, когда он довольно сурово покарал анархистов, но только потому, что анархисты постоянно угрожали спокойствию в стране.

Ленин всегда относится с уважением к человеческим привязанностям и чувствам. Когда умер Кропоткин, вдова и дочь умершего послали телеграмму Ленину и попросили, чтобы деятели партии анархистов, в то время сидевшие в тюрьме, присутствовали на похоронах. И Ленин под честное слово разрешил отпустить их на три дня без охраны.

Ленин старается привлечь к работе умных людей и всегда жалуется, что эти поиски не столь плодотворны, как бы ему хотелось. Особо ощутим недостаток в знающих, образованных людях на дипломатической службе. Небольшой дипломатический корпус во главе с Чичериным не в состоянии удовлетворить растущую потребность в послах и-консулах, которые в самое ближайшее время должны быть направлены во все страны мира.

Советский премьер, без сомнения, скромный человек. Он очень редко дает автографы, а дневник, вести который его просили американские издатели, так никогда и не будет написан. Он говорит, что слишком устает от всей той массы работы, которую нужно сделать днем. Но не менее важной причиной является отсутствие какого бы то ни было тщеславия.

Он ненавидит лесть и изо всех сил отказывается позировать художникам. Он был крайне расстроен, будучи вынужден пообещать позировать Клэр Шеридан, работавшей над его скульптурным бюстом.

В И Ленин а воспоминаниях писателей. М., 1980. С. 368

П. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ
ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Он входит. Не видишь, как вошел. Его едва можно разглядеть.

Он словно в засаде за своим столом.

Выступают только плечи и голова.

Лысый череп с резко выпуклым лбом.

Несомненно, азиат.

Его выдают скулы и глаза.

Маленькие миндалевидные глаза, брови монгола расставлены широко.

Нос более велик, чем предполагаешь, с резкими приплюснутыми ноздрями, крепко припаянными к щекам.

Под ним в бесцветной щетине усов и жидкой бородке то, что называют его улыбкой.

Но Ленин не улыбается. Как и не косит. Мне кажется, он часто прищуривает глаз.

Поистине, только тогда можно быть уверенным, что он улыбнулся, когда он разражается маленьким смехом.

Тридцать различных чувств выражаются в его оскале зубов, который никогда не бывает совершенно одинаков.

Под собирающимся в морщины лбом все в движении. Ленин подлинный — только в кино. Ни один портрет не похож на него.

Глаза словно делают усилия, чтобы открыться вполне, рот легко кривится, расширяет ноздрю над собой» ярко выявляет выступ правой скулы и бросает сквозь насмешливые губы неуловимое слово.

Последовательно сменяют друг друга выражения изумительной молодости и усталости человека, несущего на своих плечах новый мир.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М., 1934. С. 35

Б. С. ВЕЙСБРОД
БОЛЬНОЙ ЛЕНИН

За весь последний период болезни Владимира Ильича, и даже во время лечения его от ранения в 1918 году, его очень тяготила, по его мнению, чрезмерная трата сил на него врачебного персонала.

Он находил, что ему уделяется чересчур много внимания. *В самые тяжелые для него минуты он проявлял чрезвычайную чуткость и заботливость об ухаживающем за ним персонале.* Он стремился к тому, чтобы доставить окружающим его во время болезни возможно меньше труда и хлопот. Как на особенно характерный пример я укажу на один случай, когда в апреле 1923 года Владимир Ильич был в особенно тяжелом, возбужденном состоянии и, находясь в постели, естественно, не мог лежать вполне спокойно. Я сидел тогда на его постели и всячески старался его несколько успокоить. Это мне почти не удавалось. Тогда, зная особую чуткость, проявляемую тов. Лениным к врачам, я сделал вид, как будто сам от утомления задремал. Моя хитрость удалась, и больной Владимир Ильич, очевидно, еле сдерживая себя, но стараясь все-таки не потревожить мой сон, стал лежать почти спокойно.

Укажу пример яркого проявления своей воли Владимиром Ильичом во время болезни. После его ранения в 1918 году врачи находились у постели больного. Тов. Ленин был на грани между жизнью и смертью; из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было. У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний приблизительно следующими словами: «оставьте меня в покое» или «спасите меня». Между тем тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: *«Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».* Таким образом, *тов. Ленин в такой тяжелый для него момент болезни, борясь между жизнью и смертью, силою своей колоссальной воли сумел подавить в себе инстинкт жизни, толкающий обычно всех больных к выражению совершенно иных, чисто личных желаний.*

Первая годовщина 1924 — 21 января — 1925 Ленин, о Ленине, о ленинизме. М, 1925 С 180–181

А. Р. ВИЛЬЯМС
ЛЕНИН — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Из предисловия автора к русскому изданию 1932 г.

Весной 1918 года, готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров газеты «Правда», «Известия» и даже «Речи». Беседуя в последний раз с Лениным в Кремле, я упомянул о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция. — сказал Владимир Ильич, — но только неужели вы в самом деле думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — ответил я, все еще будучи наивно убежден, что Америка желает узнать правду о России и русской революции.

Ленин покачал головой и, рассмеявшись, сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особое внимание моему чемодану. И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку он так и не попал. Он исчез. Каким образом — не знаю.

Десять месяцев с Лениным

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЛЕНИНЕ

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для

корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лы-снной и взъерошенной бородкой.

Выждав, пока стихнут ураганные аплодисменты, он проговорил:

— Товарищи! В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства *.— И стал без пафоса, по-деловому излагать существо вопроса. Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхболъшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

— Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка, — прошептал Джулиус Вест, английский корреспондент.

— Да, совсем небольшой человек для такого большого дела, — проговорил его компаньон.

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере

Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева, для которых первым в Европе человеком и политическим деятелем был Ленин.

ЛЕНИН ВВОДИТ СТРОГИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК В ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВА

9 ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопровождать красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилквита и Гюисманса. Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков, Советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия?

— Конечно, — сказал Ленин и взял со стола чистый бланк, — если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут проставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк, — продолжал Ленин, — я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин. — Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции? Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи, — сказал Председатель Совнаркома, — не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода…

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму. который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек. Ольгин говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые посылки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутливым отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят.

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, на оборот, — он не опасен, он даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневиков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней бронеавтомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение, пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал говорить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздались бурные аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневика, Подвойский объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.

Толпа навострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно, — сказал Ленин, — говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски, — отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал еще несколько слов. Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют

ценить если не умение, то во всяком случае старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что, если наступит критический час, я сам с радостью вступлю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил;

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist, — ответил я.

— Вступить, — подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинался, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, я его тотчас подхватывал и с американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано, — сказал он мне. — Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы, — сказал он, повернувшись к Бесси Битти, — вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте, пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет, — добавил он, улыбаясь. — Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую…

НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания проходило бурно (Заседание состоялось 5(18) января 1918 г. в Таврическом дворце. *Ред.)*. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми разражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек, — все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на

балконе, впецившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрачивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в Бюро пропаганды (Бюро существовало при Федерации иностранных групп РКП (б), созданной в начале 1918 г. Оно состояло из литераторов и агитаторов иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав. *Ред.)*. Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удается переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах да, — воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика. — Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов, — ответил я уклончиво.

— В том-то и дело, — заметил Ленин, — им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своем методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блестели. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава Советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методику изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Левина критике, оц обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой…

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ ЛЕНИНА

Не вызывает сомнения, что своей славой государственного деятеля, умеющего предвидеть дальнейший ход событий, Ленин обязан отнюдь не какой-то мистической интуиции или провидению, а способности отбирать и использовать факты. Он продемонстрировал эту свою способность в работе «Развитие капитализма в России»*. В ней Ленин бросил вызов экономической мысли своего времени, выступив с утверждением, что половина русского крестьянства была пролетаризирована, что, несмотря на владение некоторой земельной собственностью, эти крестьяне являлись, по существу, наемными рабочими с наделом. Смелая и дерзкая мысль Ленина нашла свое подтверждение в исследованиях последующих лет. Это не было одной лишь догадкой. К такому твердому выводу он пришел после тщательного изучения и отбора огромного статистического материала земств и других источников.

Однажды, когда разговор зашел о престиже Ленина, Петере заметил: «Часто на закрытых заседаниях нашей партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе

положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а **мы** нет».

По вопросу о тактике одно время между Лениным я другими членами партии развернулась борьба, в процессе которой последующие события обычно подтверждали правильность его суждений.

Известно, что Каменев и Зиновьев считали, что вооруженное восстание, которое готовили большевики, может кончиться неудачей. Ленин говорил, что революция, пролетариат должны победить. Ленин был прав.

Некоторые руководители большевиков утверждали, что хотя они и в состоянии взять власть, но удержать ее не смогут. Ленин говорил, что с каждым днем силы большевиков будут расти. Он был прав. После двух лет борьбы с врагами, зажавшими в огненное кольцо Советскую Россию, Красная Армия успешно продвигается на всех фронтах.

Троцкий в переговорах с немцами следовал политике «затягивания», старался завлечь их в какую-то ловушку, но подписывать договор отказывался. Ленин говорил, что надо подписать мир на тех условиях, какие они предлагают, иначе придется его подписать на гораздо худших условиях.

И опять Ленин оказался прав. Русские были вынуждены подписать «похабный», «разбойничий» Брестский мир.

Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громила союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию» *.

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал ultimately.

— Да, — сказал он, — революция победит. Может быть, скоро, а может быть, — он поднял глаза на меня и улыбнулся, — ultimately. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во всяком случае мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знате ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса, есть надежды на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робине является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехи, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес… «…Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым путем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

Воспоминания о В И Ленине В 5 т, М, 19BS Т 5 С 122–131

А. К. ВОРОНСКИЙ
РОССИЯ,ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕК И ЛЕНИН

СЕ — ЧЕЛОВЕК.

I

Один из современных поэтов, богато одаренный и очень своеобразный, говорил в беседе:

— Ленин… Он делает нужное и страшное дело: он делает новую страну и нового человека. Понимаете, именно делает.

— Почему страшное?

— Потому что он лепит из инертного материала, но этот материал живой…

Другие утверждают, что Ленин экспериментатор, не побоявшийся проделать опыт над страной с населением в 150 миллионов и даже больше — над целым миром.

Еще сравнивают его с Петром Великим, дубиной гнавшим Россию к Европе.

А поэт Клюев писал так:

Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декретах, — Как будто истоки разрух Он ищет в поморских ответах..

Считают его аскетом, фанатиком, книжником, начетчиком от марксизма, сектантом, схематиком.

Илья Эренбург сообщил про Ленина, что он «точен, как аппарат, конденсированная воля в пиджачной банке, пророк новейшего покроя, сидевший положенное число лет сиднем за книгами» и т. д.

Потом говорят, что он диктатор И многое другое еще говорят.

Во всех этих и подобных утверждениях таится мысль, что Ленин насильно навязывает России новое, может быть, необходимое и наилучшее, но органически не слитое ни с прошлым, ни с настоящим страны, воплощает идеал — величественную формулу, схему, жизнь, проинтегрированную насквозь, всецело и без изъятия. Естественно, что сам Ленин превращается в игумена, в аскета, в книжника, в дерзкого

экспериментатора, в вивисектора живой жизни, пусть плохой, нелепой, темной и тяжелой, но подлинной, простой и непреложной, как море, лес, степи, горы, небо, звезды, травы, звери.

Как все это забавно неверно!

В нашей партии нет человека, который бы так живо, так близко, так остро и проницательно ощущал, воспринимал Россию, как Ленин. Великая любовь рождает и великую ненависть. И то и другое у Ленина до краев:

ненависть к России царей, дворян и Колупаевых и любовь к России непрестанного, страдальческого труда. **Он**—величайший в мире интернационалист — в то же время наиболее национален, наиболее русский с головы до пят. О чем говорит и пишет Ленин? О том, что капитализм должен быть разрушен и уничтожен, что на смену ему идет диктатура пролетариата и коммунизм, и о том, что Россия — это по преимуществу страна мужицких хлебов, аржаная, деревянная, темная, нечесаная, нечеловечески угнетенная, замордованная, неграмотная, пьяная, кабацкая, некультурная. Никогда не забывать этих особенностей и своеобразия — вот чему учил и учит Ленин социалиста, действующего и борющегося в России.

Этот «схематик» и «аскет» с удивительным чувством реализма и со знанием России исключительным неутомимо вскрывал весь полубарский, кисельный и кисейный иллюзионизм и утопизм нашего в бозе почившего ныне народничества. И наш рыхлый, подлый, продажный, вихляющийся «семо и овамо», сюсюкающий, «кисло-сладкий», торгующий собой оптом и в розницу, распивочно и на вынос, бесхребетный либерализм нашел в Ленине такого беспощадного и верного оценщика, которого Россия не знала до него.

Нашего крестьянина Ленин никогда не размалевывал, не подкрашивал, в противовес отвлеченному народолюбчеству, но он видел в нем не только собственника, но и человека труда, столетиями несшего иго крепостников и царских опричников. Это понимание «двух душ», живущих в крестьянине, и дало возможность ему наметить диктатуру пролетариата в непременном союзе с крестьянством как основу тактики и практики коммунистов в переходный момент от капитализма к социализму.

На грани двух культур, двух миров лежит у Ленина Россия, между Европой и Азией: капиталистической Европой, в судорожных попытках стремящейся превратить в сплошные колонии страны Востока, и Азией, где зреет и неудержимо властно развивается и развертывается и вширь и вглубь борьба

угнетенных против цивилизованных поработителей.

А нам говорят: «книжник, схематик, начетчик, — человек, который навязывает России порядки хорошие, но органически с ее жизнью не слитые!»

И дальше. Война и Ленин. Кто назовет человека, в ком война возбудила бы столько гнева, ненависти, презрения, такую силу отрицания, как это было у Ленина! Кажется, Степняк-Кравчинский писал, что в жизни каждого революционера бывает момент, когда все силы, мысли и чувства, все напрягается в одном высшем могучем, единоволющем порыве. Таким моментом была война для Ленина. Никогда столь крепко, сильно, непоколебимо, так страстно, так пророчески не звучал его голос, как в эти страшные годы. Это был и тот, и в то же время другой Ленин, гигантски выросший, титан и мятежный трибун и борец до конца. И теперь-то точно известно, что его голосом говорила прежде всего серая, шинельная, окопная Русь, изглоданная вшами, смертная, избитая, искалеченная, с искаженными чертами лица, с хрипом и хрястом костей. «Пораженчество» Ленина глубочайшими истоками питалось настроениями нашего рабочего и крестьянина.

И если теперь на наших глазах растет и лезет изо всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов, крепко, на славу сбитых, Русь рабфаков и свердловцев, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени и стали упрямо-крутыми подбородки, как у кавалеристов перед атакой, в мастерском неподражаемом живописании Л. Н. Толстого, — а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали, если эта Русь с каждым днем все крепче, все глубже, все шире вспахивает рыхлые целины русского чернозема, то как можно твердить о Ленине, что он аскет, схематик, не знающий почвенной, подлинной России?

Об аскетизме, подвижничестве, схематизме говорится здесь потому, что есть еще немало людей, для кого коммунизм и коммунисты либо разбойники, либо схематики и начетчики, по книжкам, по голым абстракциям переделывающие мир. Ленин — первое и наглядное тому опровержение. Он весь земляной, горячий, подвижный как ртуть, неугомонный и неукротимый, ко всему приникающий и прислушивающийся, крепкий и кряжистый, до краев напоенный соками жизни, с этими единственными маленькими, азиатскими глазами, и острыми, и колющими, и умными, и добродушными, и хитрыми, и смешливыми, с этим смехом, с которым он старается часто безуспешно справиться, закрывая рот горсточкой, прыская в сторону и отмахиваясь обеими руками. Есть в нем что-то от

округлости, проворности и легкости Платона Каратаева, от непосредственной мужицкой породы, от Владимира и Костромы, от Поволжья и наших неуемных полей. И в то же время в нем сталь и бетон города, железная воля к борьбе, и дисциплина фабричных поселков и грохочущих заводов, и упорство и подвижничество ученых, и настороженность и сгорбленность людей подполья. В чудесном созвучии и гармонии сплелись все эти и многие иные, казалось бы, непримиримые, противоположные черты. Но настоящие провозвестники новых эпох всегда таковы.

II

Ленин, конечно, «одержимый». Он всегда говорит об одном и том же. С разных, иногда с самых неожиданных сторон он десятки раз рассматривает, в сущности, одно основное положение. Как-то Плеханов сказал про него:

в Ленине пропал прекрасный адвокат. Это мнение Плеханова, как и многие его другие о нем, ошибочно. Ленин, когда он защищается или нападает, только с очень внешней, с поверхностной точки зрения похож на адвоката. Вообще же он похож на человека, у которого одна основная идея, «мысль мыслей», непрестанно сверлит и точит мозг и около нее, как по орбитам вокруг солнца планеты, кружатся остальные. Основное ядро никогда не рассеивается в сознании, ни на минуту не уступает своего места гостям. Этот хозяин прочно живет в своем жилище. Должно быть, жить так трудно, очень трудно, в конце концов. Но эта же одержимость открывает и вещие зеницы, которые даруются природой и жизнью гениальным людям. Такие «одержимые» на все смотрят под одним углом зрения, видят и замечают только то, на что властно направляет их внимание основная идея, мысль, чувство, настроенность. Их зоркость, их слух, их способность замечать нечеловечески остры. Быть одержимым одной великой идеей, однако, совсем не значит видеть только большое, огромное и не замечать деталей. Лучшее опровержение тому Ленин. М. Горький писал однажды про него: «Мне кажется, что ему почти неинтересно индивидуально человеческое, он думает только о партиях, массах, государствах»; но ниже Горький вынужден прибавить: «Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку». Последнее — сущая правда. Если собрать миниатюрные записочки Ленина, которые он рассылал направо и налево из Кремля, чего-чего в них не найдешь: о том, как нужно вести себя с

Англией и что посоветовать немецким рабочим, и тут же рядом просьба разрешить такой-то крестьянке провезти четыре пуда ржи от станции Эн до станции такой-то, ибо у нее на руках трое детей, и еще просьба предоставить комнату в таком-то доме Советов заслуженному подпольщику…

В начале 1918 года в одной из своих речей тов. Ленин рассказал, как, скрываясь от преследования со стороны Временного правительства, он встретился в Финляндии с одной старушкой. Она вошла в вагон, в котором ехал В. И., присела и оживленно, взволнованно стала что-то рассказывать пассажирам. Ленин спросил, о чем она говорит. Сосед финн перевел ему: она говорит, что теперь не надо бояться человека с ружьем. Она собирала хворост в лесу, и к ней подошел вооруженный человек. Она испугалась и хотела бросить вязанку. Но человек с ружьем помог ей вязанку донести. Теперь не надо бояться человека с ружьем. (Привожу рассказ по памяти.)

Людям труда не надо больше бояться вооруженных людей. Ленин нашел, что в этом замечании укладывается весь смысл и все содержание переживаемого революционного переворота. И здесь сказалась отличительная черта его от общего переходить к частному и в индивидуально человеческом видеть массовое. В статьях, в речах, в книгах, в практике это умение поймать, схватить мелочь и в этой мелочи найти, подметить отражение крупнейших черт эпохи, события, явления читатель найдет всегда и всюду. И кажется, когда Ленин выпытывает партийного работника и забрасывает его вопросами, иногда очень «мелочными», щурясь и наклоняясь к самому лицу, он ищет, собирает именно эти «мелочи», нужные ему для проверки широчайших обобщений. «Лучше меньше, да лучше» — это девиз Ленина. Отсюда его «оппортунизм», осторожность, способность лавировать и отступать, делать уступки. Но отсюда же и дар прозрения в будущее, которое он как-то должен видеть, осязать и чувствовать с совершенно сверхобычной ясностью и силой, ибо нельзя так безошибочно предвидеть будущее, не видя, не осязая его по-особенному…

«Одержимость», «фанатизм» Ленина по силе сказанного очень своеобразны: он сочетает холодную, абстрактную рассудочность с живым, конкретно-индивидуальным подходом, с тем, что Горький называет «огоньком почти женской нежности к человеку». Это горячее, полновесное чувство конкретного, «человеческого, слишком человеческого», скрытое под бесстрастной деятельностью ума, под деловым, практическим подходом, с покоряющей очевидностью обнаруживается и раскрывается в Ленине, в его отношениях к нашему большевистскому

революционному подполью, к профессиональным революционерам, к этому особому типу людей, «взыскующих града». Сам профессиональный революционер и подпольщик, Ленин непроизвольно, без усилий окружает их подлинно родным, отцовским теплом, ощущаемым и воспринимаемым буквально, как нечто физическое. Это испытывают не только подпольщики, но и многие другие, сталкивающиеся с Лениным. Оттого он «Ильич», «свой человек», «наш» и т. д. Оттого он объединяет, спаивает, организует, дисциплинирует, направляет людей в единый коллектив, в стальную когорту, сковывает их в чугунно-бетонный, но живой массив. Думается, что Ленин устанавливает свои отношения к людям больше путем интуиции. Он не принадлежит к числу «справедливых», если под справедливостью здесь понимать исключительно рассудочное, холодное, взвешенное отношение, со всеми за и против, то, что так ненавидел художник Толстой. Этим объясняются и ошибки тов. Ленина в его отдельных оценках, но здесь же и высшее обаяние его, и та высшая, конечная справедливость, в которой — и страсть, и глубокое проникновение, и живое ощущение сердцевины людей. Все это, вместе взятое, есть великий дар собирать вокруг себя людей и подбирать их не только «по духу», не только по идеологии, но еще и по каким-то иным «нутряным» признакам, может быть, самым важным, по крови, по склонностям, по всему чувственному и психическому укладу. Г.В.Плеханов как-то острил про Ленина, что он, подобно гоголевскому Осипу, старается подобрать и захватить с собой на дорогу что попало: кусочек бумаги, обрывок веревки — все пригодится. Это, конечно, неверно, но дыму, как говорится, без огня не бывает. Верно, что тов. Ленин умеет вести за собой людей, подчас весьма разношерстных, и факт тот, что Плеханов под конец жизни своей оказался на положении слишком разборчивой невесты, а о «неразборчивом» Ленине в глухих деревнях Индии говорят, по свидетельству Горького: «Вот Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на свете».

Теперь да будет позволено остановиться на практицизме и узком делячестве тов. Ленина.

Был такой случай.

В комнату, где в числе нескольких человек находился М. Горький, входит Ленин; не входит, а, как это обычно у него, почти вбегает. Он спешит: только что кончилось одно заседание, теперь начинается другое. На ходу ест, наливает стакан чая, быстрым и особо характерным жестом перевертывает одну из книг, привезенных М. Горьким ему в подарок. Так же бегло и быстро, сощурившись, перелистывает ее. И в этих приемах видна прочно

установившаяся манера обращаться с книгой, сразу схватить и прикинуть ее в уме. Такие жесты вырабатываются только в результате длительного общения с книгой.

Горький немного исподлобья наблюдает и присматривается к Ленину. У Ленина, по обыкновению, играют и светятся глаза. Как будто должно быть наоборот. Глаза Ленина переместить бы к художнику Горькому, а «догматик» и «схематик» должен получить маловыразительные, водянистые глаза М. Горького. Горький угловат, утюжен, нескладен, молчалив, неподвижен. Ленин по-каратаевски кругл и проворен, наэлектризованный живой комок.

М. Горький связан с берлинским книгоиздательством Гржебина, издающего по-русски наших классиков, книги по отдельным отраслям научного знания. Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранных М. Горьким с большим вкусом и мастерством.

— Да, да, — соглашается Ленин, — превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

— Да ведь дешевка, Владимир Ильич, — убеждает М. Горький, — пустяки, копейки…

— Золото, золото ведь идет на это. А золота нет…

Две правды, две истины. Не хлебом единым жив человек. Конечно. Но когда хлеба нет, совсем нет? Нет, пусть сначала хлеб, паровозы, мануфактура, а затем беллетристика. И за этим якобы узким практицизмом, за этой деловой сухостью чудится большая любовь и горячее чувство к страдающему трудовому человеку.

III

Эти беглые мысли вызваны «по поводу». А не по поводу, откровенно и по правде говоря, думается сейчас о другом, о совсем ином. О том Ленине, который вынужден бороться с болезнью. И не о России, не о человечестве, не о его отношениях к ним, не о его удельном весе — да простится это, — а вот именно о больном человеке Ленине, об этом «самом честном парне, какого еще не было на свете», об этом сыне человеческом, об этих глазах, об этом песочном подвижном лице, на которое легла тень болезни, об этих маленьких, словно прижатых ушах, об этом куполообразном чудесном лбе, об этом простом и живущем, что идет от детских пеленок, от теплоты детской кроватки, от малых и бесценных материнских забот, горя и радости. Вот об этом.

И еще вот о чем. О том, что еще долго будет скорбным и обидным в жизни человеческой, что нужно преодолевать, побеждать. Бесконечна «дорога гигантов», и уходит она в вечность, в далекие, туманные исторические дали, о которых тоскует человек с печалью и болью, с радостью и нетерпением, которые зовут и манят к себе, как русские необъятные горизонты в часы вечерних закатов и зорь. Бесконечен путь прогресса, путь шествия человека «вперед и выше», путь побед и поражений, ибо только первые шаги делаются и сделаны доселе, чтобы дать возможность человечеству совершить переход из царства необходимости в царство свободы, чтобы не торжествовал слепой, злой, нелепый случай, разумно и планомерно покорил, подчинил силе своего хотения человек бездушную, косную власть природы, чтобы он сделался воистину венцом творения, чтобы не оставались без ответа «проклятые вопросы», чтобы клейкие карамазовские листочки распускались для всех, чтобы вместо борьбы классов утвердилась всечеловечность, чтобы раскрылась каждому великая книга жизни и зряч чтобы стал Человек великим зрением знания. Первые, робкие шаги, все еще первые попытки, несмотря на седую быль *прев*-ности, стоящую за нашими спинами, ибо еще жалок и беспомощен человек и бродит ощупью перед лицом необъятного и равнодушного космоса…

Неделя. 1989. № 16

М. ГАНДИ
О ЛЕНИНЕ

ИДЕАЛ, КОТОРОМУ ПОСВЯТИЛИ СЕБЯ ТАКИЕ ТИТАНЫ ДУХА, КАК ЛЕНИН, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕСПЛОДНЫМ. БЛАГОРОДНЫЙ ПРИМЕР ЕГО САМООТВЕРЖЕННОСТИ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ПРОСЛАВЛЕН В ВЕКАХ, СДЕЛАЕТ ЭТОТ ИДЕАЛ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВОЗВЫШЕННЫМ И ПРЕКРАСНЫМ.

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине. М, 1976. С. 43

М. ГАРДЕН
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Он был незаменим, ибо он был не только знаменем и символом, но самим делом. Он не может умереть совсем. ибо над его образом, который, как образ Кромвеля, Бонапарта, Бисмарка, мог бы быть созданием великого поэта, — над образом Ленина будет продолжать неустанно работать народная фантазия. Он — часть древней русской земли (не без внутреннего и наружного отпечатка татарщины); за стальным сводом его лба ученого жил инстинкт, здравый рассудок и юмор крестьянина, умеющего мыслить и выражать свою волю в простых образах. Влияние его неизмеримо распространилось на весь мир:

он, а не армия и не полководец убил царизм и захватил вместе с ним в пучину две другие большие империи; и все Мустафы Кемали, Муссолини, Стамбулийские, Хор-ти, Прима-де-Риверы, а также Эберты и Макдональды могли явиться на сцену только потому, что был Ленин. Только мелочная тупость может спрашивать у этой могилы, допустимо ли восхищаться без буржуазных оговорок коммунистом. С инстинктивной безошибочностью Ленин угадывал вытекающую из действительного положения дел необходимость перестановки вех. Без этого инстинкта он не стал бы Павлом социализма. Тот самый Ленин, который немилосердно высмеял призыв Струве «пойти на выучку к капитализму», произнес, при совершенно другой обстановке, можно сказать под другим небом, знаменитые слова: у каждого дюжинного приказчика мы можем и должны учиться. Он никогда не был более великим, чем в этой своей речи на XI съезде своей партии, в этой величественно-жестокой откровенности своего признания, приказавшего с высоты Синая необходимое стратегическое отступление. Червь болезни уже подтачивал его тогда; но прежде чем закатилось его солнце, небо еще раз засияло под его лучами, и не было еще утра, не было еще полдня с таким ослепительным блеском и великолепием. Сотни миллионов, вплоть до темнейших глубин Азии, видели в нем, в Ильиче, в родном, в брате и друге, учителе и страже, огненный маяк своих надежд. Перелистайте книгу времен: где и когда в истории было нечто подобное? Умер человек равного которому нет, и у его могилы его гений непобедимым, прометеевским дерзанием зовет нас к долгу следующего дня.

Политики и писатели Запада и Востока о В И Ленине М, 1924

В.ГЕРЦОГ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Кто он был? Буржуазные кликуши отвечают: фанатик, преступник, антихрист, исчадие ада. Социал-демократы называют его антимарксистом, безудержным разрушителем, утопистом, заговорщиком, врагом рабочего движения…

Кто же он был в действительности? Чем он был для нас? Чем он останется в мировой истории?

Самым смелым и проницательным, смертельным врагом буржуазного строя, его изобличителем и победителем. Беспощаднейшим, непримиримейшим критиком половинчатости других. С хладнокровностью анатома он вскрыл их трупы. И все живые трупы ополчились из-за этого против Ленина. Ленин — величайший врач, которого до сих пор имело человечество; он удалил от уже гниющего тела мировой буржуазии бандажи и пластыри, которые наложили на него благонамеренные, благонадежные социал-демократы реформисты Да, Ленин вскрыл язвы человечества. Он показал, что в этом буржуазном строе ничего уже нельзя улучшить и «ревизовать», что это страшно вздувшееся тело капиталистического строя уже отмирает в тысяче судорог-кризисов, от одной катастрофы к другой, в самоубийственных войнах и без поддержки эксплуатируемых классов не может держаться ни минуты. Но то, что падает и должно упасть, необходимо ударить, чтобы оно упало.

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Эти вечные слова Карла Маркса никому не дано было так провести в жизнь, как Ленину. Он не только толковал мир. Он хотел изменить его. И он изменил его. К ужасу буржуазии всего мира, к ужасу всех слабых и половинчатых, но к радости угнетенного до сих пор класса, он стал вождем борющегося рабочего класса, он стал его сияющим красным знаменем

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине М., 1924 С. 31.

А. ГИЛЬБО
из книги
«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. ОПИСАНИЕ ЕГО ЖИЗНИ»

На другой день после отставки Ллойд-Джорджа Троцкий сказал, что из всех правительств, возникших на исходе войны, одно только Советское правительство оказалось устойчивым. Действительно, правительство рабочих и крестьян в России, несмотря на все те страшные препятствия, которые ему все время ставятся, остается твердым и непоколебимым, а человеком, главным образом, представляющим это правительство перед всем миром и перед всей Россией, является Владимир Ильич Ленин.

Давным-давно ни одного человека так не любили, не уважали и не признавали. И все же было время, когда можно было сказать, что никого так не ненавидели, не презирали, ни на кого так не клеветали, как на-Вл. Ил. Ленина. Это делали и те, кто называет себя социалистами, и те, кто открыто признают себя контрреволюционерами.

Владимир Ильич — он великий среди великих, это— фигура, вокруг которой уже в изобилии создаются легенды. Революционер, долго остававшийся неизвестным, был отправлен в ссылку, эмигрировал за границу, которого потом презирали и ненавидели и который вдруг мощно, своей силою, подчинил весь мир своей программе, провел ее, взял власть и стал тем человеком, который одновременно воплотил в себе тоску русского народа и неискоренимые надежды рабочих всего мира. В избе самой далекой окраины его портрет висит рядом с иконой святого, а для многих министров и политиков великих держав стало кокетливой необходимостью с парламентской трибуны полемизировать против него.

Деспот, крайний фантаст, жалкий главарь партии, склочник, немецкий шпион, предатель — так называли его пять лет тому назад. Сегодня его сравнивают с Петром Великим. «Ни один человек, даже Петр Великий, не имел больше влияния на судьбы моего отечества, **чем** Ленин», — говорит в предисловии к своей книге, всецело посвященной ему, один русский, сам причисляющий себя к «контрреволюционерам». «Россия, — пишет он далее, — дала миру крупнейшие умы и глубоких мыслителей. Но никто из них так не влиял на Запад, как этот фантаст, который, может быть, даже не очень умен». В то же время

издательство «Аванти» в Италии выпустило в продажу медаль, где рядом с портретом Ленина помещена надпись: «Ex oriente lux» (Свет с востока).

Люди, как Ленин, рождаются только раз в пятьсот лет, говорил о нем Зиновьев, а Горький, не раз сравнивавший его с Петром Великим, выражается так: «Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу разворотить до основания пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россией, — его воля — неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства Запада и тысячелетиями сделавшиеся глыбы отвратительных рабских деспотий Востока».

На склоне своей жизни Жорж Сорель, известный автор «Размышлений о насилии», писал, намекая на тех, кто его «обвинял», что он повлиял на Ленина: «У меня нет ни малейшей причины предполагать, что Ленин из моих книг черпал мысли, но если б это было так, то я бы немало гордился тем, что оказал содействие духовному росту человека, который, мне кажется, является самым крупным теоретиком социализма со времен Маркса и государственным вождем, гениальность которого напоминает гениальность Петра Великого».

Наконец, следует еще отметить предсмертные слова русского ученого К. Тимирязева: «Я счастлив, что был современником Ленина».

Имя, жизнь, деяния этого великого социального реформатора, этого редкого гениального политика уже сегодня принадлежат истории. Пришло время, когда можно попытаться набросать образ, точную характеристику того, кто дал новый мощный толчок мировому механизму…

5. Характеристика Владимира Ильича

Ленина охотно изображают как тирана и крайнего политика, неспособного к дружбе, для которого люди, кто бы они ни были, являются лишь необходимым материалом для его лабораторных опытов. Со злорадством указывают на разрыв дружбы его с Мартовым и на то, с какою резкостью Ленин против него выступал.

В действительности Ленин — человек, чуждый сентиментальности, но к своим товарищам по борьбе и по классу, к своим духовным друзьям он хранит непоколебимую, верную дружбу и никогда не отрекается от своих друзей. Он очень чуткий человек, хороший, настоящий товарищ. Употребляя это слово, Владимир Ильич понимает его не только в ограниченном смысле «партийный товарищ», но вкладывает в него бесконечно более

широкий, полный всеобъемлющий смысл. С полным основанием Каменев подчеркивает ту дружбу, какую Ленин во всякое время водил с рабочими и трудящимися, среди которых он жил, которых он внимательно расспрашивал, к которым он обращался и освобождения которых он всеми средствами добивался.

Один из самых близких друзей Ленина, инженер Кржижановский, охарактеризовал его, указывая на его огромный ум и его сверхчеловеческую энергию; но, добавляет он, он является и весьма веселым и милым товарищем. Ленин прежде всего человек политический, и, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе же, говорит Кржижановский, он беспощаден и прямолинеен. Он любил Мартова, знания и диалектическую силу которого он хорошо знает, и, может быть, еще любит его; но, как выражается Луначарский, он «считал и считает его политически несколько безвольным и теряющим за тонкою политическою мыслью общие ее контуры». Вообще, меньшевизм является состоянием духа, из которого можно сделать вывод о недостатке уверенности в массовом движении, о сухом материализме, о малодушии, которое логически ведет своих представителей в критическое время тяжелых событий и стихийных переворотов вправо.

Друзья и товарищи Ленина во всякое время готовы жертвовать для него своею жизнью. Чего только не сделали бы они для Владимира Ильича. Никого так не любят и не боготворят, как его, его, над которым когда-то издевались, которого оклеветали и ненавидели, и как ненавидели! На следующий день после покушения Фани Каплан на Ленина Троцкий действительно был выразителем общего мнения о Ленине. Троцкий говорит: «Когда думаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить».

В недели, последующие за днем этого, к счастью, неудачного покушения, из всех уголков необъятной России получались тысячи наивных писем и простодушных излияний чувств, написанных рабочими и крестьянами. «Беднота», газета деревенской бедноты, опубликовала самые своеобразные из них. Один из них выражается так просто: «Товарищ редактор! Не откажите поместить в своей газете несколько слов нашему дорогому учителю Ленину. Я был бы очень огорчен, если б вы мне в этом отказали». Другой, полный гнева и жалости, пишет:

«Разреши мне выразить тебе то чувство глубокой скорби, ненависти и возмущения против безумного врага, осмелившегося покушаться на вождя угнетенных».

Но самое интересное из писем, полученных Владимиром Ильичем, несомненно, следующее: «В начале ноября мы получили

Декрет о земле, в котором говорится, что впредь не существует собственности на землю, что земля отнимается от помещиков и передается трудящемуся народу. Мы, крестьяне, не знали, как выразить свою радость. Наконец труд восторжествовал над капиталом и трудящийся над бездельником. Мы, трудящиеся, мы, крестьяне, были в восторге и полны были любопытства. Кто тот добрый человек, сумевший все так хорошо наладить и подписавший декрет именем Ленина? Кто такое Ленин? Дядя Митя побежал к попу, к отцу Василию, и спросил, кто такое этот Ленин: царь ли это, или самый умный из губернаторов? И он, поп, ответил: «Не радуйся, Митя, земля помещиков принадлежит им за их труд, и, если вы осмелитесь ее засеять, бог не даст вам счастья и не пошлет вам дождя. Твой Ленин — антихрист». Это объяснение заставило крестьян недоверчиво относиться к попу. Мы судили и рядили и, наконец, пришли к убеждению, что поп также думает попасть в своей рясе в царство небесное, что ему, однако, не мешает иметь пять лошадей, четыре коровы и 50 десятин пахотной земли и, кроме того, принимать еще доходы церковные; при появлении на свет божий надо платить; хочешь жениться— плати, умрешь — плати 10 руб. за отпевание; у нас молитвы обложены сбором, как китайский чай торгового дома Высоцкий и К°. Принимая во внимание все эти соображения, мы решили не так бояться антихриста, а засеять землю помещичью».

Надо присутствовать на партийных и советских собраниях, на митингах фабрик и заводов, чтобы видеть всю дружбу, всю любовь русского народа к Ленину. При его появлении — почти устрашающая буря аплодисментов. Все встают радостно оживленные и окружают плотной стеной этого несравненного человека. А он остается таким простым, таким скромным, таким застенчивым, таким справедливым, таким человечным, таким товарищем.

Слушая речь, читая статью, в которой развиваются мысли, признанные им правильными, или критику, которую он считает обоснованной, он высказывает свое горячее одобрение. Всякий проект, кажущийся ему правильным, он поддерживает в печати и в ЦК партии. Если же он замечает следы оппортунизма и антимарксизма, он проявляет свою безжалостную критику, свою жестокую иронию и старательно разбирает заблуждения и лжеучения, чтобы обнаружить скрытую в них опасность.

Один из старейших большевиков, Боровский (Орловский), впоследствии глава русской миссии в Италии, погибший от пули белогвардейца в Лозанне, дал следующую характеристику Ленина:

«Как это всегда происходит с людьми сильного характера,

являющимися крупными личностями, так и с Лениным, которого и ненавидели и любили. Его противники считают его чудовищем, для которого не существует ничего святого, для которого кровь — наслаждение и который честолюбиво стремится к власти. В противоположности этому он является для своих приверженцев, а особенно для рабочих, почти божеством. Ленин — действительно человек, могущий захватывать н отдельного человека и массы. Он не крупный оратор в эстетически-техническом смысле, но он говорит с такой убедительностью, с таким подъемом, что он может привить свой гнев тысячам людей. Связь с массой воодушевляет его, и он обладает тайной перенести свою собственную убежденность и свою собственную веру на массу. Его речь проста, без всяких прикрас, позитивна и ясна. Не образы рисует он в своих речах, — а дело.

Но это «кровожадное» чудовище, сокрушающее железной рукой препятствия, производит совсем иное впечатление, когда сидишь рядом с ним у его рабочего стола, когда он развивает свои мысли. Он читает рукописи или рассматривает какой-либо практический вопрос. Никто так охотно не принимает хороших советов, как он;

никто так предупредительно не разрешает просмотреть свои рукописи, как он; никто, наконец, не подчинялся так охотно, как он, мнению большинства. Но, конечно, только тогда, когда он убежден, что это не повредит рабочему классу. Ибо он настаивает на своих требованиях, даже если следствием этого будет разрыв с лучшими друзьями.

«Franges, non flectes» («Ты можешь меня сломать, но не согнуть»), — говорили о нем.

Русскому рабочему классу нужен такой характер, если он хочет выполнить свою историческую задачу. Ибо придется вести упорную борьбу, иногда против ближайших друзей, прежде всего для вразумления заблудившихся товарищей. Для этого действительно необходим железный кулак, железная воля и железные нервы».

Он не любит власти, как таковой, но лишь постольку, поскольку она дает ему возможность применения теории, которой он посвятил всю свою жизнь и за которую он охотно пожертвовал бы всею своею жизнью.

Редко можно найти столь мужественного человека, как Ленин; он это доказал в ранние периоды своей жизни и при самых различных обстоятельствах, но, в противоположность этому, он обладает также чрезвычайной гибкостью, глубокой политической мудростью и прямо-таки удивительной силой понимания массы и фактов. «Ленин — великий знаток массы», —

сказал о нем ненавидящий его противник. Психологию масс он знает действительно в большой степени. Он понимает все нужды, все желания, все недовольства, все радости рабочих. Отсюда его сила и его воля. В меньшей мере он владеет психологией отдельной личности, и он иногда ошибается относительно качеств отдельного человека.

«Бывает, — пишет Горький, — что Ленин переоценивает добрые качества людей в их пользу и во вред делу. Но почти всегда его отрицательные оценки — казалось бы, неосновательные — неизбежно подтверждаются людьми, которых он отрицательно оценил еще раньше, чем видел результаты их работы. Это может свидетельствовать о том, что дурные свойства людей чувствуются Лениным лучше хороших, но также и о том, что дрянных людей, вообще и всюду, значительно больше, чем хороших».

Удивительный толкователь исторического материализма, он не претендует на то, чтобы господствовать над событиями, но он направляет их и умеет направлять иногда противоречащие друг другу действия в одно русло, он знает искусство группировки и согласования сил. Октябрьская революция без Ленина и Троцкого была бы так же малопонятна, как и дальнейшее развитие всей революции.

«Октябрьская революция, — так заявляет Зиновьев, — поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности, — Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся стать в ряды и шеренгу — это был тов. Ленин».

Благодаря утонченному чутью реального и связанному с этим колоссальному знанию психологии масс, Ленин предвидит исторические события. Отсюда этот кругозор, казавшийся пророческим, благодаря которому он принимает смелые, неожиданные решения, переворачивающие все. Будь то Октябрьская революция, или Брестский мир, или новая экономическая политика — три исторических момента русской революции, — факты доказали уверенность его решения, которую идеалисты сочтут свойством провидения.

Самым сложным мировым проблемам, самым трудным задачам внутренней политики он посвящает все свое внимание, и, с другой стороны, он жертвует значительной частью своего времени для бесед о повседневных, простых, банальных вопросах. Он принимает представителей правительства, партий и местных Советов, рабочих, крестьян, приезжих иностранных гостей, и он находит. время читать книги, журналы, газеты, писать книги и

статьи на самые разнообразные темы. Его работоспособность стала легендарной. К ней присоединяется железная, непреклонная, непоколебимая воля, гениальная движущая сила.

Ленин как оратор, по словам Воровского, не оратор в эстетическом смысле. Его речи не отличаются тем стилистическим построением, которым отличается красноречие Троцкого, и у него нет картинных и стилизованных оборотов речи, составляющих свойство докладов Луначарского. Речь Ленина вытекает из нескольких основных точек, которые он развивает при помощи кратких простых предложений, которые он даже не всегда считает нужным заканчивать. Он повторяет одну и ту же мысль в разных формах и не перестает, пока не убедит своего противника. Он начинает свою речь выпадами, популярными рассуждениями и громким смехом, он подвижен, ходит взад и вперед, пожимает плечами, засовывает руки в карманы брюк или пиджака. Иногда он прибегает к банальности, даже к грубости, если думает, что это способствует тому, чтобы сделать его мысли более понятными.

«Я понял, — пишет Луначарский, пытавшийся охарактеризовать первую услышанную им речь Ленина, — я понял, что этот человек должен производить как трибун сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист, — своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, что она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме».

Об этой степени понимания своих слушателей, своих читателей он ежеминутно, без малейшего отклонения от своих мыслей, свидетельствует, он считается с культурным уровнем, со способностью понимания, с привычками — даже с дурными привычками — тех, с кем он говорит. На четвертом конгрессе III Интернационала он сказал, когда говорил о тезисах, принятых предыдущим конгрессом, что они слишком «русские», слишком пропитаны «русским духом» и слишком длинны для иностранцев. Он знает лень мысли иностранцев.

Простота, выраженная в его статьях, в его речах, в его беседах, проявляется и в его личной жизни. Если существуют русские революционеры, изменившиеся благодаря власти и авторитету, то к ним ни в коем случае не принадлежит Владимир Ильич. «Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым», — говорит Горький.

Он удивительно уравновешенный человек, вполне здоровый

физически. Этим объясняется и его духовное здоровье, его воля, его бесстрашие. Ленин всегда любил прогулки, купанье, охоту. Так он отдыхает и ни о чем не думает. Он отдается тогда всеобъемлющему веселью. Он возвращается окрепшим, с повышенной энергией, готовый к новой борьбе. Он производит с виду впечатление здорового, сильного и нормально сложенного человека. «На вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужичонку, особенно когда носит бороду», — говорит Кржижановский.

Он невысокого роста, плотный, похож на фавна, его лицо испещрено веснушками, лоб широкий, нос выдается вперед, подбородок оброс жидкой бородкой, глаза щурятся и беспрерывно начеку. Его взгляд всегда прямой и ясный; чувствуется, что он оживлен интеллектом, иронией, веселостью бойца. Его лицо с определенными, математически точными контурами, его огромный череп выражают всю силу, всю энергию, всю жизненность, воплощенную в нем.

Таков Владимир Ильич, который в огромной лаборатории, именуемой Россией, сделал опыт с научным социализмом, пытался провести общественный строй, при котором исключена всякая возможность эксплуатации и насилия, который является самым заклятым врагом капитализма, империализма и колониализма.

Ленин дает нам картину грандиозной жизни, посвященной титаническим усилиям устранить все условия, виновные в том, что человек в двадцатом веке еще является рабом. Мощной рукой он написал громадную главу современной истории. Благодаря ему восторжествовала идея интернационализма и всеобщего братства…

Я встречал Ленина в самые трудные и трагические часы тогда в период наступления Деникина, Колчака и Врангеля. Положение было крайне серьезное. Враги Советского правительства, поддерживаемые агентами Антанты, подготовляли заговоры, покушения, восстания и разрушения. Красная Армия отступала, транспортные условия ухудшались, продовольствия было недостаточно, и раздаваемые рабочим и трудящемуся населению выдачи так сократились, что доходили почти до нуля. Ленин. всегда сохранял свою силу, надежду, уверенность, свой оптимизм, основанный на солидном и эластичном реализме. Я помню, что Ленин, показывая мне однажды карту, указывал на города и железнодорожные узловые пункты, занятые белыми, и спокойно сказал: «Через неделю решится наша судьба. Либо мы отбросим белых, либо будем разбиты». И всегда Ленин смеялся своим смехом, широким смехом, этим смехом человека, которому

живется хорошо, ибо смех признак здоровья.

«В тот день, когда я пишу эти строки, — говорит Луначарский, — Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как — мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и так же наклонен к веселому смеху…

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье… Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами».

Простой и веселый, здоровый и радостный, так он встречает всех посетителей, будь то друг или враг, старый товарищ или незнакомый гость.

«Рабочий кабинет Ленина, — рассказывает в своих заметках о «Практике и теории большевизма» Бертран Рассел, — очень голый — большой письменный стол, несколько географических карт на стене, две книжные полки и два-три жестких стула и еще одно удобное кресло для посетителей. Очевидно, что он не нуждается не только в роскоши, но даже и в уюте. Он очень предупредителен и прост в обращении, без малейшего намека высокомерной сдержанности. Если его увидишь, не зная, кто он, нельзя было бы подумать, что он обладает неограниченной властью. Я никогда не видал человека, так мало способного придавать себе вид важности. Он направляет на вас свой пытливый взор; при этом он прищуривает один глаз, что, кажется, до беспокоящей степени увеличивает зоркость другого. Он охотно смеется; сперва его смех вам кажется просто дружеским и радостным, а постепенно я дошел до того, что стал находить его немного сардоническим. Он рассудителен и спокоен; он не знает страха».

Каждый раз, когда я встречался с Владимиром Ильичем, он справлялся, достаточно ли меня кормят и не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Зимою он хотел знать, есть ли у меня достаточно дров, а иногда он просил меня позвонить или писать. Я проводил несколько недель в одной подмосковной санатории, когда я вернулся в город и навестил его, он, ничего не зная о моем отсутствии, спросил:

«А что же с вами, не больны ли вы?»

«Я возвращаюсь из санатории», — ответил я, смеясь.

«Вот как», — воскликнул он, хлопнув в ладоши.

Я сказал ему, что вследствие хорошего воздуха мой аппетит очень увеличился, но я не был в состоянии его удовлетворить, ибо обстоятельства заставили управление санаторией сократить качество и количество продуктов.

«Я попрошу тов. Семашко, — сказал Ленин, — отправить вас в санаторию, где вас будут кормить не только чистым воздухом».

«Нет, — ответил я, — в Москве я буду питаться лучше, чем в санатории».

Повторяю, я совершенно объективно рассказываю об этих мелких фактах, которые, может быть, кажутся наивными, но я считаю их способными выявить и изобразить истинную и настоящую личность Владимира Ильича, как он, несмотря на колоссальные задачи, стоящие перед ним, все же находил время, чтобы интересоваться жизнью и работой своих друзей.

Этого всегда столь сильного, оптимистически настроенного человека я только однажды видел слегка озабоченным. Это было в январе или феврале 1922 г. (*Эта встреча состоялась, по-видимому, в середине января 1922 г. Ред)*, за несколько дней до постановления ЦК партии о его отдыхе. Он казался усталым и порой искал слова. Он сказал мне: «Я забываю французский язык». И потом: «Я недоволен Я член ЦК, меньше всего работающий. С некоторых пор дело не идет как следует. Я потерял сон и нервничаю».

После пребывания в течение нескольких недель на даче он приехал на два дня в город. Это было, если память мне не изменяет, за неделю до операции (Операция по извлечению одной из двух пуль, которыми Ленин был ранен в августе 1918 г, состоялась 23 апреля 1922 г. Была удалена пуля, застрявшая в правой стороне шеи. *Ред.)*. Он говорил мне, что врачи полагают, будто лучше вынуть пулю, застрявшую где-то в затылке. Он подчинился их мнению. Я находил его изменившимся к лучшему. Его взгляд был снова бодрый, как обычно. Воздух и покой были для него крайне полезны. В деревне он любил охотиться. Это его любимый спорт, или, собственно говоря, его. главное физическое упражнение. Когда он гуляет, даже если он при этом один, он обдумывает и разбирает труднейшие злободневные вопросы. Но на охоте его ум занят исключительно зайцем или птицей, которую он преследует.

Действительно поразительно, что он так победоносно преодолел такой тревожный для всех кризис. Он, который столько времени уже работает, пишет, говорит и борется, который пережил годы тюрьмы, ссылки, эмиграции и который — это самое главное — в течение последних пяти лет стоял во главе большой партии и огромной страны при обстоятельствах, отмечать

которые бесполезно и которые всякому ясны, он, в самом деле, должен обладать хорошим здоровьем, чтобы оказать противодействие всему этому. Ленин, этот закоренелый материалист, как-то говорил о «чуде русской революции». **Он** сам является ходячим чудом.

Ленин, по существу, здоровый человек, человек, которому постоянное здоровье дает оптимизм, твердость характера, силу сопротивления и упорство. Он — удивительное произведение из стали, он могучий, безошибочно построенный мотор. Где тот человек, спрашиваю я, кто иначе в течение пяти лет пролетарской диктатуры смог бы таким образом устоять против стольких опасностей, против стольких, ежедневно новых, многообразных задач.

Как член ЦК партии, как член Политбюро ЦК, — известно, что все важные политические вопросы проходят через это Бюро, — как Председатель Совета Народных Комиссаров, как теоретик, как очень опасный полемист, как увлекающий оратор, во всех этих качествах он ежедневно занимался тысячами дел. Запрашивают его мнение по бесчисленным вопросам, и он, основательно обдумав, отвечает на все…

Как все умные люди, он умеет слушать, не прерывает и добросовестно проверяет правильность того, что ему говорят. Если он случайно обнаруживает что-либо, могущее подвергнуть правительство или партию опасности или хотя бы поставить его в скверное положение, он вмешивается и может высказываться в таком случае очень резко, и даже несправедливо. Он может это делать. Он не толстовец и не щадит своих противников, которых он охотно заставляет стоять на горячих углях: Каутский, Чернов и Мартов могут кое-что об этом поведать.

Говорят, что он упрямый фанатик. Нет, он не таков, что бы о нем ни говорили. Так же внимательно, как он слушает противника, так он и читает книги и статьи своих врагов, и делает к ним заметки. Как часто я заставал его изучающим и комментирующим какую-нибудь опубликованную белыми в Берлине, Париже или Токио книгу. Его лицо прояснялось. «Эти люди оказывают нам очень большую услугу. Они обращают наше внимание на все ошибки и глупости, совершенные нами. Мы им благодарны за это». Наоборот, он не любит, чтобы ему льстили или чтобы преувеличивали, будь то и в целях пропаганды, достигнутые в РСФСР положительные результаты.

«Нам не нужны льстецы. Нужно, чтоб нам говорили правду», — сказал он мне однажды, показывая брошюру вновь обращенного в коммунизм француза, дающего литературное и явно неправильное изображение России.

Также презирает он некоторых интеллигентов и проявляет это чувство сильным пренебрежением. Он знает, что у многих интеллигентов нет ничего глубокого, ни ума, ни знаний, и что их эгоизм господствует надо всем. Мы видели это ведь 4 августа 1914 г. (*4 августа 1914 г. в германском рейхстаге социал-демократическая фракция проголосовала за предоставление правительству военного займа, одобрив тем самым империалистическую политику Вильгельма I. Ред.)* и потом в России во время истинной революции — я говорю об Октябрьской революции. Бывали такие люди, которые сегодня уверяют в своем безусловном пацифизме или в своем ярко-революционном направлении и которые 4 августа 1914 г. сравнивали мировую империалистическую войну с революцией 1789 г. и потом объявляли Ленина и Троцкого саботажниками Циммервальда и революции.

Он последовательный материалист, он не выносит спиритуализма, идеализма метафизики и учения о морали, ибо он знает, что кроется за этими словами. Он любит определенное и осязаемое, он любит то, что есть. Практик, с острым взглядом и беспощадный, он видит с первого взгляда органическую слабость каждой идеологии, которая под ореолом научности в действительности является не чем иным, как составной частью спиритуализма.

Он — живое доказательство того, что оппортунизм и реализм две существенно различные вещи. Не отказываясь ни от одного пункта признаваемых им теорий, он проявляет в применении их крайнюю гибкость, так как считается с реальностями. Так он, хотя он сам нерелигиозен, не боялся сохранить в России некоторые религиозные обычаи, что вначале вызвало удивление. Религию нельзя уничтожить тем, что будешь препятствовать миллионам едва пролетаризированных крестьян креститься перед иконами и здороваться с попом, но тем, чтобы вытравлять религию из школы и разъяснять детям тупость идолопоклонства. Недавно Ленин проповедовал как средство борьбы против религии метод энциклопедистов и французских писателей восемнадцатого века.

Но это возвращает нас к мыслям и к деятельности Ленина. Трудно, чтобы не сказать невозможно, говоря об этой столь полной и цельной жизни, не касаться дела этой жизни, ибо жизнь Владимира Ильича — это дело.

Гильбо А Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни Л., 1926. С. 7–8, 56–63, 143–148

Т. ДРАЙЗЕР
ЛЕНИН

Когда я был в 1927 и 1928 годах в России, мне случалось видеть на отдаленных окраинах страны, объединенной духом Ленина, крестьян и рабочих, мужчин и женщин, благоговейно склонившихся или обнаживших голову перед бюстом Ленина н, насколько я понял, видевших в нем (и, по-моему, совершенно справедливо) своего спасителя.

Сейчас предстоит гигантская борьба между теми, кто стремится поработить массы, и этими массами, которые не хотят быть больше рабами. Они знают теперь, что господствующие классы хотят жить в роскоши и праздности, что они хотят, чтобы так жили их дети и дети их детей. Французская революция, гражданская война в Америке и русская революция многому научили массы. Русский народ, освобожденный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, проникнутый духом Ленина. В исходе этой борьбы я не сомневаюсь. Ленин, его Советское государство восторжествуют.

Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят. Ибо хотя Ленина уже нет в живых, но социальный строй, который он создал и который его соратники и преемники с тех пор привели к нынешней мощи и величию, навсегда останется для будущих поколений.

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине М, 1976. С 166

А. КЕРР
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Ленин в сотрудничестве со своими помощниками предпринял самый грандиозный социальный эксперимент, который был сделан за две тысячи лет.

В течение двух тысяч лет все подобные попытки кончались неудачей, но Ленин приступил к делу по-новому и основательно. Как человек действия, он всемирно-историческая величина.

Враги обвиняют его в жестокости. Это — заблуждение. Он был основательным и последовательным осуществителем грандиозной нравственной идеи.

Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость.

Политики и писатели Запада и Востока о В И. Ленине М. 1924 С. 30

Д. ЛУКАЧ
ИЗ РАБОТЫ
«ЛЕНИН. ОЧЕРК ВЗАИМОСВЯЗИ ЕГО ИДЕИ»

Исторический материализм есть теория пролетарской революции. Он является таковым, поскольку его сущность состоит в концентрированном идейном выражении того общественного бытия, которое порождает пролетариат и которое определяет все его бытие; он является таковым, поскольку борющийся за освобождение пролетариат обретает в нем свое ясное самосознание. Поэтому величие того или иного пролетарского мыслителя, представителя исторического материализма, измеряется глубиной и широтой, с которыми его взгляд охватывает эти проблемы. И кроме того, интенсивностью, с которой он в состоянии разглядеть за явлениями буржуазного общества те ведущие к пролетарской революции тенденции, которые, пробивая себе дорогу в этих явлениях и через них, обеспечивают действенное бытие и ясное сознание пролетариата.

Если следовать этим критериям, Ленин — величайший мыслитель из всех, кого выдвигало революционное рабочее движение со времен Маркса. Мы знаем, что говорят оппортунисты, будучи уже не в силах ни замолчать, ни заболтать сам факт всемирного значения Ленина. Ленин, заявляют они, был крупным русским политиком. А как вождю мирового пролетариата ему недостает-де понимания различия между Россией и странами более развитого капитализма; он-де некритически возвел во всеобщее значение и применил ко всему миру вопросы и решения российской действительности — ив этом заключается его историческая ограниченность.

Они забывают о том, что точно такой же упрек адресовался в свое время и Марксу. Сегодня уже нет необходимости обстоятельно опровергать это заблуждение и доказывать, что Маркс вовсе не «обобщал» какие-то отдельные ограниченные местом и временем случаи. Напротив, действуя как истинный исторический и политический гений, он теоретически и политически разглядел в микрокосме английской фабрики, в ее социальных предпосылках, условиях и следствиях, в исторических тенденциях, ведущих к ее возникновению, равно как и в тенденциях, ставящих под вопрос ее существование, не что иное, как макрокосм капитализма в целом.

Это и отличает как раз гения от обычного рутинера в науке или в политике. Рутинер может лишь понять и различить

непосредственно данные, отделенные друг от друга моменты целостной картины общественных событий. А когда он пытается подняться до общих заключений, то и здесь он фактически не делает ничего иного, толкуя (действительно абстрактным образом) те или иные стороны ограниченного во времени и пространстве явления как «общие законы» и применяя их как таковые. В противоположность этому гений, которому стала ясна подлинная сущность, истинная, жизненно действенная главная тенденция эпохи, видит, как через все события его времени проявляется именно эта тенденция, и рассматривает коренные, решающие вопросы эпохи в целом даже тогда, когда сам считает, что говорит лишь о повседневных вопросах.

Сегодня мы знаем, что в этом и заключалось величие Маркса.

Но сегодня лишь немногие знают о том, что Ленин сделал в отношении нашей эпохи то же, что сделал Маркс в отношении развития капитализма в целом. Он неизменно видел в проблемах развития современной России (начиная от возникновения капитализма в условиях полуфеодального абсолютизма до осуществления социализма в отсталой крестьянской стране) проблемы всей эпохи. А именно *вступление капитализма в свою последнюю фазу и возможность обратить в пользу пролетариев та, на дело спасения человечества ставшую неизбежной на этой стадии решающую борьбу между буржуазией и пролетариатом.* Подобно Марксу, Ленин никогда не «обобщал» локальный российский опыт. Напротив, взглядом гения он распознал коренную проблему нашей эпохи там и тогда, где и когда она впервые обнаружила себя, — проблему надвигающейся революции. И уже вслед за тем он понимал и делал понятными все явления, будь то российские или интернациональные, исходи из этой перспективы актуальности революции.

„Ленин не был единственным, кто увидел приближение пролетарской революции. Однако Ленина отличают не только мужество, беззаветность и способность к самопожертвованию в сравнении с теми, кто теоретически провозгласил пролетарскую революцию актуальной и трусливо увильнул от нее, когда она стала практически актуальной, но и одновременная теоретическая ясность, которой не было даже у лучших, самых дальновидных и самых беззаветных революционеров среди его современников. Ибо даже они признавали актуальность пролетарской революции только в том смысле, в каком ее можно было признать еще во времена Маркса, — как коренную проблему эпохи в целом. Но они так и не смогли сделать это правильное понимание надежным ориентиром во всех текущих вопросах — политических и экономических, теоретических и тактических,

агитационных и организационных. Ленин был единственным, кто совершил этот шаг по пути конкретизации марксизма, приобретающего отныне совершенно практический характер. Вот почему он является *единственным теоретиком.* выдвинутым по настоящее время освободительной борьбой пролетариата, *такого же всемирно-исторического масштаба, как Маркс.*

…Историческая задача пролетариата заключается… в том, чтобы высвободиться из идеологической общности с другими классами и на основе своеобразия своего классового положения и проистекающей из него самостоятельности своих классовых интересов обрести ясное классовое сознание. Только так он становится способен повести всех угнетенных и эксплуатируемых в буржуазном обществе на совместную борьбу против тех, кто экономически и политически господствует над ними. Объективную основу ведущей роли пролетариата составляет его положение в процессе капиталистического производства. Но представлять себе дело так, будто верное классовое сознание пролетариата, обеспечивающее его способность к руководству, может возникнуть постепенно, без каких-либо трений и зигзагов, *будто идеологически пролетариат может сам собой дорасти до своего классово-революционного призвания,* значило бы механически применять марксизм и, следовательно, строить себе иллюзии, совершенно оторванные от реального хода истории.

Ленин был первым — и в течение долгого времени единственным — выдающимся вождем и теоретиком, кто подошел к этой проблеме с центральной в теоретическом отношении и потому с практически решающей стороны — со *стороны организации.* Сегодня все уже знают о споре, который шел вокруг § 1 Устава на II съезде РСДРП в 1903 году. Эта полемика также может быть понята только исходя из противоборства двух основных воззрений относительно возможности революции, ее вероятного хода, характера и т. д. Хотя в ту пору Ленин был единственным, кто видел все эти взаимосвязи.

Организационный план большевиков выдвигает из более или менее хаотической массы всего рабочего класса группу ясно осознающих свои цели, готовых на любое самопожертвование революционеров. Не закладывается ли тем самым опасность того, что эти «профессиональные революционеры» оторвутся от реальной жизни своего класса и, отделившись от него, выродятся в заговорщическую группу, в секту? Не есть ли этот организационный план всего лишь практическое выражение того «бланкизма», который «проницательные» и «глубокомысленные» ревизионисты сумели отыскать, как они полагали, еще у Маркса?

Здесь нет возможности разбирать, насколько неверен этот упрек по отношению к самому Бланки. Существа же ленинского плана организации он попросту не затрагивает уже потому, что, согласно Ленину, группа профессиональных революционеров ни на минуту не ставит перед собой задачи «сделать» революцию или же с помощью самостоятельной смелой акции увлечь за собой бездеятельную массу, чтобы поставить ее перед свершившимся фактом революции. *Организационная идея Ленина исходит из факта революции, из актуальности революции.* Партия, как строго централизованная организация наиболее сознательных элементов пролетариата — и не только их, — *мыслится в качестве инструмента классовой борьбы, в революционный период.* Нельзя, часто повторял Ленин, механически отделять политическое от организационного. И тот, кто одобряет или отвергает большевистскую партийную организацию независимо от вопроса, живем ли мы в период пролетарской революции, абсолютно не понял ее сущности.

…Пролетариат захватывает государственную власть и устанавливает свою революционную диктатуру: это означает, что осуществление социализма становится вопросом, непосредственно стоящим на повестке дня. То есть проблемой, к которой пролетариат идеологически подготовлен менее всего. Ибо так называемая «реальная политика» социал-демократии всегда относилась ко всем текущим вопросам только как к текущим — другими словами, никогда не выходя практически и конкретно за пределы буржуазного общества, именно в силу этого вновь придала социализму в глазах рабочих характер некоей утопии.

Великолепный реализм, с которым Ленин в период диктатуры пролетариата рассматривает все проблемы социализма (что вынуждены с уважением признавать даже его буржуазные и мелкобуржуазные противники), есть, таким образом, не что иное, *как последовательное применение марксизма,* историко-диалектического подхода к ставшим отныне актуальными проблемам социализма. В речах и работах Ленина, как, впрочем, и в трудах Маркса, можно найти очень немногое о социализме как состоянии. И напротив, куда больше о шагах, способных привести к его осуществлению. Конкретное понимание социализма — точно так же, как и он сам, — является продуктом борьбы, которая ведется за него; оно достигается только в борьбе за социализм, только в процессе и итоге этой борьбы. И любая попытка прийти к пониманию социализма вне этого диалектического взаимодействия с повседневными проблемами классовой борьбы приводит к метафизике, утопии, к чему-то

чисто созерцательному, а не практическому.

Реализм Ленина, его «реальная политика» означают, следовательно, *окончательную ликвидацию всяческого утопизма,* означают конкретно-содержательное выполнение программы Маркса — дать теорию, ставшую практической, дать теорию практики. Ленин сделал в отношении проблемы социализма то же, что в отношении проблемы государства, — он вырвал ее из прежней метафизической изоляции, избавил ее от обуржуазивания и включил во всеобщую взаимосвязь проблем классовой борьбы. Он проверил на материале конкретной жизни исторического процесса те гениальные указания, которые дал Маркс в «Критике Готской программы» и других работах, сделал более конкретными и наполненными исторической действительностью, чем это было возможно во времена Маркса даже для такого гения, как Маркс.

Проблемы социализма являются, таким образом, проблемами экономической структуры и классовых отношений, существующих в тот момент, когда пролетариат берет в свои руки государственную власть. Они проистекают непосредственно из того положения, в котором пролетариат устанавливает свою диктатуру.

…Величие Ленина как диалектика состоит в том, что он постоянно рассматривал основные принципы диалектики, развитие производительных сил и классовую борьбу согласно их глубочайшей внутренней сущности, конкретно, без абстрактной предвзятости, но и без фетишистского искажения их поверхностными явлениями. В том, что он неизменно сводил все явления, с которыми сталкивался, к их глубинной основе: *конкретным действиям конкретных (то есть классово обусловленных)* индивидов, на основе их *реальных классовых интересов.* Именно в свете этого принципа рушится легенда о Ленине как «мудром реальном политике», как «мастере компромиссов», и перед нами предстает подлинный Ленин — последовательный созидатель марксистской диалектики.

Определяя само понятие компромисса, нужно сразу же отмести любую попытку увидеть в нем такой смысл, будто речь идет о каких-то увертках или уловках, о каких-то изощренных способах добиться неположенной выгоды. Компромисс Ленина и компромисс оппортунистов *исходят из прямо противоположных предпосылок.* Социал-демократическая тактика намеренно или бессознательно основывается на том, что собственно революция еще очень далека, что объективных предпосылок социальной революции еще нет, что пролетариат еще идеологически не созрел для революции, а партия и профсоюзы еще слишком слабы

и т. п. и что именно *поэтому* пролетариат должен заключать компромиссы с буржуазией.

В противоположность этому для Ленина *компромисс прямо и логично вытекает из актуальности революции.* Если основной характер целой эпохи заключается в актуальности революции; если эта революция может разразиться в любой момент как в каждой отдельной стране, так и в мировом масштабе, хотя сам этот момент никогда невозможно предвидеть с точностью; если революционный характер целой эпохи проявляется в постоянно нарастающем разложении буржуазного общества, неизбежным следствием чего является беспрерывная смена и перекрещивание самых разнообразных тенденций, — то все это означает, что пролетариат может начать и осуществить свою революцию не при им самим избранных, «благоприятных» обстоятельствах, что соответственно этому любая тенденция, пусть даже и преходящая, которая может способствовать революции или по меньшей мере ослабить ее врагов, должна при всех обстоятельствах использоваться пролетариатом. Ленинская теория и тактика компромиссов является не чем иным, как логическим следствием из самой сути марксистского, диалектического понимания истории, согласно которому люди, хотя и сами творят свою историю, не могут, однако, творить ее при обстоятельствах, избираемых ими самими. Она является следствием понимания того, что история постоянно производит нечто новое; что поэтому эти исторические моменты, кратковременные скрещения тенденций никогда не повторяются в одной и той же форме, что сегодня могут быть оценены как благоприятные для революции те тенденции развития, которые завтра могут создать для нее жизненную угрозу, и наоборот.

…Те, кто усматривает в Ленине всего лишь мудрого или даже гениального «реального политика», совершенно не понимают существа его метода. Но те, кто рассчитывает найти в его решениях повсеместно применимые «рецепты» и «предписания» правильных действий, точно так же не понимают его. Ленин никогда не устанавливал «всеобщих правил», «пригодных для применения» в самых различных условиях. Его «истины» вырастают из конкретного анализа конкретной ситуации, проведенного на основе диалектического понимания истории. Из механического обобщения его указаний или решений может получиться только карикатура, некий вульгарный ленинизм. Как писал Маркс, резко порицая Лассаля за ложное применение диалектического метода, «Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы «случаев» под общий принцип».

…Анализ политики Ленина неизменно возвращает нас к

коренным вопросам диалектического метода. Вся его деятельность представляет собой последовательное применение марксистской диалектики к беспрерывно меняющимся, постоянно рождающим новое явлениям грандиозной переходной эпохи. Но поскольку диалектика — это не готовая теория, которую можно механически прикладывать к явлениям жизни, поскольку *лишь в этом применении и посредством этого применения* она существует *как теория,* диалектический метод вышел из практики Ленина более расширенным, более полным по содержанию и *более развитым теоретически,* чем Ленин воспринял его из наследия Маркса и Энгельса.

Вот почему совершенно справедливо говорить о *ленинизме как новой фазе* в развитии материалистической диалектики. Ленин не только восстановил чистоту марксистского учения после всех упрощений и искажений, к которым в течение десятилетий приводил вульгарный марксизм, но и осуществил дальнейшее развитие самого метода марксизма, конкретизировал его и сделал более зрелым. И поскольку перед коммунистами стоит задача идти вперед по пути ленинизма, то это продвижение может оказаться плодотворным лишь в том случае, если они отнесутся к Ленину так же, как сам Ленин относился к Марксу. Ленинизм означает, что теория исторического материализма еще более сблизилась с повседневной борьбой пролетариата, стала еще практичнее, чем она могла быть во времена Маркса. Поэтому традиция ленинизма может заключаться лишь в том, чтобы, оберегая его от всех искажений и извращений, сохранить эту живую и животворную, эту растущую и требующую роста функцию исторического материализма. Поэтому, повторяем мы, коммунисты должны так изучать Ленина, как Ленин изучал Маркса. Изучать так, чтобы уметь пользоваться диалектическим методом, чтобы научиться находить с помощью конкретного анализа конкретной ситуации особенное в общем и общее в особенном; в новом моменте каждой ситуации — то, что связывает его с предыдущим процессом, и в закономерности исторического процесса — постоянно возникающее новое; в целом — часть и в части — целое, в неизбежности развития — момент активного действия и в конкретном действии — связь с закономерностью исторического процесса. Ленинизм означает небывалую прежде ступень конкретного, несхематичного, немеханического, непосредственно устремленного к практике мышления. Сохранить это и есть задача ленинцев. Но в историческом процессе может сохраниться лишь то, что живет и развивается. И *такое сохранение* традиции ленинизма составляет сегодня первостепенную задачу каждого, кто всерьез принимает

диалектический метод как оружие в классовой борьбе пролетариата.

Коммунист. 1987. ***№ 6–7***

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Оппортунисты говорят: Ленин догматически применил опыт русской революции к совершенно различным условиям Европы. Их деды в свое время говорили: Маркс обобщил условия развития английского капитализма в законы развития всего человечества. В обоих случаях оппортунисты упустили из виду одну мелочь, а именно, что Маркс и Ленин были гениями в всемирно-историческом масштабе. Как Маркс из анализа английской фабрики развил истинные законы развития капитализма вообще, так Ленин не только открыл предпосылки и возможности русской революции (роль пролетариата, отношение к крестьянству и т. д.), но вместе с тем нашел в них также основные проблемы мировой революции. Ни Маркс, ни Ленин не «обобщали» то, что имеет лишь местное значение. Оба они в микрокосме одной страны, с ясновидением истинного гения, нашли макрокосм всеобщего развития.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М, 1914. С. 58.

Г. МАНН
ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Русской революции выпало великое счастье иметь всеми признанного героя. Ленин был ее зачинателем, и он все еще остается тем, кто продолжает эту революцию, ибо он и после своей смерти по-прежнему живет в сердцах и умах всех ее борцов, как бы сильно они ни отличались друг от друга. Сегодняшние продолжатели революционного дела во многих своих речах прежде всего произносят имя этого первого государственного деятеля революции. Действовать в его духе они, очевидно, считают долгом совести и любви.

Вожди другой революции, Французской, сменяли один другого, и все они были равны перед лицом истории. Но каждый из них побеждал своего предшественника и убивал его. Наиболее полным выразителем Французской революции был ее последний герой, Наполеон, который одновременно принес эту революцию в другие страны и ослабил ее силу.

Ленин, напротив, остается сильнейшей концентрацией революционной мысли.

Он — начало, он никем не был побежден, и так много людей ссылается на него, так много людей прославляет его величие.

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине. М., 1976. С. 193

Т.МАНН
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Несомненно, Ленин всемирно-историческая величина. Властитель дум в новом, демократическом, гигантском стиле. Заряженное силой соединение воли и аскезы. Великий папа идеи, полный миросокрушающего божественного гнева. Сказочный витязь героической саги, сказавший: «Да будет проклят тот, кто опускает свой меч, боясь крови».

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1914. ***С. 27***

М. МАРТИНЭ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Что такое цивилизация, как не достижение наибольшим числом людей наивысшей возможной степени человечности? Что такое социальная революция, как не средство цивилизации? Революционеры являются на развалинах старого мира единственными истинными цивилизаторами. И Ленин, который более чем кто-либо умел видеть и желать, останется в истории величайшим цивилизатором нового времени.

Из всех могучих образов его, оставленных им для потомства, ни один не является столь трогательным и интимным, как тот, в котором он является играющим во время своей болезни с окружающими его маленькими детьми.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1924. С. 44

Г. МАССИНГАМ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Ленин — один из гигантов всемирной истории, один из тех, которые оставляют за собой следы навеки, один из тех, имена которых становятся символами для грядущих переворотов. Быть может, был только один англичанин, личность и жизнь которого в некоторой степени напоминают собой личность и жизнь Ленина, — это Оливер Кромвель, в котором, как и в Ленине, идеализм сочетался с уменьем непосредственно и мощно реагировать на реальные обстоятельства, с объективным предвидением и ясновидением фактов и с непреклонностью в действиях. Ни Кромвель, ни Ленин не могут быть названы демократами, оба управляли своей страной с помощью сильной партии, а не парламента, опирались на хорошо дисциплинированную армию энтузиастов. Всего более достойно восхищения в Ленине, на мой взгляд, полнейшее отсутствие суетности и честолюбия, характерных для революционных фигур типа Наполеона.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М… 1924. С, 56

Д. НЕРУ
из книги
«ВЗГЛЯД НА ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ»

Уже в восьмидесятые годы в революционном движении принимал участие юноша, тогда еще учившийся в школе, а впоследствии известный всему миру как Ленин. В 1887 году, когда ему было семнадцать лет, его постиг ужасный удар. Его старший брат Александр, к которому Ленин был сильно привязан, был казнен, повешен за участие в террористическом покушении на жизнь царя. Несмотря на потрясение, Ленин уже тогда сказал, что свободы нельзя добиться методами террора, путь к ней лежит только через действия масс. Непреклонно, стиснув зубы, юноша продолжал учебу в школе, явился на выпускные экзамены и сдал их с отличием. Из такого материала был сделан вождь и мастер революции, которая произошла спустя тридцать лет…

Русским марксистам — Социал-демократической партии — пришлось пережить в 1903 году кризис, когда они должны были дать ответ на вопрос, с которым рано или поздно приходится столкнуться и на который приходится дать ответ каждой партии, придерживающейся известных принципов и имеющей определенные идеалы. И вообще всем мужчинам и женщинам, у которых имеются определенные принципы и убеждения, много раз на протяжении своей жизни приходится переживать подобный кризис. Вопрос заключался в том, следует ли им неукоснительно придерживаться своих принципов и готовиться к пролетарской революции или пойти на небольшой компромисс с существующими условиями и тем самым подготовить почву для конечной революции. Этот вопрос вставал во всех западноевропейских странах и более или менее повсюду, где наблюдалось ослабление социал-демократических или других подобных партий и внутренние конфликты. В Германии марксисты смело высказались за неурезанные принципы, отстаивая революционную точку зрения, на деле, однако, они не проявили решительности и заняли более мягкую позицию. Во Франции многие ведущие социалисты дезертировали из своих партий и сделались министрами кабинета. Так же было в Италии, Бельгии и других странах. В Англии марксизм был слаб и вопрос этот не возникал, но даже там член парламента — лейборист стал министром кабинета.

В России положение было другим, поскольку там не было места для парламентских действий. Там не существовало

парламента. Но, несмотря на это, и там были возможности отказаться от того, что называли «нелегальными» методами борьбы против царизма, и ограничиться спокойной теоретической пропагандой. Но у Ленина были четкие и определенные взгляды на этот предмет. Он не одобрял никакого ослабления, никакого компромисса, поскольку опасался, что иначе партия будет наводнена оппортунистами. Он наблюдал методы, которые использовали западные социалистические партии, и они произвели на него отрицательное впечатление. Как он писал позднее по другому поводу, тактика парламентаризма, как ее проводили на практике социалисты западных стран, была несравненно более деморализующей и постепенно превратила каждую социалистическую партию в маленький Таммани-холл со своими честолюбцами и карьеристами. (Таммани-холл находится в Нью-Йорке. Он стал символом политической коррупции.) Ленин не придавал значения тому, сколько людей пойдет за ним — одно время он даже грозил выступать в одиночестве, — но он настаивал, что брать следует только тех, кто полностью предан, кто готов пожертвовать всем ради общего дела и обойдется даже без рукоплесканий толпы. Он хотел создать организацию профессиональных революционеров, которые смогли бы эффективно развивать движение. Ленин не нуждался в просто сочувствующих или в ненадежных попутчиках.

Это была очень жесткая позиция, и многие считали ее неблагоразумной. Однако в целом Ленин одержал победу; Социал-демократическая партия раскололась на две части, и появились на свет два названия, ставшие с тех пор широкоизвестными, — *большевики* и *меньшевики. Большевик* многим людям представляется теперь ужасным словом, но означает оно всего лишь сторонника большинства. *Меньшевик* означает сторонника меньшинства. Группу Ленина в партии, оказавшуюся после раскола 1903 года в большинстве, называли большевиками, то есть партией большинства. Интересно отметить, что Троцкий, тогда молодой человек двадцати четырех лет, который стал одним из соратников Ленина в революции 1917 года, в то время был на стороне меньшевиков…

Ленину были чужды колебания или неопределенность. Он обладал проницательным умом, зорко следившим за настроением масс, ясной головой, способностью применять хорошо продуманные принципы к меняющейся ситуации и несгибаемой волей, благодаря которой твердо придерживался намеченного курса, невзирая на непосредственно достигнутые результаты. Уже в самый день своего прибытия он дал резкую встряску партии большевиков, раскритиковав их бездеятельность в страстной

речи, указав, в чем состоял их долг. Его речь была подобна электрическому разряду — она причиняла боль, но вместе с тем оживляла. «Мы не шарлатаны, — говорил он. — Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придется остаться в меньшинстве, — пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве» *. И он твердо придерживался своих принципов, отказываясь идти на компромисс. Революция, которая так долго шла по течению, без руководства и без ориентиров, наконец-то получила вождя. Время создало человека!

В чем же состояли теоретические разногласия, разделявшие на этой стадии большевиков с меньшевиками и другими революционными группами? И что парализовало деятельность местных большевиков до прибытия Ленина? И еще, почему Совет, взяв власть в свои руки, передал ее старомодной и консервативной Думе? Я не могу глубоко вдаваться в эти вопросы, но мы должны немного поразмыслить над ними, если хотим понять непрерывно менявшуюся драму Петрограда и всей России в 1917 году.

Выдвинутая Карлом Марксом теория изменения и прогресса человечества, которую называют «материалистическим пониманием истории», основана на том, что новые социальные формы сменяют старые, когда последние устаревают. По мере того как технические методы производства совершенствовались, экономическая и политическая организация общества постепенно приходила в соответствие с ними. Это происходило путем непрерывной классовой борьбы между господствующим классом и эксплуатируемыми классами. Так, старый феодальный класс в Западной Европе уступил место буржуазии, которая теперь господствует в политической и экономической структуре Англии, Франции, Германии и т. д. и которая в свою очередь уступит место рабочему классу. В России все еще господствовал феодальный класс, и те изменения, которые в Западной Европе привели к власти буржуазию, еще не произошли. Большинство марксистов поэтому полагали, что России неизбежно придется пройти через буржуазный и парламентарный этап, прежде чем она сможет перейти к последнему этапу — рабочей республике. По их мнению, через промежуточный этап нельзя было перескочить. Ленин сам еще до Мартовской революции 1917 года (Д. Неру имеет в виду Февральскую буржуазно-демократическую революцию, произошедшую 27 февраля 1917 г. по юлианскому календарю (старый стиль летоисчисления), использовавшемуся в дореволюционной России, или 12 марта по григорианскому календарю (новому стилю). *Ред.)* заложил основы переходной

политики сотрудничества с крестьянством (а не борьбы против буржуазии) в борьбе против царя и помещиков, за буржуазную революцию.

Большевики, меньшевики и все приверженцы теории Маркса находились поэтому всецело под влиянием идеи создания буржуазно-демократической республики по английскому или французскому образцу. Руководители рабочих депутатов также считали это неизбежным, и по этой причине Совет, вместо того чтобы сохранить власть в своих собственных руках, отправился предлагать ее Думе. Эти люди, как это часто случается со всеми нами, стали рабами собственной доктрины и не смогли разглядеть, что возникла новая ситуация, требовавшая иной политики или, по крайней мере, иного применения старой. Массы были гораздо революционнее своих вождей. Меньшевики, контролировавшие Совет, зашли так далеко. что заявляли: рабочий класс не должен пока поднимать никаких социальных вопросов, его непосредственной задачей является достижение политической свободы. Большевики выжидали. Мартовская революция достигла успеха вопреки своим колеблющимся и осторожным вождям.

С приездом Ленина все переменилось. Он сразу оценил положение и с гениальностью подлинного вождя выдвинул Соответствующую марксистскую программу. Борьба теперь должна была вестись против самого капитализма, за власть рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством. Тремя лозунгами же, выдвинутыми большевиками, были: 1) демократическая республика, 2) конфискация помещичьих имений, 3) восьмичасовой рабочий день. Эти лозунги сразу же ставили перед борьбой крестьян и рабочих действительные цели. Это не были расплывчатые и пустые идеалы, лозунги означали жизнь и надежду.

Политика Ленина была направлена на то, чтобы привлечь на сторону большевиков большинство рабочих и таким образом завладеть Советом; затем Совет должен был отобрать власть у Временного, правительства. Ленин не стоял за немедленную новую революцию. Он настаивал на завоевании большинства рабочих, а также Совета, прежде чем наступит время свергнуть Временное правительство. Он резко выступал против тех, кто хотел сотрудничать с Временным правительством, называя это предательством революции. Он также резко выступал против тех, кто торопил со свержением правительства, пока время для этого еще не наступило. «В момент действия, — говорил Ленин, — брать «чуточку полевее» было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию».

Так спокойно, но неумолимо, словно орудие неизбежной судьбы, эта глыба льда, таившая яркое пламя, бушевавшее в ее недрах, двигалась вперед к предначертанной цели…

Письмо мое затянулось (Книга Д. Неру написана в тюрьме в форме писем к своей дочери Иидире. *Ред.)*. Но прежде чем закончить его, я должен рассказать тебе еще о Ленине. Несмотря на ранения, полученные им во время покушения на него в августе 1918 года, он не позволил себе долго отдыхать. Он продолжал работать с колоссальной нагрузкой, и в мае 1922 года случилось неизбежное — он тяжело заболел. После небольшого отдыха он вновь взялся за работу, но ненадолго. В 1923 году произошло резкое ухудшение, от которого он так и не оправился, и 21 января 1924 года недалеко от Москвы Ленин умер.

Много дней тело Ленина лежало в Москве — была зима, и тело бальзамировали с помощью химических веществ. Со всех концов России, из далеких сибирских степей приезжали представители простого люда, крестьяне и рабочие, мужчины, женщины и дети, чтобы отдать последний долг своему дорогому товарищу, который поднял их со дна и указал путь к счастливой жизни. Они построили для него простой, лишенный украшений Мавзолей на прекрасной Красной площади в Москве, и в нем его тело покоится и поныне в стеклянном гробу, и каждый вечер нескончаемая вереница людей молча проходит перед ним. Прошло немного лет после его смерти, а Ленин уже стал неотъемлемой частью не только его родной России, но и всего мира. И по мере того, как идет время, величие его растет, он теперь один из тех немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна. Петроград стал Ленинградом, и почти в каждом доме в России есть ленинский уголок или же висит портрет Ленина. Ленин продолжает жить, причем не в памятниках и портретах, а в своих колоссальных свершениях и в сердцах сотен миллионов рабочих, которых вдохновляет его пример, вселяя надежду на лучшее будущее.

Не думай, что Ленин был как бы машиной, что он был погружен в работу и ничем больше не интересовался. Разумеется, он отдавал всего себя работе, делу своей жизни, причем для него это было совершенно естественно: он был воплощением идеи. И в то же время он был очень человечен и обладал самым человечным качеством из всех — способностью смеяться от души. Английский представитель в Москве Локкарт, находившийся там в самые первые и опасные для Советской власти дни, говорит, что Ленин всегда, что бы ни произошло, сохранял бодрое настроение. «Из всех общественных деятелей, с которыми я когда-либо встречался, он обладал самым уравновешенным

темпераментом», — пишет этот английский дипломат. Простой и прямолинейный в своих выступлениях и в работе, он ненавидел громкие слова и позу. Он любил музыку, причем столь сильно, что иногда опасался, как бы она не оказала на него чересчур большого воздействия и не помешала бы его напряженной работе.

Соратник Ленина Луначарский, на протяжении многих лет занимавший пост большевистского комиссара просвещения, однажды сказал о нем любопытную вещь. Он сравнил преследования, которым подверг капиталистов Ленин, с изгнанием Христом из храма менял и добавил: «Если бы Христос жил сегодня, он был бы большевиком». Неожиданное сравнение для нерелигиозных людей!

Как-то Ленин сказал о женщинах, что ни один народ не может быть свободным, если половина населения находится в кухонном рабстве. Очень интересное замечание он высказал однажды, играя с детьми. Его старый друг Максим Горький рассказывает, что Ленин сказал:

«Вот эти будут жить лучше нас, многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой». Будем же надеяться, что его предсказание сбудется…

Неру Д. Взгляд на всемирную историю М… 1989 Т. S. С. 416–418; Г. З. С. *12–14, 31–33*

С.Ф.ОЛЬДЕНБУРГ
ЛЕНИН И НАУКА

В бою какое, казалось бы, может быть место науке, исследующей, взвешивающей, измеряющей? А ведь жизнь Ленина именно была борьбою каждого дня, каждого часа: когда вы перечитываете эти тома его книг, статей, речей, то вы ясно видите все время борьбу, вы чувствуете громадное напряжение гигантской воли, направляющей жизнь людей по тем путям, которыми они должны, по его мнению, идти. Писания Ленина боевые, все слова его боевые, временами вам кажется, что вы слышите только одно слово: «борись». И все-таки несомненно, что наука близка Ленину, что в его жизни она занимала большое место и что понять Ленина вполне мы сможем, только если выясним для себя его отношение к науке.

Мы все знаем, что он автор научных трудов, но не это, по-моему, является в какой-нибудь мере решающим в вопросе о Ленине и науке, и если бы он и не написал этих трудов, то место, которое занимала в его жизни наука, осталось бы, несомненно, тем же.

Многим, вероятно, памятны слова великого математика Декарта, который говорил: «Ничего не признавать за истинное и не класть в основу суждений, как только то, что признано разумом, опасаясь всякой торопливости и предвзятости мнений». В этом кратком изречении мы находим программу научной работы вообще, той теоретической, научной постановки дела, которая делается основою всякого поступательного культурного движения. Когда мы всматриваемся в миросозерцание Ленина, этого великого практика и борца, то мы видим, что он прежде всего вырабатывает теорию, т. е. то, что он считает научною базою для своих практических выводов, он резко полемизирует с теми, кто старается ослабить значение теории, ссылаясь на твердо осознанное требование теории у Маркса и на указание Энгельса, что немецкий рабочий, принадлежа к наиболее теоретическому народу Европы, сохранил в себе теоретический смысл, который дает ему существенные преимущества. Привыкший быть всегда во всеоружии, всегда готовый к борьбе, Ленин, указывая на злоупотребление, по его мнению, свободою критики, говорит: «Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми».

И в этих словах мы опять слышим бойца: наука необходима

Ленину, как настоящая основа всех построеяий новой жизни. Другие пытались строить жизнь на базе религии. Ленин ее решительно отвергает и в соответствии с программой Коммунистической партии считает необходимым содействовать фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков, только заботливо избегая, как говорит та же программа, «всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма».

Мы видим, таким образом, что в край угла построения собственного мировоззрения и всего строительства новой жизни Ленин ставит науку. Мне приходилось слышать, что против такого понимания можно возразить указанием на то, что на протяжении тысяч страниц его сочинений и речей о науке почти не говорится. Возражение это, по-моему, свидетельствует лишь об одном: делающие его, очевидно, невнимательно вчитались и вдумались в эти тысячи страниц. Неужели же они ожидали найти в них трактаты о науке? Неужели отсутствие прямых указаний на научные предприятия и исследования помешало им почувствовать, как на каждом шагу, во всем чувствуется желание и стремление поставить все именно на научную базу рассудка? Неужели же так непонятно, что Ленин разумел под электрификацией России, о которой он говорил на каждом шагу? Кажущаяся узко-специально-технической и действительно узкотехническая электрификация есть вместе с тем символ, символ полного переустройства всей жизни: старый строй двигался паром и отчасти газом, новый должен держаться электричеством и всеми теми новыми техническими построениями, совершенство и силу которых мы даже не можем еще надлежаще оценить и которые все исходят от науки, от теории, которую Ленин так высоко ставил, требуя от каждого сознательного человека сознания необходимости теории для жизни.

Ленин сознавал вполне определенно, что без сознательного отношения к окружающему нас миру, отношения, которое может дать только одна наука, немыслимо никакое движение вперед, немыслимо выйти из состояния рабства перед природой, и потому он и придавал такое громадное значение электрификации. Он говорит, что в нашей бедной и малокультурной стране путь электрификации длинный и тяжелый, а тем не менее он именно в нем видит верный залог того обеспеченного материального будущего, которое позволит человечеству наконец строить жизнь независимо от заботы о завтрашнем дне. Отдельный человек, особенно счастливо одаренный физически и умственно, может не считаться с

тяжелыми заботами о хлебе насущном, но Ленин всегда отчетливо понимал, что не эти отдельные счастливцы создают жизненное течение, но широкие массы, а для них возможность разумной, действительно сознательной жизни обусловлена условиями материальной жизни. Наука и тесно связанная с нею техника, всецело от ее успехов зависящая, одни могут создать эти нормальные условия жизни. При этом наука должна пониматься здесь в самом широком значении этого слова.

Таково то общее отношение к науке со стороны Ленина, о котором говорят нам его книги, статьи и речи. Впечатление, естественно, общее, хотя и достаточно ясное и определенное. Я уже говорил раньше, что нечего было и ждать здесь длинных теоретических рассуждений. Но я смогу уточнить это общее впечатление и сделать его более конкретным благодаря продолжительной беседе с Владимиром Ильичом, в которой мне пришлось участвовать четыре года назад и которая всецело касалась науки и ученых. Она произошла после записки, которая была подана Академией наук в связи с исключительно тяжелым положением русской науки и русских ученых. Живой интерес Владимира Ильича к научным задачам и его отзывчивость к ним мне были известны из общения с близким Владимиру Ильичу человеком, управляющим делами Совнаркома Н. П. Горбуновым. Мне было также известно, что Владимир Ильич обратил внимание на записку Академии, и потому я ожидал много от его беседы с представителями науки. Из этой беседы я коснусь только одного, имеющего непосредственное отношение к моей теме, — отношения Ленина к науке, оставляя в стороне вопрос об отношении его к ученым и обеспечении их государством.

Со свойственной ему ясностью и определенностью Владимир Ильич свое отношение к науке выявил в двух направлениях: чего ждет и вправе ждать и требовать от науки жизнь и государство и чего, с другой стороны, может ждать и требовать от государства наука. С самого начала он оговорился, что необходимо понять, что мы живем в исключительное время, когда далеко не все то, что мы должны бы получить, может быть получено нами вообще, и что это всецело относится и к науке. Наука, научное миропонимание должны руководить жизнью сознательных людей, и поэтому распространение науки в широких массах является насущной потребностью жизни и государства. «Имейте в виду, — говорил Владимир Ильич, — что теперь широкие массы, стряхнув с себя старую власть, взяли свою жизнь в собственные руки, они являются вершителями жизни, в которой и вам, представителям науки, принадлежит место. Но место это и вообще возможность работать будет зависеть от того, насколько значение науки будет

понято массами, насколько они смогут на него посмотреть не как на праздничное времяпровождение, а как на тяжелый, необходимый и производительный труд. Мы, я и другие, конечно. понимаем значение науки, но сейчас не в нашем понимании дело, а в понимании этого значения массами. Естественно поэтому, что в первую голову внимание государства будет обращено на те науки, которые помогают нам выявлять и применять наши естественные богатства, нужные разоренной войнами стране, т. е. науки математические, естественные и экономические. Это не значит, конечно, чтобы государство не признавало других наук и не понимало их значения для строительства культурной жизни. Но сейчас рассчитывать на особенное их процветание мы не можем, это дело будущего, хотя, может быть, и очень близкого».

Чего же вправе ждать и требовать со своей стороны наука от государства? На это Владимир Ильич ответил ясно: несомненно, многого, и если сейчас (не забудьте, что это было четыре года назад) возможности страны невелики, то все-таки удовлетворение нужд науки должно быть поставлено на одно из первых мест.

«Я лично, — закончил Владимир Ильич беседу, — глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне». Это обещание он сдержал много раз.

Кроме того, Владимир Ильич во время беседы касался несколько раз вопросов организации науки, интересуясь тем, в какой мере новая жизнь отразилась отрицательно или положительно на организации научной работы у нас.

Подведу итоги. Для Ленина наука является руководительницей сознательной жизни, без теории нигде и ни в чем нет движения вперед. Наука в возможно широких пределах должна сделаться доступной массам, давая содержание и смысл их жизни и позволяя им отнестись сознательно к той господствующей роли, какую им должен предоставить новый строй. Государство обязано дать науке возможность развиться вглубь и вширь, ибо от успехов чистой науки всецело зависят успехи техники, от которых, в свою очередь, зависит упорядочение всей жизни, покорение природы человеком. Электрификация страны стоит, несомненно, в связи с успехами физики-теории. Для Ленина электрификация — реальное осуществление и символ новой жизни. Экономист Ленин, естественно, интересовался и историей и географией. Как политик, особенно политик с широкими взглядами на значение Востока в мировой, интернациональной жизни, он интересовался и этнографией и лингвистикой, хорошо сознавая значение языка в интернациональных отношениях. Как представитель

государства, он интересовался естественными науками, добывающими, обрабатывающими и разрабатывающими естественные богатства страны.

Верится, что взгляд Ленина на науку как на необходимейший элемент жизни человека и государства разделяется его преемниками и что науке дана будет возможность развиваться и в области теории, и в области многообразных ее приложений. Сейчас положение науки у нас трудное, и необходимо, чтобы государство поставило себе задачей помочь ей пережить это трудное время. Тогда и наука сможет помочь государству. Так лучше всего будет почтена память Владимира Ильича, ясно сознававшего необходимость союза науки и жизни.

Научный работник 1926 № 1.

Б. РАССЕЛ
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Смерть Ленина лишает мир единственного, действительно великого человека, которого породила война. Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза, одному — в области мысли, другому — в действии. Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы построить так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом, творцом системы в области практики… Он соединял в себе узкую ортодоксальность мысли с умением приспосабливаться к действительности, хотя он никогда не делал таких уступок, которые имели бы другую цель, кроме окончательного торжества коммунизма.

Он произвел на меня впечатление совершенно искреннего человека, лишенного чувства эгоизма. Я убежден, что он заботился только об общественных целях, но не о своей власти; я верю, что он в любой момент остался бы в стороне, если бы он, таким образом, мог двинуть вперед дело коммунизма. Его решимость в действии объясняется его непоколебимой верой. Он был так тверд в своих убеждениях, как это трудно найти на полном скептицизма Западе.

Конечно, торжество коммунизма Ленин рассматривал как нечто предопределенное, научно доказанное, так же верное, как предсказываемые астрономом затмения Солнца. Это делало его спокойным среди трудностей, мужественным среди опасностей, оценивающим всю русскую революцию, как эпизод в мировой борьбе… Он был истинным интернационалистом, он чувствовал, что, если бы российская революция не удалась, она бы все-таки приблизила мировую революцию.

Эта твердость убеждений Ленина была источником беспощадности и резкости его мировоззрения. Но это именно было источником его силы, и без такой веры он никогда не мог овладеть теми дикими силами, которые вырвались на свободу в России. Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы видеть равного ему.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М.,

Р. РОЛЛАН
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Я не разделял идей Ленина и русского большевизма и никогда не скрывал этого.

Я слишком индивидуалист (и идеалист), чтобы примириться с марксистским кредо и его материалистическим фатализмом. Но именно поэтому я придаю величайшее значение великим личностям, именно поэтому я питаю к Ленину чувство крайнего восхищения. Я не знаю другой столь же могучей личности в Европе нашего века. Он так глубоко, так мощно направил руль своей воли в хаотический океан мягкотелого человечества, что борозда его долго-долго не изгладится в волнах, — несмотря на все бури, корабль несется на всех парах к новому миру.

Никогда со времени Наполеона I история не знала такой стальной воли.

Никогда со времени героической эры европейские религии не знали апостола со столь гранитной верой.

Никогда еще человечество не создавало властителя дум и людей, столь абсолютно бескорыстного.

Еще при жизни он вылил свою моральную фигуру в бронзу, которая переживет века.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М. 1924 С 50

Г. УЭЛЛС
КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

…Жизнь в Москве, озаренной ярким октябрьским солнцем и украшенной золотом осенней листвы, показалась нам гораздо более оживленной и легкой, чем в Петрограде. На улицах — большое движение, сравнительно много извозчиков; здесь больше торгуют. Рынки открыты. Дома и мостовые — в лучшем состоянии. Правда, сохранилось немало следов ожесточенных уличных боев начала 1918 года. Один из куполов нелепого собора Василия Блаженного, у самых ворот Кремля, был разбит снарядом и все еще не отремонтирован. Трамваи, которые мы видели, перевозили не пассажиров, а продукты и топливо. Считают, что в этом отношении Петроград лучше подготовлен к зиме, чем Москва.

Десять тысяч крестов московских церквей все еще сверкают на солнце. На кремлевских башнях по-прежнему простирают крылья императорские орлы. Большевики или слишком заняты другими делами, или просто не обращают на них внимания. Церкви открыты; толпы молящихся усердно прикладываются к иконам, нищим все еще порой удается выпросить милостыню. Особенной популярностью пользуется знаменитая часовня чудотворной Иверской божьей матери возле Спасских ворот; многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют ее каменные стены.

Как раз напротив нее на стене дома выведен в рамке знаменитый ныне лозунг: «Религия — опиум для народа». Действенность этой надписи, сделанной в начале революции, значительно снижается тем, что русский народ не умеет читать.

У меня произошел небольшой, но забавный спор насчет этой надписи с г. Вандерлипом, американским финансистом, жившим в том же правительственном особняке, где и мы. Он считал, что она должна быть уничтожена.

Я находил, что ее стоит сохранить как историческую реликвию, а также потому, что веротерпимость должна распространяться и на атеистов. Но г. Вандерлип принимал это так близко к сердцу, что не мог понять моей точки зрения.

Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, — большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной (№ 17), расположенное напротив высокой

кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить, кто хотел. Г-н Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика. Он не обсуждал со мной свои дела и лишь раза два осторожно заметил, что они носят строго финансовый. экономический и отнюдь не политический характер. Мне говорили, что он привез рекомендательное письмо к Ленину от сенатора Хардинга, но я не любопытен по природе и не пытался ни проверить это, ни соваться в дела г. Вандерлипа. Я даже не спрашивал его, как вообще можно в коммунистическом государстве вести коммерческие переговоры и финансовые операции с кем бы то ни было, кроме самого правительства, и как можно иметь дело с правительством, совершенно не касаясь политики. Должен признаться, что все эти таинственные вещи — выше моего понимания. Но мы вместе ели, курили, пили кофе и беседовали, соблюдая полнейшую сдержанность. Благодаря тому, что мы избегали упоминать о «миссии» г. Вандерлипа, она раздулась в нашем сознании до огромных размеров, и мысль о ней стала неотвязной.

Формальности, связанные с подготовкой моей встречи с Лениным, были утомительно длинны и вызывали раздражение, но вот наконец я отправился в Кремль в сопровождении г. Ротштейна, в прошлом видного работника коммунистической партии в Лондоне, и американского «товарища» с большим фотоаппаратом, который, как я понял, тоже был сотрудником Наркоминдела.

Я помню Кремль в 1914 году, когда в него можно быдо пройти так же беспрепятственно, как в Виндзорский замок; по нему бродили тогда небольшие группы богомольцев и туристов. Но теперь свободный вход в Кремль отменен и попасть туда очень трудно. Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ленину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля. Возможно, что это и необходимо для личной безопасности Ленина, но это затрудняет живую связь России с ним и — что еще важнее с точки зрения эффективности руководства — затрудняет его живую связь с Россией. Если то, что доходит до него, пропускается через некий фильтр, то так же фильтруется и все, что исходит от него, и во время этого процесса могут произойти весьма значительные

искажения.

Наконец мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорит по-английски, но г. Ротштейн следил за нашей беседой, вставляя замечания и пояснения, и это показалось мне весьма характерным для теперешнего положения вещей в России. Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат **и,** стараясь не мешать, начал усердно снимать нас. Беседа была настолько интересной, что все это щелканье и хождение не вызывало досады.

Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это, в свою очередь, приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир.

Почему это не происходит?»

До 1918 года все марксисты рассматривали социальную революцию как конечную цель. Пролетарии всех стран должны были соединиться, сбросить капитализм и обрести вечное блаженство. Но в 1918 году коммунисты, к своему собственному удивлению, оказались у власти в России и им надлежало наглядно доказать, что они могут осуществить свой золотой век. Коммунисты справедливо ссылаются на условия военного времени, блокаду и тому подобное как на причины, задерживающие создание нового и лучшего социального строя, но тем не менее совершенно очевидно, что они начинают понимать, что марксистский образ мышления не дает никакой подготовки к практической деятельности. Есть множество вещей — я упоминал некоторые из них, — за которые они не знают, как взяться… Но рядовой коммунист начинает негодовать, если вы осмелитесь усомниться в том, что при новом режиме все делается самым лучшим и самым разумным способом. Он ведет себя как обидчивая хозяйка, которая хочет, чтобы ее похвалили за образцовый порядок в доме, хотя там все перевернуто вверх дном из-за переезда на новую квартиру. Такой коммунист напоминает забытых теперь суфражисток, обещавших рай на земле, как только удастся освободиться от тирании «установленных мужчиною законов». Но Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрестанных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока наконец они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, писал он недавно.

Мы начали беседу с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше, — подтвердил Ленин. — И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает снос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума.

Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново…

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные

поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расшириться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед…

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги, — сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время, — ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему, вместо того чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожать одну

экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка и, пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств раде! общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул книгу Киоцца Моней «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая, действенная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят — шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной

драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин, — это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

«Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России», — сказал я. Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи…

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуска, как и при входе в Кремль.

— Изумительный человек, — сказал г. Ротштейн. — Но было неосторожно с его стороны..

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот — снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером смотреть балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда — в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходивший на Стокгольм.

Вашим, товарищ, сердцем и именем, Писатели и деятели искусства мира о В И Ленине М, 1976 С. 99—107

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

…Я ездил в Россию, о чем рассказал в своей книге «Россия во мгле», и имел там длительную беседу с Лениным, а также много слышал о нем.

До тех пор мне не приходилось встречать столь оригинального мыслителя, к тому же занимающего такое важное

положение, какого нельзя было даже представить себе до войны. Казалось, что все ресурсы, какие еще сохранились в России, находятся в его руках. Его авторитет был огромным.

Основой его личного престижа были трезвость суждений и дальновидность, проявленные им в дни революционного переворота. К нему обращались тогда все: и с опасениями и с сомнениями. Силу его составляла ясность цели в сочетании с тонкостью мысли…

Как и все, он принадлежал своему времени и своей эпохе. Когда мы встретились с ним и беседовали, каждый из нас придерживался собственного предвзятого мнения. Мы говорили преимущественно о необходимости заменить мелкое крестьянское хозяйство крупным сельским хозяйством — дело происходило за восемь лет до первого пятилетнего плана, — а также об электрификации России, которая в то время была лишь мечтой, зародившейся в его мозгу. Я скептически относился к идее электрификации, так как не имел представления о запасах водной энергии в России. «Приезжайте снова через десять лет», — говорил Ленин в ответ на мои сомнения.

Когда я разговаривал с Лениным, меня гораздо больше интересовала сама беседа, чем собеседник. Я забыл, большие мы люди или маленькие, старые или молодые. Я был только поражен небольшим ростом Ленина, а также его исключительной живостью и простотой. Но теперь, просматривая свою написанную четырнадцать лет назад книгу, восстанавливая в памяти события того времени и сравнивая Ленина с другими знаменитыми людьми, которых я знал, я начинаю понимать, какой выдающейся и значительной исторической фигурой он был. Я не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если вообще говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что Ленин был по меньшей мере действительно великим человеком.

Если в 1912 году я мог назвать Бальфура «без сомнения великим», то теперь мне кажется, что я обязан придать этому взрыву энтузиазма надлежащие пропорции в связи с тем, что я думаю об этом русском. Поэтому я могу со всем основанием сказать, что когда я ставлю их на весы друг против друга, то дело даже не в том, что чаши весов колеблются: чаша весов Бальфура поднимается до предела. Небезукоризненно одетый маленький человек из Кремля обошел его как мыслями, так и делами. Ленин был живым до конца, в то время как Бальфур замер когда-то на месте.

Когда я встретился с Лениным, он был уже болен. Ему приходилось часто прерывать свою работу. В начале 1922 года

врачи вообще запретили Ленину работать, а летом того же года его частично разбил паралич, и в начале 1924 года Ленин умер. Следовательно, он полностью руководил страной меньше чем пять полных событиями лет. Тем не менее за это время он зажег в русском народе такой непоколебимый созидательный энтузиазм для решения всех вставших перед ним задач, что этот энтузиазм живет в нем и по сей день. Только благодаря Ленину и созданной им организованной Коммунистической партии русская революция не выродилась в жестокую военную автократию и не закончилась полным социальным крахом. Руководимая им Коммунистическая партия, не имея опыта, тем не менее сумела создать необходимые условия для успеха проводимого эксперимента, обеспечила достаточное количество дисциплинированных кадров для наскоро созданного, но преданного государственного аппарата, без которого революция в современном государстве обречена на полный провал.

Деятельный ум Ленина с удивительной быстротой переключился сразу после революции на осуществление социальных преобразований. В 1920 году, когда я с ним виделся, он с юношеской энергией изучал возможности электрификации России. Идея пятилетнего плана, представлявшегося ему в виде ряда успешно осуществляемых по всей стране местных планов, Днепрогэс — все это уже занимало его мозг. Плодотворные идеи Ленина продолжают оказывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель. И в настоящее время их воздействие, видимо, так же сильно, как и раньше.

Воспоминания о В. И Ленине. В 5 т. М… 1985. Т. 5. С. 296–297.

К. ФЕДИН
ЖИВОЙ ЛЕНИН

1

В самом начале 1919 года в Москве я увидел впервые Ленина. Поправившись от тяжелой раны после покушения контрреволюции на его жизнь, Ленин начал выходить.

В Наркомпросе, в здании бывшего лицея, у Крымского моста, Ленин ожидал Надежду Константиновну Крупскую. Он был в шубе, без шапки и прохаживался в узком пространстве вестибюля, между парадной дверью и лестницей, где сидел у столика швейцар.

Сверху так хорошо была видна голова Ленина — большая, необычная, запоминавшаяся с первого взгляда. Завитушки светлых желтых волос лежали на меховом воротнике. Взмах лба, темя и затылок были странно преобладающими во всем облике, который и другими чертами не повторял никого из знакомых живых образов истории или современности, а принадлежал только этому человеку — Ленину. Держа за спиною шапку, он методично, маленькими шажками двигался взад и вперед, очень сосредоточенно, не нарушая размеренность этого движения и только изредка поднимая взгляд.

Хотя занятия давно кончились и в доме оставалось мало служащих, по комнатам быстро разлетелся слух, что за Надеждой Константиновной заехал Ленин. Помню, как прибегали машинистки из отделов — посмотреть на Ленина, перевешивались через балюстраду и убегали, если он поднимал голову.

То, что Ленин прохаживался возле швейцара, который возился с кипяточком, и то, что кругом запросто появлялись и исчезали переполненные палящим человеческим любопытством служащие, оставило во мне первое покоряющее впечатление о Ленине как о человеке совершенно доступном, непринужденном и ярком своей мужественной простотой.

2

В июле 1920 года в Петрограде открылся II конгресс Коммунистического Интернационала.

В зал дворца Урицкого Ленин вошел во главе группы разноплеменных делегатов конгресса. Навстречу ему тронулся и пополз, все поглощая своим грохотом, обвал рукоплесканий. В этот момент со всех сторон внесли в зал корзины с красными гвоздиками и стали раздавать цветы делегатам.

Ленин прошел поспешно через весь зал, наклонив вперед голову, словно рассекая ею встречный поток воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на скамьи президиума, и, пока длилась овация, его не было видно.

Когда стихло, он неожиданно опять появился в зале и очень быстро стал подниматься вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но, едва заметили, опять начали аплодировать и заполнять проход, по которому он почти взбегал. Он поравнялся с каким-то стариком и, весело улыбаясь, протянул ему руки. Не знаю, что это был за старик. Судя по тому, как степенно и даже важно он поздоровался с Лениным, — его добрый знакомый из крестьян.

Ленину пришлось вынести третью и, пожалуй, самую восторженную, подавляющую овацию, когда он ступил для доклада на трибуну. Он долго перебирал бумажки на кафедре, потом, подняв руку, тряс ею, чтобы угомонить разбушевавшийся зал. Укоризненно и строго поглядывал он по сторонам, вдруг вынул часы, стал показывать их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату, — ничто не помогало. Тогда он опять принялся пересматривать, перебирать бумажки. Гул аплодисментов улегся не скоро.

Ленин-оратор обладал полной слитностью жеста со словом. Содержание речи передавалось пластично, всем телом. Казалось, что расплавленный металл влит в податливую форму, настолько точно внешнее движение сопутствовало слову и так бурно протекала передача огненного смысла речи. Ленин часто глядел в свои записки и много называл цифр, но ни на одну минуту он не делался от этого монотонным профессором, оставаясь все время великим трибуном.

Когда он спросил у зала: почему создалось во всем свете «беспокойство», как выражается деликатное буржуазное правительство Англии, — все его тело иронически изобразило это неудобное, щекотливое для буржуазии «беспокойство», и мировая политика на глазах у всех превратилась в разящий саркастический образ.

Со мною рядом, в ложе для журналистов, сидел художник. Ощупывая цепкими глазами фигуру Ленина, он силился перенести ее жизнь на бумагу. Но жест, но движения Ленина

оставались непойманными. Художник пересел на другое место. Потом я его видел на третьем, на четвертом. Объективы фотокамер и кино вместе с художниками ловили неуловимого живого Ленина.

После заседания Ленин вышел из дворца в толпе делегатов, вместе с Горьким. Тут, при выходе, фотограф снял их, и отсюда — знаменитый портрет: Ленин и Горький у колонны дворца.

3

День был сверкающе синим. Над головами несли трехметровый венок из дубовых веток и красных роз, чтобы на площади Жертв Революции возложить его на могилы тех, чья жизнь была непреклонной в бурях — как дуб, прекрасной — как цветение розы.

Ленин шел впереди с делегатами конгресса. Рядом с ним все время сменялись люди — иностранцы, русские, старые и молодые.

Он шел без пальто, расстегнув пиджак, закладывая руки то за спину, то в брючные карманы. Было похоже, что он — не на улице, среди тяжелых, огромных строений, а в обжитой комнате, может быть, у себя дома: ровно ничего не находил он чрезвычайного в массе, окружавшей его, и легко, свободно чувствовал себя во всеобщем неудержимом тяготении к нему людей.

В этом шествии Ленин замечательно разговаривал с одним человеком.

Но тут — короткое отступление. В Петроград приехал немец, который три дня возглавлял «независимую» республику в Брауншвейге, раздавленную затем Носке. Я встретился с ним во Дворце труда. С балкона мы глядели на площадь, суровую, хранившую следы недавней героической обороны Петрограда от Юденича.

Брауншвейгец волновался по поводу советского порядка распределения товаров. Горбатый, он вдруг воздел длинные руки над головой и с отчаянной тоскою обвел глазами всю площадь,

— Но почему же у вас закрыты мелочные лавки? Если у меня оторвется пуговица, где я ее куплю?!

По профессии этот брауншвейгский республиканец был портным…

И вот в числе разговаривавших с Лениным по дороге к площади Жертв Революции оказался этот брауншвейгец.

Ленин наклонил голову набок, чтобы лучше слышать

низенького собеседника. Сначала Ленин был серьезен. Потом заулыбался, прищурился, коротко подергивая головой. Потом отшатнулся, обрывисто махнул рукой с тем выражением, которым говорится: чушь, чушь! Брауншвейгец, жестикулируя, продолжал что-то доказывать. Ленин взял его за локоть и сказал две-три фразы — краткие и какие-то окончательные, бесповоротные. Но брауншвейгец яростно возражал. Тогда вдруг Ленин легко хлопнул его по плечу, засунул пальцы за проймы жилета и стал смеяться, смеяться, раскачиваясь на ходу, прибавляя шагу и уже не оглядываясь на рассмешившего его человека.

Не о пуговице ли заговорил неудачливый брауншвейгец? Возможно, конечно.

Эта сцена, длившаяся всего две-три минуты, дала мне случай увидеть веселого, от души хохочущего Ленина, наблюдать его манеру жизненного спора — с быстрыми переменами выражения лица, с лукаво прищуренным глазом, с чередованием жестов, полных значения, страсти и воли…

Из этих трех мгновений, драгоценных для меня, запечатлелся в моем воображении и в сердце гениальный, вечно живой Ленин.

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. М., 1984. Т. 4. С. 230–233

Л. ФЕЙХТВАНГЕР ИЗ СТАТЬИ «ЛЕНИН И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ»

Гуманизм — это совокупность всех благ, возвышающих человека до уровня Человека. Понятие гуманизма неотделимо от таких понятий, как образование, справедливость, мир, демократия, свобода. Но гуманизм также тесно связан с внешними условиями, обеспечивающими человеку достойное существование. Буржуазное общество умышленно выпустило из виду последнее обстоятельство, оторвав понятия справедливости, мира, демократии, свободы от общественного бытия, обманным путем уводя их в идеалистическую область абсолюта. Оно провозгласило принципы «чистой» науки, литературы и искусства, «вечного» мира, какой-то парящей в безвоздушном пространстве «справедливости». Ленин со своей железной логикой беспощадно высмеивал подобные теории. Он показал, во что превратили господствующие буржуазные классы эти благозвучные фразы, как эти фразы выхолащивались ими, лишались своего подлинного смысла, фальсифицировались.

Ленин показал, что в обществе, разделенном на классы, немыслим гуманизм. Он подвергнул анализу подлинную сущность классовой справедливости в буржуазном государстве. Он подвергнул анализу характер войны между классовыми государствами и доказал, что характер войны определяется не тем, кто «напал» и на чьей земле укрепился враг, но прежде всего тем, какая политика осуществляется и проводится воюющими сторонами. Он подчеркнул, что не во всех случаях желательно избегать войны. Своими острыми, неопровержимыми доводами он показал, как обстоит дело с демократией в так называемых западных «демократических» странах. «Чистой» демократии, которая сводится к свободе печати для имущих и к праву подавать ничего не стоящие избирательные бюллетени, Ленин противопоставил подлинное государство народа, немыслимое без передачи средств производства в общее пользование.

Последовательно применяя диалектический метод, Ленин вскрыл истинную сущность «лукавых мудрствований» идеалистического гуманизма, противопоставил ему свой реалистический гуманизм. Теория Ленина дает возможность узреть выспренние идеалы буржуазных «гуманистов» во всем их

ничтожестве. Наличие юридического кодекса и формальных законов еще не есть справедливость. Пацифизм, призывающий к капитуляции перед врагом, который с оружием в руках стремится навязать широким массам еще более жестокую эксплуатацию, — такой пацифизм не имеет ничего общего с подлинной политикой мира, равно как и изживший себя парламентаризм — с подлинной демократией.

Та беспощадная логика, с которой Ленин разделался с защитниками ложных идеалов, борясь за социалистический гуманизм, побудила представителей этого ложного «гуманизма» с удвоенной яростью защищать свою «башню из слоновой кости». По мере того как идеалистический «гуманизм» все больше обнаруживал свою несостоятельность, его пытались приукрасить всякими эстетическими заплатками. Для защитников этого «гуманизма» ни одно средство не казалось сомнительным. Во имя эстетствующего «гуманизма» последовательность Ленина поносилась как «грубость» и «некорректность», его реализм — как неспособность к «тонким» ощущениям. Излюбленным занятием врагов Ленина сделалось искажение, фальсификация отдельных ленинских положений, вырванных из контекста.

Для подлинного гуманизма свобода означает высшее благо; поэтому Ленина пытались прежде всего оклеветать путем фальсификации его учения о свободе. Но подлинная свобода не похожа на буржуазную «свободу». В статье «Фальшивые речи о свободе» Ленин беспощадно разоблачает мелкобуржуазные предрассудки. «Пока не уничтожены классы, — пишет он, — всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении?» * И далее Ленин пишет, что в классовом обществе существует «лицемерное равенство» собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплуататора и эксплуатируемого**.

Ленинское определение свободы прекрасно демонстрирует разницу между подлинным и ложным гуманизмом, между егуманизмом» и гуманизмом. «Гуманист» видит свободу в позволении публично бранить правительство. Ленинский подлинный гуманист считает, что свободен тот, кто свободен от страха перед безработицей и голодной старостью, кто свободен от страха за судьбу своих детей…

Народы мира в Ленине. М… 1980. С. 76–78

Ф. И. ШАЛЯПИН
из книги
«МАСКА И ДУША. МОИ СОРОК ЛЕТ НА ТЕАТРАХ»

Стали меня очень серьезно огорчать и дела в театре. Хотя позвали меня назад в театр для спасения деда и в первое время с моими мнениями считались, но понемногу закулисные революционеры опять стали меня одолевать. У меня возник в театре конфликт с некой дамой, коммунисткой, заведовавшей каким-то театральным департаментом. Пришел в Мариинский театр не то циркуляр, не то живой чиновник и объявляет нам следующее:

бывшие императорские театры объелись богатствами реквизита, костюмов, декораций. А народ в провинции живет-де во тьме. Не ехать же этому народу в Петербург в Мариинский театр просвещаться! Так вот, видите ли, костюмы и декорации столицы должны быть посланы на помощь неимущим. Пусть обслуживают районы и провинцию.

Против этого я резко восстал. Единственные в мире по богатству и роскоши мастерские, гардеробные и декоративные императорских театров Петербурга имеют свою славную историю и высокую художественную ценность. И эти сокровища начнут растаскивать по провинциям и районам, и пойдут они по рукам людей, которым они решительно ни на что не нужны, ни они, ни их история. Я с отвращением представлял себе, как наши драгоценные костюмы сворачивают и суют в корзинки. «Нет!» — сказал я категорически. Помню, я даже выразился, что если за эти вещи мне пришлось бы сражаться, то я готов взять в руки какое угодно оружие.

Но бороться «буржую» с коммунистами нелегко. Резон некоммуниета не имел права даже называться резоном… А петербургская высшая власть была, конечно, на стороне ретивой коммунистки.

Тогда я с управляющим театром, мне сочувствовавшим, решил съездить в Москву и поговорить об атом деле с самим Лениным. Свидание было получить не очень легко, но менее трудно, чем с Зиновьевым в Петербурге.

В Кремле, в палате, которая в прошлом называлась, кажется, Судебной, я подымался по бесчисленным лестницам, охранявшимся вооруженными солдатами. На каждом шагу

проверялись пропуски. Наконец, я достиг дверей, у которых стоял патруль.

Я вошел в совершенно простую комнату, разделенную на две части, большую и меньшую. Стоял большой письменный стол. На нем лежали бумаги, бумаги. У стола стояло кресло. Это был сухой и трезвый рабочий кабинет.

И вот из маленькой двери, из угла покатилась фигура татарского типа с широкими скулами, с малой шевелюрой, с бородкой. Ленин. Он немного картавил на Р. Поздоровались. Очень любезно пригласил сесть и спросил, в чем дело. И вот я как можно внятнее начал рассусоливать очень простой, в сущности, вопрос. Не успел я сказать несколько фраз, как мой план рассусоливания был немедленно расстроен Владимиром Ильичом. Он коротко сказал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я все отлично понимаю.

Тут я понял, что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов, и что разжевывать ему дел не надо. Он меня сразу покорил и стал мне симпатичен. «Это, пожалуй, вождь», — подумал я.

А Ленин продолжал:

— Поезжайте в Петроград, не говорите никому ни слова, а я употреблю влияние, если оно есть, на то, чтобы ваши резонные опасения были приняты во внимание в вашу сторону.

Я поблагодарил и откланялся. Должно быть, *влияние было,* потому что все костюмы и декорации остались на месте и никто их больше не пытался трогать. Я был счастлив. Очень мне было бы жалко, если бы эта приятная театральная вековая пыль была выбита невежественными палками, выдернутыми из обтертых метел… (Описываемая Ф. И. Шаляпиным встреча произошла в конце июля 1919 г, *Ред.)*

Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М, 1989. С, 225–227

К. ШЕРИДАН
НЕПРИКРАШЕННАЯ ПРАВДА

К намечающейся выставке нужно было завершить одну работу, и мне пришлось отказаться от удовольствия провести август с детьми в Бреде и остаться в опустевшем Лондоне. Работа, которую я хотела закончить, — статуя Победы. Я задумала ее, охваченная страстным протестом, после того как однажды в моей студии побывал слепой солдат. Это была не хорошо знакомая, традиционная Победа. Нет, мою Победу не каждый захотел бы выставить в общественном месте. Но этой статуей я выразила чувства, которые не могла облечь в слова…

Решение поехать в Россию исключало мое присутствие на выставке. Я сомневалась, сможет ли выставка вообще быть открыта без меня. Однако перспектива создать скульптурный портрет Ленина заслонила все соображения. Выставки еще будут у меня в течение всей дальнейшей жизни, а здесь предстояло нечто такое, что никогда, по всей вероятности, больше не повторится…

В сентябрьское утро 1920 года в 10 часов 30 минут паровоз выпустил пары на московском вокзале… Вскоре мы с фантастической быстротой под вой автомобильной сирены мчались по малолюдным улицам… И вот уже показался перед нами Кремль с его высокими прямоугольными башнями над воротами… Какое потрясающее зрелище! Наша машина сбавила ход, чтобы можно было показать часовому пропуск, и мы въехали на площадь, со всех сторон окруженную златоглавыми большими и маленькими зданиями своеобразной архитектуры…

Стоял великолепный сентябрьский день. В воздухе чувствовалась легкая прохлада. Листья на деревьях в саду под Кремлевской стеной были ярко-желтые и медленно опадали, как бы предупреждая о приближающейся зиме.

Комната, которую предоставили мне для работы, находилась в большом круглом здании, где когда-то помещался суд. Сейчас здесь проходят съезды Советов, и над зданием развевается красный флаг…

Почти каждый вечер мы проводили в оперном театре. Для нас заказывали места через Министерство иностранных дел. Зал примерно таких размеров, как Ковент-гарден, с лепными золотыми украшениями и алой бархатной обивкой. Театр был переполнен до отказа рабочими, среди которых профсоюзы бесплатно распределяли билеты. Здесь можно было увидеть лица

русских совсем в ином свете. Люди, облокотившись на барьеры лож, устремившись вперед, была целиком поглощены зрелищем балета. Я не слышала ни кашля, ни шепота. Это были усталые люди, пришедшие сюда после тяжелого трудового дня, — они заслужили это удовольствие и в полной мере им наслаждались. Напряженное внимание, с которым они смотрели балет или слушали оперу, производило огромное впечатление. Впервые в своей жизни эти люди, так долго находившиеся под гнетом, работавшие на других, люди, с которыми обходились как с рабами, получили право на удовольствия, до сих пор принадлежавшие только богатым. Лица русских, а не пропаганда коммунистов начали оказывать влияние на мои взгляды…

Через один-два дня мне сказали, что ко мне зайдет Дзержинский — председатель Чрезвычайной комиссии. Невысокого роста бледный человек в форме вошел и несколько застенчиво посмотрел на меня, затем на мою работу. Я не обратила на него особенного внимания, думая, что это один из случайных посетителей, и ждала, когда он уйдет. Тогда он сказал, что фамилия его Дзержинский.

Вид этого скромного, без каких бы то ни было претензий человека глубоко поразил меня… У него было узкое лицо и как бы вылепленный из алебастра нос- Время от времени глубокий кашель сотрясал его тело, и тогда вся кровь приливала к лицу…

Мне хотелось поговорить с Дзержинским, но, к несчастью, я могла объясняться с ним только на немецком языке, а мои познания в нем были ограниченны. Все-таки я сумела сказать ему, что, когда люди сидят так спокойно, как он, это значительно облегчает работу художника.

— Терпению и спокойствию учишься в тюрьме, — ответил Дзержинский.

Я спросила его, сколько времени он провел там.

— Одиннадцать лет, четверть моей жизни, — сказал Дзержинский.

Его голос, хотя и спокойный, был глубок, и в нем звучала сила… Тюрьма надломила здоровье этого человека. но дух его остался несломленным. Он жил для России и страдал за Россию… Друзья Дзержинского глубоко и, можно даже сказать, трепетно обожали его…

Как странно жить в большом городе, где окна постоянно плотно затворены, а витрины затемнены, словно после воздушного налета. Все лавки в городе закрыты. Только в витринах цветочных магазинов полно больших искусственных хризантем… Помещения гостиниц заняли государственные учреждения…

В городе масса художественных галерей. Остались в неприкосновенности все старые и созданы новые галереи, в которых собраны произведения искусства из частных коллекций; некоторые дома, бывшие прежде частной собственностью, превращены в пролетарские художественные школы. Здесь солдаты и моряки рисуют и лепят с натуры. Дворец великого князя в Кремле, что против царь-колокола, стал рабочим клубом…

Я мало знала и еще меньше понимала как в коммунизме, так и в условиях, вызвавших его к жизни (если не считать того, что я прочла в романах). Законы собственности и теория капитализма были для меня ничего не значащими словами. У меня не было ни собственности, **ни** капитала. Хотя мой отец и был экономистом, я абсолютно ничего не понимала в экономике. (Г. Уэллс сказал мне однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы необразованны».) Но тем не менее подсознательно я была революционеркой. Я пришла к этому не путем логических рассуждений…

Я хотела остаться в России, чтобы принять участие в ее реконструкции. Россия отвечала моему чувству пацифизма… Даже если бы я не желала ничего другого, мне хотелось бы, чтобы мои дети получили здесь образование. Я была убеждена (как убеждена и до сих пор)… что новая Россия никогда не пойдет ни на какие военные агрессии. Красная Армия существует для обороны. В необходимости иметь армию для обороны страны новая Россия убедилась на опыте, но каждый красный русский солдат и все родные этого солдата знали и знают, что их никогда не пошлют поддерживать агрессивные действия за пределами родины.

Мое сердце постоянно, с тех пор как родился Дик (Сын Клэр Шеридан. *Ред.)*, полно ужаса и страха перед войной. Что, если в один прекрасный день его заберут, чтобы сделать из него пушечное мясо, или заклеймят как труса? Что, если на его долю выпадет худшее, чем смерть? Слепота, отравление газом, уродство?.. Когда я слышу, как маршируют солдаты, я всегда думаю о Дике и об Уилфриде (Муж Шеридан, погибший в первую мировую войну. *Ред.)*, который был так ужасно обманут и отдал свою жизнь в тщетной надежде, что это была последняя война, «война за то, чтобы положить конец войнам»…

Таковы были мои весьма неопределенные, несвязные мысли, день ото дня окрашивавшиеся в новые цвета и приобретавшие новые очертания, чтобы в конце концов отлиться в более отчетливые формы…

На следующий день после отъезда Г. Уэллса комендант Кремля сказал мне, что завтра с одиннадцати часов утра до

четырех я смогу работать в кабинете Ленина. Всю ночь я не сомкнула глаз.

Утром Бородин проводил меня в Кремль. Я была взволнована так, как никогда в жизни. По дороге он сказал мне:

— Помните одно: сейчас вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано вами за всю жизнь.

Мы вошли в Кремль через боковые ворота, охраняемые часовым. Мне было известно, что Ленин живет где-то в этой части Кремля, и я часто пыталась отгадать, за каким из этих окон, за какой дверью живет и работает великий человек. А этих окон и дверей было так много!

Поднявшись на третий этаж, мы миновали несколько дверей и коридоров и наконец оказались в двух смежных комнатах, где работали женщины-секретари. Михаил Бородин поручил меня девушке — личному секретарю Ленина. Затем он пожал мне руку и пожелал успеха в работе.

У меня было такое ощущение, как будто я вновь попадаю в школу. Меня охватил страх и глубокое волнение, потому что это была самая ответственная работа из всех, за которые мне когда-либо предстояло еще взяться.

Секретарь указала мне обитую белым войлоком дверь и предложила войти. Дверь не была заперта, она легко отворилась.

Ленин сидел в очень светлой комнате перед огромным письменным столом, заваленным какими-то книгами и бумагами. Когда я вошла, он взглянул на меня, улыбнулся и через всю комнату пошел мне навстречу. Его манера обращения быстро успокоила меня. Я попросила прощения за то, что вынуждена беспокоить его. Он рассмеялся и по-английски сказал мне, что еще до меня другой скульптор обосновался у него в кабинете и провел здесь несколько недель (Имеется в виду Альтман Н. И. (1889–1968), работавший над скульптурным портретом Ленина в течение полутора месяцев (апрель — май 1920 г.). *Ред.)*…

Пока три солдата втаскивали в кабинет подставку и глину, Ленин объяснил мне, что я могу работать здесь столько времени, сколько мне понадобится, при условии, что он будет сидеть за своим письменным столом и читать.

В комнате все дышало покоем, и Ленин углубился в книги… Даже когда я кружила около него, пытаясь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощен ею.

Я работала до без четверти четыре. Еще никогда я не работала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы. Входили

секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте, не глядя, механически делал пометку и возвращал его обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка.

Мои попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения, и, сознавая, что своим присутствием я и так докучаю ему, я не посмела настаивать. Сидя на подоконнике и отдыхая, я не переставала твердить себе, что все это происходит на самом деле, что я действительно нахожусь в кабинете Ленина и выполняю свою миссию… Я без конца повторяла про себя: «Ленин! Ленин!» — как будто никак не могла поверить, что окружающее меня не сон.

Вот он сидит здесь, передо мной, спокойный, молчаливый, небольшого роста человек с огромным лбом. Ленин, гений величайшей революции в истории человечества, — если бы он только захотел поговорить со мной! Но… он ненавидел буржуазию, а я была ее представительницей. Он ненавидел Уинстона Черчилля, а я была его племянницей… Он разрешил мне работать у себя в кабинете, и я должна была выполнять то, зачем пришла, а не отнимать у него попусту время: ему не о чем было говорить со мной. Когда я, собравшись с духом, спросила, какие новости из Англии, он протянул мне несколько номеров «Дейли геральд».

В четыре часа я оставила его кабинет, после шести часов работы без отдыха.

Обед я пропустила, а ужина нужно было ждать до девяти часов. Михаил Бородин пришел ко мне, и мы пили чай. Он спросил, как идут у меня дела, и посоветовал пораньше лечь в постель, чтобы завтра быть полной сил…

На следующий день Ленин принял меня так же дружелюбно, как и в первый раз… но по-прежнему часы проходили в молчании. И вдруг он оторвался от лежащей перед ним книги и взглянул на меня так, как будто видел в первый раз. Он посмотрел на свой скульптурный портрет, над которым я работала, и снисходительно улыбнулся мне. Так улыбаются ребенку, строящему карточный домик. Затем Ленин спросил:

— Как относится муж к вашей поездке в Россию?..

— Мой муж убит на войне, — ответила я.

— На какой войне?

— Во Франции.

— Ах да, конечно, — он понимающе кивнул. — Я все забываю, что у вас была только одна война. У нас ведь кроме империалистической была и гражданская война, и еще мы

воевали, защищая страну от интервентов.

Ленин заговорил о бесплодном духе самопожертвования, которым были одержимы англичане, вступая в войну 1914 года, и посоветовал прочесть «Огонь» или «Ясность» Барбюса. Затем, изменив тему разговора, он спросил меня, систематически ли я работаю в Лондоне и по скольку часов в день.

— В среднем по семь часов.

Мой ответ, кажется, удовлетворил его…

Нашу беседу прервал приход президента Калинина, и Ленин повернулся к нему. Впервые за все это время его лицо оказалось обращенным к окну. Я увидела его в совершенно ином освещении. Ленин продолжал разговаривать с Калининым, и это было мне очень на руку. Его лицо в состоянии покоя — совсем не то, что я хотела запечатлеть. А разговаривая оживленно с Калининым, он высоко поднимал и хмурил брови. Казалось, что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора. Он устремил на Калинина проницательный взор, словно читал его мысли и знал наперед все, что Калинин может сказать ему, и даже больше.

Калинин — крестьянин, избранный крестьянами. У него доброе простое лицо сына земли. Крестьяне любят его. Доступ к нему совершенно свободен. Люди приходят сюда толпами со своими просьбами и жалобами, и он занимается делами каждого, не зная устали. В любом слове и жесте Калинина ощущаешь любовь и уважение к Ленину.

Когда они кончили разговаривать, Калинин взглянул на бюст и сказал: «Хорошо». Потом спросил у Ленина, что думает он. Ленин засмеялся, сказал, что в этом ничего не понимает и потому судить не может, но убедился в том, что я работаю быстро.

Когда мы снова остались одни, я набралась храбрости и попросила его сесть на вращающийся стул. Он согласился, хотя, вероятно, это показалось ему забавным, и сказал, что никогда еще не сидел так высоко…

Я увидела, что Ленин стал со мной приветливее, и показала ему несколько фотографий своих работ. Хотя од и говорил, что ничего не смыслит в искусстве, однако весьма определенно охарактеризовал «буржуазное искусство», которое, как он сказал, всегда стремится к красивости. Он относится отрицательно к красоте как к абстрактному идеалу. Он заявил, что считает неоправданной красоту, которой я наделила свою Победу.

— Милитаризм и война безобразны и могут вызвать только ненависть, — сказал он, — и даже самопожертвование и героизм не могут придать им красоты. Порок буржуазного искусства в том, что оно всегда приукрашивает.

Затем Ленин взглянул на фотографию скульптуры «Головка Дика», и выражение нежности промелькнуло на его лице.

Я спросила:

— Это тоже очень приукрашено?

Он покачал головой и улыбнулся. Затем торопливо вернулся к своему огромному письменному столу, как человек, потерявший слишком много времени, уселся в кресло, и мгновенно я и моя работа перестали для него существовать.

Ленинская способность сосредоточиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб…

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского)…

Он выглядел очень больным… Пуля, пущенная рукой женщины, покушавшейся на жизнь Ленина, все еще оставалась в его теле *.

Один раз я увидела его с рукой на перевязи. Он сказал, что это «ничего», но был желт, как слоновая кость. Он совершенно не гулял и довольствовался лишь тем небольшим количеством свежего воздуха, которое проникало в его кабинет через маленький вентилятор в верхней части окна. Изредка, кажется, Ленин все-таки уезжал на один день за город. Несколько раз проносился слух, что Ленин на охоте. Но это, очевидно, случалось весьма редко, поскольку об этом говорили как о чем-то особенном.

Когда бюст был готов настолько, насколько он мог считаться готовым в этих сложных условиях, Ленин тепло пожал мне руку, сказав, что я хорошо выполнила свою работу и что она должна понравиться его друзьям. Затем, по моей просьбе, он подписал фотографию…

* * *

Утром 6 ноября мне сказали, что поезд уходит сегодня… В тот морозный вечер ярко светила луна, сверкали звезды… Я окинула взором мой любимый Кремль. Он казался еще более красивым и величественным, чем когда-либо… Часы на Спасской башне печально пробили без четверти семь… Мне было очень грустно расставаться… Россия глубоко проникла в мою душу. Я возвращалась в мир, которому мне еще долго суждено было оставаться чужой…

По прибытии в Стокгольм я была удивлена и смущена,

неожиданно подвергшись осаде газетных репортеров. Какие-то незнакомые люди увезли меня на машине в киностудию и засняли на пленку. Позже я увидела себя на экране…

Я никак не могла понять, чем все это вызвано, пыталась отгадать, ждет ли меня такой же прием в Англии…

В полночь, как только корабль прибыл в Ньюкасл, репортеры принялись с боем брать у меня интервью. Они приехали из Лондона и ждали меня здесь два дня. Они особенно торопились, так как должны были вовремя передать свои сообщения в Лондон для утренних газет…

Между тем таможенный чиновник был по отношению ко мне крайне резок, обращался со мной так, будто я была нежелательной иностранкой. Он настоял на том, чтобы я открыла большие, похожие на гробы ящики, хотя я и уверяла его, что там нет ничего, кроме скульптур. Он по локоть запустил руку в солому и стружки…

— У меня нет ни духов, ни табака — в России мы не имеем таких вещей.

— Не это мы ищем, — ответил он свирепо. Мне тогда не могло прийти в голову, что они искали пропагандистские брошюры, я поняла это лишь позднее…

Пока я разрывалась между таможенниками и репортерами, так как и те и другие требовали моего внимания, приближался час отхода поезда. Наконец ящики были вновь заколочены, и один из репортеров предложил довезти меня до вокзала. Другой, с «кодаком» в руках, встретил меня там вспышкой магния.

— Неужели я в самом деле совершила что-то заслуживающее такого интереса? — спросила я у корреспондента «Дейли мейл».

— Еще бы! — ответил он улыбаясь…

Трудно описать, как по-разному встретили меня в Лондоне: похвалы, упреки, поздравления, брань, панегирики и критика… Я узнала, в какое бешенство пришла моя семья после моего отъезда… Уинстон (Черчилль. *Ред.)* заявил, что никогда больше не будет разговаривать со мной…

На следующий день мой дневник занял целую колонку в «Тайме». С афиш на углах улиц глядели пурпурные буквы — «Дневник миссис Шеридан»…

Моя частная жизнь стала адом. Выражение молчаливого страдания и негодования, появлявшееся на лице моего отца, как только он видел меня, приводило всех окружающих в уныние. Мои тетки ругали и осыпали меня упреками при каждом удобном случае и без конца досаждали мне замечаниями о моих «кровавых друзьях-большевиках». Мне постоянно приходилось выступать в защиту людей, так гостеприимно делившихся со мной тем

немногим, что они имели. Лишь истощив все свое негодование и гнев, я научилась сохранять спокойствие и оставаться глухой к невежественной болтовне, которую мне приходилось слышать со всех сторон. К концу недели Лондон сделал меня «большевичкой» в гораздо большей степени, чем даже Москва.

Этот период был поворотным в моей жизни. Так называемые «друзья» пропали один за другим, точно так же как опадают листья при первых морозах. Верными остались лишь несколько старых друзей, и их дружба стала вдвойне дороже…

Но у меня появилось много новых друзей. Однажды, когда я была в студии одна, раздался стук. Я открыла входную дверь. На пороге стоял высокий мужчина, одетый в поношенный костюм, в матерчатой кепке, надвинутой на глаза… Он говорил с каким-то неопределенным — не то ирландским, не то шотландским — акцентом. Он сказал, что у нас есть общие знакомые в Москве… Это был Уильям Галлахер, английский коммунист, скрывавшийся от полиции…

Телеграфно мне предложили турне по Соединенным Штатам… Я никогда в своей жизни не выступала публично, но… Но, если нужно, надо суметь…

Чтобы попробовать силы, я приняла сперва предложение выступить в Браунинг-клубе, где-то в Ист-энде, перед рабочей аудиторией… Председатель представил меня и сделал маленькое вступление. Затем он сел, раздались аплодисменты, и наступила тишина. Я вынуждена была встать… Дыхание у меня прервалось. Сердце забилось.

Но эти люди были ко мне добры. Они слушали внимательно, не кашляли, не вертелись. Иногда они смеялись. Это придавало мне уверенности. Я даже заметила раз слезы на глазах у некоторых из моих слушателей. Тогда я перестала прислушиваться к звуку собственного голоса. Я была целиком увлечена тем, о чем рассказывала. Время шло очень быстро. Сорок минут пролетели совершенно незаметно. Когда я кончила, они не только аплодировали, но поднялись на трибуну, крепко жали мне руки, и, прежде чем я успела опомниться, весь зал окружил меня…

Оставалось всего лишь две недели до того срока, когда скульптуры советских руководителей надо было отправить отлитыми в Москву. Бюст Ленина я по собственной инициативе высекла из мрамора (Этот бюст находится в Центральном музее В. И. Ленина. *Ред.)*…

Воспоминания о В И Ленине В 5 т., *М, 1985. Т. 5. С. 298–306*

В. ШОУ
ИЗ РЕЧИ ДЛЯ ЗВУКОВОГО ФИЛЬМА О ЛЕНИНЕ

Я тоже как Ленин. Я революционер. Я, наверное, родился революционером. До 1917 года я никогда не слышал имени Ленина, как и большинство людей в Англии, где я жил и откуда я приехал. Мы не особенно много узнали о личности Ленина и после этого.

Другие ораторы, выступавшие сегодня, рассказали о его научной работе, о его открытиях, об оригинальных идеях, которые он выдвинул. Но любопытно, что и в тех странах, где ничего не было известно о личности Ленина, он произвел как личность то же исключительное впечатление, что и в России.

Так вот, я не смогу объяснить вам этого; я не знаю, чем это объясняется. Может, это объясняется каким-то странным магнетизмом. Наука еще не объяснила, как происходят подобные вещи. Тем не менее это было именно так, и здесь, в России, тоже. Хотя он был одним из группы людей, многие из которых поражали своим необычайным, исключительным, выдающимся умом, решимостью и политическим талантом, людей, из которых одни были равны, а другие даже превосходили Ленина, тем не менее даже в этой группе необычайных, выдающихся людей он стоял особняком как личность неповторимая.

Как я уже сказал, я не смог бы объяснить этого. Я только могу сказать, что, как это ни странно, но, подобно тому, как он выделялся в России, где о нем было известно довольно много, точно так же он выделялся и в Англии, где о нем не было известно ничего.

Однако вы не должны думать, что значение Ленина, величайшее значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны смотреть в будущее. Каково же его значение для будущего? Так вот, значение это заключается в следующем. Если эксперимент, который предпринял Ленин, который он возглавил и представителем которого он для нас является, — если этот эксперимент в области общественного устройства не удастся, тогда цивилизация потерпит крах, как потерпели крах многие цивилизации, предшествовавшие нашей.

Мы знаем благодаря последним историческим исследованиям, что существовало много цивилизаций, что история их была во многом подобна истории нашей цивилизации и что, когда они достигали ступени, которой достигла сейчас

западная капиталистическая цивилизация, начиналось их быстрое разложение, сопровождавшееся полным крахом всей системы и чем-то весьма похожим на возврат человеческой расы к состоянию дикости. И снова и снова впоследствии человеческая раса пыталась обойти, проскочить эту ступень, но это никогда не удавалось ей.

А Ленин построил систему, которая поможет обойти эту ступень. Если довести до конца его эксперимент, если другие страны последуют его примеру и примут его учение, если этот великий коммунистический эксперимент распространить на весь мир, мы увидим новую эру истории. Больше не будет прежних крушений, и прежних неудач, и нового начала, и повторения всей этой грустной истории до самого ее грустного конца. Наступит новая эра истории, о которой мы сейчас не имеем представления.

Вот в чем для нас значение Ленина.

Если будущее будет таким, каким его предвидел Ленин, тогда мы все можем улыбаться и смотреть в будущее без страха. Однако если эксперимент его будет сорван и кончится неудачей, если мир будет упорствовать в сохранении капиталистического развития, тогда я должен с большой грустью проститься с вами, мои друзья.

Проститься с вами я должен в любом случае, потому что говорю я уже достаточно долго…

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине. М., *1976. С. 200–201*

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИИ ЦИК СССР»

Бесполезно воздавать похвалу Ленину теперь, когда он умер. Я счастлив, что около шести лет тому назад, когда клевета на Ленива в английской печати превосходила даже клевету на Георга Вашингтона в 1780 году и когда британское правительство истратило 100 млн фунтов стерлингов на финансирование врагов Ленина, я счастлив, что я приветствовал тогда Ленина, как величайшего государственного деятеля Европы, в надписи на одной из моих книг, которую я послал Ленину. Я надеялся, что это поможет показать Ленину, что в Англии живут не только жертвы, одураченные буржуазной печатью, и класс политических слепцов. Но, так как в это время почтовое сообщение с Россией было чрезвычайно затруднено и свирепствовала цензура, боюсь, эта книга, хотя она и была послана через русскую миссию, увы, не прибыла по назначению. К счастью, мое послание не было необходимым. Британское правительство, к своему великому изумлению, увидело, что английский пролетариат определенно

осуждает его поддержку врагов Ленина и является решительным врагом такого рода антиленинизма. Я не сомневаюсь, что настанет день, когда в Лондоне будет воздвигнута статуя Ленина рядом со статуей Георга Вашингтона. Могу прибавить, что, хотя я никогда не упускал случая выразить перед английской публикой мое восхищение Лениным, моя популярность нисколько не пострадала от этого и я ни разу не подвергся нападкам за мои отзывы о Ленине, а между тем это, несомненно, имело бы место, если бы Ленин оценивался у нас так, как заявляют реакционеры.

Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М., 1924. С. 54

А. ЭЙНШТЕЙН
О ЛЕНИНЕ

Я уважаю в Ленине человека, который всю свою силу с полным самопожертвованием своей личности использовал для осуществления социальной справедливости. Его метод кажется мне нецелесообразным. Но одно несомненно: люди, подобные ему, являются хранителями и обновителями совести человечества.

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине. ***М.,*** *1976. С. 206*

И. ЭРЕНБУРГ
В ЯНВАРЕ 1908 ГОДА

Большевистская группа собиралась в кафе на авеню д'0рлеан, неподалеку от Бельфорского льва. На втором этаже имелся небольшой зал; как то принято в Париже, его предоставляли безвозмездно — посетители должны были оплачивать только кофе или пиво. Мы пришли одними из первых…

На собрании было человек тридцать; я глядел только на Ленина. Он был одет в темный костюм со стоячим крахмальным воротничком; выглядел очень корректно. Я не помню, о чем он говорил, но, будучи достаточно дерзким мальчишкой, я попросил слово и в чем-то возразил. Он ответил мне мягко, не обругал, а разъяснил — я того-то не понял… Людмила (Людмила и Савченко— мои товарищи по московской большевистской организации, находившиеся в 1909 году в Париже.) мне сразу сказала, что я поступил глупо. Когда собрание кончилось, Владимир Ильич подошел ко мне: «Вы из Москвы?» Я ему объяснил, что в московской организации работал до января, потом был арестован, попытался устроиться в Полтаве, там разыскал товарищей. Ленин сказал, чтобы я к нему зашел.

Я разыскал дом на уличке возле парка Монсури (теперь я проверил — это была улица Бонье). Я долго стоял у двери — не решался позвонить: от недавней дерзости не осталось следа. Дверь открыла Надежда Константиновна. Ленин работал; он сидел, задумавшись, над длинным листом бумаги: чуть щурил глаза.

Я рассказал ему о провале ученической организации, о статье «Два года единой партии», о положении в Полтаве. Он внимательно слушал, иногда едва заметно улыбался; мне казалось, он догадывается, что я еще мальчишка, и это путало мои мысли. Я сказал, что помню на память адреса для рассылки газеты. Надежда Константиновна адреса записала. Я хотел уходить, но Владимир Ильич меня удержал; он стал расспрашивать, как настроена молодежь, кого из писателей больше читают, популярны ли сборники «Знания», на каких спектаклях я был в Москве — у Корша, в Художественном театре. Он ходил по комнате, а я сидел на табурете. Надежда Константиновна сказала, что время обедать; я решил, что засиделся, но меня оставили, накормили. Меня удивил порядок — книги стояли на полке, на рабочем столе Владимира Ильича ничего не было накидано — не похоже ни на комнаты моих

московских товарищей, ни на квартиру, где жили Савченко и Людмила. Владимир Ильич несколько раз повторял Надежде Константиновне: «Вот прямо оттуда… Знает, чем живет молодежь…»

Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре.

(Много лет спустя после смерти Ленина я взял воспоминания Н. К. Крупской. Надежда Константиновна писала, что Ленин прочитал мой первый роман. «Это, знаешь, Илья Лохматый (кличка Эренбурга), — торжествующе рассказывал он. — Хорошо у него вышло». Я был у Владимира Ильича в самом начале 1909 года; и я не знал, что снова с ним мысленно разговаривал — незадолго до его смерти— в 1922 или 1923 году, когда он читал мою книгу «Хулио Хуренито».)

Несколько раз я слышал Ленина на собраниях; говорил он спокойно, без пафоса, без красноречия; слегка картавил; иногда усмехался. Его речи походили на спираль: боясь, что его не поймут, он возвращался к уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. (Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить забывали, что спираль похожа на круг и не похожа — спираль идет дальше.)

Ленин внимательно следил за политической жизнью Франции, изучал ее историю, ее экономику, знал быт парижских рабочих. Он не только говорил по-французски, но и мог писать на этом языке статьи.

В мае 1909 года я был на демонстрации у стены Коммунаров. Впереди шли участники Коммуны; их было еще много, и они бодро шагали. Мне они показались глубокими стариками; я думал о Коммуне как о странице древней истории — ведь это было тридцать восемь лет назад! У стены Коммунаров я увидел Ленина; он стоял среди группы большевиков и глядел на стену — из камня выступали тени федератов.

Видел я Ленина и в библиотеке Сент-Женевьев, и на скамейке в парке Монсури, среди старух и детишек, и в рабочем театре на улице Гэтэ, где певец Монтегюс пел революционные песенки.

В пылу полемики против эсеров, пренебрегавших законами развития общества, я, разумеется, отрицал всякую роль личности в истории. Несколько лет назад я задумался над фразой из письма Энгельса: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они

отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии». Пример Ленина поставил многое на свое место.

Когда я пришел к Владимиру Ильичу, консьержка мне строго сказала: «Вытрите ноги». Разве она понимала, кто ее жилец? Разве понимал официант кафе на авеню д'0рлеан, что о господине, который заказывает кружку пива, восемь лет спустя будет говорить весь мир? Разве догадывались посетители библиотеки, что человек, аккуратно выписывающий из книг цифры и имена, изменит ход истории, что о нем будут писать десятки тысяч авторов на всех языках мира? Да разве я, с благоговением глядевший тогда на Владимира Ильича, мог себе представить, что передо мной человек, с которым будет связано рождение новой эры человечества?

Владимир Ильич был в жизни простым, демократичным, участливым к товарищам. Он не посмеялся даже над нахальным мальчишкой… Такая простота доступна только большим людям; и часто, думая о Ленине, я спрашивал себя: может быть, воистину великой личности чужд, даже неприятен культ личности?

Ленин был человеком большим и сложным. В бурные годы гражданской войны после исполнения сонаты Бетховена Исаем Добровейном Ленин сказал А. М. Горькому:

«— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!»

Я выписал эту длинную цитату из воспоминаний Горького, потому что она слишком тесно связана с моей жизнью и с моими мыслями, нет, местоимение не то — с нашим веком, с нашей судьбой.

Вашим, товарищ, сердцем и именем… Писатели и деятели искусства мира о В. И. Ленине. М, 1976. С. 52–55

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авенариус (Avenarius) Р. (1843–1896) — швейцарский философ, субъективный идеалист; профессор Цюрихского университета (с 1877 г.); создатель философской системы эмпириокритицизма. — 150, 367

Авербах М. И. (1872–1944) — врач-офтальмолог, академик; принимал участие в лечении Ленина. — 423

Авилов Б. В. (1874–1938) — социал-демократ, большевик, журналист и статистик. В 1917 г. вышел из партии, сотрудничал в газете «Новая жизнь». — 411

Адамюк Э. В. (1839–1906) — один из основоположников офтальмологии в России; в 1871–1901 гг. — профессор Казанского университета. — 427

Адлер (Adier) В. (1852–1918) — один из организаторов и лидеров австрийской социал-демократии; позднее выступал с ревизией марксизма с реформистских позиций, один из лидеров II Интернационала. — 86, 204

Адлер (Adier) М. (1873–1937) — австрийский философ, один из главных теоретиков австромарксизма. — 305

Адлер (Adier) Ф. (1879–1960) — один из лидеров австрийской социал-демократии и теоретиков австромарксизма. Сын В. Адлера. 21 октября 1916 г. убил министра-президента К. Штюргка с целью добиться прекращения войны. — 317

Адоратский В. В. (1878–1945) — социал-демократ с 1904 г., большевик. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, зам. зав. Центральным архивным управлением (1920–1929). — 234

Азеф Е. Ф. (1869–1918) — один из организаторов партии эсеров и руководителей ее «боевой организации»; тайный агент департамента полиции с 1892 г., разоблачен в 1908 г. — 395

Аксельрод Л. И. (1868–1946) — философ и литературовед. Участница социал-демократического движения в России с 1892 г.; позднее — меньшевичка, сторонница Г. В. Плеханова. После Октябрьской революции — на преподавательской и научной работе. — 320

Аксельрод Н. И. — жена П. Б. Аксельрода. — 323

Аксельрод П. Б. (1850–1928) — народник, затем социал-демократ, один из основателей группы «Освобождение труда», впоследствии один из лидеров меньшевиков. После Октябрьской революции эмигрировал—96, 97, 121, 147, 212, 248, 322–326, 343, 387

Александр III (1845–1894) — российский император с

1881 г. — 146

Альтман Н. И. (1899–1970) — советский художник, автор скульптурного портрета и целого ряда карандашных зарисовок В. И. Ленина. — 533

Андреев — большевик, член бернской группы. — 114

Анучин Д. Н. (1843–1923) — ученый, академик, антрополог, географ, этнограф, археолог. — 143

Арманд Е. Ф. (Инесса) (1874–1920) — социал-демократка с 1904 г., большевичка, деятель международного социалистического женского движения. Делегат VI съезда РСДРП (б). После Октябрьской революции работала в Москве, автор популярных брошюр. Была близким другом семьи В. И. Ленина. — 410

Аронсон Н. Л. (1872—год смерти не установл.) — скульптор. С 1890 г. жил и работал в Париже. — 122, 433

Ататюрк К. Г. М. (1881–1938) — первый президент Турецкой республики (1923–1938). — 463

Б

Бадаев А. Е. (1883–1951) — советский партийный и государственный деятель; рабочий-слесарь, член РСДРП с 1904 г., большевик. Депутат IV Государственной думы. После Октябрьской революции — на руководящей партийной, советской, хозяйственной работе — 270

Базаров (Руднев) В. А. (1874–1939) — философ, экономист и публицист. Социал-демократ. В 1905–1907 гг. — большевик. В 1917 г. — сотрудник газеты «Новая жизнь». — 411

Бакунин М. А. (1814–1876) — русский революционер и публицист. С 1840 г. жил за границей, участник революции 1848–1849 гг. в Германии; один из идеологов народничества и анархизма; в I Интернационале выступал как противник марксизма; в 1872 г. исключен из Интернационала за раскольническую деятельность. — 53, 406

Бальфур (Balfour) А. Д. Ж. (1848–1930) — английский государственный деятель, один из лидеров консерваторов. В 1902–1905 гг. — премьер-министр; в 1915–1916 гг. — морской министр; в 1916–1919 гг. — министр иностранных дел. — 166, 511, 518

Барбюс (Barbusse) А. (1873–1935) — французский писатель и общественный деятель. С 1923 г. — член Французской коммунистической партии. — 435, 534

Барков Б. — анархист. — 390

Бауэр (Ваиег) О. (1882–1938) — один из лидеров и теоретиков австрийской социал-демократии и II Интернационала. В 1918–1919 гг. — министр иностранных дел австрийской буржуазной республики. — 391

Ваш (Basch) В. Ж. (1865–1944) — профессор эстетики в Сорбонне, вице-председатель Лиги защиты прав человека. — 436

Бебель (Bebel) А. (1840–1913) — деятель германской социал-демократии и международного рабочего движения. Один из основателей (1869) немецкой Социал-демократической рабочей партии («эйзе-нахцы»), неоднократно избирался депутатом рейхстага. Выступал против реформизма и ревизионизма. — 86, 201, 311, 375

Бельтов—см. Плеханов Г. В. — 321

Бердяев Н. А. (1874–1948) — русский философ-идеалист. В начале литературной деятельности стоял на позициях «легального марксизма». С 1905 г. — член партии кадетов. В 1922 г. выслан из СССР.- 364

Бернар (Bernhardt) С. (1844–1923) — французская актриса. —

Бернштейн (Bernstein) Э. (1850–1932) — немецкий социал-демократ, публицист. Во второй половине 90-х гг. XIX в. выступил с открытой ревизией марксизма с реформистских позиций; один из лидеров оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала. — 213

Бетховен (Beethoven) Л. (1770–1827) — немецкий композитор. — 545

Бийо-Варенн (Billaud- Varenne) Ж. Н. (1756–1819) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в., левый якобинец. С 1792 г. — депутат Конвента, с 1793 г. — член Комитета общественного спасения. В 1794 г. примкнул к термидорианцам. — 277

Бисмарк (Bismarck) О. фон Шёнхаузен. князь (1815–1898) — государственный деятель Пруссии и Германии, министр-президент Пруссии (1862–1872 и 1873–1890), канцлер Северогерманского союза (1867–1871) и Германской империи (1871–1890). Осуществил объединение Германии. — 379, 381, 463

Битти (Beafty) Б. (1886–1947) — американская писательница. — 448

Бланк—см. М. А. Ульянова. — 146

Бланки (Blanqui) Л. О. (1805–1881) — французский революционер, утопист-коммунист; успех революции связывал с хорошо подготовленным заговором организации революционеров. — 484

Богданов (Малиновский) А. А. (1873–1928) — философ, социолог, экономист, деятель российского социал-демократического движения, по профессии — врач. В 1905–1908 гг. являлся членом ЦК РСДРП, входил в редакции большевистских печатных органов. Создатель философской системы «эмпириомонизма». После Октябрьской революции — один из организаторов и руководителей «Пролеткульта». С 1926 г. — директор основанного им Института переливания крови. — 130, 274, 275, 335, 336, 367

Болотников И. И. (ум. в 1608 г.) — предводитель крупного антифеодального восстания крестьян и холопов 1606–1607 гг. в России. — 420

Бонапарт—см. Наполеон I. — 240, 419, 463, *Бонч-Бруевич В. Д.* (1873–1955) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1895 г. В 1917–1920 гг. — управляющий делами Совета Народных Комиссаров. — 50, 53

Бордига (Bordiga) А. (1889–1970) — итальянский социалист. В 1921–1924 гг. — руководитель Итальянской коммунистической партии. В 1930 г. — исключен из ИКП, отошел от политической

жизни. — 134

Бородин (Грузенберг) М. М. (1884–1951) — советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1903 г. В 1918–1923 гг. работал в Коминтерне. — 532, 534

Брайант (Bryant) Л. (1890–1936) — американская журналистка; жена Джона Рида. Осенью 1917 г. вместе с группой журналистов приезжала в Россию, неоднократно бывала в России и позднее. — 437

Брантинг (Branting) К. Я. (1860–1925) — один из основателей и руководителей социал-демократической партии Швеции, один из лидеров II Интернационала. В 1917–1920 гг. входил в состав правительства Швеции, в 1921–1925 гг. — премьер-министр. — 213

Бунак В. В. (1891–1979) — советский антрополог, профессор. — 143, 144

Бухарин Н. И. (1888–1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1906 г., в 1917–1934 гг. избирался членом ЦК, в 1934–1937 гг. — кандидатом в члены ЦК партии; с 1919 г. — кандидат в члены, а в 1924–1929 гг. — член Политбюро ЦК. В 1918–1929 гг. — главный редактор газеты «Правда». Член ЦИК СССР. В 1926–1929 гг. — председатель Исполкома Коминтерна.

С 1929 г. — действительный член Академии наук СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 29, 72, 75, 219, 261, 270, 338, 385

Бьюкенен (Buchanan) Д. У. (1854— 192t) — английский дипломат; в 1910–1918 гг. — посол в России, в 1919–1921 гг. — посол в Италии. — 65

В

Вагнер (Wagner) В. Р (1813–1883) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный писатель и театральный деятель. — 103

Вайян-Кутюрье (Vaillant-Couturier) П. (1892–1937) — деятель французского и международного коммунистического движения, писатель, журналист. — 439

Валентинов Н. (Вольский Н. В.) (1879–1964) — журналист; после II съезда РСДРП примыкал к большевикам, в конце 1904 г. перешел к меньшевикам. После Октябрьской революции — на редакторской и дипломатической работе; впоследствии эмигрировал. — 330

Ван Ань-ши (1021–1086) — китайский государственный деятель — реформатор, ученый и писатель. — 351

Ван-Ган-че—см. Ван Ань-ши. — 351

Вандерлип (VanderUp) В. Б. (1866—год смерти не установл.) — американский инженер, предприниматель. В 1920 г. приезжал в Советскую Россию с предложением о заключении договора о нефтяных и угольных концессиях. — 509, 510, 517

Ванеев А. А. (1872–1899) — деятель российского социал-демократического движения; принимал участие в создании Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; умер в ссылке. — 108, 248

Барский (Warski) А. (1868–1937) — деятель польского революционного движения, участвовал в создании Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, входил в состав ЦК РСДРП; один из основателей Коммунистической партии Польши. В 1929 г. эмигрировал в СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 213

Отец Василий — священнослужитель. — 469

Вашингтон (Washington) Дж. (1732–1799) — первый президент США (1789–1797). — 541

Вейсброд Б. С. (1874–1942) — врач-хирург; в начале 20-х Годов — главный врач 2-й Градской больницы в Москве. Принимал участие в лечении В. И. Ленина. — 440

Верлен (Verlaine) П. (1844–1896) — французский поэт, один из основателей символизма. — 122, 123

Вест Дж. — английский журналист. — 444

Виленский-Сибиряков В. Д. (1888–1943) — советский партийный и государственный деятель, в революционном движении с 1903 г. В советское время — член ВЦИК, уполномоченный РСФСР на Дальнем Востоке, политический комиссар Академии Генерального штаба Красной Армии. С

1922 г. на литературной работе — один из редакторов «Известий ЦИК СССР», основал историко-революционный журнал «Каторга и ссылка». Репрессирован, реабилитирован посмертно. — 240

Вильгельм II (Гогенцоллерн) (1859–1941) — германский император и король Пруссии (1888–1918). — 260, 261, 409, 451

Вильяме (Williams) А. Р. (1883–1962) — американский журналист. Очевидец и участник Октябрьской революции; неоднократно посещал СССР. — 442, 451

Владимиров (Шейнфинкель) М. К. (1879–1925) — член РСДРП с 1903 г., большевик. В 1911 г. отошел от большевиков, на VI съезде РСДРП (б) с группой межрайонцев принят в большевистскую партию. После Октябрьской революции — на руководящей государственной работе. — 117

Воинов — см. Луначарский А. В. — 356

Войтинский В. С. (1885–1968) — деятель российского социал-демократического движения, экономист, литератор. В 1905–1913 гг. — большевик, затем меньшевик. Организатор и председатель Петербургского союза безработных (1905–1907). В 1917 г. — комиссар Северного фронта при Временном правительстве. С 1921 г. — в эмиграции. — 332

Володарский В. (Гольдштейн М. М.) (1891–1918) — деятель российского революционного движения. С 1917 г. — большевик. После Октябрьской революции — член Совета Народных Комиссаров, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты» в Петрограде. Убит эсерами 20 июня 1918 г. — 444

Боровский В. В. (1871–1923) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1894 г. После Октябрьской революции — полномочный представитель Советской республики в Скандинавских странах (1917–1919), в 1919–1920 гг. заведовал Госиздатом, затем — снова на дипломатической работе в Италии (1921–1923). Убит террористом—470, 472

Воронский А. К. (1884–1943) — русский советский литературный критик, публицист, писатель. Член РСДРП с 1904 г. В 20-е годы редактировал журналы «Красная новь», «Прожектор», возглавлял издательство «Круг». — 453

Воронцов В. П. (1847–1918) — русский экономист и публицист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х гг., автор ряда книг о судьбах крестьянской общины в России, противник марксизма. — 343, 347

Восков С. П. (1889–1920) — активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. — 444

Врангель П. Н. (1878–1928) — генерал царской армии, барон. В период гражданской войны в России — один из руководителей

контрреволюции на юге России, в апреле — ноябре 1920 г. — главнокомандующий белогвардейскими вооруженными силами юга России в Крыму. — 31, 287, 474

Г

Гаазе (Haase) Г. (1863–1919) — один из председателей германской социал-демократической партии в 1911–1917 гг.; центрист. — 214

Гайндман (Hyndman) Г. М. (1842–1921) — английский социалист, реформист. Основатель (1881) и лидер Демократической федерации (в 1884 г. преобразована в Социал-демократическую федерацию). Являлся одним из лидеров Британской социалистической пар-тин (до 1916 г.). — 356

Галилей (Galilei) Г. (1564–1642) — итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик. — 279

Галлахер (Gallacher) У. (1881–1965) — деятель английского рабочего движения. С 1921 г. — член английской коммунистической партии. В 1935–1950 гг. — депутат парламента. В 1943–1956 гг. — председатель Исполкома Компартии Великобритании, с 1956 г. — ее президент. — 538

Ганди М. К. (1869–1948) — деятель национально-освободительного движения Индии, основоположник гандизма. — 462

Гарден (Harden) М. (1861–1927) — немецкий писатель, публицист. Основатель (1892) и редактор (до 1922 г.) еженедельника «Die Zukunft» («Будущее»). — 463

Гарди (Hardie) Д. К. (1856–1915) — деятель английского и шотландского рабочего движения, один из основателей лейбористской партии. — 204

Гегель (Hegel) Г. В. Ф. (1770–1831) — немецкий философ, объективный идеалист, создавший систематическую теорию диалектики— 233, 487

Гейден П. А. (1840–1907) — граф, крупный помещик. Один из организаторов буржуазной партии октябристов. — 136

Гейне (Heine) Г. (1797–1856) — немецкий поэт и писатель. — 176, 400

Гейцман. И. М. (1879–1938) — анархист-коммунист. В революционном движении с 1897 г. В 1902–1905 гг. — в эмиграции. Организатор ряда анархистских групп. После Октябрьской революции сотрудничал с Советской властью. С 1923 г. — член РКП(б). — 392

Герцен А. И. (1812–1870) — русский революционер, писатель, философ. — 372

Герцог В. — немецкий литератор, редактор журнала «Форум». — 465

Гершуни Г. А. (1870–1908) — один из основателей и руководителей партии эсеров и создатель ее боевой группы, член ЦК партии. — 395

Гильбо (Guilbeaux) А. (1885–1938) — французский социалист, журналист. — 466

Гильфердинг (HHferding) Р. (1877–1941) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала; теоретик австромарксизма. С 1917 г. — лидер Независимой социал-демократической партии Германии, неоднократно входил в состав правительства Веймарской республики. — 219

Гитлер (Hitler) (Шикльгрубер) А. (1889–1945) — лидер (фюрер) фашистской (Национал-социалистской) партии, канцлер Германии с 1933 г., президент с 1934 г. — 374

Гнейзенау (Gneisenau) А. В. А. (1760–1831) — прусский фельдмаршал, граф Нейтхардт. — 201

Гоббс (Hobbes) Т. (1588–1679) — английский философ, один из основоположников механистического материализма. — 279

Гогенцоллерн—см. Вильгельм II. — 155

Гогенцоллерны (Hohemollern) — династия бранденбургских курфюрстов (1415–1701), прусских королей (1701–1918), германских императоров (1871–1918). — 379

Гольденберг И. П. (1873–1922) — журналист, деятель российского социал-демократического движения, после II съезда РСДРП в течение ряда лет — большевик, впоследствии меньшевик. — 335

Гомер (между XII и VII вв. до н. э.) — древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». — 406

Горбунов Н. П. (1892–1937) — советский государственный деятель. Член партии с 1917 г. В 1917 г. — секретарь СНК. С 1920 г. — управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР, затем СНК СССР и Совета Труда и Обороны (СТО); член Госплана СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 503

Гортер (Gorier) Г. (1864–1927) — голландский социал-демократ, публицист. В 1918–1921 гг. — член Коммунистической партии Голландии, занимал ультралевые позиции. — 217, 219

Горький Максим (Пешков А. М.) (1868–1936) — русский советский писатель. — 61, 81, 125, 193, 319, 457–460, 467, 471, 473, 500, 522, 545, 546

Гоц М. Р. (1866–1906) — один из основателей и член ЦК партии эсеров. — 344

Гракхи (братья) Тиберий (Tiberius) (162–133 или 132 до н. э.) *и Гай (Gaius)* (153–121 до н. э.) — политические деятели Древнего Рима, провели ряд реформ с целью остановить разорение

крестьянства, укрепить римское государство и армию. — 276

Грамши (Gramsci) А. (1891–1937) — основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии, теоретик-марксист.—

Грозовский. — 389

Гуковский И. Э. (1871–1921) — большевик, в 1917 г. — казначей ЦК РСДРП(б), позднее — нарком финансов. — 411

Гучков А. И. (1862–1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. В 1910–1911 гг. — председатель III Государственной думы. После Февральской революции в России — военный и морской министр в первом составе Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал. — 64

Гюисманс (Huysmans) К. (1871–1968) — бельгийский социалист. В 1905–1922 гг. — секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала. — 444

Д

Дан (Гурвич) Ф. И. (1871–1947) — один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета и Президиума ВЦИК. Выслан из России в 1922 г. — 126

Дантон (Danton) Ж. Ж. (1759–1794) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь правого крыла якобинцев. — 391, 420

Дарвин (Darwin) Ч. Р. (1809–1882) — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения. — 228

Дейч Л. Г. (1855–1941) — деятель российского революционного движения. Народник с 1874 г., член группы «Освобождение труда» с 1883 г., с 1903 г. — один из лидеров меньшевизма. После 1917 г. отошел от политики. — 395

Декарт (Descartes) Р. (1596–1650) — французский философ-дуалист, математик, физик, физиолог. — 501

Деникин А. И. (1872–1947) — генерал царской армии; во время гражданской войны в России — один из руководителей белогвардейского движения. Главнокомандующий антисоветскими вооруженными силами юга России. — 69, 220, 287, 294, 296, 386, 474

Десницкий (Строев) В. А. (1878–1958) — деятель российского социал-демократического движения, литературовед. В 1903–1909 гг. — большевик. В 1917 г. — один из основателей газеты «Новая жизнь». — 411

Джон — см. Маслов П. П. — 356

Джордж (George) Г. (1839–1897) — американский экономист и публицист. Выступал за национализацию земли буржуазным государством со сдачей ее в аренду отдельным лицам. — 355, 356

Дзержинский Ф. Э. (1877–1926) — деятель польского и российского социал-демократического движения. Один из организаторов Социал-демократии Польши и Литвы, избирался членом ЦК РСДРП в 1907 г. После Октябрьской революции — председатель Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В 1921 г. был назначен народным комиссаром путей сообщения с оставлением на постах председателя ВЧК и наркома внутренних дел; с 1924 г. — председатель ВСНХ. С июня 1924 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) и член Оргбюро ЦК РКП(б). — 530, 531

Дик — сын К. Шеридан. — 531, 532, 535

Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) — великий князь Владимирский и Московский, организатор победы русских войск

в Куликовской битве 1380 г. — 420

Добровейн (Барабейчик) И. А. (1894–1953) — русский пианист, дирижер и композитор, с 1923 г. жил и работал за рубежом. — 545

Драйзер (Dreiser) Т. (1871–1945) — американский писатель и общественный деятель. — 479

Дубровинский (Иннокентий) И. Ф. (1877–1913) — деятель российского революционного движения с 1893 г… затем большевик, член ЦК РСДРП. Погиб в ссылке. — 103

Е

Екатерина II (1729–1796) — российская императрица (с 1762 г.). — 128

Ермолаев И. О. — крестьянин села Шушенское. — 111

Ж

Желябов А. И. (1851–1881) — русский революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли». Один из организаторов покушения на Александра II. Казнен. — 364

Жорес (Jaures) Ж. (1859–1914) — деятель французского и международного социалистического движения, руководитель французской социалистической партии, историк. Реформист, противник войны. Убит шовинистом в канун первой мировой войны. — 86, 204, 394

З

Запорожец П. К. (1873–1905) — деятель российского революционного движения, участвовал в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — 108, 248

Засулич В. И. (1849–1919) — активная деятельница народнического, затем социал-демократического движения России, одна из основателей группы «Освобождение труда» (1883), впоследствии стояла на позициях меньшевизма—94, 96, 97, 128, 131, 147, 248, 322— 326

Землячка (Залкинд) Р. С. (1876–1947) — советский и государственный деятель, член партии с 1896 г., входила в состав ЦК, в советское время — на руководящей партийной и государственной работе. — 335

Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883–1936) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г., большевик. В 1907–1917 гг. — член ЦК РСДРП. В 1908–1917 гг. в эмиграции работает в редакциях «Пролетария», «Социал-демократа». Был председателем Петроградского Совета. В 1919–1926 гг. — кандидат и член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Исполкома Коминтерна. В результате внутрипартийной борьбы исклю4Ылся из партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 62, 115–117, 125, 267, 335, 410, 418, 450, 467, 472, 528

И

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) — великий князь с 1533 г., царь с 1547 г. — 276

Иловайский Д. И. (1832–1920) — русский историк, автор широко распространенных учебников для средней школы, имевших консервативный характер. — 281

Иннокентий—см. Дубровинский И. Ф. — 103

Иоанн Безземельный (John Lackland) (1167–1216) — английский король с 1199 г., потерявший в результате неудачной войны большую часть своих французских владений. — 230

Иоффе А. А. (1883–1927) — социал-демократ, большевик с 1917 г., член ЦК. С 1918 г. — полпред РСФСР в Германии. — 260

К

Калинин М. И. (1875–1946) — член РСДРП с 1898 г., большевик, член ЦК с 1919 г… Политбюро с 1926 г. Председатель ВЦИК РСФСР с 1919 г., председатель ЦИК СССР с 1˚22 г. — 72, 534, 535

Калмыкова А. М (1849–1926) — общественная деятельница, близкая к народовольцам, позднее социал-демократам, большевикам, которым оказывала финансовую и иную помощь. — 96

'Кальвин (Calvin) Ж. (1509–1564) — один из крупнейших деятелей Реформации, основатель кальвинизма. Кальвинизм' отличался крайней религиозной нетерпимостью, стремлением к подчинению светской власти, жесткой регламентации жизни граждан. — 279

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г., большевик, член ЦК РСДРП(б) с 1917 г. В 1919–1926 гг. — член Политбюро, зампред СНК и СТО РСФСР, председатель Моссовета. В ходе внутрипартийной борьбы исключался из партии. Был незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 72, 96, 185, 410, 416, 450, 468

Комков (Каи) Б. Д. (1885–1938) — эсер. Один из лидеров партии левых эсеров. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 446

Кант (Kant) И. (1724–1804) — немецкий философ-идеалист, родоначальник немецкой классической философии. — 328

Каплан Ф. Е. (Ройтман Ф. Х.) — эсерка, стреляла в Ленина 30 августа 1918 г. Расстреляна 3 сентября по постановлению ВЧК. — 135,156,468

Карамзин Н. М. (1766–1826) — русский писатель, историк, автор знаменитой «Истории государства Российского». — 276

Каррьер Э. — французский художник. — 123

Карузо (Caruso) Э. (1873–1921) — итальянский оперный певец. — 517

Каутский (Kautsky) К. (1854–1938) — немецкий социал-демократ, марксист-теоретик, один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, идеолог центризма. — 87, 112, 156, 185, 205, 206, 213, 214, 216, 219, 232, 251, 252, 379, 382, 384, 477

Кейер-Гарди — см. Гарди Д. К. — 204

Кемаль М. — см. Ататюрк К. Г. М. — 463

Керенский А. Ф. (1881–1970) — адвокат, член IV

Государственной думы, в 1917 г. — эсер, министр, а затем глава Временного правительства. Эмигрировал в 1918 г. — 64, 65, 153, 154, 273, 318, 341, 419

Керзон (Curzon) Дж. Н. (1859–1925) — лорд, английский политический деятель. В 1919–1924 гг. — министр иностранных дел. — 297

Керр (Kerr) — лорд Инверчепел (Inverchapel) А. (1882–1951) — английский дипломат. — 480

Киселев А. С. (1879–1937) — советский государственный и партийный деятель, член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1918–1920 гг. — на профсоюзной работе, в 1921–1923 гг. — председатель Малого СНК. В 1919–1938 гг. — член Президиума ВЦИК РСФСР, СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 80

Клаузевиц (Clausewitz) К. (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк. — 221

Клоотс (Cloots) А. (1755–1794) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в., философ-просветитель. Отстаивал идею создания «всемирной республики» как результата революционной войны. Казнен вместе с эбертистами. — 200

Клюев Н. А. (1887–1937) — русский, советский поэт. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 453

Кол, ван Коль (van Kol) Г. (1852–1925) — деятель голландского рабочего движения, реформист. Сторонник идеи «цивилизаторской миссии» капитализма в колониях. — 213

Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois) Ж. М. (1749–1796) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в. Был членом Конвента, Комитета общественного спасения. Один из организаторов термидорианского переворота. — 277

Коллонтай А. М. (1872–1952) — член РСДРП с 1898 г., большевичка с 1915 г. После Октябрьской революции — нарком государственного призрения. С 1923 г. — дипломат. — 88, 218, 254, 410

Колчак А. В. (1873–1920) — адмирал, один из руководителей вооруженной борьбы против Советской власти на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке. Расстрелян Иркутским ревкомом. — 69, 70, 220, 287, 294, 296, 386, 474

Компер-Морель (Compere-Morel) К. А. А. (1872–1941) — французский социалист, публицист, автор работ по аграрному вопросу. — 206

Корнилов Л. Г. (1870–1918) — генерал, верховный главнокомандующий в июле — августе 1917 г. В конце августа 1917 г. совершил попытку военного переворота, затем стал организатором и командующим белогвардейской

добровольческой армии. Убит в бою. — 64, 341

Косиор В. В. (1891–1938) — советский партийный и государственный деятель, член РСДРП с 1907 г. После Октябрьской революции — на военной, профсоюзной и хозяйственной работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 255

Красиков (Вольский) {I. А. (1870–1939) — социал-демократ, большевик. Участник II, III съездов РСДРП. С 1917 г. — член коллегии Наркомюста, с 1925 г. — прокурор, а с 1933 г. — зам. председателя Верховного суда. — 335

Красин Л. Б. (1870–1926) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1890 г. Инженер В 1903–1907 гг. — член ЦК РСДРП, ЦК ВКП(б) в 1924–1926 гг. С 1918 г. — член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности, затеЛ — нарком путей сообщения, внешней торговли. С 1920 г. — одновременно полпред в Англии, затем во Франции. — 411

Крейбих (Kreibich) К. (1883–1966) — чешский социал-демократ, один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии, историк. В 1922, 1924 и 1925 гг. — член Исполкома Коминтерна. — 84

Кржижановский Г. М. (1872–1959) — советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1893 г., большевик, ученый. В 1903–1905 гг. — член ЦК РСДРП. В 1920 г. возглавлял работу Комиссии по электрификации России, с 1921 г. — Госплан. Академик. — 90, 107–108, 248, 468, 473

Кричевский Б. Н. (1866–1919) — социал-демократ, публицист, один из лидеров «экономизма». — 325

Кромвель (Cromwell) О. (1599–1658) — деятель английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии (с 1653 г.). — 276, 278–280. 299, 300, 397, 463, 493

Кропоткин П. А. (1842–1921) — революционер, теоретик анархизма, ученый-географ. — 50–58, 406, 437

Крупская Н. К. (1869–1939) — ближайший соратник и жена В. И. Ленина. — 71, 75, 76, 81, 82, 85, 93, 101, 115, 115–120, 129, 147, 151, 331, 425, 434, 520,543—544

Ксенофонт (ок. 430–355/354 до н. э.) — древнегреческий писатель. — 123

Кулидж (Coolidge) К. (1872–1933) — президент США в 1923–1929 гг. — 278

Куприн А. И. (1870–1938) — русский писатель, в 1919–1937 гг. — эмигрант. — 434

Кураев В. В. (1891–1938) — член РСДРП с 1914 г. После Октябрьской революции — председатель Пензенского губисполкома, губ-кома партии. В 1918–1919 и 1920 гг. — член

коллегии Наркомзема. Был необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 195

Кшивицкий Л. (1859–1941) — социалист, автор трудов по аграрному вопросу. — 206

Л

Лавров П. Л. (1823–1900) — русский социолог и публицист, один из идеологов народничества. — 345, 357

Лалаянц И. Х. (1870–1933) — социал-демократ, большевик с 1903 г.; член ЦК РСДРП в 1905 г. — 248

Ларин Ю. (Лурье М. З.) (1882–1932) — социал-демократ, большевик с 1917 г.; с 1917 г. — член Президиума ВСНХ. — 260, 261, 418

Лассаль (Lassalle) Ф. (1825–1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист, адвокат, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза. Положил начало оппортунизму в германском рабочем движении. — 207, 309, 487

Лафарг (Lafargue) П. (1842–1911) — революционер, публицист, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, член Генерального Совета I Интернационала, один из основателей французской рабочей партии (1879). — 205

Лебе (Lobe) П. (1875–1967) — немецкий политический деятель, социал-демократ; был председателем германского рейхстага. — 401

Лебедев Н. К. — автор ряда работ по истории анархизма. — 51

Леей (Levi) П. (1883–1930) — немецкий социал-демократ, коммунист, член ЦК КПГ. Исключен из КПГ в 1921 г. — 84, 402

Легин (Legien) К. (1861–1920) — немецкий правый социал-демократ. С 1890 г. — председатель Генеральной комиссии профсоюзов Германии, с 1913 г. — председатель Международного секретариата профсоюзов. — 213

Ледебдр (Ledebour) Г. (1850–1947) — германский социал-демократ; был депутатом рейхстага; в годы первой мировой войны занимал непоследовательно интернационалистическую позицию, с 1917 г. — поддержал открытых шовинистов. — 403

Лейнерт Г. — германский социал-демократ, председатель прусского ландтага. — 404

Леонтьев К. Н. (1831–1891) — русский писатель, публицист, литературный критик. — 376

Лепешинский П. Н. (1868–1944) — социал-демократ, большевик. В эмиграции был близок к В. И. Ленину. — 60, 61, 96, 106

Ли (Lee) Р. Э. (1807–1870) — американский генерал, главнокомандующий армией южан во время Гражданской войны в США. — 63

Либкнехт (Liebknecht) К. (1871–1919) — немецкий социал-демократ, лидер интернационалистов, один из основателей

Коммунистической партии Германии. Убит контрреволюционерами. — 134, 215, 216, 314, 350, 394, 406, 407, 415

Лилина З. И. (1882–1929) — жена Г. Е. Зиновьева. — 113

Ллойд Джордж (Lloyd George) Д. (1863–1945) — английский государственный и политический деятель, лидер партии либералов, премьер-министр в 1916–1922 гг. — 136, 466

Локкарт (Lockhart) Р. Г. Б. (1887–1970) — английский журналист; в 1915–1917 гг. — генеральный консул в России; с 1918 г. — глава специальной английской миссии при Советском правительстве. Являлся одним из организаторов заговора стрех послов» с целью свержения Советской власти. — 499

Лохматый Илья— см. Эренбург И. — 544

Лукач (Lukdcs) Д. (1885–1971) — венгерский философ и литературный критик. Член КП Венгрии с 1918 г. Был наркомом по культурным делам в Венгерской Советской Республике в 1919 г. — 481

Луначарский А. В. (1875–1933) — социал-демократ, большевик, партийный и государственный деятель, писатель, критик. После Октябрьской революции — нарком просвещения. — 100, 121, 278, 279, 356, 367, 368, 433, 434, 468,472–474, 499

Львов Г. Е. (1861–1925) — русский политический деятель, князь. Глава первых двух кабинетов Временного правительства (март-июль 1917). — 64

Людендорф (Ludendorff) Э. (1865–1937) — немецкий генерал, один из идеологов германского милитаризма, автор концепции «тотальной войны», активный участник фашистского движения. — 261

Людмила — эмигрантка, большевичка. — 543, 544

Люксембург (Luxemburg) Р. (1871–1919) — деятель и теоретик польского, немецкого и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии. Убита контрреволюционерами— 134, 209, 210, 214, 218, 231, 406, 407

Лядов (Мандельштам) М. Н. (1872–1947) — социал-демократ, делегат II съезда РСДРП, в 1917–1920 гг. — меньшевик, с 1920 г. — большевик. — 128

М

Макдональд (Macdonald) Дж. Р. (1866–1937) — один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании— 172 223 463

Макиавелли (Machiavelli) Н. (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель. — 419

Малапарте (Malaparte) (Зуккерт) К. (1898–1957) — итальянский писатель, журналист. В 20-е гг. присоединился к фашизму; впоследствии выступал с критикой фашизма. Незадолго до кончины вступил в Итальянскую коммунистическую партию. — 366

Манн (Mann) Г. (1871–1950) — немецкий писатель и общественный деятель, брат Томаса Манна. — 490

Манн (Mann) Т. (1875–1955) — немецкий писатель, брат Генриха Манна. — 491

Мануйлов А. А. (1861–1929) — русский экономист, народник, затем кадет, член ЦК партии кадетов. В 1917 г. — министр просвещения во Временном правительстве. В 20-е гг. перешел на позиции марксизма. — 418

Марат (Marat) Ж. П. (1743–1793) — французский публицист, деятель Французской буржуазной революции XVIII в., один из вождей якобинцев. — 391, 420

Маркс (Marx) К. (1818–1883) — один из основоположников научного социализма и создателей I Интернационала—29 31–37 44 51, 54, 90, 146, 150, 172, 173, 174, 178, 189–193, 196, 202–206 210' 211, 218, 225, 228, 231–235, 238, 240, 241, 251, 255–258 288' 289 301, 305, 308, 309, 313, 315, 316, 345, 347, 374, 376, 377 400 406 415 417, 465, 467, 481–485, 487–489, 496, 497, 501, 545 ' '

Мартинэ М. — французский писатель, коммунист. — 492

Мартов (Цедербаум) Ю. О. (1873–1923) — социал-демократ, член редколлегии газеты «Искра». После 1903 г. — один из лидеров меньшевиков, интернационалист. После Октябрьской революция-член ВЦИК, редактор газеты «Вперед». В 1920 г. — эмигрировал — 93, 96, 97, 108, 113, 126, 128, 212, 214, 219, 244, 248, 271 274 320 321, 321–326, 338, 344, 365, 468,477

Мартынов (Пиккер) А. С. (1865–1935) — социал-демократ, один из лидеров «экономизма», меньшевик. После Октябрьской революции отошел от меньшевизма, в 1923 г. принят в РКП(б). — 344, 358

Мослов П. П. (1867–1946) — экономист, социал-демократ, автор меньшевистской аграрной программы «муниципализации земли». После Октябрьской революции занимался научной

работой- академик АН СССР. — 273, 346, 351, 353, 356

Массингам (Massingham) Г. У. (1860–1924) — английский журналист. — 493

Мах (Mach) Э. (1838–1916) — австрийский физик и философ, субъективный идеалист, один из основателей эмпириокритицизма — 150, 367, 368

Мережковский Д. С. (1866–1941) — русский писатель; с 1920 г. — эмигрант. — 413

Ме ринг (Mehring) Ф. (1846–1919) — один из лидеров и теоретиков левого крыла германской социал-демократии- 210

Мизиано (Misiano) Ф. (1884–1936) — итальянский левый социалист, один из основателей Итальянской коммунистической партии. — 132

Миллер, — 52

Милюков П. Н. (1859–1943) — лидер и идеолог буржуазной партии кадетов, историк и публицист. В марте — мае 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. Участник борьбы против Советской власти, затем эмигрант. — 65, 154, 317–318, 408—410

Минор О. С. (1861–1933) — русский революционер, народоволец, один из лидеров партии эсеров. — 344, 345

Мирабо (Mirabeau) О. (1749–1791) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в., популярный оратор, обличитель абсолютизма; тайно сотрудничал с двором. — 420

Мирбах (Mirbach) В. (1871–1918) — германский посол в Москве в апреле — июле 1918 г. Убит левыми эсерами 6 июля. — 198

Митя— 469

Михайловский Н. К. (1842–1904) — теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист. — 61, 288

Миша. — 119

Моней К. — автор книги «Триумф национализации». — 516

Монтегюс (Montegus) (ум. в 1953 г.) — сын коммунара, исполнитель песен на рабочих окраинах Парижа; впоследствии был на службе полиции. — 94, 95, 545

Монфор (Monfort) С. (ок. 1208–1265) — английский политический деятель, один из лидеров баронской оппозиции английскому королю Генриху III. Был лорд-протектором Англии, создал первый английский парламент. — 230

Мост (Most) И. (1846–1906) — немецкий социал-демократ. В 1880 г. был исключен из германской с.-д. партии за анархические выступления. — 394

Муссолини (Mussolini) Б. (1883–1945) — лидер итальянских

фашистов. Первоначально — член социалистической партии, из которой был исключен в 1914 г. В 1922–1943 гг. — фашистский диктатор Италии. Казнен по приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии. — 374, 463

Мэн (Mann) Т. (1856–1941) — деятель английского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Великобритании. — 66

Н

Наполеон (Napoleon) I (Бонапарт) (176°—1821) — французский император 1804–1814 и 1815 гг. — 201, 240, 275, 277, 299, 354, 397, 405, 419, 420, 463, 490, 493, 508

Наполеон. Ill (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873) — президент Второй республики (1848–1851) и французский император (1852–1870). — 275,341

Нариманов Н. К. (1870–1925) — советский государственный и партийный деятель, писатель. Член партии с 1905 г.; председатель Азербайджанского ревкома, СНК Азербайджанской ССР, Союзного Совета ЗСФСР, один из председателей ЦИК СССР, член ВЦИК— 199

Натансон М. А. (1850–1919) — народник, позднее эсер, левый эсер. — 97

Нейбут А. Я. (1889–1919) — участник революционного движения в России, член партии с 1905 г. В годы гражданской войны — председатель Владивостокского комитета РСДРП, член Дальневосточного краевого бюро и Владивостокского Совета, член ВЦИК, председатель Сибирского областного комитета РКП (б). — 444

Некрасов Н. В. (1879–1940) — один из лидеров левых кадетов, инженер-технолог, профессор. Был министром Временного правительства; с 1921 г. работал в Центросоюзе. — 418

Неру Дж. (1889–1964) — индийский политический деятель, премьер-министр, министр иностранных дел Индии. — 494

Нечаев С. Г. (1847–1882) — деятель российского революционного движения, сторонник заговорщической тактики анархистского толка; организатор тайного общества «Народная расправа». — 364

Ницше (Nietzsche) Ф. (1844–1900) — немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, один из основателей «философии жизни». — 367

Носке (Noske) Г. (1868–1946) — один из оппортунистических лидеров германской социал-демократии. Руководитель подавления революционного движения матросов в Киле в 1918 г. Военный министр в 1919–1920 гг.; организатор расправы с рабочими Берлина, убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург в 1919 г. — 522

Нуланс (Noulens) Ж. (1864–1939) — французский дипломат; в 1917 г. — посол Франции в России. После Октябрьской революции— один из организаторов заговоров и восстаний против Советской власти. — 338

Ньютон (Newton) И. (1643–1727) — английский математик, механик, астроном и физик; создатель классической механики. — 279

О

Олсуфьев — знакомый П. А. Кропоткина. — 52

Ольгин (Фомин В. П.) — социал-демократ, после II съезда РСДРП — меньшевик. — 446

Ольденбург С. Ф. (1863–1934) — русский ученый-востоковед, академик. — 501

Ольминский (Александров) М. С. (1863–1933) — социал-демократ с 1898 г., большевик, публицист. В 1922–1931 гг. — председатель общества старых большевиков. — 60

Осинский Н. (Оболенский В. В.) (1887–1938) — большевик, в 1918 г. — автор платформы «левых коммунистов», в 1921–1923 гг. — зам. наркома земледелия. С 1929 г. — зам. председателя ВСНХ. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 135

П

Паннекук (Pannekoek, Panneckoek) А. (1873–1960) — голландский социал-демократ, профессор астрономии Амстердамского университета. В 1918–1921 гг. входил в Коммунистическую партию Голландии, принимал активное участие в работе Коминтерна. Занимал ультралевую, сектантскую позицию. В 1921 г. вышел из компартии и вскоре отошел от активной политической деятельности. — 214, 219

Панов — см. Теодорович И. А. — 357

Перикл (ок. 490–429 до н. э.) — афинский государственный деятель, способствовал укреплению рабовладельческой демократии. — 276

Петере Я. Х. (1886–1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. Принимал активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. Занимал ряд руководящих постов в ВЧК, ГПУ, *был* членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б), Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 444, 450

Петр I, Великий (1672–1725) — русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 128, 365, 397, 420, 436, 453, 466, 467

Пешехонов А. В. (1867–1933) — русский общественный деятель, публицист, один из организаторов партии народных социалистов. Был министром продовольствия Временного правительства. Участвовал в борьбе против Советской власти. В 1922 г. выслан из СССР. — 418

Пилсудский (Pilsudski) Ю. (1867–1935) — деятель правого крыла польской социалистической партии, президент Польши, маршал. — 386

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ, создатель классической системы объективного идеализма. — 123, 228

Плеханов Г. В. (1856–1918) — первый русский марксист-теоретик, основатель группы «Освобождение труда», один из лидеров РСДРП. С 1904 г. — меньшевик—35, 96, 97, 104, ИЗ, 114, 118, 128, 130, 147, 148, 153, 185, 205, 206, 212, 248, 283, 320–328, 343, 348, 350, 351, 355, 357, 366, 367, 387, 389, 456, 458, 459

Подвойский Н. И. (1880–1948) — деятель революционного движения в России, партийный и военный работник. Член партии с 1901 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. Избирался членом ЦКК ВКП(б).

Последние годы жизни вел пропагандистскую и литературную работу. — 447

Покровский М. Н. (1868–1932) — советский государственный и общественный деятель, историк. Член партии с 1905 г. Принимал активное участие в революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. В различные годы руководил Коммунистической академией, Институтом истории АН СССР, Институтом красной профессуры. С 1929 г. — академик. Неоднократно избирался в состав ВЦИК и ЦИК СССР. — 267

Потресов А. Н. (1869–1934) — участник революционного движения в России. Член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», член редколлегии «Искры». С 1903 г. — меньшевик. После Октябрьской революции — эмигрант. — 96, 244, 248, 320–322, 325,387

Преображенский Е. А. (1886–1937) — советский партийный и государственный деятель, экономист, публицист. Член РСДРП с 1903 г., большевик. После Октябрьской революции на руководящей партийной, военной и советской работе. В 1920 г. — член и секретарь ЦК РКП (б), затем председатель финансового комитета ЦК и СНК, председатель Главпрофобра, редактор «Правды». Сторонник платформы Л. Д. Троцкого. В ходе внутрипартийной борьбы исключался из партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 281

Примо де Ривера (Primo de River a) (1870–1930) — испанский генерал, после государственного переворота в 1923 г. — глава правительства и фактически диктатор Испании до января 1930 г. — 463

Пуанкаре (Poincare) Р. (1860–1934) — французский буржуазный политический и государственный деятель. Занимал посты премьер-министра и президента Франции. Один **из** организаторов военной интервенции против Советской России. — 278

Пушкин А. С. (1799–1837) — русский поэт. — 420

Пфемферт (Pfemfert) Ф. (1879–1974) — немецкий революционер и публицист, радикальный социалист. После 1918 г. выступал за Советы и против германской социал-демократии. Позднее критиковал сталинизм. — 405

Пятаков Г. Л. (1890—193-7) — советский партийный и государственный деятель, видный хозяйственник, большевик с 1910 г. Входил в Советское правительство Украины, работал заместителем Госплана и ВСНХ, торгпредом во Франции, председателем Правления Госбанка СССР, заместителем наркома тяжелой промышленности. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 218, 219

Р

Радек К. Б. (1885–1939) — с начала 900-х гг. участвовал в социал-демократическом движении Галиции, Польши, Германии; в большевистской партии с 1917 г. После Октябрьской социалистической революции работал в Наркомате иностранных дел, был секретарем Исполкома Коминтерна. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 200, 338

Разин С. Т. (ок. 1630–1671 г.) — руководитель крестьянской войны в России 1667–1671 гг. — 420

Рассел (Russel) Б. (1872–1970) — английский философ, логик, математик, общественный деятель. Основоположник английского неореализма и неопозитивизма. Один из инициаторов Пагуошского движения. — 475, 506

Рид (Reed) Дж. (1887–1920) — деятель американского рабочего движения, принимал участие в организации Коммунистической партии США, писатель, публицист. — 448

Рид (Reid) Т. М. (1818–1883) — английский писатель, автор широко известных авантюрно-приключенческих романов. — 281

Робеспьер (Robespierre) М. М. И. (1758–1794) — деятель Французской буржуазной революции XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793–1794). — 276–278, 280, 299, 300, 340, 391, 397, 420

Робинс (Robins) Р. (1873—год смерти не установл.) — полковник. В 1917 г. — член американской миссии Красного креста в России. — 452

Родзянко М. В. (1859–1924) — русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов, председатель III и IV Государственной думы, Временного комитета Государственной думы. — 408

Рожков Н. А. (1868–1927) — русский историк, политический деятель, профессор. В 1905–1910 гг. — большевик; в 1917–1922 гг. — в партии меньшевиков. — 274, 335, 337

Рой (Roy) М. Н. (1892–1948) — индийский политический деятель. В 1910–1915 гг. участвовал в движении против английских колонизаторов. Позднее примкнул к коммунистам. Участвовал в работе Коминтерна. Впоследствии отошел от компартии. — 223

Роллам. (Rolland) Р. (1866–1944) — французский писатель и общественный деятель. — 508

Роштейн Ф. А. (1871–1953) — деятель английского и российского революционного движения, историк, один из основателей компартии Великобритании, позднее советский

дипломат. — 167, 227, 510, 511,516,517

Рудзутак Я. Э. (1887–1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. Избирался членом ЦК РКП(б), председателем Среднеазиатского бюро РКП(б), секретарем, членом Политбюро ЦК партии, председателем ЦКК ВКП(б); работал членом Президиума ВСНХ, членом Президиума и генеральным секретарем ВЦСПС, наркомом путей сообщения, заместителем Председателя СНК и СТО СССР, наркомом РКИ СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 140

Рыков А. И. (1,881—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1899 г., большевик. Член первого Советского правительства, позднее председатель ВСНХ. С 1924 г. — председатель Совнаркома, с 1926 г. — СТО СССР. Член Политбюро с 1919 по 1930 г. В 1931–1936 гг. — нарком связи, в 1934–1937 гг. — кандидат в члены ЦК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 72, 291

Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (1870–1938) — социал-демократ, меньшевик. На VI съезде партии был принят в РСДРП (б). После Октябрьской социалистической революции — на профсоюзной работе, был директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 322

С

Савченко — эмигрант, большевик. — 543, 544

Светлов Ф. Я. — эсер-максималист, член ВЦИК IV созыва. — 341

Семашко Н. А. (1874–1949) — советский партийный и государственный деятель, врач. Член партии с 1893 г. Участвовал в революционном движении. После Октябрьской социалистической революции — нарком здравоохранения. — 143, 434, 475

Серрати (Serrafi) Дж. М. (1872–1926) — один из руководителей Итальянской социалистической партии. В 1924 г. вступил в компартию. — 84

Сидней О. — английский губернатор о. Ямайка. — 223

Скляренко А. П. (1870–1916) — работал в кружках народнического направления. После II съезда РСДРП — большевик, участник революции 1905–1907 гг. — 248

Скобелев М. И. (1885–1939) — русский политический деятель, меньшевик. Был министром труда Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал. Впоследствии был представителем Концессионного комитета РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 408, 409

Смирнов (Гуревич) Э. Л. (1865—год смерти не установл.) — социал-демократ, позднее меньшевик. — 322

Сноуден (Snowden) — деятельница рабочего движения, участница движения за равные избирательные права женщин; жена Ф. Сноу-дена — известного английского политического деятеля, одного из лидеров лейбористской партии. — 169

Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888–1939) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1905 г. В 1917 г. — член ЦК, редактор «Правды». После Октябрьской социалистической революции — на военной работе. В 1922–1926 гг. — нарком финансов, затем заместитель председателя Госплана СССР, заместитель наркома иностранных дел, полпред в Англии. Избирался кандидатом в члены и членом ЦК партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 261

Сократ (ок. 469 — ок. 399 до н. э.) — древнегреческий философ, идеолог рабовладельческой аристократии. — 122, 123, 420, 433

Сорель (Sorel) Ж. (1847–1922) — французский социолог и философ, теоретик анархо-синдикализма. — 467

Сосновский Л. С. (1886–1937) — советский партийный

деятель, публицист. Член партии с 1904 г. В 1918–1924 гг. — редактор газеты «Беднота». Активный участник внутрипартийной борьбы в 20-е гг. В 1927 и 1936 гг. исключался из партии. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 355, 356.

Спонти Е. И. (1866–1931) — социал-демократ, революционную деятельность начал в начале 90-х гг. С 1918 г. работал по социалистическому землеустройству. — 387

Ставский И. И. (1877–1957) — рабочий, большевик, член партии с 1898 г. — 117,'118

Сталин (Джугашвили) И. В. (1879–1953) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898 г. С 1912 г. — член ЦК партии. Член первого Советского правительства. Генеральный секретарь ЦК партии в 1922–1934 гг.; в 1934–1953 гг. — секретарь ЦК партии. С 1941 г. — председатель СНК (Совмина) СССР. В 1941–1945—Верховный главнокомандующий. — 72, 294, 374

Стамболийский А. (1879–1923) — лидер (с 1902) партии Болгарский земледельческий народный союз. В 1919–1923— премьер-министр Болгарии, осуществивший крупные реформы. — 463

Старков В. В. (1869–1925) — один из организаторов и руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1907 г. отошел от политической деятельности. — 108, 248

Стеклов (Нахамкис) Ю. М. (1873–1941) — советский государственный и партийный деятель, историк, публицист. В социал-демократическом движении с 1893 г., в партии большевиков с 1917 г. Был редактором газеты «Известия», заместителем председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. — 299, 322

Степа—сын Г. Е. Зиновьева и З. И. Лилиной. — 117, 119

Степняк-Кравчинский (Кравчинский) С. М. (1851–1895) — революционный народник, писатель. — 455

Струве П. Б. (1870–1944) — экономист и публицист. В 90-е гг. XIX в. — теоретик «легальных марксистов», позднее один из лидеров партии кадетов. После Октябрьской революции эмигрировал. — 31, 121, 327, 343, 348, 387, 463

Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) (1882–1940) — участник российского революционного движения, экономист-народник, публицист. С 1903 г. — эсер, с 1917 г. — меньшевик. Был членом Исполкома Петроградского Совета. После Октябрьской революции работал в советских экономических учреждениях. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. —

Т

Тальгеймер (Thalheimer) А. (1884–1948) — германский социал-демократ, публицист. В 1918–1923 гг. — член ЦК Коммунистической партии Германии. Главный редактор газеты «Die Rote Fahne». Возглавлял правое крыло внутри КПГ. В 1929 г. был исключен из партии—46, 231

Теодорович И. А. (Панов) (1875–1937) — советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1895 г., большевик. После Октябрьской революции — нарком продовольствия, затем на руководящей военной и государственной работе. Позднее — главный редактор журнала «Каторга и ссылка». Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 357

Терещенко М. И. (1886–1956) — крупный русский промышленник, сахарозаводчик; был близок к партии прогрессистов; министр финансов и министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал. — 418

Тимирязев К. А. (1843–1920) — русский естествоиспытатель-дарвинист, выдающийся ботаник-физиолог. — 467

Тихон (В. И. Белавин) (1865–1925) — патриарх Московский и всея Руси с 1917 г. — 61

Ткачев П. Н. (1844–1885) — один из основоположников и идеологов революционного народничества; публицист, сторонник заговорщической тактики. — 364

Толстой Л. Н. (1828–1910) — русский писатель—138, 364, 405, 413,420, 455, 458

Томский М. П. (1880–1936) — советский партийный, государственный и профсоюзный деятель. Член партии с 1904 г. С 1918 по 1929 г. — председатель Президиума ВЦСПС. В 1922–1930 гг. — член Политбюро ЦК партии. — 72

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879–1940) — советский партийный и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1897 г., большевик с 1917 г., председатель Петроградского Совета в 1917 г. Член первого Советского правительства, был наркомом иностранных дел, наркомом по военным и морским делам, наркомом путей сообщения, председателем Реввоенсовета Республики, членом ЦК и Политбюро ЦК партии, членом Исполкома Коминтерна. В 1927 г. исключен из партии; в 1929 г. выслан из СССР; в 1940 г. убит в Мексике Р. Меркадером. — 34, 125, 146, 241, 247, 251, 365, 384,415, 417, 451, 466,468,471,472, 478, 496, 510

Трульстра (Troelstra) П. И. (1860–1930) — деятель голландского рабочего движения, правый социалист. Один из основателей и лидеров голландской Социал-демократической партии. — 213

Туган-Барановский М. И. (1865–1919) — русский экономист. В 90-х гг. — представитель «легального марксизма». Впоследствии — член партии кадетов, министр финансов Украинской Центральной рады. — 121,348

Тургенев И. С. (1818–1883) — русский писатель. — 144

У

Уилфрид — муж К. Шеридан. — 532

Ульянов А. И. (1866–1887) — один из организаторов и руководителей революционной террористической организации. Казнен за участие в подготовке покушения на царя. Старший брат В. И. Ленина. — 146, 242, 494

Ульянов И. Н. (1831–1886) — русский педагог-демократ, отец В. И. Ленина. — 146

Ульянова-Елизарова А. И. (1864–1935) — партийный деятель, старшая сестра В. И. Ленина. — 93

Ульянова М. А. (1835–1916) — мать В. И. Ленина. — 146

Ульянова М. И. (1878–1937) — советский партийный и государственный деятель, сестра В. И. Ленина. — 119, 129, 425

Устрялов Н. В. (1890–1938) — известный русский юрист, публицист, деятель кадетской партии. Возглавлял бюро печати в правительстве Колчака. Эмигрировал после поражения Колчака. После возвращения в 1935 г. в СССР — профессор Московского института инженеров транспорта. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 420

Уэллс (Wells) Г. Дж. (1866–1946) — английский писатель-фантаст. — 164–172, 509, 531, 532

Ф

Федин. К. А. (1892–1977) — русский, советский писатель, общественный деятель. — 520

Фейхтвангер (Feuchtwanger) Л. (1884–1958) — немецкий писатель. — 524

Фермер (Foerster) О. (1873–1941) — немецкий невропатолог, один из основоположников нейрохирургии в Германии. — 426

Фор (Faure) П. (1878—год смерти не установл.) — один из основателей социалистической партии Франции, журналист. — 394

Франциск Ассизский (Бернардони Д.) (1181 или 1182–1226) — основатель ордена францисканцев, проповедник евангельской бедности. — 405

Фридрих II (1712–1786) — прусский король из династии Гоген-цоллернов. — 128

Х

Хардинг (Hording) У. (1865–1923) — американский политический деятель, журналист; в 1921–1923 гг. — президент США. — 510

Хилквит (Hillquit) (наст. фам. Гилькович) М. (1869–1933) — американский социалист, деятель II Интернационала, — 444

Хорти (Horthy) М. (1868–1957) — венгерский контр-адмирал, участник подавления Венгерской революции 1919 г. Впоследствии — фашистский диктатор Венгрии. — 463

Ц

Цедербаум Ю. О. — см. Мартов Л. — 108, 244, 321

Цезарь (Caesar) Г. Ю. (ок. 100—44 до н. э.) — римский полководец, государственный деятель, писатель. Пожизненный римский диктатор (с 44 г. до н. э.). Убит республиканцами. — 228, 276, 341

Цеткин (Zetkin) К. (1857–1933) — деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения, писательница. Одна из основателей Коммунистической партии Германии, активно участвовала в деятельности Коминтерна. — 173

Цюрупа А. Д. (1870–1928) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1898 г. После Октябрьской социалистической революции — нарком продовольствия, нарком торговли, заместитель Председателя Совнаркома и СТО, нарком РКИ, председатель Госплана СССР. Избирался членом ЦК партии. Был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР— 292

Ч

Чельмсфорд Ф. — английский вице-король Индии. — 223

Черкезов (Черкезишвили) В. Н. (1846–1925) — известный революционер-народник, позднее анархист, публицист. В марте 1903 г. в Париже выступал оппонентом Ленина на его реферате по аграрному вопросу. — 395.

Чернов В. М. (1873–1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров, публицист. Министр земледелия во Временном правительстве. В 1920 г. эмигрировал. — 273, 344, 345, 382, 477

Чернышевский Н. Г. (1828–1889) — русский революционный демократ, социалист-утопист, ученый, писатель, литературный критик. — 365, 372

Черчилль (Churchill) У. (1874–1965) — английский политический деятель, консерватор. Занимал ряд высоких государственных постов, был премьер-министром Великобритании. — 533, 537

Чичерин Г. В. (1872–1936) — советский государственный деятель, дипломат. В РСДРП с 1905 г. Большевик с 1918 г. С 1918 по 1930 г. работал наркомом иностранных дел, членом ВЦИК и ЦИК СССР. Избирался членом ЦК партии. — 180, 437

Чхеидзе Н. С. (1864–1926) — один из лидеров меньшевизма. В феврале — августе 1917 г. — председатель Петроградского Совета, председатель ЦИК первого созыва. Позднее возглавлял меньшевистское правительство в Грузии. В 1921 г. эмигрировал. — 219

Ш

Шаляпин Ф. И. (1873–1938) — русский певец. — 527

Шарнхорст (Scharnhorst) Г. И. (1755–1813) — прусский генерал, один из создателей национальной прусской армии. — 201

Шеридан (Sheridan) К. (1885—год смерти не установл.) — английский скульптор; в сентябре 1920 г. приезжала в Москву и сделала скульптурный портрет В. И. Ленина. — 438, 529, 531, 537

Шейдеман (Scheidemann) Ф. (1865–1939) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии. В 1919 г. возглавлял коалиционное правительство Веймарской республики, был одним **из** организаторов подавления немецкого рабочего движения в 1918–1921 гг. Впоследствии отошел от активной политической деятельности. — 235

Шляпников А. Г. (1885–1937) — советский партийный, государственный и профсоюзный деятель. Член партии с 1901 г. Был наркомом труда в первом составе СНК. Был лидером «рабочей оппозиции». Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно. — 88

Шометт (Chaumette) П. Г. (1763–1794) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII в., левый якобинец. Был прокурором Парижской коммуны, одним из инициаторов политики де-христианизации. — 277

Шоу (Shaw) Дж. Б. (1856–1950) — английский драматург, публицист. — 539

Шоу (Shaw) Т. (1872–1938) — английский политический и профсоюзный деятель. Занимал посты министра труда и военного министра. Был одним из секретарей исполкома Социалистического рабочего интернационала. — 362

Э

Эбер (Heberf) Ж. (1757–1794) — деятель Французской буржуазной революции XVIII в., левый якобинец. Был заместителем прокурора Парижской коммуны, — 277, 391

Эберт (Ebert) Ф. (1871–1925) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии. Был председателем Правления Социал-демократической партии Германии, членом рейхстага, рейхсканцлером, президентом Германии. — 176, 463

Эйнштейн (Einstein) А. (1879–1955) — ученый, физик. — 542

Энгельс (Engels) Ф. (1820–1895) — один из основоположникоз научного социализма, деятель международного рабочего и революционного движения, друг и соратник К. Маркса. — 31, 32, 34, 35 90 150, 173, 193, 205, 256, 305, 313, 315, 316, 345, 359, 360, 375 406 415,417,488,501,545

Эренбург И. Г. (1891–1967) — русский советский писатель, общественный деятель. — 453, 543, 544

Эррио (Herriot) Э. (1872–1957) — французский политический деятель, один из лидеров партии радикалов и радикал-социалистов, писатель, историк, публицист. Был депутатом парламента, премьер-министром, неоднократно занимал министерские посты. — 363

Эссен М. М. (1872–1956) — деятель российского революционного движения, большевичка. — 101

Ю

Юденич Н. Н. (1862–1933) — генерал царской армии. Главнокомандующий белогвардейской северо-западной армией. — 522

Я

Яныше́в М. П. (1884–1920) — участник российского революционного движения, член партии с 1902 г. Член исполкома Моссовета, председатель Московского ревтрибунала, член коллегии Московской ЧК; член ВЦИК. — 444

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Дон Кихот—персонаж романа испанского писателя М. Сервантеса «Дон Кихот». — 338—340

Гулливер — персонаж романа английского писателя Дж. Свифта «Путешествия Гулливера». — 167, 168

Колупаевы и Разуваевы — типы кулаков, созданные М. Е. Щедриным («Убежище Монрепо», «За рубежом», «Письма к тетеньке»). — 454

Манфред — персонаж одноименной поэмы английского поэта Дж. Байрона. — 431

Микула Селянинович — русский былинный герой. — 109

Павел — согласно христианскому вероучению, один из апостолов. — 463

Платон Каратаев — персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». — 456

Санчо Панса — персонаж романа испанского писателя М. Сервантеса «Дон Кихот». — 338, 340

Христос (Иисус Христос) — согласно христианскому вероучению, основатель христианства. — 499

Хулио Хуренито — персонаж романа И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников…». — 544

notes

Примечания

1

Настоящая биография Ленина написана Троцким для Британской энциклопедии. Ред.